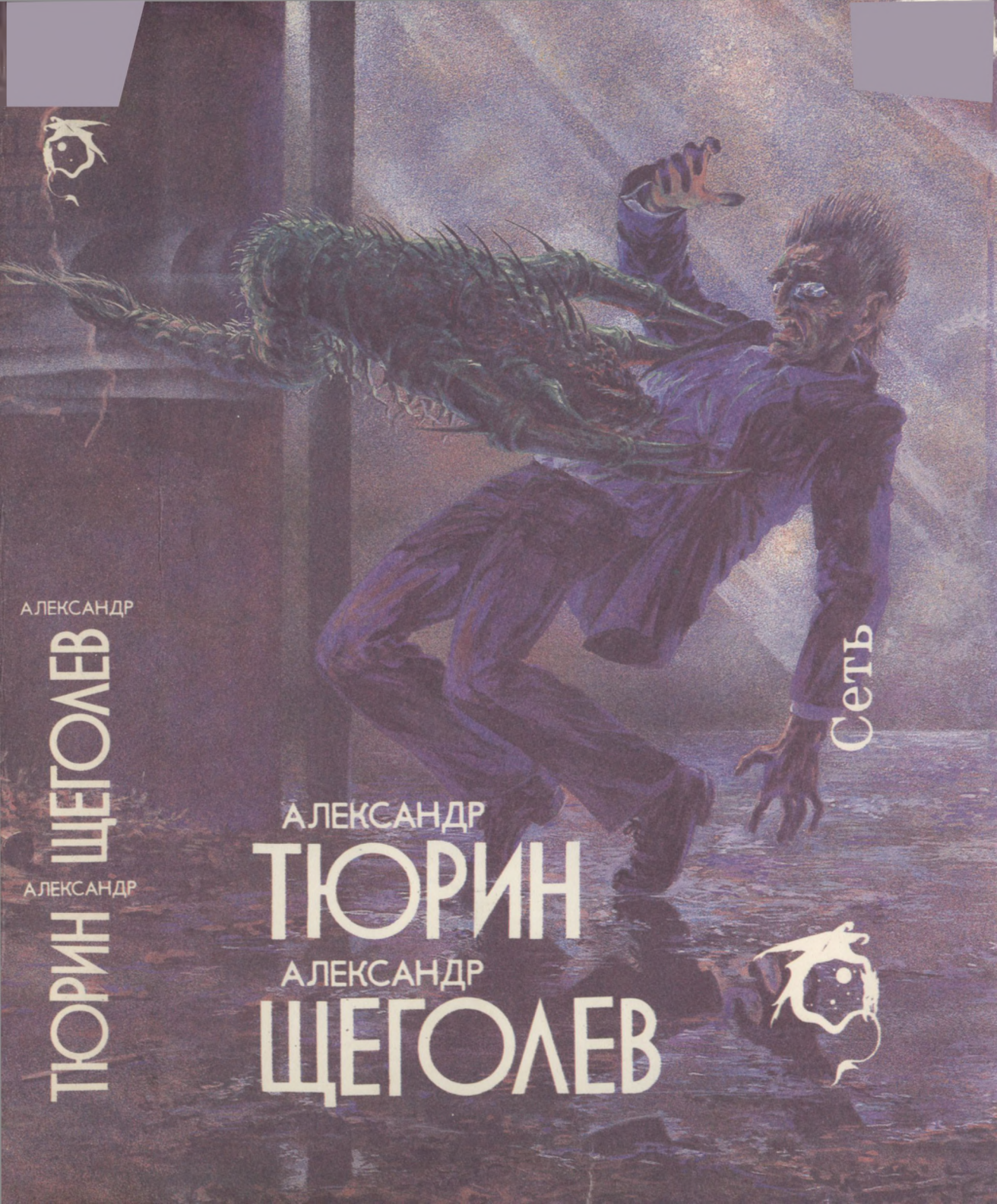

АЛЕКСАНДР

ТЮРИН ЩЕГОЛЕВ

АЛЕКСАНДР

АЛЕКСАНДР
ТЮРИН
АЛЕКСАНДР
ЩЕГОЛЕВ

Сеть

АЛЕКСАНДР

ТЮРИН
ЩЕГОЛЕВ

АЛЕКСАНДР

АЛЕКСАНДР
ТЮРИН
АЛЕКСАНДР
ЩЕГОЛЕВ

Сеть

АЛЕКСАНДР
ТЮРИН
АЛЕКСАНДР
ЩЕГОЛЕВ

Сеть

АЛЕКСАНДР
ТЮРИН
АЛЕКСАНДР
ЩЕГОЛЕВ

Сеть

Кто звал меня?

Драма замкнутого
пространства

Сумерки

Хождение Вадима
Серегина

В мире животного

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

*Перепечатка отдельных глав и произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данных произведений возможно
исключительно с ведома издателя.*

СВИДЕТЕЛИ И СУДЬИ

Двадцатый век свел воедино образ писателя-фантаста с такими понятиями, как пророчество, предвидение, предсказание. Охочие до подобного рода изысканий энтузиасты опубликовали немало работ, достаточное представление о которых дают хорошо известные отечественным поклонникам НФ эссе Генриха Альтова «Судьба предвидений Жюль Верна», «Судьба предвидений Александра Беляева» и другие. Да и сами фантасты порою отнюдь не прочь заявить претензии не только на авторство художественных произведений, но и на прогнозирование, как таковое — вспомните хотя бы «Сумму технологии» Станислава Лема, «Черты будущего» Артура Кларка или «Лоцию будущих открытий» Георгия Гуревича. И не то чтобы совсем уж безосновательно — ведь и впрямь предвидел Герберт Уэллс, например, атомную бомбу (сброшенную, правда, не американцами на Хиросиму во Вторую, а немцами на Париж в Первую мировую войну). Или Хьюго Гернсбек — вот уж поистине кладезь научно-технических предвидений, сконцентрированных в одном-единственном, притом совсем небольшом романе с диковинным названием «Ральф 124С41+»...

Однако на самом деле все обстоит не столь однозначно, как представляется на первый взгляд. Само собой, при некотором везении, недюжинной прозорливости или просто благодаря теории вероятностей, в полном соответствии с коей приблизительно двадцать процентов любых прогнозов в той или иной мере осуществляются, писателям-фантастам действительно удалось предвосхитить многое из того, что сами же они впоследствии успели увидеть сбывшимся (хотя чаще это происходило уже при их детях, а то и внуках). Но вот ведь незадача: Герберт Уэллс, еще в 1911 году, когда никому из ученых-физиков и в голову не приходила воз-

возможность практического высвобождения энергии атома, обогативший наш язык словосочетанием «атомная бомба», за год до кончины успел увидеть кадры, запечатлевшие чудовищные грибы, вспухшие над двумя японскими городами. И он не мог не признать, что смахивающая на маленький самовар штукавина, которую в его романе вываливал летчик за борт своего «небесного тихохода», предварительно прокусив целлулоидную втулку, имеет очень мало общего с творением бравых спецов из сверхсекретного Манхаттанского проекта. Радиоэлектроника, телеметрия, «летающие крепости» — все это тогда, в канун Первой мировой, и в бреду не могло примерещиться — даже маститому фантасту. Да полно! Что говорить об атомных бомбах! Кто, скажите, из авторов антитоталитарных дистопий, всех этих Замятиных, Оруэллов и Хаксли, чьими сам- и тамиздатовскими текстами зачитывалось мое поколение по ночам, смог предречь хоть отдаленное подобие событий, свидетелями которых все мы стали в последние годы? Но что с того? Ведь и задача у фантастов была совершенно иной. Вот и Уэллс — он провидел сам дух мировых войн, грядущего кровавого хаоса, и наметил путь, став на нем не прорицателем, но провожатым, «поводырем по неведомому», как очень точно определил его роль для всего своего (да и следующего, замечу, тоже) поколения Лев Успенский.

Ремесло пророка — вообще из самых неблагодарных; порукой тому печальная судьба множества кассандр. В лучшем случае, об их предостережениях вспоминают после того, как грянул гром. И хорошо еще, если не их же обвиняют в том, что они сей гнев небесный накликали. Если же предупреждению вняли и опасности удалось избежать — так ведь все же хорошо, что ж было в набат бить? Пустозвонство одно, а не прорицание! И потому истинное назначение фантаста — пытаться постичь не факт, не деталь, но дух грядущих перемен. Впрочем, и на этом пути подстерегает немало ловушек.

Вот о них давайте и поговорим — на примере петербургских писателей, чьи произведения и составили эту книгу.

Но прежде всего — чуть-чуть о них самих. Их объединяет многое: оба Александры; оба принадлежат к новейшей генерации питерских фантастов, к поколению тридцатилетних; оба технари — хотя Тюрин окончил Высшее мореходное училище им. С. О. Макарова, а Щеголев — Ленинградский институт авиационного приборостроения; оба — выходцы из семинара молодых

фантастов, который вот уже семнадцать лет ведет Борис Стругацкий, причем и в семинаре появились не только в одном и том же 1985 году, но и чуть ли не в один день; оба наделены одинаковым — по крайней мере, родственным — мироощущением; так удивительно ли, что они, ко всему прочему, еще и пишут в соавторстве?

Вот на этих двух последних качествах стоит остановиться несколько подробнее. Только в обратном порядке.

Соавторство распространено в НФ, пожалуй, шире, чем в любой иной области литературы. Поэтов-соавторов, бьюсь об заклад, практически не сыскать — исключения существуют, но то поистине исключения. Прозаики есть, но не так уж много — братья Рони, братья Гонкуры... Зато в фантастике — пруд пруди. Я, грешным делом, понять этого не могу: работа над художественным текстом (критика — дело несколько иное) представляется мне актом не менее интимным, чем любовь или молитва. Но статистика неумолима. Братья Стругацкие, отец и сын Абрамовы, Евгений Войскунский и Исай Лукодянов, Еремей Парнов и Михаил Емцев, Ариадна Громова и Виктор Комаров (плюс она же, но на этот раз в паре с Рафаилом Нудельманом), Борис Зубков и Евгений Муслин, Левон Хачатурьянц и Евгений Хрунов — и, заметьте, этими именами список соавторских пар отнюдь не исчерпывается. Иногда они распадаются со временем, иногда остаются устойчивыми до конца; порою сходят с дистанции оба соавтора, порой — лишь кто-то один. И то же самое происходит в фантастике зарубежной. Возьмем хоть американскую, наиболее нашим читателям знакомую: Генри Каттнер и Кэтрин Мур, Фредерик Пол и Сирил Корнблат, тот же Пол, но уже в паре с Джеком Уильямсоном, Кит Педлер и Джерри Дэвис, Фред Хойл и Джон Эллиот, Уильям Гибсон и Брюс Стирлинг... Правда, разница все-таки есть. В отличие от российской литературной практики, соавторства в мире англо-американской НФ, как правило, временные; Рэй Брэдбери мог написать в соавторстве с Ли Бреккет «Лорелею красного тумана», но оба они достаточно известны сами по себе, а Джеку Уильямсону титул Великого Мастера был присужден отнюдь не за совместно с Полом написанные «Рифы космоса». Такие краткоживущие, возникающие, распадающиеся, а нередко и возникающие вновь, но уже с другим партнером, творческие союзы наиболее типичны. В этом смысле Тюрин и Щеголев следуют именно западной традиции.

Как ясно уже из состава этого тома, каждый из них пишет в одиночку. Каждый (и вновь удивительное единство) выпустил по книге: Тюрин — «Каменный век», а Щеголев — «Манию ничтожности». Но три повести, две из которых объединены авторским сборником «Клетка для буйных», а третья представлена здесь, написаны ими совместно. Замечу, кстати, что «Клетка для буйных» в мае 1992 года была удостоена премии «Старт», присуждаемой за лучший дебют предшествующего года, оказавшись тем самым поставлена в ряд с такими бесспорно удачными произведениями отечественной НФ, как роман Вячеслава Рыбакова «Очаг на башне» или сборник Андрея Стоярова «Изгнание беса».

«Клетка для буйных» адресована читателю-подростку и стоит несколько наособицу. Но три других книги, включая и эту, удивительно схожи по почерку. К соавторству Тюрин со Щеголевым явно привел не принцип дополнительности, а сходство взглядов и творческих манер. Их союз не порождает эффекта бинарного газа. Скорее его можно уподобить магнетизму навыворот, взаимопротяжению одноименных полюсов.

Родственен западному не только их подход к соавторской практике, но и творческий метод, который очень близок к американским киберпанкам. Это направление НФ нашим читателям, по сути, совершенно неизвестно — помимо вышедшей в Волгограде мизерным тиражом книжечки «Киберпанки на Волге», можно назвать лишь несколько публикаций, рассеянных по коллективным сборникам и периодике. И дело тут вовсе не в нерадении переводчиков. Течение это молодое, сформировалось оно в восьмидесятых годах, а следовательно, чтобы выпускать у нас книги киберпанков, не вступая при том в конфликт с нормами международного права, издатели должны платить валютой. Согласитесь, в наши дни это отнюдь не просто... Однако вернемся к самой этой школе. НФ киберпанков ставит своей целью изображение постиндустриального, информационного общества, а в качестве выразительных средств использует уличный сленг, вообще арсенал поп-арта, а также, по наблюдению Джеймса Грэма Болларда, приемы «невидимой литературы», то есть включение в художественный текст «научных докладов, правительственных документов, стенограмм, специализированной рекламы, пронизывающей нашу культуру ниже уровня сознательного восприятия». Если исключить это последнее, то все остальные признаки вы легко отыщите

на страницах этой книги — особенно в таких произведениях, как «Сеть» или «Драма замкнутого пространства».

Но я вовсе не хочу сказать, будто Тюрин со Щеголевым сознательно следуют методике киберпанков. Сильно подозреваю, что не читали они ни литературоведческих эссе, посвященных этому направлению, ни даже книг наиболее заметных его представителей — таких, как упоминавшиеся уже Уильям Гибсон и Брюс Стирлинг, тоже, кстати, пишущих и в соавторстве, и врозь. Увы, у нас переведена лишь их повесть «Зимний рынок», опубликованная в журнале «Фантакрим-Мега»... Нет, речь, конечно же, идет лишь о том, что параллельно и независимо друг от друга в разных странах, в разноязыких литературах зарождаются сходные жанры и течения — явление для мирового литературного процесса совершенно нормальное.

Тем более, что и сами по себе новации киберпанков — американских ли, российских ли — прямо скажем, более чем сомнительны. Цель — описание информационного общества или, как порой говорят, информационной среды обитания. Но разве фантастика времен «золотого века», например, не ставила задачей разбираться в проблемах и противоречиях общества индустриального? Сменился объект, но отнюдь не сам литературный, писательский подход.

В конце тридцатых — начале сороковых годов общепризнанной новацией, внесенной в практику американской НФ Робертом Хайнлайном, явилось включение в литературный стилистический канон технарского жаргона. Киберпанки, в свою очередь, вносят современный уличный сленг. Но ведь принципиальной-то разницы в помине нет — тот же самый прием...

С упорством, достойным лучшего применения, человечество неукоснительно предавало и предает забвению библейскую заповедь «не сотвори себе кумира». В расцвете своем XIX век возносил на пьедестал паровую машину, а на склоне — электричество. Ах, какие сияющие дали распахивали они алчущему Золотого Века взгляду оптимистов! И какие зияющие бездны открывали настоящим глазам пессимистов! Но ни те, ни другие не подвергали сомнению самого факта всевластия этих идолов, к которым относились со смесью восторга, ужаса и любви. Скорый на руку XX век последовательно возводил на тот же постамент сперва конвейер, затем — атомный реактор, пока очередь не дошла, наконец, до Его Величества Компьютера. Всякий кумир в меру сил своих

менял облик мира, причем каждый следующий — все больше. Поколение, с молодых ногтей воспитанное в общении с компьютером, скоро перестанет понимать наш язык... И все же он — лишь новый, мощный инструмент. Лишь звено в цепочке последовательно возносимых и сокрушаемых кумиров. От каждого ждали, что осчастливит он, что решит все проблемы, избавит от всех бед. От каждого ждали, что навлечет он новые беды, что потеснит, а то и вытеснит человека, сотворив вместо царя природы, созданного по образу и подобию Божию, монстров, скопированных с их паро-электро-конвейерных персон. И у каждого находились свои певцы и хулители, ниспровергатели и адепты, ликующие и трепещущие — причем нередко в одном лице. И все это находило отражение на страницах книг.

Вот и выходит на проверку, что на самом деле и киберпанки, и любое другое современное направление, хоть пресловутый «турбореализм» — не самодостаточные явления, не нечто, доселе небывалое, а вполне естественный и закономерный этап общего литературного процесса. А речи и манифесты, провозглашающие то «новую волну» в американской НФ, то «четвертое поколение» в российской нужны лишь для самоутверждения, ибо никакой декларации независимости писателя от литературной преемственности в природе не может быть.

Зато не только может — обязан! — проявиться у каждого нового литературного (и вообще) поколения свой собственный взгляд на мир. И надо признать, Тюрин со Щеголевым таким взглядом обладают.

Правда, отчетливо апокалиптическим. И это отнюдь не удивительно — авторы умны, более чем достаточно умны, чтобы не относить Золотой Век в прошлое, как повелось это по крайней мере с античных времен; не пытаться углеть «мир на земле и в человецех благоволение» в «России, которую мы потеряли». Им прекрасно ведомы все бесперспективность и безысходность руссоистских утопий и луддитских войн. Ждать же Золотого Века от грядущего им не позволяют ни исторический опыт, ни писательская совесть. Одна из повестей Тюриня не случайно весьма красноречиво озаглавлена «Каменный век». Из каменного века мы пришли — и в каменный век уходим. Из эпохи, когда голый и беззащитный примат раскраивал булыжником череп соседу, добывая таким образом самое доступное мясо, — в каменный век каменных душ. Приглядитесь — и без особого труда вы обнару-

жите это мировосприятие во всех произведениях, составивших этот сборник. Особенно ярко проступает оно в повестях «В мире животного» и «Сумерки».

Об этой последней хочется поговорить особо.

По крайней мере два литературных поколения отечественных фантастов — и то, к которому принадлежу я, и следующее, представленное авторами этой книги, — жили под знаком Стругацких, испытывали на себе их влияние. К членам семинара Бориса Стругацкого это относится вдвойне. И потому вполне естественно, что в «Сумерках» слышатся отзвуки как минимум двух повестей Стругацких — «Гадких лебедей» и «Парня из преисподней». Подчеркиваю — я говорю вовсе не о подражании. Это, пользуясь азимовской метафорой, «отражения в отражениях отражений». У Щеголева (как и у Тюриня) уже выработался собственный стиль, свой язык, оригинальный подход к решению творческих задач. О них нужно говорить как о последователях и продолжателях, но ни в коем случае не как об эпигонах. Однако сопоставление показательное.

Мокрецы Стругацких по определению не способны на расчетливость, трусость и предательство, вполне естественные для миссионеров Щеголева с их не подлежащей сомнению шкалой ценностей. Ставя жирный крест на нашем современном (но не вообще человеческом) обществе, Стругацкие оставляли все-таки выход — пусть даже скорее символический; они возлагали надежду на следующие поколения, которые сумеют все же создать свой, непохожий, даже неприемлемый для нас, но добрый к ним самим мир. И у Щеголева есть на это намек — но только намек. Пустой. Его миссионер тоже хочет работать с «детским сырьем» (формулировка-то, а?). Но это — лишь исполненная безнадежности отсылка к Гаммельнскому крысолову, к Пестрому флейтисту, чья песнь — и забывать об этом нельзя — обернулась Крестовым походом детей.

Взгляд Тюриня со Щеголевым на мир хирургически безжалостен, причем это безжалостность не столько хирурга, сколько прозектора. Но идет это не от равнодушия. Скорее — от безжалостности молодости, что рождается в детстве и созревает в тот момент на грани отрочества и юности, когда человек осознает свою конечность и смертность. У людей, достаточно умных (обо всех прочих — иной, особый разговор), она начинает проходить тогда, когда они сталкиваются с такой же, но уже против их мира

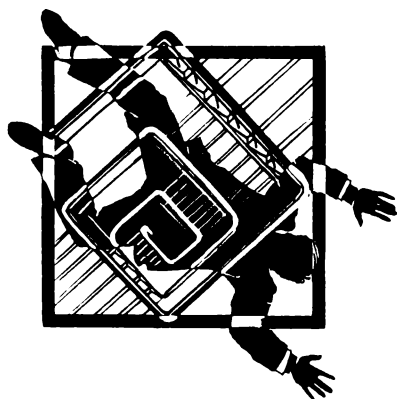
и ценностей обращенной безжалостностью следующего поколения, поколения их детей. Вот тогда-то ум начинает обращаться мудростью, имманентно подразумевающей гораздо более глубинное понимание.

Однако при всей безысходности Тюринско-Щеголевской фантастики ее отличает одно качество, позволяющее читать их книги, не испытывая при этом желания пойти и пристрелить слишком талантливых авторов или немедленно утопиться самому. Я имею в виду пронизывающую их прозу иронию.

«В свидетели и судьи дайте людям иронию и сострадание», — мудрость подсказала Анатолю Франсу эти так полюбившиеся впоследствии Хемингуэю слова. Всякий писатель — свидетель и судья по определению. Но лишь немногие из них наделены обоими названными качествами. У Тюрин и Щеголева пока что несомненно и ярко проявилось лишь первое. Говорю «пока что», ибо и к Франсу его формулировка не в молодости пришла. А значит, у наших сегодняшних героев еще многое впереди.

Давайте ждать.

АНДРЕЙ БАЛАБУХА

(историческая драма)

А. Тюрин, А. Щеголев

СЕТЬ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЮ:

Дорогой друг!

Не кажется ли тебе, что наш разговор относится к разряду чудес?

Ты улыбаешься. Конечно, вопрос может показаться лишенным смысла, вроде случайного словообразования в канале связи. Но не торопись отключиться! Успеешь еще пообщаться с токийским логическим Монстром или вызвать знаменитое программ-привидение из спутникового «эфира». Лучше представь себе — ты сгорбился над листом тусклой бумаги и пытаешься разобраться в диком нагромождении тысяч и тысяч мелких букв. Да, да, никакой тебе ритмической строки, никаких плывущих картинок! И звукового подсказчика нет в помине. Наоборот — слепит лампа, спина затекает, начинает болеть голова, буквы скачут перед глазами, как букашки... Похоже на дурной сон, правда?

Увы, этот дурной сон длился столетиями. Но настало время, когда человечество пробудилось! В нашей стране пробуждение было внезапным: всего за один год мы выпрыгнули из информационного средневековья и заняли передовые позиции в компьютеризации общества. А в чем-то оказались далеко впереди всех. В начале Новой эры у нас была создана самая мощная в мире вычислительная сеть — по количеству абонентов, по масштабам задействованных тех-

нических средств, по глобальности математических моделей. Многократно выросло качество труда программистов. И не потому, что программисты стали многократно умнее, а просто они узнали наконец, что делают их товарищи на соседнем предприятии или, скажем, на Камчатке. Начали стремительно развиваться доселе невиданные программы, и самые яркие из них — «дублиеры», которые тогда были всего лишь комплексами моделей для выработки советов по широкому кругу вопросов производственной деятельности.

И Запад, и Восток ахнули. Железной рукой Россия была компьютеризирована. Этой железной рукой стала специально созданная организация — Главное Сетевое Управление, сокращенно ГСУ, возглавили которую энергичные смелые руководители. (К твоему сведению, нынешнее Высшее Сетевое Управление, — наша вездесущая няня, — есть не что иное, как прямой наследник ГСУ).

Именно так, дорогой друг, и была создана благодатная почва для тех самых «чудес», которыми ты пользуешься сегодня без особых раздумий. Но, как это ни удивительно, находились люди, встававшие на пути прогресса. Борьба была нелегкой, запутанной, сегодня нам трудно однозначно разделить действия ее участников на «верные», «неверные», «плохие», «хорошие». Враги прогресса умело использовали и трудности роста глобальной сети, и качественное отставание некоторых ее звеньев, и амбиции отдельных руководителей ГСУ. Кроме того, со стороны хозяйственников нарастало сопротивление существовавшим тогда методам сетевого управления экономикой, зачастую чрезвычайно одномерным, инерционным, механистичным. На определенном этапе сопротивление хозяйственного аппарата приняло даже форму активной оппозиции. В сочетании с террористической деятельностью врагов всеобщей компьюте-

ризации и несоответствием уровня программ (в частности, «дублеров») текущим нуждам производства это вызвало затяжной экономический кризис.

Люди в период кризиса... Трагическая тема. Рушатся устоявшиеся структуры, не действуют отработанные годами схемы социальной адаптации, сознание тонет в море хаоса. Ошибки и заблуждения людей, наделенных немалыми полномочиями, приводят в этих условиях к особенно тяжелым последствиям... Вот о чем рассказывается в предлагаемой твоему вниманию историко-литературной компиляции.

Приятного усвоения информации, дорогой друг!

*ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРХИВ»,
50 г. нов. эры.*

НАЧАЛЬНАЯ ТОЧКА

1.

Время 05:20. Вызов абонента 44725. Текст сообщения:
«ДЕНИС ПАВЛОВИЧ, ЭТО ДЕЖУРНЫЙ. ИЗВИНИТЕ,
ЧТО ПРИШЛОСЬ РАЗБУДИТЬ, НО ВАС СРОЧНО
ЖДУТ В ИНСТИТУТЕ».

Время 05:25. Ответ абонента:
«СПЛЮ».

Время 05:26. Вызов абонента 44725. Повторно.
«ДЕНИС ПАВЛОВИЧ, РАСПОРЯЖЕНИЕ ШКУРКО.
ТУТ У НАС КОЕ-ЧТО СЛУЧИЛОСЬ».

Время 05:30. Ответ абонента:
«ТЬФУ НА ТЕБЯ. ТАКОЙ СОН ИСПОРТИЛ, СЕР-
ЖАНТ. УЖЕ ЕДУ, ВАРИ КАШУ».

ВЕКТОР 1

(интервал 05:30 – 06:30)

2.

Данные из оперативного архива Управления ОСИН.
Каталог «Кадры». Файл «Хватов Денис Павлович».

Ключ: полезность служебная.

Год рождения: 1977

Место рождения: Ленинград (С.-Петербург)

Звание: полковник

Образование: высшее юридическое

Уровень компьютерной подготовки: сетевой програм-
мист третьего класса

Должность: Полномочный представитель Управления
ОСИН

Совместимость с программными дублерами: полная

Результаты тестирования:

— аналитические способности: расширенный аналитик

— быстрота профессионального мышления: в пределах служебной пригодности

— память: преобладает образно-ассоциативная, глубина до 30000 блоков

-- эмоциональность при работе с Сетью в критических ситуациях (тест Петрова): невыраженная

Медицинским обследованием установлена начальная стадия вегето-сосудистого невроза. Органических заболеваний, мешающих работе в Сети, не выявлено.

Семейное положение: в брачных отношениях не состоял. Склонен к продолжительному сожительству, сексуальные контакты с сотрудниками Управления не зарегистрированы

Политическая зрелость: в партиях открытого списка не состоит

Участие во внешней деятельности Управления ОСИН: только для лиц, имеющих доступ к каталогу «Особые операции».

*Комментарий № 1**

Около шести утра. По оживающему шоссе несутся громоздкий «ИЖ-ДОДЖ». За управляющей панелью автомобиля — человек в ладно пригнанной форме полковника Управления Особой Информации (Управления ОСИН). Зевая, человек следит за маршрутной картой, мерцающей на лобовом стекле. Вернее, за ползущей там точкой, обозначающей его машину. Иногда он поглядывает на дорогу. Взгляд

* Все комментарии здесь и далее — адаптированы в целях лучшего усвоения текста драмы. Предназначены для пользователей, не имеющих специальной эстетической подготовки.

его цепок и быстр. Человек торопится на работу, потому что срочный вызов дежурного является для него сигналом тревоги.

Каждый офицер Управления ОСИН обязан вести дневник самоконтроля. Это нужно, во-первых, для восстановления ситуации в случае непредвиденных обстоятельств, во-вторых, для фиксации потока мыслей, которые могут пригодиться в дальнейшем. Обращение к файлу дневника давно превратилось у человека, управляющего черным «ИЖ-ДОДЖЕМ», из обязанности в привычку. Вот и сейчас он машинально включил автомобильный терминал, дал голосом несколько команд, выслушал ответ операционной системы: «РАБОТА В СЕТИ, ДНЕВНИК ОТКРЫТ», после чего принялся диктовать, четко выговаривая слова...

Матовая лента дороги стремительно несла автомобиль над просыпающимся городом.

3.

Время 05:50. Дневник самоконтроля. Личный раздел Хватова Дениса Павловича.

«Привет, дневник! Что бы такое тебе сказать?.. (Пауза. Слышны нечленораздельные звуки: безудержное зевание, прочищение носоглотки и другие.) Ничего умного в голове еще не появилось. Ладно, дневник мне не начальство, можно молотить что попало. Хотя бы проснись, а то высвистал меня председатель Шкурко ни свет ни заря. С утраца ему, конечно, не спится, старому пеньку. Это и понятно, крутой нынче момент наступает. Пахнет не только капитальной перетряской хорошо сидящих кадров, но и его личным перемещением по службе в неизвестном направлении. Небось, видит себя Председателем Совмина, на троне, с державой в сухой ручонке. Кошей Бессмертный... Мог ли я думать еще пару месяцев

назад, что буду угощать чаем такого замечательного человека и рассказывать ему детские анекдоты?

Сам Тарас Григорьевич Шкурко! Зам. Председателя Совета Министров по информационному комплексу. Входит в десятку главных хозяйственников страны. Всегда по нужную сторону баррикады, паскуда... Ну, не паскуда, конечно... Хотя, что я такого сказал? Приказано же — при общении с дневником эмоции не контролировать... Когда ГСУ на подъеме — господин Шкурко его начальник. Делается упор на техническое обеспечение — Тарас Григорьевич бросает любимую должность, возглавляет и наращивает информационный комплекс. Вот сейчас ГСУ, наоборот, уже пороть собираются, и опять Шкурко в первых рядах, громче всех требует немедленно снять штаны с нынешнего начальника сетевиков... Кстати... (слышен смешок). Горобец-то Алексей Опанасович — его любимый ученик! Вскормлен Тарасом Григорьевичем лично. Еще бы, родились в одном городе. В Днепропетровске, естественно. В свое время мудрый учитель Шкурко, уходя с поста руководителя ГСУ, посадил в нагретое кресло вежливого мальчика Алешу Горобца, который обещал вести себя хорошо и слушаться старших. А теперь вот грызутся на идейной почве, будто и не родные. Эк в жизни бывает... (Звучит довольный смех. Полковник протяжно выводит: «Со-о-оловей мой, со-о-оловей...» Пауза.) На самом-то деле Горобца и его Сеть голыми руками не возьмешь! Шкурко — мужик домовитый, передал Алексею Опанасовичу крепкое хозяйство. Вся страна завязана, схвачена. До самых до окраин. Нельзя ничего тронуть, сразу вопли: «Нарушение технологии! Миллионные убытки!» ГСУ в Совете Министров — как княжество. А Горобец там вроде этого... князя тьмы. Вот уж паскуда, так паскуда, зря я Тараса Григорьевича лягнул. Все-таки старик большое дело делает. Собрал рать, повел в атаку. Молодцы у него как на подбор — неутомимый Брук И. А. вместо белого коня, по правую руку Саша Батуро, по левую руку почему-то я оказался. А на стягах для устрашения врага написано: «Проблем-

ная комиссия Совмина»... Ну и вляпался же я в это дело! Был назначен в их Комиссию простым наблюдателем от Управления ОСИН, а теперь мной прикрывают все хитрые ходы. Хотя сам виноват, в азарт вошел. Правдолюбие, понимаешь ли, прорезалось некстати. Ой, не к добру это... Как минимум, нелюбовь своего начальства я заслужил. Небось, поползло уже авторитетное мнение: полковник Хватов-то у нас из непонятливых — намекали ему, попридержи, мол, особенно ретивых в этой вшивой Комиссии, а он играет тут в великого разоблачителя. А то ослабнет ГСУ, настанет информационная анархия, как тогда жить будем?.. Дурацкое у меня положение. Не знаю даже, что и делать. Выводы Комиссии — это же настоящая бомба. Завтра на итоговом заседании выводы проштампуют и запалят фитиль. А через неделю на Пленуме Совмина бомба взорвется. Всяким референтам вроде Брука хорошо: если что не так, сошлутся на рекомендацию дублера — советующим-то программам врать незачем. А мне всыпят от души — чтобы в следующий раз не позорил славное Управление ОСИН. Ну, и Шкурко, ясное дело, по красному ковру размажут как председателя Комиссии и зачинщика смуты... Интересно, что там у них стряслось? Давненько меня так рано не поднимали. Может, конечно, перестраховка. Шкурко какие-нибудь алгоритмические ошибки приснились, и он спросонок поднял тревогу. А может, техника чудит? «Системная лихорадка», например, или «индуцированный вирус». Вон в прошлом году в Центре сейсмической обороны, у вояк, вычислительный комплекс целый месяц на карантине продержали. А что, я бы нашу лавочку с удовольствием закрыл на время. Карантин — уважительная причина. Итоговое заседание перенесут, а там и Комиссия помаленьку расползется по своим щелям... Ладно, приеду — узнаю. Немного терпеть осталось... (Пауза.) Тьфу, этот институт еще и глаза слепит! Не люблю я зеркальные небоскребы, лучше бы миллионы потратили не на стекляшки, а на нормальный буфет. Вообще-то красиво, конечно. Сидел бы на моем

месте поэт, он бы напел что-нибудь про «восход солнца» и про «будто залитый кровью Институт Стратегии Экономики». Какое счастье, что я не поэт... А кто я? Я полковник спецслужб, ясно? Прочь с дороги!.. (Слышится нарочитое рычание, затем смех.) Все, хватит дурачиться. Пора отключать дневник, а то из меня что-то не то полезло. Тем более уже въезд виден. Первая задача решена — проснулся, размял жевательный аппарат, настроился на борьбу. Нет, хорошо, что я так рано прибыл. Гараж еще свободен, и в буфете ученые не все сожрали. И Марфуша, чистая душа, не скоро начнет отвлекать от работы своим щебетаньем... Да ладно, с Марфушей ты заврался! Перед собой-то уж не надо... Во-первых, ты и сам рад, когда она тебе якобы мешает. Во-вторых, не щебетаньем, а дымчатыми нарядами. Люблю я таких легоньких, давно пора ей об этом сказать. Может, сегодня как раз? Если работа не доконает...»

Комментарий № 2

Полномочный представитель Управления Особой Информации (Управление ОСИН) Хватов Денис Павлович прибыл в Институт Стратегии Экономики. Лифт за несколько секунд доставил его на десятый этаж главного корпуса, вызвав гадкое ощущение в желудке. Он пробежался по безлюдному коридору, с гулким воплем: «Чемпион мира!» — перепрыгнул через приземистый автоуборщик и наконец толкнул дверь выделенного ему кабинета. Лицо полковника Хватова затвердело. Сошла улыбка. Начинался рабочий день.

4.

Время 06:10. Центральный научно-исследовательский институт Стратегии Экономики. Оповещение членов Проблемной комиссии. Сообщение на терминал 04125. Пользователь: Хватов Денис Павлович.

«ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ».

Стерта программа «дублер комиссии» на основных и резервных пластинках. Отсутствие дублера обнаружено в 04:50 системой контроля Центра информационной обработки Института. Размер нанесенного ущерба: 552 человеко-дня, 21 системо-день.

Контроль личного состава Комиссии:

Не найден Иван Альбертович Брук, 1-й референт Председателя комиссии. Проверены: место жительства, квартира бывшей жены, квартиры вероятных друзей и знакомых, зарегистрированных в каталоге «Кадры» оперативного архива Института. Личный автомобиль 1-го референта находится на стоянке по месту жительства.

Комментарий № 3

На завтра, 13 июня 18 г., назначено итоговое заседание, но сегодня, 12 июня, произошло ЧП, которое способно поставить под угрозу выполнение комиссией своей задачи.

Неприятное сообщение, поступившее на рабочий терминал полковника Хватова (сетевой канал 04125), слегка взволновало его, даже вызвало учащенное сердцебиение. Он подумал: «А не было ли здесь упущений с моей стороны?» Затем несколько раз глубоко вздохнул, приводя свой организм в состояние боевой готовности, и потянулся к панели внутренней связи. ЧП предстояло расследовать именно ему.

5.

Время 06:10. Фонограмма из архива Высшего Сетевого Управления*.

* ВСУ (Высшее Сетевое Управление) — образовано в 19 г. н. э. в результате слияния ГСУ и Управления ОСИН.

— Дежурный Центра информационной обработки.

— Здравия желаю. Когда вы приняли дежурство?

— Виноват, с кем я говорю?

— Хватов, из Проблемной комиссии.

— Виноват, не узнал... Вы насчет того, как мы «шептуна» угробили, да? Денис Павлович, но я ничего особенного не знаю! Принял дежурство, как положено, в 3:50. В системном журнале — никаких специальных отметок. А в 4:50 запустил тест-комплект, ну и... Честное слово, у меня волосы шваброй! Вашего дублера словно корова слизнула. Я даже подумал, что тест накрылся... Денис Павлович, я все делал по инструкции. Повторил тестирование с контрольного комплекта, обшарил резервные пластины, потом сообщил дежурному по институту, вызвал начальника Центра. Не знаю, может, Васильев напортачил, а в журнал не записал? Он из прошлой смены... месяц назад тоже два файла грохнул и молчал, как партизан...

— Вот что, родной. Позови-ка ты своего начальника.

— Да-да, сейчас. Но вы зря, я не виноват, я по инструкции...

— Денис, это ты моих молодцов пужаешь? Слушай, и так все бегают, проявляют трудовой героизм! Мне кажется, вы там в Комиссии просто в штаны наклали. Председатель твой меня уже задолбал, дятел неугомонный. Что вы, в самом деле? Посидим денек, соберем из архивных записей новую версию...

— Какой архив, Кондратьев! Ну, ты смешной. Мы же полмесяца от ГСУ прячемся. Двадцать третьего числа переслали им копию в хранилище, инструкцию соблюли, и привет. Нам же эта копия теперь, как роботу трусы! Ее же заново наполнять надо, считай, еще полмесяца системных трудодней. Включился?

— Пока прогреваюсь, ха-ха!

— Посмотри по сторонам, пожалуйста, никто рядом любопытное ухо не выставил?.. Сейчас я тебе нечто сообщу. Завтра от нас ждут итоговую рекомендацию, сам

понимаешь где. Там не скажешь: «Забыл», «Потерял» или «Не успел». А через неделю — заседание Совмина! Короче, я и тебе советую испугаться.

— Не бойсь, меня уже пугали. Ваш Шкурко с этого начал сегодня трудовую вахту. Только мой Центр тут ни при чем, не-ет! Я и твои интересы знаю, тебя ведь одно волнует — «кто». Так вот, я кое-что выяснил. Докладываю: техника в порядке, посторонние лица через форточку не влетали, а моим операторам при всех ваших защитах так йё напакостить. Даже если кому-нибудь из них моча в голову и ударит. Мы установили — дублер Комиссии был уничтожен программой, загруженной откуда-то из-за пределов института. При этом использовался один из паролей Комиссии. Хотя не до смеха, но пароль самого председателя. Сейчас мои ребята тормозят станции секторной связи, пытаются вычислить пиратский терминал. Так что прокол ваш, товарищ полковник. Потеряли вы былую бдительность по части диверсий.

— Без сопливых разберемся, товарищ Кондратьев. Будут новости, немедленно сигналъ.

— Само собой, с этим у вас строго.

— С сетевым хранилищем уже связались?

— Как же! Они там еще по койкам хари дают, у них рабочий день с девяти.

— А-а, да. Ну, спасибо за помощь, если не наврал.

— Как можно, Денис! Кстати, с добрым ут...

Отключение абонента «Хватов».

Конец фонограммы.

6.

Время 06:15. Терминал 04125, пользователь: Хватов Денис Павлович. Запрос справочной службы ГУВД по ключу «Розыск Брука И.А.». Основание: контроль личного состава. Опорные данные об объекте розыска

содержатся в файле «Брук Иван Альбертович» оперативного архива ЦНИИ Стратегии Экономики.

Время 06:16. Поступление из ГУВД сводки происшествий по запросу терминала 04125:

11.06.18 г. (время 20:12). Посетитель центра совместных компьютерных игр завода ЖБИ-15 в состоянии шизоидного криза доставлен в районную психиатрическую больницу № 145. В сознание не приходил. Личность пострадавшего не установлена ввиду отсутствия у него информационной карты. Приметы соответствуют описанию объекта розыска.

12.06.18 г. (время 03:15). При попытке внести пластину с записью своего личного программного дублера в Вечный фонд Национальной библиотеки нейтрализован неизвестный мужчина. В коматозном состоянии находится на месте происшествия. Идентификация пострадавшего отложена до выхода его из комы. Приметы соответствуют описанию объекта розыска.

12.06.18 г. (время 04:41). На хордовом шоссе № 5 (Юго-Запад) в результате столкновения с большегрузным контейнеровозом упал под откос и сгорел автомобиль модели ГАЗ-005 номер «Э-75-835-ПБ». На месте происшествия обнаружен труп мужчины, личность которого установить пока не удалось. Оперативная проверка показала, что автомобиль принадлежал Нгомо Андрею Уильямовичу, проживающему по адресу: жилищный комплекс имени 12-й пятилетки, блок «Липы», квартира 508. Владелец в настоящий момент находится дома. Вероятность опознания погибшего как объекта розыска — в пределах норматива.

12.06.18 г. (время 04:02). На концерте графико-музыкальных структур в ресторане «ЗАБАВА» вследствие неисправности биохимических модулей памяти арт-компьютера произошла утечка продуктов распада. Автоматически сработала система гражданской обо-

роны по ключу «Химическая тревога», в результате чего ресторан был полностью герметизирован. Разблокировать выход пока не удалось. Внутри находится около трехсот развлекающихся граждан, личность большинства которых не идентифицирована. Вероятность пребывания объекта розыска в ресторане «ЗАБАВА» — в пределах норматива.

12.06.18 г. (время 05:15). Во время обезвреживания преступной группы лиц, занимавшихся компьютерным моделированием видеоклипов порнографического содержания с использованием внешности известных мастеров культуры, было задержано 5 граждан. Двое из них не имеют при себе информационных карт, на вопросы отвечать отказываются. Приметы одного из них соответствуют описанию объекта розыска.

7.

Время 06:20. Замечания полковника Хватова к сводке происшествий. Дневник самоконтроля.

«1. Брук у нас аристократ. Что ему заплеванный клуб завода ЖБИ? У него компьютерные песни и пляски в любом количестве — на дому и на работе. Шизей на здоровье.

2. В Вечный фонд библиотеки ему прорываться явно не стоит: и так не сегодня-завтра подсидит директора своего института.

3. Насчет автомобильной аварии — тоже нелепо. Зачем Бруку угонять машину у гражданина Нгомо? С личным «ЗИЛом» он давно забыл, как пешком ходят.

4. Ресторан — другое дело, но если он сейчас там, я ему не завидую. Завонявший модуль памяти — это страшно.

5. Наконец, о видеомоделировании. 1-й референт, конечно, может иметь сомнительное хобби, но для такого нужно быть, во-первых, идиотом, во-вторых, талантливым. Ни то ни другое к Бруку не относится.

ВЫВОД: необходимо дождаться разгерметизации ресторана «ЗАБАВА». Других фактов, могущих быть прямо или косвенно связанными с исчезновением И. А. Брука, в сводке происшествий, похоже, нет».

Комментарий № 4

Получив сводку происшествий, полковник Хватов, не раздумывая, вызывает полагающийся ему по должности программный дублер (или как его еще в шутку называют — «шептун»). Ведь найти пропавшего референта — прямая обязанность дублера. Тем более что: «Анализ информации с помощью советующих систем второго поколения с каждым годом становится все эффективнее» (из редакционной статьи органа ГСУ — газеты «Сеть — для страны» от 12 июня 18 г.).

8.

Время 06:24. Терминал 04125, пользователь: Хватов Денис Павлович. Вызов программного дублера «Полномочный представитель Управления ОСИН». Команда пользователя: АНАЛИЗ СВОДКИ ПРОИСШЕСТВИЙ ПО КРИТЕРИЮ «РОЗЫСК БРУКА И. А.».

Время 06:25. Рекомендация программного дублера, выданная на терминал 04125:

«Исходные данные проанализированы. Наибольшей вероятностью обладает сообщение № 3 (автокатастрофа). ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: владелец сгоревшего автомобиля ГАЗ-005 Нгомо Андрей Уильямович проживает в том же доме, что и объект розыска Брук И. А.

Пребывание объекта розыска в ресторане «ЗАБАВА» сомнительно. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: в указанном месте отдыха работает любовник

его бывшей жены. Должность — ведущий графико-музыкальных программ, имя — Козлов Федор Авангардович, сценический псевдоним — Федор Бинарный. До развода супругов Брук между ним и объектом розыска имели место публичные конфликты, зачинщиком которых выступал гражданин Козлов.

Проверены оперативные картотеки моргов, больниц, станций скорой медицинской и скорой психиатрической помощи, пунктов наркологического восстановления, банка железнодорожных и авиа-билетов. За истекшие 30 часов Брук Иван Альбертович в перечисленных картотеках не регистрировался».

ВЕКТОР 2

(интервал 09:00 – 09:30)

9.

Сетевое сообщение от 12 июня 18 г. Для лиц, имеющих доступ к каталогу «Последние известия»:

«Последнее время в народном хозяйстве наметился ряд негативных тенденций, связанных с искажениями некоторых производственно-потребленческих схем. Это привело к деформации связей в сфере производства и распределения, дефициту ресурсов, несбалансированности поставок и плановых заданий, что вызывает беспокойство руководящих органов, так как потребности трудящихся удовлетворяются не полностью. Решению назревших проблем в механизме управления экономикой, в частности анализу деятельности Главного Сетевого Управления, будет посвящен Пленум Совета Министров, который состоится 19 июня с. г.

Приказом Председателя Совета Министров от 20 апреля 2018 г. была учреждена Проблемная комиссия по изучению программного дублирования хозяйствен-

ного механизма. (Детализация: в распоряжение Комиссии выделены людские и материальные ресурсы ЦНИИ Стратегии Экономики — в пределах, установленных программой особых исследований Института. Председателем Комиссии назначен заместитель Председателя Совета Министров по информационному комплексу Шкурко Тарас Григорьевич.)

ВНИМАНИЕ:

Итоговое заседание Проблемной комиссии состоится 13 июня с. г. Будут рассмотрены результаты ее работы за истекший период и сгенерирован пакет рекомендаций к Пленуму Совмина. По имеющимся сведениям, Комиссией получены важные результаты.

Следите за нашими дальнейшими сообщениями».

Комментарий № 5

Членами Проблемной комиссии являются представители различных ведомств и организаций. От Главного Сетевого Управления, однако, в работу вовлечено лишь несколько рядовых исполнителей. Ведь Комиссия в основном занимается расследованием именно деятельности ГСУ. Однако «первый номер» ГСУ Алексей Опанасович Горобец остается лицом, от которого многое зависит в таких формальных вопросах, как время проведения Пленума Совмина, посвященного результатам работы Комиссии.

10.

Время 09:00. Переговоры по закрытому каналу МВ-связи. Фонограмма из архива ВСУ.

— Секретариат Главного Сетевого Управления. Дежурный Брызгин.

— На связи Питер. Председатель Проблемной комиссии Совмина доктор Шкурко просит соединить его с Алексеем Опанасовичем Горобцом.

— У вас предварительная договоренность?

— Экстренный вызов.

— Минуту... Хорошо, соединяю.

— Горобец.

— Здравствуйте, Алексей Опанасович.

— А-а, здоровеньки булы, Тарас Григорьевич! Яка радость!

— Да вот, соскучился, захотел пообщаться с главным сетевиком. С пауком, так сказать.

— Вы, Тарас Григорьевич, по мне скучать начинаете, тильки когда у вас ЧП случается.

— Все-то вы у себя в Сети знаете.

— Работа у нас такая: знать, шо в Совмине происходит... Говорил я вам: защиту ставишь — не скупись, созывай сетевых специалистов! Говорил ведь? Дешева рыбка, погана юшка, Тарас Григорьевич.

— Да-да, признаю. Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною,— приговаривал Балда с укоризною. Кажется, так у поэта про нас с вами?.. Надо что-то срочно решать, Алексей Опанасович. А не поставить ли вопрос о перенесении Пленума?

— Если мы будем ударяться в панику, нас могут не понять. Ой, сомневаюсь, шо ваше ЧП так уж серьезно.

— Затерт программный дублер со всем месячным наполнением. Вы ведь уже в курсе дела, насколько я понимаю.

— Еще сутки в запасе, успеете восстановить. Мои хлопцы и не такое за вечерок проворачивали. Хотите, пришлю подмогу?

— Весь ввод накрылся, Алексей Опанасович! И основная, и резервная база данных! Плюс все промежуточные рекомендации.

— Ну, ясно. В сетевое хранилище, конечно, лениво

было резерв отправить. Что же вы, наркомы? Сховали бы свои труды на полке, а сейчас бы спали и курей бачили.

— Почему? Полмесяца назад мы отправили копию в хранилище...

— Шо замолкли, дорогой? Скрытничали полмисяца, як шпигуны. Коллегам надо доверять. Цель-то у нас общая, Тарас Григорьевич, или как?

— Зато пути разные.

— Как вы сами говорите, Тарас Григорьевич, — теория, мой друг, суха, а древо жизни зеленеет... Я теряюсь в догадках, кому понадобилась такая варварская акция?

— Этим занимается полковник Хватов из ОСИНа. Мой зам. по особым вопросам. Кроме того, Алексей Опанасович, есть еще одна небольшая сложность. Исчез мой референт, который отвечает за реальность наполнения дублеров.

— Ну и хлопцы у вас в артели! По кроватям-то пошукали?

— Будет вам... Референтом, кстати, тоже Хватов занимается. Вот видите, обстоятельства у нас достаточно тяжелые. Так что со сроками будем делать?

— Как я вас понимаю! Я ж не собака. Но скажу по правде — оснований для переноса заседания пока не бачу.

— Какие еще нужны основания?

— Ну, например, если бы вы исчезли. Или я.

— Но вы же понимаете, проку от такого заседания не будет.

— Тарас Григорьевич, точка зрения ГСУ и моя лично вам известна. В любом случае от попыток свалить на Сеть ваши хозяйственные грехи проку не будет. Экономiku развалили и теперь ищите мальчишек для порки. А формально я вам отвечу — регламент есть регламент. Не нам отменять решения такого уровня.

— Вы неумолимы, как сама Сеть, господин Горобец.

— Так опять цитирую вас — амикус Плято, сэд магис амика веритас*

Отключение канала.

Конец фонограммы.

11.

Время 09:25. Сообщение начальника Центра информационной обработки ЦНИИ Стратегии Экономики, выведенное на терминал 04125 (пользователь: Хватов Д. П.):

«Денис, если ты еще не пал смертью храбрых, то принимай доклад.

Согласно рапорту службы секторной связи, программа уничтожения дублера Проблемной комиссии загружена в 04:35 с терминала 20208, в 04:40 с того же терминала пиратская программа запущена на решение.

Дополнительно установлено, что в 03:08 (за 1 час 32 мин. до диверсии) с этого терминала был сделан запрос уничтоженного впоследствии дублера. Ответная рекомендация не поступала. Содержание запроса пока не расшифровано.

Командир, на всякий случай докладываю: мои системщики трудятся на грани умственного истощения. Желаю скорейшей встречи с пользователем терминала 20208.

Начальник Центра КОНДРАТЬЕВ».

Комментарий № 6

Полковник Хватов — на рабочем месте. Вновь обращается к своему дублеру за помощью, на этот раз для того, чтобы определить принадлежность терминала, с которого была произведена диверсия.

* «Платон мне друг, но истина дороже» (искаж. лат.).

Время 09:30. Вызов дублера «Полномочный представитель Управления ОСИН». Пользователь: Хватов Д. П.

Команда: АНАЛИЗ СООБЩЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ЦЕНТРА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАБОТКИ ЦНИИ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИКИ ПО КРИТЕРИЮ «РОЗЫСК ТЕРМИНАЛА 20208».

Время 09:31. Ответная рекомендация программного дублера:

«1. Терминал 20208 смонтирован на автомобиле «ГАЗ-005», номер «Э-75-835-ПБ». Владелец: Нгомо Андрей Уильямович. Адрес: Юго-Запад, жилой комплекс им. 12-й пятилетки, блок «Липы», кв. 508. Источник информации: сетевой блок регистраций.

2. Автомобиль «ГАЗ-005» номер «Э-75-835-ПБ» потерпел аварию на хордовом шоссе № 5, Юго-Запад (см. сводку происшествий ГУВД от 06:20). Предположительное время аварии — 04:41 — совпадает со временем диверсии.

На месте происшествия обнаружен сильно обгоревший труп. Признаки опознания:

- кольцо золотое с вензелем «БИ» — на трупе;
- часы наручные механические, производство 1957 г., корпус позолоченный — на трупе. Изделие было продано товариществом «Память», торгующим предметами антиквариата. Покупатель: Брук И. А.;
- информационная карта гражданина Брука Ивана Альбертовича — в 5 метрах от автомобиля.

Источник информации: оперативная картотека горГАИ.

3. ВНИМАНИЕ!

Произошла автоматическая смена заданного критерия анализа на «Розыск Брука И. А.». Воссоздана картина происшествия с вероятностью не менее 0.95:

Брук Иван Альбертович, находясь в не принадлежащем ему автомобиле ГАЗ-005 номер «Э-75-835-ПБ» в 03:08 произвел с неясными целями запрос дублера Проблемной комиссии. В 04:35 загрузил специально разработанную программу уничтожения, в 04:40 запустил программу уничтожения, в течение этой же минуты попал в аварию, результатом которой явилась смерть объекта розыска.

4. Неясен характер взаимоотношений граждан Брука И. А. и владельца автомобиля Нгомо А. У. Неясны причины аварии. Неясны мотивы поступков Брука И. А.

ВЕКТОР 3

(интервал 10:00–10:15)

Комментарий № 7

Полковник Хватов на рабочем месте — занят с дублером. В кабинет заходит сам председатель Проблемной комиссии Шкурко Тарас Григорьевич. Он заходит неспроста.

13.

Время 10:05. Реконструкция личного разговора. Смысловая вероятность — 0.73, лексическая вероятность — 0.27.

— Денис Павлович, гостей с утра принимаешь?.. Да ты сиди, сиди, экономь силу.

— Перед старшим по званию встать не зазорно. Я хоть и программист, но человек военный. Марфуша, слетай за кофейком, а?

— Ну, ты — командир над девками. Иди, иди, Марфуша, он пока с товарищем председателем погутарит...

Хорошая у тебя помощница, Денис Павлович. А ты у нас человек не только военный, но и холостой, да?.. Устал я, Хватов. Еще только десять, а уже скис.

— Извините, Тарас Григорьевич, опять дублер зудит. Сейчас я с ним разберусь.

— Да, да, конечно... Устал я, говорю. В кабинете сплошная дерготня, скоро и сетевое телевидение приставать начнет, чтобы я в их программу включился, рассказывал пионерам о нашем ЧП.

— Вы уже видели мой рапорт?

— Спрашиваешь! Вообще-то не люблю в экран пялиться, обычно работаю в аудиорежиме. Но тут даже очки достал, представь, испугался, что какой-то детективчик просочился на мой терминал.

— Да, жалко Ивана Альбертовича. Я всегда был за то, чтобы тяжелый автотранспорт полностью убрать за черту города.

— Попался тут шофер-подлюка, ударил в лоб, и нету Брука... Шучу. Ой, не понравился мне твой рапорт, Денис Павлович! Я потому и решил тет-на-тет побеседовать, не удивляйся. Слишком много серьезных обстоятельств может быть заверчено — посерьезнее, чем проблема автотранспорта в черте города. Кстати, ты получил от гаишников показания шофера?

— Только что. Шофер сказал, что «этот болван» стал разворачиваться у него под носом — хотел, наверное, поехать в противоположную сторону. Выскочил на встречную полосу, ну и... сами понимаете. Проверка ГАИ подтвердила показания шофера. Превышения скорости у того не было.

— Да-а, наш Брук, видать, испугаться не успел. Раз — и никаких хлопот. Хлопоты у него раньше были, когда он позаимствовал машину у этого негра. Как его...

— Нгомо Андрей Уильямович, 1996 года рождения. Я с ним говорил по телефону. Вчера вечером он одолжил машину Бруку, который мотивировал просьбу неисправностью собственного автомобиля. ГУВД уже проверило

состояние машины Брука и установило наличие неисправности в системе ночного видения.

— Связался черт с младенцем... Они что, были приятелями с Бруком?

— Нгомо 22 года. По специальности электронщик. Обыкновенный парень. Занялся выгодным делом, работает в кооперативе по обслуживанию личных терминалов. Живет с Бруком в одном доме. Они состыковались на почве увлечения теннисом, кроме того, Нгомо ремонтировал у него электронику в доме...

— ... и заменил ему сына. Ясно — мальчишка тут ни при чем. Не будем бросать тень на крепкую дружбу между народами... Знаешь, Денис Павлович, я только что с этим толстомясым беседовал.

— С кем?

— Да с Горобцом. С атаманом Сети. Пробовал утрясти с ним вопрос о переносе чрезвычайного заседания, так ему интересно посмотреть, как мы лапки кверху поднимем.

— Значит, к четырнадцатому мы обязательно должны иметь работоспособную рекомендацию?

— Я, конечно, попробую переговорить с основными, но, по-моему, шансов мало. Там решат, что мы просто юлим со страху, поскольку наши обвинения оказались липовыми. Попробуй объясни, почему у нас нет приемлемой копии, например, вчерашней. Кто ж боится академика Горобца, ученого с мировым именем? Только мрачные заговорщики... И остальные сетевики тоже вполне компетентные, порядочные на вид...

— Зря вы так о начальнике ГСУ, Тарас Григорьевич. Заслуженный человек все-таки, много делает для упорядочения обратных связей в нашем хозяйственном механизме.

— Юбилейный сборник, 2-я страница, 5-я строчка снизу? Эх вы, политически зрелые, морально устойчивые. По букварю живете... Хватов, ты же был согласен с выводами Комиссии! Или нет?

— Согласен, согласен.

— Пока что твоя Сеть — дорогая игрушка. И надо прочистить сетевикам мозги! А то все наши хозяйственники только и занимаются тем, что убаюкивают ГСУ выдуманной информацией. Заврались мы, Денис Павлович! Или не согласен?

— Согласен, согласен. Попробуй не согласишься.

— Сетевики считают, что на производстве не полностью выполняют рекомендации Сети, вносят субъективный фактор! Но в том-то и дело, что выполняют! С большим рвением! Сам знаешь, к чему это привело. Сеть выдает победные рекомендации, с мест возвращают победные результаты, а что происходит на самом деле, никто уже толком не знает.

— Тарас Григорьевич, честное слово, я свой! Вместе с вами во всем этом копался!

— Да, конечно... Извини меня, старика, завелся я что-то. О чем мы говорили? Так. Что же, получается, наш маленький Брук — диверсант?

— В анкетах он не врал, я проверил по своим каналам.

— Те, кто посылал его на задание, не были такими бюрократами, их не испугала его кристальная биография.

— Вы думаете, у Брука были сообщники?

— Сдается мне, Денис Павлович, он был рядовым исполнителем, которого убрали за ненадобностью. Сразу после того, как... Или я от придурочных комиксов умишком ослаб?

— Лично у меня пока нет достаточных фактов для таких резких выводов, Тарас Григорьевич. По крайней мере, Иван всегда казался мне довольно крупной фигурой. Не подходит он на роль мелкого мафиози.

— Э-э, Денис Павлович, мне самому горько! И зачем Ивану Альбертовичу, хорошему специалисту, нормальному карьеристу, понадобилось совершать такой подвиг? Незачем. Остается одно — заставили. Впрочем, для меня сейчас гораздо важнее другое понять — кому это выгодно? После разговора с Горобцом я все решаю задачку,

так-сяк прикидываю, а ответ получается один и тот же. Вы знаете какой, дорогой полковник?

— Я задачек с ответами не решаю. По должности не положено.

— Принципиальный, даже завидно... Ну подумай, кому, кроме нас, интересен наш дублер? И кто, кроме нас, может получить к нему доступ? И где жируют гарни хлопцы, у которых работа такая — бачить, шо в Совмине происходит? Попробуй подумать.

— Не путайте меня, дорогой председатель. Мое дело как раз выводить на чистую воду тех, кто думает. И почему у вас получается один и тот же ответ? Есть же нормальные, всем известные недруги — американское АНБ, например, или антиобщественные группировки вроде «Отрядов гуманизации».

— Да всем плевать на нашего дублера, кроме ГСУ! Его рекомендации могут ударить только по их задницам, не так? Ясно же, в случае принятия выводов Комиссии твоей любимой ГСУ угрожает упразднение. С соответствующими последствиями. Вряд ли они обрадуются переходу в мое ведомство.

— Тарас Григорьевич, я человек скромный, конечно, но опыт мне подсказывает другое. По-моему, наоборот, наши выводы должны укрепить ГСУ. Управление будет реорганизовано, получит новые средства, штаты, мужественно примет критику и даст твердое обязательство резко повысить уровень программ. Результатом будет еще большая централизация и проникновение Сети во все уровни. Зачем им идти на уголовщину?

— Гладко говоришь, товарищ Полномочный представитель. А Брук лежит, поджаренный, в морге. И все хорошие.

— Кстати, Тарас Григорьевич, авария не похожа на подстроенную. Как можно подстроить внезапный выезд на полосу встречного движения?

— Ладно, надоел ты мне! Думал, приду в гости, расслаблюсь, а ты тут препираешься, вместо того чтобы сразу согласиться с мнением начальства и поискать мину у меня в туалете.

— Мину в туалете? Понял, немедленно вызываю саперов. Для отправления естественной надобности пользуетесь моим туалетом — осмотрен лично.

— Я серьезно, Хватов. Как ты обеспечиваешь безопасность председателя Комиссии? Сыщик хренов. Спорит тут, дерзит... А что ты сделал для поиска сообщников? Враг-то не дремлет, понимаешь.

— Делаем все, что положено по инструкциям.

— По инструкциям... Знаю я ваши инструкции. Может, там положено для ловли преступников председателей вместо живца использовать.

— Простите, Тарас Григорьевич, вернемся к аварии. Я все хочу вам сказать, что есть еще одно обстоятельство.

— Ну, ты как в детективе, умеешь нагнетать.

— Телефонная служба проверила свои регистрационные данные. Буквально за пару минут до катастрофы зафиксировано прохождение сигналов между машиной, в которой ехал Брук, и квартирой его бывшей жены.

— Это существенно! Хороший у тебя дублер. Ты экс-жену Брука уже допросил?

— Не найти никак. Возможно, в магазин вышла. Я выяснил, она программистка-надомница.

— Добро, разбирайся сам, я в твои дела не лезу. Я ведь просто так зашел, подумать вместе...

— Я так и понял.

— А-а, вот и Марфуша! Кофий тебе принесла. Пойду, не буду вам мешать, Денис Павлович. Подумайте тут втроем о бывшей жене Ивана Альбертовича.

Конец реконструкции.

Комментарий № 8

Итак, председатель Комиссии Тарас Григорьевич Шкурко, безусловно, не отрицает существования множества вариантов злокозненных действий, приведших к уничтожению программного дублера, но концентрирует свое внимание на Главном Сетевом

Управлении. И это так понятно. В условиях, когда начальник ГСУ Горобец лишает его возможности с честью выйти из положения, Шкурко понимает, что нужен враг, умело обвинив которого, можно было бы одним махом решить многие проблемы.

Однако скорейшее восстановление дублера Комиссии остается главным средством сгладить неприятности.

14.

Время 10:15. Приказ Председателя Проблемной комиссии от 12.06.18 г., вторник.

«В связи с чрезвычайными обстоятельствами приказываю ввести в эксплуатацию резервный комплект программ типа «дублер» от 23.05.18 г., полученный из регионального филиала сетевого хранилища. Работу закончить к 9:00 завтрашнего дня (13.06.18 г., среда).

Оплата работ производится по аварийному тарифу первого дня.

Исполняющим обязанности первого референта назначаю Батуро А. М.

Друзья! Сгенерируем структуру рекомендаций в необходимые сроки! Отечество ждет от нас помощи!

Председатель ТАРАС ШКУРКО».

ВЕКТОР 4

(интервал 12:00 – 13:00)

Комментарий № 9

Полковник Хватов в своем кабинете. Разгар работы. Сетевые переговоры, получение сводок и рапортов, выдача сообщений, беседы с дублером. Мучи-

тельно трудные секунды раздумий. Иногда взгляд его отдыхает на картине «Обнаженные лица» (художник Кровокистев, блестящий представитель русского супрессионизма). За спиной полковника вздыхает, просматривая на экране журнал модного плетения, юная секретарша Марфа, временно выделенная в распоряжение Дениса Павловича администрацией института.

Полдня прошло, а еще ничего не ясно. Впрочем, полковник уверен в своих силах. Разгар работы...

15.

Время 12:00. Фонограмма из архива Управления ОСИН.

— Ядвига Станиславовна?

— Кто спрашивает?

— Извините, вы супруга Брука Ивана Альбертовича?

— Извините, какая я ему супруга! Пять лет, как избавилась от этого нытика. А с кем я говорю?

— Полковник Хватов. Я хотел задать вам несколько вопросов.

— Понятно... Только вчера я уже все рассказала вашему товарищу.

— У меня много товарищей, Ядвига Станиславовна. Которому из них вы все рассказали?

— Ну, вчерашнему следователю. Пузатый такой, глазами ел, срамник.

— Что это вы так непочтительно?

— Чего мне бояться! Разве следователь не мужчина? А он, как его... фамилию не запомнила... уже заболел?

— Не знаю, мы из разных ведомств.

— Почему из разных? Вы из прокуратуры, что ли?

— У вас очень много вопросов, Ядвига Станиславовна, а у меня всего один. Кто и зачем вам звонил сегодня ночью?

— После двенадцати мне разговаривать некогда.

— Нам доподлинно известно, что в 4.39 вы имели телефонный разговор.

— Федор, ты, что ли? Ну-ка признавайся, Бинарный Козел! Надоели мне твои шутки, артист!

— Повторяю: моя фамилия Хватов. Я — хороший знакомый Ивана Альбертовича Брука.

— Так... Слушайте, знакомый, не морочьте мне голову. И без того тошно.

— Кроме того, я представляю интересы Управления ОСИН.

— Да ну!.. А при чем здесь Федор?

— Какой Федор?

— Ну Бинарный, он же Козлов. Вы ведь из-за него беспокоитесь?

— Нет, дело в том, что погиб Иван Альбертович.

— Ой!.. Янек?

— Сегодня ночью.

— Сразу бы и сказали. А то я решила, что вы, как и вчерашний, будете пытаться, чем я с Федором балуюсь. У Янека инфаркт, конечно?

— Автомобильная авария. Так о чем вы разговаривали с Иваном Альбертовичем?

— Он мне давно не звонил.

— Ядвига Станиславовна, у нас есть веские основания полагать, что непосредственно перед гибелью гражданин Брук переговаривался с кем-то в этой квартире.

— Я повторяю, никто мне не звонил.

— Прошу прощения за любопытство. Вы этой ночью находились дома или здесь был кто-нибудь другой?

— Что я, бандерша, кого-то в свою квартиру запускать?

— Откровенно говоря, Ядвига Станиславовна, ложная информация может принести вам большие неприятности. Советую вспомнить о звонке вашего бывшего мужа и сделать это как можно скорее. Гарантирую, что сведения личного характера не будут преданы огласке.

— Пшепроше... Забыла, как вас зовут.
— Полковник Хватов.
— Полковник Хватов, сообщать мне нечего.
— Что ж, не удивляйтесь тогда, если я с вами еще свяжусь.

— А вы брюнет или блондин, полковник?..

Отключение абонента «Хватов».
Конец фонограммы.

16.

Данные из оперативного архива ЦНИИ Стратегии Экономики. Каталог «Кадры». Файл «Брук Иван Альбертович». Ключ: лицо общественное.

Год рождения: 1975

Место рождения: Одесса

Образование: высшее экономическое

Специальность: системный анализ

Склад мышления: творческий рационалист, способен разрешать логические противоречия

Мировоззрение: соответствует занимаемой должности

Тип поведения: доминантный. Стремление к лидерству внешне не выражено, предпочитает многофакторное наращивание авторитета.

Данные психологической адаптации: эмоционально уязвим, тяжело реагирует на справедливую критику, неуверенность в своих перспективах иногда приводит к депрессивным состояниям. Испытывает трудности в общении с людьми. Считает, что его способности не получают должного признания окружающих.

Темперамент: меланхолик. В ритмической кривой «торможение — возбуждение» амплитудный максимум приходится на фазу торможения.

Семейное положение: разведен. В браке состоял с 2003 по 2013 год. Жена — Брук Ядвига Станисла-

вовна, урожденная Дандела. Разошлись по причине взаимного неуважения. Повод — неверность жены. Детализация: только для лиц, имеющих доступ к каталогу «Сведения биографические».

СООБЩЕНИЕ СИСТЕМЫ:

ПАРОЛЬ ПРОВЕРЕН, ДОСТУП РАЗРЕШЕН.

Календарный период 2013 — 2018 годы. Ключ: семейное положение, интимные связи, детализация.

В феврале 2013 г. Брук Ядвига Станиславовна начала встречаться с Козловым Федором Авангардовичем, в то время работавшим затейником в дегустационном клубе «БАЛОВНИЦА». 20 июля того же года супруги Брук отмечали годовщину свадьбы в вышеупомянутом питейном заведении. В конце вечера, потеряв на длительное время жену из виду, Брук И. А. предпринял поиски и застал ее в подсобном помещении клуба вместе с Козловым Ф. А. При последующем выяснении отношений Брук И. А. получил легкие телесные повреждения, затем был доставлен в отделение милиции на основании требования администрации клуба. 25 июля был оформлен развод. Во время официальной процедуры Брук Я. С. неоднократно кричала Бруку И. А.: «Ты не мужчина». 29 июля, находясь в неустойчивом эмоциональном состоянии, Брук И. А. искал утешения у практикантки отдела внешнеэкономических связей Тодоровой Людмилы (гражданка Болгарии, работала в нашей стране с мая по август 2013 года) и имел с ней близость в общежитии № 3 ЦНИИ Стратегии Экономики. Проводя отпуск в Болгарии летом следующего года, Брук И. А. возобновил свои отношения с Тодоровой Л., которые продолжает поддерживать, несмотря на то, что в 2015 г. последняя вышла замуж за Айзенберга Ф. (г. Бремен, Европейский Союз).

Зарегистрированные связи Брука И. А. непродолжительного характера см. по ключу: непродолжительные связи.

17.

Время 12:05. Фонограмма из архива Управления ОСИН.

— Майор Маков.

— Полковник Хватов, Управление ОСИН. Извините, что побеспокоил. Я хотел узнать, по какому делу у вас проходит Брук Ядвига Станиславовна. Вашу фамилию мне дал полковник Шмуров из ГУВД.

— О-о! Тоже будете говорить, что Ядвига Станиславовна хорошая общественница и квалифицированный программист?

— Своеобразное у вас мнение о функциях ОСИН, майор.

— Понимаете, она нажаловалась своим многочисленным друзьям, а среди них есть уважаемые мной по долгу службы граждане. Вы, к сожалению, не мой начальник, но я вас все равно с удовольствием послушаю. Так о каких достоинствах этой удивительной женщины я пока не знаю, господин полковник?

— Извините еще раз, послушать хотел я. Потому что, признаюсь, мало с ней знаком. Дело вот в чем, майор. Во вверенной мне зоне контроля произошла крупная диверсия, в которой оказался замешан ее бывший муж. Мне необходимо выяснить, по какому делу она проходит у вас.

— Да, идеальная парочка! И чего им вдвоем не жилось? Виноват, господин полковник, я хотел бы...

— Не волнуйтесь, сейчас пошлю свой допуск.

— Канал ноль-один-семьсот-три.

— Знаю, знаю... Получили сообщение?

— Все в порядке. Наше дело, конечно, не столь серьезное, я таких имею десяток каждый год. Раскрыта

группа лиц, занимающихся хищением биохимических модулей памяти и наполнением их графико-музыкальными структурами глубокого воздействия на психику. Правда, пани Ядвига вряд ли активно участвовала в махинациях, во всяком случае, улики против нее у нас пока нет. А вот ее сердечный друг Федор Козлов играет в деле не последнюю роль. Наверняка вы его знаете, это популярный, с позволения сказать, артист — ведущий графико-музыкальных программ Бинарный. Работает в ресторане «ЗАБАВА». Он сейчас, вероятно, поступил в какую-нибудь из больниц. Слыхали, что случилось этой ночью в ресторане?

— Слыхал. Значит, ресторан уже разблокировали?

— Да, господин полковник, час назад армейские спецотделы отключили систему гражданской обороны... В отношении Бинарного этот «вонючий» катаклизм действительно забавен, потому что, как я подозреваю, он сам его и организовал. Случайно, конечно. Новые модули памяти сгоряча продал, а старые взяли и протухли. Впрочем, подождем экспертизы и откровений Козлова. Скоро мы его найдем и заберем к себе долечиваться. Санкция прокурора уже есть.

— Понял, спасибо за информацию. Компьютерная наркомания, конечно, наша общая беда, но у отставного мужа Ядвиги Станиславовны были другие увлечения.

— Почему были? Вы его уже перевоспитываете?

— Не успели. Сегодня ночью он погиб. Пожалуйста, если всплывет еще что-нибудь, связанное с распавшейся четой Брук, передайте мне по Сети, коллега.

— Есть передать.

Отключение абонента «Хватов».

Конец фонограммы.

18.

Время 12:25. Сообщение на терминал 04125:

«Дежурная служба Управления ОСИН — полковнику Хватову.

12 июня 18 г. с 09:05 по 11:45 был проведен обыск в квартире Брука Ивана Альбертовича по адресу: Юго-Запад, жилищный комплекс им. 12-й пятилетки, блок «Липы», кв. 1024. Были обнаружены следующие предметы, предположительно относящиеся к делу:

1. Видеопузырь в составе домашнего терминала. Марка «Ярило», фирма «Apple».

2. Очки типа «Третий глаз», производство Непала.

3. Голографические изображения Л. Айзенберг (урожденная Тодорова), ныне проживающей в Германии.

4. Компакт-пластины с записями графика-музыки эротического характера. Производство студии «Мурка», Одесская торговая зона.

5. Компакт-пластина с нерабочими версиями программы, которой был уничтожен дублер Проблемной комиссии, датированные 9 и 10 июня сего года.

6. Компакт-пластина с выдержками из книг:

К. Ван Хелдерн «Истоки технократического культа», запись 2010 г., Нью-Йорк;

Дж. Ояма «Компьютерное язычество», запись 2012 г., Гонолулу;

А. Тюрин, А. Щеголев «Психологические тупики компьютерной эры», запись 2012 г., Бехтерево;

М. Чернецкий «Сеть как возможный стимулятор умственной лени и некритичности», тезисы докторской диссертации, запись 2017 г., МГУ, факультет психологии.

7. Бумажный носитель типа «распечатка» 1974 г., объемом 52 цифро-печатных листа, с текстом К. Судейкина, озаглавленным: «Информационная избыточность АСУ и централизация народного хозяйства». Аналоги в официальных изданиях не обнаружены.

К СВЕДЕНИЮ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ: полные данные о результатах обыска содержатся в каталоге «Обыски» оперативного архива ГУВД».

Наступила пора подвести итоги первого этапа расследования. Хватов обращается к своему программному помощнику, дав ему команду: МАКРОАНАЛИЗ ДЕЛА ПО КРИТЕРИЮ «УНИЧТОЖЕНИЕ ДУБЛЕРА ПРОБЛЕМНОЙ КОМИССИИ».

19.

Время 12:55. Рекомендация программного дублера «Полномочный представитель Управления ОСИН» к запросу терминала 04125, пользователь Хватов Д.П.

«Исходная посылка.

Рекомендация дублера Проблемной комиссии, утвержденная на завтрашнем итоговом заседании, должна была привести к усовершенствованию структуры сетевого управления и повышению качества программного обеспечения, следовательно, в нашем обществе не может быть организаций, заинтересованных в срыве работы Комиссии. С условной вероятностью 0.89 можно утверждать, что уничтожение дублера Проблемной комиссии есть проявление подрывной деятельности лиц или группировок, руководство которыми осуществляется из-за рубежа.

На основании исходной посылки отработана версия.

1. Выявлена продолжительная связь Брука И. А. с гражданкой Болгарии фон Айзенберг Людмилой (до 2015 г. — Тодорова), в настоящий момент проживающей с мужем в городе Бремен, Германия. Муж: Фридрих Георг фон Айзенберг, работает начальником восточно-европейского сектора отдела сбыта фирмы «Spielmann Networks». Фирма производит унифицированные программные модули, в числе торговых партнеров есть российские организации.

2. Выявлено, что вместо Брука И. А. в резерв директора ЦНИИ Стратегии Экономики для выборов, намеченных на сентябрь сего года, недавно был включен господин Батуро А. М. Учитывая данные психотипа Брука И. А., можно утверждать, что этот факт вызвал у него глубокий эмоциональный спад.

3. С условной вероятностью 0.68 сформулирована рабочая гипотеза. Фирма «Spielmann Networks», используя Людмилу Айзенберг, держала Брука И. А. под контролем и оказывала воздействие на него в своих целях. Тяжелое эмоциональное состояние есть решающая причина согласия Брука И. А. совершить диверсию. Для определения целей акции по уничтожению дублера требуется дополнительный анализ. Пользователь, задайте ключи для поиска новой значащей информации».

Время 12:57. Рекомендация к запросу: «МАКРОАНАЛИЗ ДЕЛА ПО КРИТЕРИЮ «ПРИЧИНЫ ГИБЕЛИ БРУКА И. А.»

1. Автомобиль ГАЗ-005 номер «Э-75-835-ПБ» (владелец: Нгомо А. У.), в котором находился Брук И. А., двигался по хордовому шоссе № 5, Юго-Запад, переходящему после пересечения с кольцевым шоссе в магистраль Архангельск — Варшава — Берлин. Брук И.А. имел паспорт категории «С» (свободный выезд). Мотив действий Брука с условной вероятностью 0.51 — бегство за рубеж.

2. Причина телефонного вызова гражданки Брук Ядвиги Станиславовны с условной вероятностью 0.58 (приемлемой для рабочей гипотезы) — намерение узнать о ее польских родственниках и знакомых.

3. Через минуту после разговора с гражданкой Брук Я. С. имела место попытка разворота на встречную полосу движения. Мотив с условной вероятностью 0.84 — намерение ехать к Брук Я. С. При полном отсутствии значащей информации о содержании раз-

говора было промоделировано поведение объектов разговора на основании данных об их психотипах. Результаты моделирования: реакция женщины — угрозы, реакция мужчины — неадекватная, приведшая к аффективному состоянию. Аффективное состояние послужило причиной аварии.

Пользователь, повторно допросите гражданку Брук Я. С. с большим выходом значащей информации!»

Комментарий № 11

К числу возможных устроителей подрывной акции добавилась иностранная фирма. Однако такая версия еще меньше устраивает полковника Хватова. За годы работы с людьми и программами он понял, что если хорошему специалисту мешает отсутствие принципов, то хорошую программу, наоборот, вполне могут сбить с толку принципы, заложенные в ее основу.

20.

Дневник самоконтроля. Личный раздел Хватова Дениса Павловича.

«Эх, люблю дневники. Так и вижу, как мои сокровенные мысли кто-то изучает, благодушно усмехаясь в усы. Что делать — по инструкции не положено утаивать возникающие при исполнении задания чувства. Выходит, пришла пора и мне избавиться от наболевшего. А то уже полдня, как все мельтешат, нервно хихикают, подозрительно шутят — от этого мой профессиональный нюх слегка притупился. И спина раскалилась — это, наверное, Марфуша утешит меня горячим девичьим взглядом. Обернуться бы. Жалко, не до Марфуши нынче... Ну что, достиг я надлежащего раскрепощения?

Тарас Григорьевич Шкурко сейчас, небось, объяснительные и докладные рождает в муках. Пытается усидеть в своем кресле. Конечно, лет тридцать назад все обошлось бы, а нынче бьют крепко, врежут по старику, и будет он бедствовать где-нибудь на вилле в Крыму. А к Горобцу он зря цепляется. Со стороны его обвинения выглядят как проявление старческого маразма, расцветшего на почве межведомственной грызни. Впрочем, Тараса Григорьевича понять можно. Все очень просто — тонущий чиновник хватается за соломинку в виде скользкого Горобца и издает демагогические вопли об оживлении дублера полумесячной свежести. Это у него от безвыходности. Кстати, о готовящейся замене дублера Комиссии. Ну, вытащил он из сетевой кладовки маринованного «шептуна», смахнул с него плесень, отдал господину Батуро, чтобы тот кое-как напичкал его сведениями из учебников и статистических справочников. И чего добьется? Все равно что фаршированную рыбу выпустить в море. Какую рекомендацию может выработать недоношенный дублер! Крепить обратные связи и неустанно повышать уровень. Короче, родит очередной транспарант. По нынешним временам, когда избыточной мозговой активностью никто не страдает, это означает провал. Наш дружный коллектив, конечно, мог бы с отчаянием обреченных навалить решение без дублера, но вы же понимаете, что наверху это примут либо за издевательство, либо за провинциальную самодеятельность. Выставим себя на посмеище, до конца жизни будем в дураках ходить. Кому охота? Всем известно: «советующая система типа „программный дублер“ есть верный помощник управленца в деле неуклонного снижения хозяйственной энтропии». Главное, не забыть запустить. И стать бараном при такой жизни не стыдно. Особенно с этим новым поколением «шептунов», вроде моего родимого, которые оснащены синтезаторами и анализаторами текста на уровне литературных способностей наших инженеров. Страшно представить, если главные бараны страны возьмутся за дело...

Кажется, я умничаю. Наверное, всю Комиссию поголовно маразм одолел. Я ведь о чем-то стоящем хотел поразмыслить. Очевидно, о Бруке. Интернационализм его сердечных увлечений не выходит из круга сестер-славянок, что, конечно, характеризует референта с правильной идейной стороны. Даже дублер обратил на это повышенное внимание. Но похоже, что многогранная личная жизнь шпионов и диверсантов вредит не столько им, сколько следствию. Я не без удовольствия подозреваю, что мой самопрограммирующийся друг на этот раз запутался. Его рекомендация внешне, как всегда, блистательна, но сомнительна по сути. Например, дублер уверен: Бруку было известно, что ему не светит директорское кресло, и оттого он сделался сговорчивее. Но не надо долго морщить лоб, чтобы понять — Брук и не подозревал об изменениях в директорском резерве. Даже я сам услышал об этом впервые только сейчас — от своего «шептуна». В Сети хранится масса вполне открытых сведений, которые наделены замечательным свойством: чем больше они тебя касаются, тем труднее их найти. Пройдемся по другим пунктам версии дублера. Я знаю диверсионные программы западного производства, как-никак мне за это полковника дали и позволяют держать секретаршу. Посмотрел я черновики программы, найденной у Брука во время обыска. Ничего похожего на западные схемы! Она явно разработана самостоятельно, без всякой диверсионной подготовки. Брук — наш человек. Кулибин хренов. Далее. Фирме «Spielmann» нет смысла подрывать нашу многострадальную экономику. Она производит программные модули далекого для нас будущего, которые могут сопрягаться только с дублерами последнего поколения. Самые злонамеренные капиталистические интересы требуют, чтобы программное обеспечение нашей страны побыстрее доросло до уровня их продукции. Теперь насчет личности господина фон Айзенберга. По справке иностранного отдела вырисовывается облик нормального трудяги-немца. Но даже если он

забыл уроки истории и предпринял драг нах остен, то зачем ему жениться на завербованной славянке вместо положенной солдату рейха Брунгильды? Тодорова и так пошла бы в качестве трофея. Глупо как-то. К тому же любвеобильная Людмила проверялась нами еще при поступлении в ЦНИИ СЭ на практику, а уж я-то знаю, как у нас проверяют. Нет, не годится она для тяжелого шпионского труда: если судить по ее досье, слишком чувствительна, что для женщины, конечно, идеально. В общем, дублер попал в плен стереотипов, без которых, увы, наша жизнь чересчур сложна. Вот и выписывает он фигуры высшего пилотажа на пяточке, выделенном ему службой принципизации. А его исходная посылка, между нами, существует только в девственном воображении принципизаторов. И последнее. Зачем Бруку бежать из города над вольной Невой, если гораздо умнее было как ни в чем не бывало явиться утром на работу, громче всех ужаснуться и от имени батьки Шкурко потребовать массового героизма в деле ликвидации последствий диверсии. А чтобы никаким образом нельзя было вычислить его участие в деле, ему следовало не одалживать у приятеля машину, а действительно угнать. Риску больше, но риск оправдан. Отъехал бы в сторонку, встал и тихо сделал свое грязное дело. Зачем ему мчаться по какому-то окраинному шоссе? Возможно, он наивно полагал, что движущийся терминал труднее засечь, но и тогда ему надо было колесить, например, где-нибудь по Васильевскому острову, набитому терминалами. Кстати, если бы Брук был исполнителем чужой воли, то скорее всего ему не пришлось бы машину ни угонять, ни брать взаймы. Таковую-то мелочь чужая воля должна была предусмотреть.

В общем, есть у меня ощущение, что Брук — герой-одиночка, вроде Герострата. Ясно, что заниматься математическим моделированием его мотивов — все равно что ловить стаканом муху. Ах, если бы можно было допросить его!»

Комментарий № 12

В то время идеологическое воздействие на умы потеряло характер непосредственного пропагандистского давления. Из обихода информационных служб исчезла не только ложь, но мелкие неточности, ведь они действительны лишь когда большая часть информации закрыта. Сети увеличили возможности доступа к информации. Впервые антиобщественные организации внутри страны научились проникать практически в любой сетевой канал. По счастью, эти организации не интересовались сбор данных секретного характера. Наоборот, они сами посылали информацию во всевозможных направлениях, используя при этом и саморазворачивающиеся структуры, и теневые базы данных, и блуждающие текстовые модули. Но главным их оружием было толкование общеизвестных фактов и ловкое использование человеческих слабостей.

21.

Время 15:35. Выдержка из передачи подпольного сетевого канала «Свободная информация» (принадлежность — «Отряды гуманизации»).

«Здравствуй, мой маленький, тебе повезло: ты подключил свой терминал куда надо. Из некоего информационного центра, затерявшегося в электронных джунглях, Сема Майский шлет очередное возмутительное послание к народу. Некоторые граждане, в частности товарищ Сидорчук из Питерского управления ОСИН, интересуются по долгу службы, где находится наш центр. Отвечаем: на природе. Отличная

погода, крестьяне вокруг торопятся скосить сено. В разгаре битва с кормами. Пока побеждают корма. Впрочем, не будем забегать вперед, сельскохозяйственная тема у нас в следующий раз.

Сегодня, как всегда в нашей передаче, деловая игра для начинающих миллионеров. Это через несколько минут. А пока вы разминаетесь и настраиваетесь, я займу канал своей болтовней, чтобы и бойцам из Управления ОСИН было не скучно на работе. Как вы думаете, на что я потратил летний отпуск? Продавал на толкучке вынесенные со службы записи? Неправильно. Участвовал в сборе средств на нужды замерзающих красноярских малайцев? Ха-ха, не угадали! Ходил к психиатру с жалобами на то, что стал относиться к дублеру, как к женщине? Ну что вы, право! Просто я съездил в городок Бонн по профсоюзной путевке, пользуясь тем, что внешне ничем не отличаюсь от образцового труженика. Там посетил выставку новинок, организованную международным обществом по поиску нелепостей. Нашенская продукция занимает на ней почетное место. Есть, к примеру, соковыжиматель для бананов, которые, как планировалось в ГСУ, должны произрастать в теплицах средней полосы России. Но бананы плохо прижились на гостеприимном Нечерноземье, наверное, отеческий химизированный навоз пришелся им не по вкусу. Доблестное ГСУ не заметило отсутствия бананов, поэтому соковыжиматель появился на свет и теперь с большим энтузиазмом используется народом для производства высококачественного самогона. Есть и бытовой автоуборщик со стилизованным лицом Арины Родионовны. Размер очистителя у него составляет 1.5 метра, а стоимость — пять инженерских окладов. Очевидно, ожидалось, что к 2018 году русские люди окончательно покинут малогабаритные квартиры и разместятся во дворцах, где станут думать, куда бы им девать деньги, поэтому «няня Пуш-

кина» была запущена в массовое производство. Конечно, «жить стало лучше, жить стало веселее», но наша женщина, пробираясь по закоулкам своего жилья, больше полагается на тряпку в руках, так как применение «няни» неумолимо ведет к катастрофическим последствиям для квартиры. Здесь есть и ультрасовременный комбинезон с обогревом, выпущенный для тружеников Севера. К сожалению, северное сияние слабовато для подзарядки фотоаккумуляторов, поэтому, чтобы согреться во время полярной ночи, пришлось бы возить с собой мощный прожектор... Ладно, завязываю, не буду больше поливать грязью, даже мне тошно стало. В конце концов, что может быть лучше русской икры и водки?

Впрочем, вспоминается мне недавнее прошлое, скажем самый конец XX века, когда Россия заваливала Запад дешевыми автомобилями и холодильниками. Да, это было время расцвета. Неудержимо катила волна расширения самостоятельности предприятий в условиях сырьевой обеспеченности и дешевизны рабочей силы. Для упорядочения стихийного процесса строительства капитализма было создано ГСУ, которое одним махом внедрило тщательно скопированные западные технологии. Но!.. Запад за несколько лет в корне обновил те самые технологии, а ГСУ в это время проростало в министерства, опутывало компьютерной сетью экономику. Пути-дороги были размерены на двадцать лет вперед очередным грандиозным планом. И в результате хозяйственная регуляция, приближенная к рыночной, оказалась скована компьютерным надзором. Страх хозяйственников перед дремлющим оком Сети привел к массовому обману надзирателей надзираемыми, что в свою очередь, как ни забавно, и вывело экономику из-под контроля. О трудностях, испытываемых при этом рядовым потребителем, пожалуй, не мне вам рассказывать. Так что

ту выставку, о которой я вам говорил вначале, можно и не посещать.

Мой маленький друг, внимание! Пришла пора прикрыть поток лжи, который я с чужого голоса и, надо полагать, за хорошую плату, обрушил на твою голову. Итак, сегодня вновь — азартная и, разумеется, идеологически крайне вредная игра в юного бизнесмена. Объявляю условия. Начальный капитал — 10 рублей. Сфера игры — бизнес развлечений. Игровое поле — город средней полосы России с населением 1—2 миллиона человек. Прошу не забывать: формы развлечений, противоречащие законодательству, использовать запрещается! Поехали, ребята, и да простит нас ОСИН...»

22.

Сведения из ежегодного Справочника информационных служб, составленного ГСУ. Блок: контроль и защита информации. Раздел: Управление Особой Информации. Гриф: «Для служебного пользования».

«Введение.

Управление Особой Информации (Управление ОСИН) было образовано в 2001 году указом Президента в связи с созданием глобальных компьютерных сетей.

Группы решаемых задач:

- контроль и фильтрация информационных потоков;
- организация комплекса средств защиты информации;
- иные особые операции, обеспечивающие информационную безопасность страны.

В минувшем 2017 году в связи с обострением социальных проблем в стране основное внимание было уделено следующим направлениям работы:

1. Борьба с несанкционированным поступлением информации из-за рубежа.

2. Ужесточение защиты баз данных от незаконного доступа иностранных информационных служб.

3. Улучшение качества контроля наземных и космических каналов связи.

4. Борьба с подрывной деятельностью программистов из антисетевой организации «Отряды гуманизации».

Кроме того, начата работа по упорядочению обмена программами и данными в стихийно возникающих объединениях рядовых пользователей, пресечению «черного рынка», регистрации постоянных абонентов сетевого «эфира».

Структура Управления, статистические данные и конкретизация деятельности — только для лиц, имеющих доступ к секретным разделам Справочника».

Комментарий № 13

Полковник Хватов — на рабочем месте. Юная секретарша все чаще поглядывает на него. Добрые глаза ее излучают искреннее девичье сочувствие.

23.

Время 15:40. Реконструкция личного разговора. Смысловая вероятность — 0.73, лексическая вероятность — 0.27.

— Денис Павлович, не могу больше на вас смотреть, помочь хочется. Спина ваша совсем грустная стала.

— Что?

— Ваша спина...

— Скажу по секрету, Марфуша, у меня не только спина, но и другие части тела погрустнели.

— Давайте я вас отвлеку?

— Сделай доброе дело, солнышко.

— Чего же вы кофе не выпили? Теперь придется выливать.

— О-о, извини, Марфуша, забыл... После разговора с председателем не кофе требуется, а спирт. Ты как, еще не употребляешь? А то достанем из сейфа, поднимем настроение.

— Что вы, Денис Павлович!

— Не бойся, завтра меня и так разжалуют в лейтенанты, а тебя уведет к себе какой-нибудь другой полковник. И все из-за Брука... Шучу, не обращай внимания.

— Денис Павлович, неужели вам Ивана Альбертовича совсем не жалко? Тоже ведь грустный ходил, будто чувствовал. Особенно вчера, так пусто на меня посмотрел...

— Что он чувствовал? Как нам всем подгадит?

— А по-моему, у него трагедия была. И вообще, я всегда считала, что Иван Альбертович способен на геройство.

— Марфуша, не разочаровывай меня. Образованная вроде барышня, а не знаешь, что из-за таких героев Управление ОСИН и существует. Между прочим, ты уже месяц при мне состоишь, про мою личную жизнь, небось, все выведала... Хотя правильно делаешь, что держишься от наших секретов подальше. Ты девушка разумная.

— Все потешаетесь, Денис Павлович?

— Почему потешаюсь? Хвалю. И работница ты хорошая. Вон материалы обыска подготовлены не абы как, а с душой.

— Я старалась, только ничего не понимала. Странные у Ивана Альбертовича компакт-пластины, сплошная теория. Вы-то, конечно, уже разобрались. Вы ведь все знаете, да?

— Теории к делу не подошьешь. Хотя они характеризуют Брука с неожиданной стороны.

— Да, оказывается, чудака он был! Зачем, например, хранить распечатку 74-го года?

— Дело не в 74-м годе, солнышко, а в тексте распечатки. Был такой экономист-любитель Альберт Судейкин, непризнанный гений. Накатал во вне рабочее время

теорию, благополучно помер, а теперь, скажу по секрету, наша с тобой Комиссия от него кормится.

— Почему его книга не опубликована?

— Время было такое. А потом пришло другое время, успешное, в котором стало не до мрачных экономических теорий. Вот и не опубликовалось. Впрочем, сейчас труды Судейкина готовятся к изданию, и если батька Шкурко одолеет ГСУ, то будет нашему кормильцу и почет, и уважение через полвека. Кстати, благодаря и Бруку тоже.

— А что в распечатке такого особенного?

— Да ничего особенного. Просто объяснено почти все, что сейчас происходит в экономике. Большой подарок нашим балбесам.

— Ах, как интересно, Денис Павлович!

— Напротив, это довольно скучно. Человек от нечего делать построил сложные зависимости между ошибочностью управляющих воздействий и избыточностью получаемой информации для каждого уровня управления. В результате изрек пророчество о второй централизации, теперь уже компьютерной, плюс создал теорию информационной избыточности и предсказал, к каким катастрофам эта парочка может привести.

— Так что, у Судейкина написано то же самое, о чем Брук и Шкурко все время на заседаниях говорят? А я думала, это только ваша комиссия выяснила.

— Мы тоже хорошо поработали, солнышко. К Сети подобралась поближе. Ее ведь голыми руками не возьмешь. Кстати, у Судейкина, кроме нас, есть и другие последователи, между нами, чуть более высокопоставленные. А в случае принятия рекомендации Комиссии это направление наверняка официально станет единственно верным, как у нас и предполагается.

— Зачем же Иван Альбертович хранил распечатку?

— Он хранил ее во все времена, даже когда на нее никто и смотреть бы не стал. Я думаю, причина вот в чем. Когда-то очень давно, еще в прошлом веке, к одной молодой девушке, такой же наивной, как ты, ходил в

гости спивающийся гений. Через некоторое время они расстались, и он оставил ей распечатку на память о себе. Через девять месяцев у девушки родился Брук Иван Альбертович. Такая у меня версия. Хотя, конечно, специально я ее не проверял.

— Я все-таки не понимаю, Денис Павлович. Если Сеть совсем плохая, почему ее все слушаются?

— Марфуша, да ты голова! Вопрос прямо в точку. Брук, между прочим, тоже этим мучился, теорий новомодных записал на компакт-пластины. Про компьютерный культ и про то, почему человек перед Сетью преклоняется. Помнишь, в материалах обыска было? В общем, с этим надо еще разбираться. А мое мнение такое — у нас на Руси принято делать то, что нравится начальству. Если начальство считает, что Сеть во всем права, значит, слушайся ее и не вякай... Да, деточка, умеешь ты мужчин отвлекать. Объявляю тебе благодарность.

— Ой, Денис Павлович, вы такой загруженный, а я, дура, вам мешаю. Может, мне чем-нибудь заняться, а то я сегодня целый день просто так сижу, «электронного жениха» по экрану гоняю.

— Извини, сегодня в самом деле не до тебя. Мне еще надо с бруковскими теориями покончить, потом в его личном каталоге порыться... Во! Вспомнили обо мне. Какой-то гад на терминал пробивается... Марфуша, принеси-ка мне новый кофе, и покрепче. Если за это время засну — буди, не стесняйся.

— Бегу, Денис Павлович.

— Под ноги смотри, бегунья... Эй, погоди! Купи еще бутерброд с соевой икрой... Ишь, коза.

Конец реконструкции.

24.

Время 15:51. Сообщение начальника Центра информационной обработки ЦНИИ Стратегии Экономики, выданное на терминал 04125 (пользователь: Хватов Д. П.)

«Денис, не пугайся, это всего лишь Кондратьев, твой товарищ по детским играм. Есть новость. Помнишь, я сообщал, что в 03:08 с терминала 20208 был сделан какой-то запрос к дублеру вашей Проблемной комиссии? Докладываю: мы его раскодировали. Не бранись, мы действительно читали его долго, потому что не могли обойтись без связистов. Передаю содержание. Команда программному дублеру: МАКРОАНАЛИЗ ДАННЫХ ПО КРИТЕРИЮ «ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ УНИЧТОЖЕНИЯ ПРОГРАММНОГО ДУБЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗВЕНЬЕВ УПРАВЛЕНИЯ». Вводные данные к запросу: информация из личного каталога «Брук И. А.» по ключу «КОМПЬЮТЕРНЫЙ КУЛЬТ».

Это все, чем я могу тебя удивить. Заходи лично, Денис, поболтаем.

КОНДРАТЬЕВ».

25.

Время 15:53. Фонограмма из архива ВСУ.

— Кондратьев, извини, в прошлый раз забыл с тобой поздороваться. Здравствуй, дорогой.

— Что с тобой, Денис? Извиняешься... Нездоровится?

— Кто тебя знает, вдруг ты обиделся по тупости? Кроме того, похвалить вот решил. Работаете медленно, но добротно.

— Рады стараться.

— Рано радуешься. Помнится, ты мне утром сообщал еще и о том, что дублер не дал никаких рекомендаций в ответ на расшифрованный тобой запрос. Ты, случаем, не думал на эту тему?

— Чего тут думать! И так скажу — как простой начальник. Не знаю, почему «шептун» не захотел Бруку отвечать, но сдать любопытного пользователя властям, то есть тебе, был обязан. А если он не заложил дивер-

санта, то это уже ваш недосмотр, господин надзиратель средств защиты.

— Увиливаешь от ответа, Кондратьев.

— Думать за дублера, Денис, это кощунство. Люди появились на свет, чтобы создать дублеров и отмереть за ненадобностью... Извини, старик, в самом деле не представляю. Твой диверсант дал совершенно неуместный запрос. Может, принципизаторы подскажут... Хотя вряд ли. Извини, старик.

— Ладно, не бери в голову. Еще раз спасибо за хлопоты, начальник.

Отключение абонента «Хватов».
Конец фонограммы.

Комментарий № 14

Полковник Хватов просматривает личный раздел Брука Ивана Альбертовича. Он недовольно морщится: в надежде найти что-то новое ему приходится разгребать ворохи фраз, осточертевших за месяц работы.

26.

Тезисы отчетного доклада Проблемной комиссии. Подготовил 1-й референт председателя Комиссии Брук И.А. Содержание соответствует предварительным рекомендациям дублера.

«1. Сначала даем краткое изложение теоретических принципов, на которых базируются выводы Комиссии. Естественно, в адаптированном виде, чтобы отцы нашей экономики восприняли их, как нечто само собой разумеющееся, о чем они не раз думали сами. Примерно так:

„В настоящее время на всех уровнях народного хозяйства действует единая информационно-советую-

шая система программных дублеров, сформировавшаяся на базе глобальной вычислительной сети. Эта система, концентрируя информацию со всех уровней, приобрела функции централизованного управления экономикой страны. Таким образом, возобновилось централизованное руководство народным хозяйством, регламентирующее его сверху донизу, в котором преобладает машинный фактор. Это явление можно назвать «второй централизацией».

Такая централизация выполняет задачу — рекомендациями на всех уровнях максимально повысить определенность и предсказуемость хозяйственных ситуаций. Задача решается путем оптимизации производственно-потребленческих схем (т.е. путей преобразования ресурсов в конечные продукты). Для этого каждый уровень управления получает полную информацию каждого из нижних уровней (уровней исполнения). Однако указанная информация, поступающая на уровень управления, не может быть основой правильной рекомендации по причине:

— выбор существенных параметров передаваемой информации определяется службой принципизации для каждого уровня исполнения, исходя из текущих потребностей, главным образом, из испытываемой дефицитности.

Если часть параметров отобрана неверно, то при многоуровневой обработке информации по восходящей происходит накопление ошибок в оценке общей хозяйственной ситуации. На основе этой оценки производится многоуровневая выдача решений и их исполнение по нисходящей, что ведет к циклическому лавинообразному накоплению ошибок. Кроме того, увязка решений для всех уровней является причиной запаздывания по краткосрочным параметрам и недовольности долгосрочных прогнозов. Таким образом, информация, передаваемая от уровня к уровню, несмотря на естественное укрупнение, становится все

более избыточной (теория информационной избыточности).

Исполнение ошибочных рекомендаций приводит к непрогнозируемым результатам. Боязнь санкций заставляет исполнителей искажать выходные данные (информацию обратной связи), придавая им мнимое соответствие заданным показателям. Начинается несогласование информационных моделей и реальных экономических процессов. В настоящий момент Сеть просто работает на саму себя“.

Это будет первый раздел.

2. Раздел второй, графический. Здесь у нас будут «мультики» — для тех, кто думает глазом. Нарисуем пространства, выстроенные по методу Судейкина. Базовые данные получены сплошным обследованием машиностроительного комплекса.

Зависимость первая. Вход: уровень управления (степень централизации). Выход: коэффициент избыточности информации, поступившей с подчиненных уровней.

Зависимость вторая. Вход: матрица коэффициентов избыточности информации, поступившей с подчиненных уровней. Выход: матрица дефектов управляющих воздействий. Мерцающей впадиной обозначена область критических значений, в которой уровни исполнения становятся неуправляемыми.

Такая наглядность убедит кого хочешь. Вот только зловещей музыки не хватает.

3. Раздел третий, фактографический. Здесь мы будем поливать грязью. Лишим руководящие головы невинности с помощью задокументированных фактов приписок и других искажений отчетной информации. Опишем методику обмана, вскроем существование в штате предприятий квалифицированных специалистов, исполняющих, помимо непосредственных должностных обязанностей, работы по обману Сети, приведем схемы вовлечения в названные работы представителей ГСУ на местах.

Для сомневающихся — примеры, где много известных фамилий.

4. Раздел четвертый. Чтобы нам не говорили: мол, критиковать умеют все — выложим портфель предложений по реорганизации сетевого дублирования хозяйственного механизма. А именно:

Проведенным анализом установлено, что при существующем уровне глобального моделирования и технологических характеристик аппаратных средств невозможно преодолеть недостатки, присущие централизованному управлению экономикой. В частности: инерционность, замедленное реагирование на изменение хозяйственных условий, необратимость ошибочных решений, нисходящая бюрократизация, замена общественно необходимых действий на формально регламентированные и т. д. В связи с этим выполнение глобальной вычислительной сетью дублирования признано неудовлетворительным.

Предлагается провести децентрализацию по трем направлениям:

а) Информационная децентрализация. Производить выработку управляющих рекомендаций для каждого уровня экономической иерархии **ТОЛЬКО НА ЭТОМ УРОВНЕ**. Ограничить число параметров, передаваемых с уровня исполнения.

б) Программная децентрализация. Изменить структуру экономических моделей в соответствии с новой концепцией.

в) Организационная децентрализация. Ограничить функции ГСУ исключительно рамками программного и технического обслуживания вычислительных сетей».

(Далее запись с пометкой «личное».)

Сразу после публикации трудов А. Судейкина проталкивать их на соискание Национальной премии! Святое дело.

Время 16:03. Дневник самоконтроля. Из личного раздела Хватова Дениса Павловича.

«Как я упустил из виду? Действительно, ведь еще утром друг детства Кондратьев сообщил, что в 03:08 Брук запросил дублера Проблемной комиссии, затем полтора часа колесил по городу, явно чего-то ожидая. Что он мог ожидать? Ну конечно же: ответную рекомендацию. Впрочем, хватит ныть, придумаем-ка лучше рабочую версию. А ты — третье полушарие на моем столе — отдохни пока.

Предположим, по какой-то причине Брук твердо решил расправиться с дублером Комиссии. Пошел на дело, но перед тем как запустить программу уничтожения, запросил дублера о правильности своих намерений. Вполне возможно, он просто не мог преодолеть проклятую привычку испрашивать указание у программной няни по любому пустяку, полагая, что это займет немного времени. Но ответ почему-то запаздывает. Брук ждет, кляня и себя, и ненавистного дублера, тем не менее не решается совершить взлелеянную диверсию. Причина: приступ профессиональной неуверенности. Все возможные сроки ожидания истекают, и дальше начинается заскок. Брук зачем-то звонит бывшей жене. А затем собирает душевные силы и дает команду на запуск. Что касается подозрительно долгого молчания дублера — мы объясним это теоремой Геделя о неполноте любой аксиоматической системы. Мы, осиновцы, люди тертые. Запрос Брука как раз то утверждение, которое дублер с его принципизацией ни подтвердить, ни опровергнуть не мог. Теперь остается придумать, зачем все-таки Брук посреди ночи захотел пообщаться со своей уволенной в запас супругой и о чем, собственно, они могли беседовать. Начнем с того, что бывшая жена вряд ли сумела бы довести его до состояния аффекта. Не мог Ивана взволновать давно надоевший дрянной характер Ядвиги Станиславовны, по-

тому что рисковал он в этот момент слишком многим. Другое дело, если бы они были записаны в одной шайке. Но представить это трудновато. Сомнительно также, чтобы Брук по своей инициативе побеспокоил неукротимую Ядвигу в столь неподходящее время. Скорее всего его звонок из автомобиля был ответным. Вполне возможно, бывшая жена ранее просила его о чем-то, и сейчас он позвонил ей по ее же делу, чтобы заодно и самому отвлечься. Например, она вполне могла напрямь Ивана Альбертовича в качестве очередного заступника — ведь ее, такую чистую, подозревают в симпатиях к грязному наркобизнесу. Дамы вроде Ядвиги Станиславовны не зря любят мужчин, рано или поздно они их используют. И последнее. Почему Брук был так неосторожен, что при всей ночной аппаратуре ухитрился подставить бок большегрузной машине? Ответ: действительно перепсиховал. Только причиной аффекта, по-видимому, был вовсе не разговор с женой (как полагает мой дублер-фрейдист), а полтора часа нарастающего страха. На это наложилась естественная усталость от проведенной не лучшим образом ночи. И наконец, само покушение на святыню не могло не разладить его рациональный ум.

Ну что, получилась вполне логичная версия. Помому, не хуже, чем у моего настольного ангела-хранителя.

Как я и предполагал, вскрывшиеся обстоятельства показывают идейную насыщенность намерений Брука, то есть рисуют его отнюдь не как простого исполнителя, а как одержимого одиночки. Что можно сказать о человеке, который, отправившись на диверсию, продолжает вести научную работу — наполняет дублера новыми сведениями и просит его провести макроанализ своего преступления? Такой человек либо раб дурных привычек, либо маньяк-теоретик. Оказывается, Брук имел и свое особое мнение по интересующему нас всех вопросу. Малышуреференту явно надоела гипотеза о второй централизации, и он втихаря увлекся околону научными измышлениями. Я-то полагал, что все эти изыски насчет технокра-

тического культа и компьютерного язычества занимают только зеленых братьев из «Отрядов гуманизации». А у него мало того, что дома пластины на одну тему, так он решил и дорогостоящего дублера психоиндустриальными теориями заморочить. Извелся я, пока просматривал личный раздел Брука по тому самому ключу, что мне подарил невозмутимый Кондратьев. Сплошной «Компьютерный культ». Что-то здоровое тут есть, конечно, но мне, старой ищейке, никак не ухватить, слишком непривычно. Вот многочисленные варианты отчетного доклада, который готовился для Шкурко, другое дело. Хотя, по правде говоря, они меня тоже утомили. Как видно, трудяга референт потел, стараясь подобрать более точные формулировки, но теперь это все роботу под рубильник. Потому что нашему новому дублеру, если его выкормят к завтрашнему утру, будет не до таких тонкостей. Впрочем, просмотр личного раздела пока не закончен, осталось домучить парочку файлов, так что кончаю трепаться. Еще десять минут отвратительного чтения, и пойду в бильярдную, поплюю».

ВЕКТОР 6

(интервал 17:00 – 18:30)

28.

Время 17:00. Оповещение членов Проблемной комиссии.

«Друзья! Завершены работы по восстановлению ядра программного дублера. Контрольное тестирование прошло успешно, ядро приведено в состояние предварительной готовности. Продолжается наполнение периферийных модулей.

Благодарю всех за самоотверженный труд!
Председатель Комиссии ТАРАС ШКУРКО».

Время 17:05. Дневник самоконтроля. Из личного раздела Хватова Дениса Павловича.

«Лучше бы я пошел спать. Честное слово.

Скоро всю местную ораву выметет вон, только коридоры содрогнутся да лифты натужно закричат. Марфуша наконец зажала в углу «электронного жениха» и отключила терминал — начала собираться на охоту за настоящим женихом, примитивно-плотским. А мне что делать?

Да, вовремя поступило сообщение доктора Шкурко о нашей общей трудовой победе. В новых обстоятельствах — убийственно вовремя.

Скажу без лишней скромности — задачу свою я выполнил. Выяснил: кто, что и зачем. А поделиться не с кем, не поймут или не поверят. Разве что Марфуша поверила бы, чистая душа, но зачем отвлекать ее от важных дел. Итак, личный раздел Брука прочитан до конца. И нашелся там сюрприз: новые варианты тезисов отчетного доклада Комиссии, серьезно отличающиеся от первых, от тех, про ключевую роль второй централизации. Характерная особенность новых тезисов — они подготовлены без помощи дублера Комиссии. Теперь я понимаю, почему Брук решил действовать в одиночку. Выводы-то его бездоказательны, тем более для нормального начальника.

Впрочем, прощаюсь с тобой, дневник. Спасибо за проведенный сеанс психотерапии. Думаю, ты на меня не в обиде, я все-таки исправно общался с тобой. Почему — не знаю. Будем надеяться, отыщется какая-нибудь любопытная марфуша, которая это прочтет».

Комментарий № 15

Полковник Хватов понимает, что на отчаянные действия Брука толкнули далеко не эгоистические побуждения. С «идейной» подоплекой диверсии он уже

ознакомился и даже нашел там рациональное зерно, но поспешность и агрессивность действий референта неприятны полковнику Хватову. Найденное объяснение недвусмысленно противоречит всему наполнению его жизни последних двадцати лет: усвоенным с детства основам прогресса, профессиональным навыкам, служебному долгу, в конце концов...

На лице полковника отражается напряженная внутренняя работа.

30.

Время 17:10. Фонограмма из архива ВСУ.

— Тарас Григорьевич, это Хватов.

— Что, поздравить спешишь? Добре, сынку, я не против. Правда, наш новенький дублер еще туго соображает — вроде меня, но к утру, будь уверен, станет самым умным из нас.

— Снимаю шляпу перед вашим умением поднимать людей.

— Вообще-то я домой собираюсь, Денис Павлович, силушки мои кончились. Давай, расскажи о своих успехах, только кратенько.

— Пока ничего интересного, Тарас Григорьевич, поэтому кратко не получится. Я вам утром подробный рапорт представлю.

— Ну, ясно. С сообщниками у тебя напряженка. А когда следователю не за кого уцепиться, очень удобно причины и следствия свести к одному человеку. Тем более если тому уже все до фени. Ловко я тебя понял, Хватов? Ладно-ладно, не серчай, это я просто от полноты чувств зубами клацнул. Для меня-то что главное? Что завтра в Мраморном зале, на публике, спокойненько запустим дублер, сгенерируем рекомендации, проштамбуем под кофеек акты... А для тебя главное — отчитаться перед своими командирами.

— Для меня главное — обеспечить. Я вам, собственно, потому и звоню, а вы меня обижаете.

— Да что ты, я беспокоюсь за тебя! Так чего ты звонишь?

— Появилось маленькое опасение, что все может повториться вновь.

— Что может повториться вновь?

— Диверсия.

— С чего ты взял! Ты что-то выяснил?

— Как на флоте — считаю себя ближе к опасности. Учитываю наихудший вариант.

— Я тебе «повторюсь вновь», Хватов! Смотри, чтобы на нового дублера ни одна птичка не какнула!

— Насчет нового дублера не волнуйтесь. По моей просьбе установлена защита «Капкан-2». Это специальная система агрессивной защиты, активно воздействующая на пиратский терминал.

— Шляпу даришь, когда уже головы на плечах нет... Что же ты раньше думал, Денис Павлович? Жалко было такое дефицитное средство тратить?

— Я постарался, а вы, как всегда, недовольны. К «Капкану-2» постоянно подключены только оборонные дублеры и ключевые управляющие системы, вывод из строя которых угрожает катастрофическими последствиями. Остальные программные комплексы правительственного уровня подключаются к этой защите только при обстоятельствах, квалифицированных представителем ОСИН, как чрезвычайные.

— Да, к тебе не подкопаешься, Денис Павлович.

— Меня другое беспокоит, Тарас Григорьевич. Безопасность наших копий в главном сетевом хранилище. Есть мнение, что в этой конторе бардак.

— Я ж вопию об этом на каждом перекрестке! Между прочим, полчаса назад Батуро последнюю копию дублера туда отправил...

— Так вот, не нагряться ли нам с проверкой? Если, типун мне на язык, будет попытка второй диверсии, то

на этот раз и про сетевое хранилище не забудут. Кроме того, проверка поможет лягнуть Горобца по линии безопасности. Я уверен, найдется за что.

— Ну, Хватов!.. Как будто не ты говоришь. Решил мне все-таки угодить?

— Вы всегда недооценивали мои профессиональные способности.

— Ну что ж, такое дело надо одобрить. Поезжай, сынок.

— Я?!

— Конечно. Кто же еще?

— Тарас Григорьевич, у меня дел выше погон! Жену Брука еще раз надо допросить, просмотреть пользовательские разделы кое-каких членов Комиссии, рапорт сочинить своему начальству... Есть же другие сотрудники!

— Ничего, ничего! Проверка будет внезапная, много времени не займет. Заодно на обратном пути заедешь к подозреваемой даме на чашку кофе. У тебя вблизи допрос получится лучше, чем по телефону. Если выдержишь женские чары, то успеешь вернуться и остальное доделать.

— Хорошо, Тарас Григорьевич, съезжу сам. Вы официальное направление подготовьте в разделе секретариата, а я там, на месте, его выведу.

— Езжай, хлопчик, езжай... Однако не дал ты мне спокойно уйти. Буду теперь думать про новую диверсию.

— Вы уж извините, служба у меня такая.

— Кстати, твой хваленый «Капкан» когда заработает? Я слышал, он очень долго раскручивается.

— Организационные меры занимают не больше часа.

— А когда ты послал требование?

— Тарас Григорьевич, все будет в порядке! Гарантирую вам, как Полномочный представитель.

— Смотри у меня! Полпред...

Отключение абонента «Шкурко».

Конец фонограммы.

Выписка из диспетчерского журнала Центра информационной обработки ЦНИИ Стратегии Экономики.

17:12. Поступило указание Шкурко Т. Г.:

«До завершения полного подключения дублера Проблемной комиссии к системе защиты «Капкан-2» обеспечить безопасность программного обеспечения собственными силами».

17:15. Приказ по Центру в связи с указанием Шкурко:

«При поступлении команды загрузки любой пользовательской программы производить предварительное выполнение загруженной программы на «Псевдомашине» для анализа ее назначения. Запускать программу на реальное выполнение (в случае поступления команды запуска) только при подтверждении ее безопасности для других программных продуктов. КОНДРАТЬЕВ».

18:00. Поступило сообщение Представителя Управления ОСИН полковника Хватова из Северо-Западного филиала главного сетевого хранилища:

«В присутствии начальника смены и начальника караула произведена проверка состояния копий дублера Проблемной комиссии от 12.06.18 г., записанных на накопителе типа джай-пакет. Установлено, что разрушены корневые файлы, вследствие чего невозможен доступ в рабочее пространство накопителя. Вероятная причина порчи информации — злонамеренные действия. Для проведения детального обследования джай-пакета вызван эксперт Управления ОСИН. Выезжаю в институт. ХВАТОВ».

18:20. «Внимание! Предварительное выполнение на «Псевдомашине» программы, обозначенной «июнь-12», которая была загружена с внешнего терминала 40892 в 18:15, дало положительный результат. В выполнении команды запуска (18:16) отказано. До-

полнительный анализ показал, что программа предназначена для стирания информации в области памяти, где хранятся оптимизационные модели».

ВЕКТОР 7

(интервал 18:30 – 19:30)

32.

Время 18:50. Терминал 04125. Оперативная сводка Управления ОСИН — полковнику Хватову Д. П.

1. Ст. эксперт Управления Куцый А. В. сообщил из сетевого хранилища результаты дополнительного обследования джай-пакета, на котором хранился дублер Проблемной комиссии. Накопитель был подвергнут кратковременному воздействию когерентного источника микроволнового излучения, что привело к искажению кодов в 90% оптических элементов.

2. В 18:15 с внешнего терминала 40892 была загружена программа уничтожения дублера Проблемной комиссии, хранящегося в Центре информационной обработки ЦНИИ Стратегии Экономики. В 18:16 была дана команда запуска этой программы, которая не прошла вследствие мер, принятых сотрудниками центра. Таким образом, вторично предпринята попытка уничтожения указанного дублера, на этот раз неудавшаяся.

3. Пиратский терминал 40892 установлен в автомобиле ВАЗ-21100-А, номер «К-51-421-ПО», принадлежащем гражданину Кудрику Антону Степановичу, жителю г. Зеленогорска, 1992 года рождения. По заявлению гр. Кудрика, в 17:20 он оставил автомобиль на улице им. программиста Сердюка и отправился в общественный туалет. Вернувшись в 18:00, автомобиля на месте не обнаружил. По сообщению ГАИ, автомобиль гр. Кудрика А. С. был найден в

18:40 на той же улице в 300 метрах от места угона. Пребывание владельца автомобиля в общественном туалете подтверждено свидетелями.

4. Делом об угона машины занимается следователь РУВД Балтийского района капитан Салов С. В. Следователю дана дополнительная информация по линии Управления ОСИН в пределах допуска.

33.

Время 18:55. Реконструкция телефонного разговора. Смысловая и лексическая вероятность — прежние.

— Тарас Григорьевич, хорошего вам вечера. Вы мне прощайте, что беспокою после такого тяжелого дня, но...

— Кто это?

— Це же я, Горобец! Ваш друг из Москвы.

— Чем обязан... друг?

— Да вот, хотел разведать, хе-хе... кто из ваших референтов на этот раз отличился по части диверсий.

— Я заметил, Алексей Опанасович, вы всегда веселитесь, когда другим хреново. Ну откуда я могу знать, кто уничтожил копию нашего дублера в вашем, подчеркиваю — в вашем сетевом хранилище?

— О! Дивлюсь я, вы все мои думки разгадываете, Тарас Григорьевич. Действительно, кто? Инструкции в моем, подчеркиваю — моем хранилище выполняются свято. Впрочем, мы не скрываем, что инструкции трошки устарели. Они сочинялись в то время, когда информацию на джай-пакете можно было спортить тильки ломом... Знаете же, какие хитрые штучки придуманы в западных ОСИНах — за щеку можно схватить, а пшикнет, и накрылась целая полка. Жаль, что мы не имеем таких прав, чтобы досматривать каждого посетителя.

— Алексей Опанасович, с чего вы взяли, что диверсант проник извне? А мне почему-то кажется — он ваш, родной, сетевой сиськой вскормленный.

— Принимаю, принимаю, в семье бывает не без урод. Вот, к примеру, у вас-то в Комиссии нашлись злодуги...

— Простите меня, старика, но я ужинать собрался. Режим, сами понимаете. Я вам скажу так: оправдываться вы всегда умели. Но должен заметить, что этот досадный инцидент в очередной раз развенчивает миф о свойственном ГСУ порядке. Я думаю, товарищи наверху со мной согласятся.

— Товарищи наверху слушают нас всех, но слышат тильки факты. А факты дюже просты — в вашем ведомстве одно за другим производятся два покушения на дублера. В первом разе это сделал ваш референт, а? Мабудь, и во второй раз замешан хлопец, хорошо знакомый с работой Комиссии. А у нас-то всего грехов — инструкции худые да начальник смены харю заспал, дубина. Я все это к тому говорю, что не надо торопиться с громкими выводами.

— Я вас понял, мой московский друг... которого я никогда не забуду, как поется в одной хорошей песне. Пока я не буду торопиться с выводами, вы состряпаете версию о заговоре в Комиссии? Давайте говорить прямо, Алексей Опанасович. Из нас двоих на стуле усидит один. Чтобы дискредитировать нашу рекомендацию, вам надо дискредитировать нас. Так?

— Який вы резкий, Тарас Григорьевич! Значит, думаете, Боливару не снести двоих? А ведь я ваш любимый ученик.

— Да уж помню. И зачем только я вас выдвигал в министры? Работали бы сейчас у меня референтом вместо Брука, тоже, может быть, разъезжали бы по ночам в чужих автомобилях.

— Боюсь, Тарас Григорьевич, я бы так просто не разбился. Обычно разбиваются об меня. Еще раз прощайте, что мешаю государственному делу. Никак не могу вам сообщить головную причину своего звонка. Я тут дознался до одной новости. Оказывается, вашими диверсиями все это время занимается и отдел надзора

Управления ОСИН. Люди кажут — они там довольны, много интересного раскопали. Предупреждаю по-сыновьи.

— Отдел надзора? А при чем здесь...

— Ну, добре, не буду мешать. Кушайте.

— Хватов ничего не говорил! Кто конкретно занимается этим?

— Приятного аппетита, Тарас Григорьевич. Режим есть режим, я же понимаю.

Отключение абонента «Горобец».

Конец реконструкции.

Комментарий № 16

По указанию Шкурко полковник Хватов произвел инспекцию Северо-Западного филиала сетевого хранилища. Выяснилось, что спонтанно возникшие опасения подтвердились: копия дублера Комиссии действительно оказалась приведенной в негодность. Пока Денис Павлович возвращался в институт, грянула новая беда. Нападению подвергся уже рабочий дублер Комиссии, восстановленный самоотверженным трудом многих специалистов. Кто-то яростно пытался разрушить основу будущих экономических побед, и лишь предусмотрительность сотрудников институтского Центра обработки информации предотвратила худшее. Обстановка накалилась до предела.

Но полковник Хватов вновь был на посту — за терминалом в своем кабинете.

34.

Время 19:10. Фонограмма личного разговора. Из архива Управления ОСИН. Запись произведена полковником Жижей.

— Добрый вечер. Вы — полковник Хватов?

— Я. Вы по какому делу?

— По-вашему. Полковник Жижа, из отдела надзора.

— О-о... Коллега? По нашему делу, если не ошибаюсь. Только-только мне сообщили, что грозная инстанция решила меня проверить. Может, вам хватит моего дублера?

— Нас интересует не столько дублер, сколько ваша работа. В том числе с дублером.

— Извините, но у меня очень мало времени. Завтра я представлю отчет...

— Боюсь, завтра вы не сможете этого сделать.

— Я не понимаю, к чему такая спешка, полковник?.. Простите, как вас по имени-отчеству?

— Моя фамилия Жижа.

— Я вынужден связаться с вашим начальством, Жижа.

— Попробуйте, Хватов.

— ... тьфу, зараза! Что с телефоном?

— Неужели не работает? Ах, какая жалость.

— Так. Терминал вы тоже перекрыли... Знаете что, пожалуй, я аккуратно вышвырну вас из кабинета.

— Сержант! Загляни-ка сюда!

— Звали, господин полковник?

— От двери не отлучаться. Даже в туалет. И прислушиваться.

— Э-э, коллега, так вы, оказывается, с приятелем пришли? Пускай и он заходит, чего под дверями маяться. Если, конечно, по габаритам пройдет.

— Сержант Крутых здесь по долгу службы. А с вами разговор непростой, конфиденциальный.

— Послушайте, полковник Жижа, я ничего не понимаю. Вы что, явились меня арестовывать?

— Знаете, я бы арестовал, если честно. Но ордера у меня нет.

— А что у вас есть?

— Вот мое удостоверение, ознакомьтесь.

— А-а... Кажется, с вами что-то проясняется, коллега. У меня сразу ваша фамилия какие-то нехорошие ассоциации вызвала. Если не ошибаюсь, бывший пред-

ставитель ОСИН при штаб-квартире ГСУ? Можно сказать, адъютант его превосходительства Горобца?

— Вы не поняли? Я сейчас работаю в отделе надзора.

— Но неформальные-то связи остались, конечно? Впрочем, с Алексеем Опанасовичем трудно не подружиться. Завидую.

— Давайте без фантазий. Этим делом я занимаюсь по приказу начальника отдела. Вы обязаны знать, что отдел время от времени проводит собственные параллельные расследования. Так что место моей предыдущей работы вас не должно беспокоить.

— Ага, понятно. Ведете расследование. На пару с тонким аналитиком — вашим сержантом... как его? Крутых.

— Успокойтесь, Хватов, зачем так нервничать? Кстати, насчет вашего телефона и терминала. Просто пришлось срочно проверить техническое состояние каналов связи, но к концу нашей беседы, я думаю, проверка уже закончится.

— Трогательная забота... У вас, кроме намеков, есть что-нибудь более внятное, уважаемый Жижга?

— К сожалению, есть. Поначалу меня удивила ваша небрежность в ведении дела, потому что по данным оперативного архива вы значитесь, как работник высокой квалификации. Например, вы ограничили свое знакомство с происшествием на хордовом шоссе, я имею в виду аварию, запросом справочной службы. Не побеседовали с сотрудниками ГАИ, непосредственно занимавшимися аварией. А это немаловажно, ведь не у всех же гаишников мнение совпадает с официальными записями. Далее. Не проявили законного интереса к владельцу сгоревшего автомобиля Нгомо Андрею Уильямовичу и его взаимоотношениям с Бруком. Явно промедлили с заявкой на установку «Капкан-2». Только предусмотрительность господина Шкурко спасла дублер от повторного уничтожения. Список упущений можно продлить. Не слишком ли ослабла бдительность у офицера Хватова? Была еще

одна странная особенность. После 16 часов вы ни разу не запросили своего должностного дублера. Может быть, расслабились в углу на диванчике? Согласитесь, это не могло не привлечь моего внимания к вашим методам работы.

— Браво, полковник! Блистательная речь, достойная уст генерального прокурора. Вышинский аплодирует из урны. Даже жаль, что все это не имеет к моей деятельности никакого отношения. Боюсь, я вас разочарую...

— А вы не бойтесь, Денис Павлович. Я с удовольствием послушаю вашу версию.

— Рад насытить ваше юношеское любопытство. Во-первых, я работаю не в личном приусадебном хозяйстве, где принято все делать самому. У нас в органах, если вы запомнили, разделение труда. Признаюсь без ложного стыда, что так же мало понимаю в авариях, как друзья из ГАИ в сетевом программировании. А личные мнения в сеть не поступают и моим дублером не обрабатываются. Вы что, Жижа, личные мнения ставите выше сетевой информации? Слышал бы вас маэстро Горобец!.. Пункт второй — Нгомо. Данные на этого юношу не дали мне никаких оснований для допроса. А если у вас, коллега, есть на него что-нибудь остренькое, то вам правильнее было бы передать мне эту информацию, чем по хлопку Горобца бросаться рыть Комиссии яму. И последнее. «Капкан-2» вы поставили на меня, но угодили в него сами. Вынужден огорчить — я дал заявку на подключение дублера Комиссии к этой системе абсолютно своевременно. Сразу, как получил сообщение о восстановлении программного ядра. Разве можно было подключить к защите то, чего нет? Если да, научите. Кстати, вы помните, что я работал всего один день?

— Ну допустим, допустим. Не будем сейчас обсуждать нюансы. Я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно последнего этапа вашей сегодняшней деятельности. А для чего я их задаю — объясню попозже.

— Попозже это станет ясно и без объяснений.

— При вашей сообразительности, не сомневаюсь. Для начала: вы по своей инициативе производили инспекцию в сетевом хранилище?

— Нет, меня направил Шкурко.

— Прибыв на место, вы сразу обратились к начальнику смены или по каким-то причинам промедлили?

— Когда я прибыл в хранилище, на часах в вестибюле было 17:39. Около трех минут мне потребовалось чтобы пройти проверку на вахте и подняться на 10-й этаж в наш сектор.

— На какой машине вы поехали в сетевое хранилище?

— Служебным транспортом не пользуюсь, у меня есть свой. Марку и номер машины вы, по-видимому, знаете.

— Вы часто превышаете допустимую скорость движения, когда торопитесь?

— Странный вопрос. Пока не ловили, значит, либо не превышаю, либо никогда не тороплюсь.

— Каким маршрутом вы ехали до хранилища и обратно?

— Обычным маршрутом. По проспекту Николая Вознесенского, через площадь фон Нейманна, по переулку Ленинградских фантастов... и так далее.

— Вы имеете средства особого воздействия на физические носители информации?

— Ага! Наконец-то!.. Наконец-то я понял, что вы хотели объяснить мне «попозже». В вашей голове созрела изящная догадка о том, как ниндзя Хватов с помощью липких пальцев забрался по стене небоскреба на 10-й этаж, проник в форточку, привел в негодность джай-пакет, затем спустился и вошел в дверь — уже ревизором. И все это за пару минут, потому что ему еще нужно было доехать из другого конца района. Угадал?

— Хорошо, что вы не стали отпираться, Денис Павлович. Так какие средства особого воздействия у вас есть?

— Ботинки. Знаете, если надеть его на ногу, размахнуться...

— Я вижу вашу психологию насквозь, полковник Хватов. Вы полагаете, что ничего доказать я не могу, и поэтому веселитесь в мой адрес. Сомневаюсь, что вы будете веселиться по-прежнему, когда я расскажу, как было на самом деле. В 17:40 вы действительно добрались до сетевого хранилища, но только не в своем автомобиле, а в чужом. И ехали вы совсем другим маршрутом, далеко не кратчайшим. На улице программиста Сердюка вы сделали пересадку, угнав машину у гражданина Кудрика, который беспечно находился в общественном туалете. Ни по какой стене, безусловно, вы не лезли, а поступили гораздо разумнее. Облучили джай-пакет именно в тот момент, когда его нашли для вас и предъявили к проверке. Вам даже не пришлось самолично рыскать по стеллажам. Чудовищное коварство, Хватов. На обратном пути вы из угнанного автомобиля запустили программу уничтожения дублера Комиссии, тем самым сваливая вину на невинного человека. Потом снова поменяли автомашину на улице программиста Сердюка и возвратились в институт как ни в чем не бывало.

— Ну и фантазеры работают в отделе надзора! Или мистики? Как, по-вашему, я мог запороть джай-пакет под прессом беспокойных взглядов трех служителей?

— Не «как», а «чем», гражданин Хватов. У вас был с собой диверсионный мазер, а привести его в действие не представило бы труда. Насколько мне известно, такие штуки недавно начали мастерить умельцы из «Отрядов гуманизации». Кстати, о мазере, который лежит в бардачке вашего автомобиля...

— Вы что, вскрывали мою машину?!

— Этого нам не нужно. Машина у вас современная, пластиковая. Мы ее просветили, сфотографировали улику, дверцу не трогали, даже запломбировали, чтобы вы нас не обвинили во взломе. Представляю, как вам сейчас обидно. Не спрятали злосчастную игрушку, не выбросили, наверное, были уверены, что еще успеете...

— Ну, есть у меня маломощный мазер! Приятель из оперативного отдела подарил. Проступок небольшой, как вы понимаете. Тем более хранение таких генераторов не запрещено законом. Я его использую в медицинских целях, в частности для волновой чжень-цзю терапии.

— Не понял. Какой зю... терапии?

— Что-то вроде точечного самомассажа. От остеохондроза, от головной боли. Возраст берет свое. А вы чем пользуетесь, коллега?

— Я занимаюсь спортом, Хватов. К сожалению, ваша терапия не исключает применения прибора в неблагоприятных целях. Почему-то мне кажется, что экспертиза со мной согласится. Кстати, вы сами-то спортом не занимаетесь? Например, автомобильным?

— Я не любитель острых ощущений, Жижа. В отличие от вас. Знаете, ваши нелепые обвинения и версии меня даже не возмущают. Мой совет: если вам жалко от них отказаться, напишите сценарий для какой-нибудь киностудии попроще.

— Ну почему же попроще, Денис Павлович? Сцена автомобильной гонки, которую вы устроили, украсит любой боевик. И как в любом хорошем боевике, злодей прокалывается на мелочи. Пытаясь преодолеть значительно более длинный путь за имеющееся в его распоряжении время, он постоянно превышает скорость. А на одной из точек маршрута автоматический регистратор ГАИ, не в пример обычному, оказывается исправен и фотографирует провинившуюся машину. Снимок поступает в оперативный архив ГАИ, откуда его и вылавливает дублер коллективного пользования Балтийского РУВД, запрашиваемый капитаном Саловым. Капитан Салов, который, как вы помните, ведет дело об угоне этой машины, знает, что ею интересуется и ОСИН. Он передает информацию в Управление. То есть непосредственно мне. На снимке хорошо видно лицо водителя, и мой дублер без труда распознает его... Вам не здоровится, Денис Павлович? Что-то мне не нравится ваш вид... Надеюсь, теперь ясно,

что отвести от себя обвинение в нанесении ущерба сетевому хранилищу будет несколько затруднительно. А также — в попытке уничтожить восстановленного дублера Комиссии.

— Зачем вы пришли?

— Как зачем? Хотел познакомиться, побеседовать с вами в непринужденной обстановке. Потом ведь допросы начнутся. Когда еще такая возможность представится? Собирайтесь, Денис Павлович, возьмите с собой все, что считаете нужным.

— Так есть у вас санкция или нет?

— Завтра получу. Ввиду чрезвычайных обстоятельств я вас задерживаю до утра, а там начальство решит. Это нарушение, не спорю, но карать строго за него не будут.

— Хорошо, я поеду. Только не с вами. И не сейчас.

— Полковник Хватов, вы хотите, чтобы я попросил помощи у сержанта Крутых?

— Вас послушаешь, полковник Жижа, то я — волк, а вы — козленок. Хотя из нас двоих плотоядный — вы. Короче, у меня просьба, коллега. Я кое-что расскажу, а уж дальше поступайте, как знаете.

— Конечно, Хватов. Я же сам предложил вам побеседовать.

— Знакомы ли вы с предварительными выводами Комиссии?

— Мне ли не знать ваших выводов? Обман Сети, информационная избыточность, вторая централизация... Короче, кругом виновато ГСУ.

— Можно еще вопрос? Согласны ли вы с необходимостью комплексной децентрализации?

— Слушайте, Хватов, я думал, вы осознали всю тяжесть своего положения, и вдруг — грубить продолжаете.

— Да не грублю я, а просто хочу объяснить вам свои мотивы! Извините... не знаю вашего имени-отчества... что же поделать, если мои мотивы непосредственно

связаны с теоретическим обоснованием тех самых выводов! Дело в том, что Ивана Альбертовича Брука поразила одна малоприятная догадка — итоговое заседание Комиссии, которое должно состояться завтра, ничуть не послужит улучшению экономической ситуации в стране. Концепция информационной децентрализации предусматривает, как вам, конечно, известно, разукрупнить глобальные дублеры и впредь полагаться только на местные системы обработки информации. При этом Комиссия во главе со своим «шептуном» не учла маленькую деталь. Централизация сохранится, только станет она не «сквозной», как сейчас, а «точечной». Понимаете, это неизбежно, так как основа компьютерной централизации останется неприкосновенной!

— Ну-ну, теоретики с большой дороги... Вы закончили?

— Потерпите еще немного. К сожалению, эта «основа» касается нас всех. Принимая даже самое элементарное решение, нормальный человек испытывает целый набор разнообразных страхов, что в конечном счете ведет его по пути наименьшего сопротивления. То есть, по возможности, решение не принимается вообще...

— Стоп, Хватов. По-моему, что-то подобное я уже не раз слышал. Вы сами это придумали?

— Что вы! Такое явление давно предсказано и называется «компьютерным культом». Заслуга же Брука в том, что он впервые связал его с нашими экономическими неурядицами. Жаль, но я лично здесь ни при чем... То есть при чем, конечно, — не меньше, чем мы все. В том числе и Комиссия. Ивана Альбертовича эта мысль и поразила. Главная причина нынешних трудностей вовсе не техническая или организационная, а такая, что не принимается начальством всерьез. Я ее уже назвал, это проблема отношений между пользователями и разработанными для них программами.

— Да, да, да! Хватов, я вспомнил, кто разглагольствовал в том же духе. Пара бородатых юнцов из «Отрядов

гуманизации». Недавно я присутствовал на показательном допросе... Вы случайно с ними не знакомы?

— Простите, но здесь нет ни малейшей связи с этим детским садом и с их идеями о спасении человечества от нашествия разумных машин! Подчеркиваю, Брук предположил, что именно взаимоотношения людей с дублерами сохраняют централизацию. Причем в гораздо более замаскированной и потому опасной форме. Суть точечной централизации заключается в том, что каждая точка Сети, то есть дублер, принимает функции центра для своих пользователей. Сохраняется информационный обмен между точками Сети, и значит, каждая локальная модель ведет себя так, будто она является частью глобальной... Хотя все, что я пытаюсь объяснить, лучше посмотреть у самого Брука, в его разделе. Если воспользоваться ключом «компьютерный культ»...

— Меня так просто не купишь, только я терминал разблокирую, вы тут же своих дружков оповестите. Знаете, Хватов, я вас слушаю уже достаточно долго. И до сих пор не слышал главного — как и зачем вы с Бруком совершили свои акции? Когда вступили в преступный сговор? Кто вам помогал? Кто руководил?

— Какой сговор, коллега? Я рассказываю о наших мотивах, которые, как известно, прежде всего. Но вас почему-то это не интересует. Хорошо, я перехожу от теории к практике. Итак... Брук понял, что рекомендация дублера Проблемной комиссии и, следовательно, выводы самой Комиссии не помогут вывести общество из кризиса. Но для того чтобы Комиссия решилась всерьез пересмотреть свою позицию, необходимо было нейтрализовать дублера. Только в этом случае удалось бы разблокировать человеческий фактор, повернув ситуацию по-новому. Брук, очевидно, рассчитывал, что завтра неизбежно состоится итоговое заседание. Дублера восстановить не успеют, и, находясь в безвыходном положении, члены Комиссии должны будут принять решение самостоятельно. Завтра он собирался во всем признаться и объяс-

ниться. У нас в Комиссии кое-кто думать еще не научился — прислушались бы люди к его голосу, никуда бы не делись. Минувшей ночью Брук воспользовался автомобилем соседа, чтобы во время движения произвести из него уничтожение дублера. Наверное, насмотрелся дешевых детективов. По пути, в силу неизжитых привычек, он решил получить рекомендацию дублера, предварительно снабдив его новой информацией. Такой анализ для дублера оказался сложным и продолжался необычайно долго. Возбужденный сверх меры рационалист Брук не справился с нервами и, совершив задуманное, попал в аварию. Не повезло бедняге. Это — о нем. А теперь о себе. Со мной просто: ознакомился с доводами Ивана Альбертовича, согласился с ними и решил довести дело до конца. Ведь дублер был все-таки восстановлен, да еще в таком скороспелом варианте, что, наверное, не потянул бы и классический тоталитаризм. А что я сделал потом, вы очень хорошо рассказали, господин полковник.

— Значит, посмотрели чужой каталог и тут же сделались диверсантом... Натяжечка какая-то, не чувствуете?

— Понимаю, трудно поверить. Дело в том, что я не такой рационалист, как Брук, поэтому не только его догадки, но еще больше его гибель заставили меня действовать. Думаю, если бы Брук не погиб, я бы сейчас смотрел на него такими же глазами, как вы на меня.

— Да, Хватов, наверное, вам тоже следовало погибнуть ради блага человечества. Вы не замечаете, полковник, что ведете себя, как профессор на лекции? Надеемся так меня заморочить, чтобы я встал под ваши знамена?

— Откровенно говоря, коллега, я надеюсь на присущий нам, осиновцам, здравый смысл. Как вы понимаете, скрываться я не собираюсь. Просто хочу выступить завтра утром на итоговом заседании вместо Брука. Тем временем вы получите санкции и явитесь за мной со своими товарищами. В этом случае правила наших игр

будут соблюдены, и я с удовольствием сдамся в руки следствия.

— Мне кажется все-таки, Денис Павлович, что, несмотря на пафос, в глубине души вы просто хотите дать деру. А?

— Куда мне бежать! В Псковскую область? Заграничного паспорта у меня нет.

— Зачем так далеко? Есть еще город Питер, попробуй вас тут найди. При вашей-то подготовке. Особенно если учесть, что вы являетесь членом этой мафии.

— Какой мафии?

— Ах, ах, какие мы непонятливые! Ладно, хватит на сегодня комедии, продолжим завтра.

— Послушайте, Жижа без имени-отчества, неужели вы такой баран? Я же час объясняю — под угрозой экономическое благополучие страны!

— Не пытайтесь меня обмануть, Хватов. Вы и ваша организация представляете намного большую опасность для государства.

— Рехнуться можно! Мы же из одной организации! Или вы...

— Нет, вы! Еще патриотом прикидывается... Если у вас потеря памяти, напоминаю. Ваша банда называется «Отряды гуманизации», а вашими непосредственными сообщниками являются Брук и Нгомо. Не надо так на меня пялиться! Да-да, Нгомо, которого вы тщательно скрывали! Не возражаете, если и я скажу умную речь? Все оказалось довольно просто. Среди частных мнений сотрудников ГАИ одно заинтриговало меня. Эксперт, старший лейтенант Гаврилочкин, обследовав остатки сгоревшего терминала, пришел к выводу, что в нем всю ночь до самой аварии работал встроенный модуль, обеспечивающий автоматический режим! Таким образом, Брук не запускал никаких программ. Все было сделано без него, и ему оставалось только погибнуть в аварии. Не жалеете вы своих сотрудников, Хватов. И уж, конечно, старлея Гаврилочкина не пожалели бы тоже, если

бы узнали о его мнении вовремя, а не от меня. К его счастью, он не спешил доверить свой вывод информационной сети, а пожаловать собственной персоной к экспертам в гости вы поленились. Хотя я отвлекся. Кто, кроме Брука, мог запрограммировать терминал на диверсионную акцию? Первое, что приходит на ум — хозяин машины. И я решил отработать кандидатуру Нгомо. Юного умельца нигде найти не удалось. Питер все-таки большой, правда, теоретик Хватов? Но поскольку его терминал был абонентом Сети, это дало возможность проверить содержимое памяти, не вскрывая квартиры. Не мне вам объяснять, как прощупывается обесточенный терминал. И знаете, что там было? Та же самая программа уничтожения, имеющаяся у Брука на домашнем терминале! Мальчишка, впрочем, пытался ее стереть. Думал, если дал терминалу команду стирания, все шито-крыто. Таким образом, стало ясно — он заодно с Бруком. А вы заодно с ними. Теперь самое главное. В терминале у него была «пчела»! Не насекомое, конечно, а система обмена с подпольными базами данных. Вы слышите меня, Хватов? Нгомо Андрей Уильямович — член «Отрядов гуманизации»!

— Очень рад за него, Жижа. Теперь и я туда записался бы, если бы пораньше узнал, какие милые дубки растут в нашем ведомстве.

— Честно скажу, Хватов, я перестаю вас уважать. Мне грубите, а в своих «Отрядах» мелким шагом, небось, ходили. Неужели до сих пор не поняли — они вас подставили так же, как и высокоученого Брука!.. Позор! Еще полковником называется.

— Сердцу не прикажешь, коллега. Не возражаете, если я закурю? Спасибо. Поздравляю, мастерская работа! Золотая все-таки у вас голова, Жижа, за один присест целый заговор раскрыли. Теперь остается объяснить, как я в контейнеровозе сшиб референта.

— О том, как была организована автомобильная авария, вы расскажете завтра, сами. И об истинных

ваших мотивах тоже. Только вскакивать не надо, сейчас и так отправимся. Кстати, советую, когда пойдете под руку с сержантом Крутых, двигайтесь плавно и непринужденно. И имейте в ви...

(Далее в фонограмме различимы звуки, соотносимые с ударом тупого предмета о поверхность человеческого тела, падением мебели, бегом; а также — сдавленные стоны, неидентифицированные шумы, крики: «Открой, зараза, убью!» и «Ты постучи, может, само откроется!» Затем сработала пожарная сигнализация).

35.

Время 19:30. Сообщение на терминал начальника ГСУ Горобца:

«Алексей Опанасович, только что закончил беседу с объектом. Он признался в совершении им террористических актов. Масштабы заговора и степень вовлеченности других членов Комиссии пока неясны. К сожалению, задержать объект не удалось. Матерый оказался преступник! Чтобы у вас не возникло сомнений в моей порядочности, расскажу подробно. Беседа состоялась в его кабинете, двери снаружи охранял мой ассистент, кроме того, мы заблокировали каналы связи. В разумных пределах все меры предосторожности были соблюдены. Я не мог предполагать, что объект внезапно нанесет мне жестокий удар ногой, после чего я окажусь неспособным контролировать ситуацию. Далее, он не позволил войти в дверь моему ассистенту, применив против него стул и закрывшись изнутри на кодированный замок. Затем активизировал пожарную сигнализацию, ткнув горячей сигаретой в датчик, открыл окно и прыгнул в раскрывшийся уловитель аварийной кишки, по которой спустился на землю. После этого я потерял его из виду. Все произошло за считанные секунды. В

настоящее время нахожусь в кабинете бежавшего преступника и ввиду травмы, вызванной ударом (подозреваю перелом), расследование временно прекращаю.

ВАШ ДРУГ.

ВЕКТОР 8

(интервал 19:30–21:00)

36.

Сведения из личного раздела Брука И. А.

Из предисловия к книге: А. Тюрин, А. Щеголев «Психологические тупики компьютерной эры»*, запись 2012 г., Бехтерево:

«...Впервые за всю историю человека созданный им инструментарий стал превосходить его не только физически, но и интеллектуально. Солдат первой мировой войны, конечно, испытывал ужас перед движущимся на него танком, но уверенность в том, что танк является механическим придатком разума, ничуть не превосходящего его собственный, мобилизовывала волю. На рубеже XX—XXI веков у человечества исчезла уверенность в интеллектуальной избранности. Появился «помощник», намного эффективнее и органичнее использующий принципы логического мышления: индуктивный, дедуктивный, аналоговый — ведь они заложены в основу его жизнедеятельности и, кроме того, многократно усилены сверхвысокими скоростями обмена информации и неограниченными объемами памяти. Между тем вольно или невольно, но наука веками истребляла в человеке альтернативные принципы мышления (интуицию, внечув-

* Вместо Предисловия к настоящей повести.

ственное восприятие, парадоксализм и т.д.), культивируя формализованные. Таким образом, каналы информационного взаимодействия человека со средой, отличные от технологических, в настоящий момент оказались недостаточно развитыми. И у человечества нет выбора, кроме как лечь в люльку, им же приготовленную. Это — критический период. Менее явной стала необходимость постоянно принимать решения, следовательно, теряется и умение, и готовность это делать. Однако «помощник» ненадежен, он вряд ли способен отражать реальность в той мере, чтобы управлять ею. Такое положение неустойчиво: в любой момент люлька может перевернуться...»

Справочные материалы из книги: К. Ван Хелдерн «Истоки технократического культа», запись 2010 г., Нью-Йорк.

Компьютерный культ (источник компьютерного транса) — разновидность технократического абсолютизма. Его истоки — в страхе человека перед грандиозностью рожденных им механических сил на фоне собственной маломощности. В представлении обывателя гиперкомпьютер или компьютерная сеть — это развертывание на более высоком количественном уровне способностей человека, делающее его собственные интеллектуальные функции ненужными и оставляющие ему только функции потребления. Оправдание, смысл своего существования человек ищет в деятельности гиперкомпьютера, как своего рода сверхчеловека. Сверхчеловек может принести потребительское счастье, если ему не мешать. Устойчивость гиперкомпьютера принимается за жизненную силу самого человека, и для людей, воспитанных в традициях предпочтения непротиворечивых схем мышления, он становится объектом слепого культа, источником их психического здоровья и радости, стабильной и спокойной жизни, даже бессмертия (в более отдаленном будущем).

Полковник Хватов в телефонной кабине... Впрочем, полковник ли еще? Увы, должностным лицом ему оставалось быть совсем недолго — он совершил преступление и позорно бежал от своих товарищей. И в тоже время он сам был жертвой. Прирожденный сетевик, закаленный работник, отличник боевой и политической подготовки — вдруг проявил юношеский экстремизм, легко попал под влияние непроверенной, можно сказать незрелой версии. Что толкнуло его на это? Неудовлетворенность служебным положением, конфликты с начальством, неурядицы в личной жизни? Или это была болезнь? Остается только гадать. К сожалению, значительная часть материалов по делу Хватова недоступна составителю данного текста.

Итак, гражданин Хватов, покинувший не лучшим образом свое рабочее место (костюм его до сих пор несет следы быстрого движения в узкой пластиковой трубе), стоит в телефонной кабине. Его не мучают угрызения совести. Однако та ясность, что подвигла его на опрометчивые поступки, померкла. Обстоятельства ночного происшествия вновь утратили четкие контуры, покрывшись туманом нерешенных вопросов. Подрагивающая рука гражданина Хватова лежит на телефонном аппарате. Он думает: звонить или нет? Решает: конечно, звонить, разумеется, продолжать расследование. Все-таки Денис Павлович был истинным оперативником.

37.

Время 19:44. Реконструкция личного разговора. Смысловая вероятность и лексическая вероятность — прежние.

— Але, это кто?

— Ядвига Станиславовна, это Хватов.

— Езус-Мария, какой еще Хват! Ты от Федора, что ли?

— Я от себя. Моя фамилия Хватов, я утром звонил и предупреждал, что еще свяжусь с вами.

— А, припоминаю. Вы, кажется, из Управления ОСИН... Козлов нашелся?

— Я отвечу на ваши вопросы позже. Сначала ответьте мне: с кем вы разговаривали по телефону в полпятого утра?

— Обманете. Что я, дура? Знаю, как у вас там принято.

— Ядвига Станиславовна, я подозреваю, вам не очень везет на знакомства в секретных информационных службах. Поэтому выслушайте меня внимательно. Вы ошибаетесь, если думаете, что нас интересуют хищения и прочие шалости такого рода. Сейчас я вам раскрою маленькую государственную тайну: я занимаюсь делом об уничтожении одного важного программного дублера.

— Ну и занимайтесь на здоровье! Я-то тут при чем?

— Помолчите пока... Ни Козлов, ни вы нам не нужны. Слово офицера-программиста. Нам важно знать, звонил ли сюда кто-нибудь из людей, проходящих по нашему делу. Например, ваш бывший муж Брук. И о чем был разговор. Дело в том, что факт телефонного звонка не вызывает сомнений. Вы взрослый человек, специалист можно сказать, и должны понимать, что прохождение сигналов регистрируется контрольной аппаратурой. Судя по всему, Ядвига Станиславовна, у вас и так хватает неприятностей. Зачем вам наживать новые?

— С чего вы взяли, что у меня неприятности? Мне нечего скрывать. Кроме Козлова, ночью никто не звонил, честно. И вообще, ни к каким делам я отношения не имею, ни к вашим, ни к Федькиным. Спросили бы толком, я бы вам сразу сказала. А с Янеком... то есть с бывшим мужем... я уже давно любовь кончила.

— Вы уверены, что звонил именно Козлов? Не могли спутать?

— Да нет же, там такие темы были, не спутаешь.

— Вот это прокол... Извините, я немного нервничаю.

— Я тоже. Сегодня уже целую коробку транквизола съела.

— Сейчас я задам чуть-чуть странный вопрос. Мог ли Козлов носить кольцо Ивана Брука?

— Да что вы! У Янека не было никаких колец, он и на обручальное едва раскошелился. А с Федором они, мягко говоря, не поддерживали лирических отношений... При чем здесь кольцо?

— Золотое кольцо с вензелем. Вензель состоит из букв «Б» и «И».

— У Козлова такое есть! Он любит побрякушки, фраер.

— А почему на кольце инициалы вашего бывшего мужа? «Б» — Брук, «И» — Иван. Не понимаю.

— «БИ» — это Бинарный, у него такой дурацкий псевдоним. Кстати, его отчество Авангардович. Достойный сын своего придурковатого папаша.

— Значит, не Брук... Ядвига Станиславовна, мне кажется, теперь я могу сказать, где находится Козлов. Раз уж обещал...

— Где?

— В некотором роде нигде. А юридически говоря, в морге. Так что примите мои соболезнования.

— Что за чушь!

— Очевидно, он разбился в автомобиле.

— В автомобиле... Вы врете! Я не верю!

— Козлов звонил вам из машины и сразу после разговора попал в аварию. Мы все время полагали, что в машине находился Брук, так как на месте происшествия были найдены его информационная карта, упомянутое кольцо, кое-что еще. Кроме этого, автомобиль был взят лично Бруком вчера вечером у приятеля. Правда, не вполне ясно, как в машине оказался Козлов, но если

вы говорите, что это он вам звонил и что он носил такое кольцо...

— Нет! Нет! (В реконструкции — звуки всхлипываний). Говорит, засыпался в своем ресторане, модуль сдох, пар пускает... говорит, смываюсь... попросил товар спрятать получше, а я ему — «сам прячь, не то выброшу в коллектор» — а он — «жди, сейчас приеду» ... жду, жду, его нет, ну, утром я и унесла все из дома... думала, плюнул он... Что делать? Езус-Мария, что делать? Просила его, не связывайся с этими биомодулями!..

— Ладно, Ядвига Станиславовна, я уверен, что ваши неприятности уже кончились. Кстати, не говорите никому о нашем разговоре.

— Чего?

— Не надо никому рассказывать о том, что я звонил.

— Ой, да идите вы...

Отключение абонента «Хватов».
Конец реконструкции.

38.

Из черновых записей, обнаруженных полковником Хватовым в разделе Брука И. А. Датировано 11 июня 2018 г.

«...Забавно. Изначально Сеть создавалась всего лишь как система централизованного сбора и обработки информации. Затем были разработаны глобальные модели для изучения экономической ситуации. Но поскольку, на взгляд хозяйственных руководителей, они достаточно верно отражали реальные процессы, было решено на их основе создавать советующие системы, названные впоследствии дублерами. Далее этот принцип распространился и на другие сферы нашей деятельности. Таким образом, появилась глобальная советующая система, состоящая из множества взаимосвязанных дублеров. Этой системе ни коим образом не придавались функции уп-

равления экономикой! Боже упаси! Результаты диалога с ней должны были участвовать в выработке решений только как рекомендации. Но система по своей внутренней структуре недвусмысленно ориентирована на полноценное управление. И как только люди начинают доверять ее рекомендациям, она незаметно превращается в систему централизованного руководства экономикой со всеми вытекающими отсюда последствиями (см. результаты работы Комиссии). Как ни печально, но именно это и произошло. Произошло с железной неизбежностью (см. записи о компьютерном культе).

Само по себе использование рекомендации не есть ни добро ни зло. Зло есть преувеличенное, мягко говоря, отношение к ее роли. Если вдруг засомневаешься в правильности рекомендации — все, конец счастливой жизни. Ты обязан сотворить собственный вариант решения и вдобавок до конца жизни нести за него ответственность. Гораздо лучше отдалиться высшей мудрости глобальных моделей. Что делать в такой ситуации? Борьбаться с компьютерным идолопоклонничеством, как и с любым другим, несерьезно. Очевидно, в ближайшие пятилетки изменить человеческую сущность не удастся, значит, следует максимально ограничить условия, в которых культ может проявиться.

Увы, в настоящий момент отказаться от советующих моделей невозможно. Вывод: систему надо модернизировать так, чтобы она сама возбуждала человеческий фактор и чтобы это явилось одним из главных ее принципов. Возможно, придется менять построение диалога, вносить многовариантность и многоступенчатость в выдаче советов, что-нибудь еще придумать. Впрочем, пусть фантазируют те, кому за это платят.

Итак, истоки пресловутой «второй централизации» вскрыты. Мной, простым чиновником Иваном Бруком. Наверняка такие нехитрые соображения посещали головы многих, но мне повезло — силой обстоятельств моя голова оказалась в нужном месте и в нужное время. Да, повезло мне...»

Гражданин Хватов — в больнице № 36 (2-е хирургическое отделение). Сопровождаемый дежурной медсестрой, он входит в одну из палат.

Чтобы проникнуть в больницу, он воспользовался служебным удостоверением. Наверное, в последний раз.

39.

Время 20:16. Реконструкция личного разговора. Смысловая и лексическая вероятность — прежние.

— Вот больной, который назвал себя Бруком Иваном Альбертовичем.

— Спасибо, сестра. Это действительно он... Здравствуйте, Иван.

— Тогда я отмечу, что личность больного подтвердилась?

— Личность в порядке. Надеюсь, полчасика она без вашей помощи обойдется?

— Через сорок минут я приду делать укол.

— Добрый вечер, Денис.

— Ну, как самочувствие?

— Самочувствие... Все болит!

— Ничего, до свадьбы заживет.

— Послушайте, что вам от меня надо? Денис, я болен, ни в каких играх больше не участвую!

— Да... Кто это вас так напугал, дружище? Я просто зашел навестить товарища. Вот, шоколадку принес.

— Ценю заботу. За вами погоня, а вы шоколадки покупаете.

— Так, понятно. Не зря вы здесь лежите. Успели с кем-то пообщаться?

— Пообщался на свою голову! Решил отчитаться перед уважаемым председателем Шкурко за сегодняшний прогул. А он...

— Давно?

— Что? Нет, минут десять назад. В токсикологии телефон не положен, есть мнение, что там у всех мозги набекрень. А как в хирургию перевели, вытребовал. Исполнил долг первого референта... Так вот, Денис, порассказал мне Тарас Григорьевич о ваших подвигах. И про ночные, и про дневные. Зачем вы это сделали? Я думал, вас поставили следить за безопасностью дублеров.

— Не надо скромничать, Иван Альбертович. Я всего лишь ваш верный ученик. Проникся, так сказать, идеями, что, как известно, добром не кончается.

— Денис, не подходите ко мне!.. Козлов, конечно, большая гнида, но зачем вы его так?

— С чего вы взяли, что именно я его... «так»?

— А кто еще? Шкурко, правда, не знал, что я жив, поэтому страшно перепугался. Старик решил, что это голос с того света — зовет его. Я только сейчас понял — разбилась та самая машина, которую я одолжил Козлову. Поэтому все и решили...

— Что там про меня старый хрен наплел?

— Он сказал, будто вы ночью стерли дублер и убрали меня... то есть Козлова... а сегодня днем вновь атаковали восстановленного «шептуна», но уже без особого успеха... Учтите, Хватов, мой палец на кнопке вызова сестры.

— Забавно. Откровенно говоря, Тарас Григорьевич несколько преувеличил мои достижения. А у вас в голове, как видно, просто каша. От дневной акции я отказываться не смею, а с ночной все не так ясно. Во всяком случае, я ничего не знал о ней, пока меня не вызвали в шесть утра в институт. Целый день я честно занимался преступлением Брука, а потом его научные изыскания, наложившись на героическую мнимую гибель, подвигли меня, дурака, на спасение экономики. Такая ситуация... В общем, теперь понятно, почему вы так задрожали, увидев меня! Я вам, пожалуй, признаюсь. Хоть и хочется, но убивать вас сегодня не буду, ха-ха-ха! Пришел-то я

как раз кое-что выяснить о ночном происшествии. Некстати вы меня в душегубы записали, некстати.

— Денис, вы не боитесь, что пока будете выяснять, за вами придут?

— Вряд ли. О вашем воскрешении не знает никто, кроме меня и Шкурко, а он долго будет соображать, что нужно связаться с компетентными органами. Хотя вы правы, задерживаться мне не стоит. К тому же скоро сестра придет.

— Как вы меня нашли?

— Кое-кто считает, что мы с вами в заговоре. Разве два старых заговорщика не найдут друг друга! А если серьезно, то полчаса назад во время разговора с вашей бывшей супругой у меня возникло нелепое предположение, будто вы живы. И я бросился проверять ближайшую дежурную больницу. Здесь, о радость, я встретил вас, сердитого и напуганного. Служебное удостоверение, конечно, помогло...

— Подождите, Денис! Насчет заговора. Я вспомнил — Шкурко пару раз намекал, что Комиссии клеят какую-то дикость. Зачем вы пришли, меня же посадят из-за вас!

— Не беспокойтесь, Иван Альбертович, лишнего не дадут. Ничего плохого вы не совершили, правда? Ну, написали программу уничтожения. Кстати, почему вы ее не применили?

— Ой, откуда вы зна...

— Не будем терять времени, Иван. Я многое «зна». Как-никак, день на вас убил. Скажите, кто там у окна лежит?

— Свой человек. Ему сейчас не до нас, он отходит от наркоза.

— Вернемся к программе уничтожения дублеров. Почему вы ее не применили?

— А с чего вы взяли, что я должен был ее применить? Она создана из чисто научных побуждений.

— Вынужден повториться, Иван Альбертович. Лично

вы ничего подсудного не совершили, поэтому не валяйте дурака. Тем более передо мной, уже находящимся по другую сторону закона. Ваша программа, Иван, все-таки была использована.

— Но Козлов же не мог сам по себе додуматься до уничтожения дублера! Если вы ни при чем, тогда кто его заставил? И вообще, я ничего не понимаю.

— Грамотные замечания. Особенно последнее. Давайте вместе и подумаем, Иван! Я уверен, что это пойдет на пользу нам обоим. Рискую показаться настырным, но где вы хотели опробовать программу уничтожения...

— Ну да, да! Хотел я стереть этот проклятый дублер! Вы же сами знаете, обшарили, небось, все мои записи.

— И что вам помешало?

— Просто струсил. Что тут странного? Это только вы такой бесстрашный, неизвестно почему! А я решил, что пока не достану защитную программу, рисковать глупо — иначе сразу же найдут. Вы же первый и найдете.

— Не понял. Какую защитную программу?

— Ну ту, которая вносит помехи в систему регистрации и не позволяет отследить подключенный канал.

— Для экономиста вы хорошо начитаны. Из какого детектива узнали про такую новинку?

— Шутите! А говорите, времени мало.

— Иван, я вас разочарую, но таких разработок в природе не существует. В противном случае мое Управление давно потерпело бы сокрушительное поражение.

— Да я прошлой ночью должен был записать именно такую программу!

— Простите за нескромный вопрос: у кого?

— У Андриюшиного приятеля.

— Андриюша... Это еще кто?

— Чего-то я никак не оклемаюсь, извините. Мозги совсем не слушаются... Знакомый у меня есть, в одном

доме живем. Естественно, вы его не знаете — Андрюша Нгомо, хороший парень. Из русских, так сказать, негров.

— Вообще-то, уничтожение дублера — несколько странная тема для дружеских бесед, даже с русскими неграми. Вы что, рассказывали ему о своих планах?

— Я же говорю, редкостный парень! Все понимает, всем интересуется...

— Значит, вы от него ничего не скрываете? Интересно. Как же так, Иван Альбертович, вам же доверяют... Несерьезно.

— Поймите, Денис, прихожу с работы домой — и так одиноко, что выть хочется. Не с кем поделиться опытом, знаниями, ученики мне не положены, сына нет... Даже выпить не с кем! Знаете, бывает, так подступит, что берешь бутылочку — и к Андрюшке. А он свою выставит. Иногда подружки у него сидят... Хоть и наглец, но меня уважает. Общаться с ним приятно. И ничего секретного я ему не сообщаю, ну что вы! Кстати, он меня снабжал литературой по психомашинным теориям, у него какой-то приятель переводит все, что из-за рубежа поступает.

— Про компьютерный культ, что ли?

— Вообще — про технократический абсолютизм... Так вы и это знаете! Ах да, рылись в моем мусоре, как свинья.

— А сами-то вы кто, Иван! Стыд и срам. Пьете со всякими сопляками. Девочки, видишь ли, сидят... Скажите-ка, вы хвастались перед ним своей программой уничтожения?

— Нет. То есть да. То есть я ему как-то рассказал о том, что дублеры являются причиной катастрофического нарастания ошибок в экономике и что единственная группа людей, которая в состоянии что-либо изменить — наша Комиссия — останется всего лишь исполняющим придатком своего дублера. Говорил о необходимости освобождения этой паршивой группы от гипноза рекомен-

даций, о возможности затолкать в их головы если не ужас, то хотя бы тревогу...

— Вы показывали ему программу уничтожения или нет?

— Не показывал, конечно, но ясно же было, что она у меня есть. Ведь я был почти готов действовать и не скрывал этого.

— Так... Иван, слушайте внимательно. Андрияша загорелся вашей идеей, а когда вы вдруг сказали, что передумали, очень расстроился. Вчера вечером он стал вас уговаривать, с ходу сочинил про волшебное средство защиты и тут же признался, что оно случайно есть у его товарища, и что он в любой момент может съездить. Я угадал направление вашей последней беседы?

— Да, почти. Оставалось только достать биохимические модули памяти для записи этой штучки. Андрей сказал, что нужен накопитель огромной емкости... А вы думаете, это он...

— Не отвлекайтесь, рассказывайте дальше.

— Дальше... Я вспомнил про Козлова, он же у нас известный комбинатор по части компьютерных игр. Если я и мог достать такой накопитель, то только у него. Решил сразу ехать в «Забаву», там как раз ночью основная работа, но машина забарахлила. Вечно мне не везет!

— Забарахлила, насколько я помню, система ночного видения. Причем внезапно, да?

— Вообще-то у меня машина новая, до этого катался без сбоев. Но Андрей меня, как всегда, выручил, предложил свою.

— Зачем вы запрашивали дублер Комиссии по дороге в ресторан?

— Во все-то вы нос суετε, полковники. Ну, хотел узнать, что бы он посоветовал сделать с собой, если бы знал то же, что и я. Интересная задачка! Он мне, правда, не ответил. Возможно, попал в логическую петлю: соглашаясь со мной в том, что дублеры иногда дают

неверные рекомендации, собирався рекомендовать мне уничтожение дублеров, но тут же пугался, что его рекомендация тоже может быть неверной.

— Хватит про логические петли, Иван, у нас на шее петля посущественней. Как очутился Козлов в одолженной вами машине?

— Ну-у, это долгая история!

— Не стесняйтесь, ради ваших историй, можно сказать, я и приехал.

— Так. С чего начать? Разумеется, вы не знаете, я с Федором Бинарным конфликтовал из-за бывшей супруги. Однажды был вынужден применить силу... Чего улыбаетесь, Денис? Ничего смешного не вижу... Но время сгладило причину разногласий, поэтому он встретил меня на удивление дружелюбно, почти радостно. Он сразу согласился мне помочь. Сказал, что на работе таких модулей не держит, но готов прямо сейчас за ними куда-то там съездить. Времени, мол, это займет мало, не больше получаса. Запросил, правда, далеко не побожески — натура свое взяла. У меня даже денег таких не оказалось. Он мне предложил расплатиться часами, я, конечно, согласился. Ценные часики, золотые... Кстати, где они, не знаете?

— Были на трупе, который считался вашим. Ничего, Иван, новые купите, на премию за ударную работу в Комиссии. Вернемся к автомобилю. Вашему другу-покойнику что, золотых часов показалось мало?

— Понимаете, Денис, он сказал, что собственной машиной не может воспользоваться, потому что из служебного гаража так просто не выехать, с дисциплиной у них строго. Вот я и дал Нгомовскую машину.

— Я смотрю, у вас история за историей, Иван Альбертович. Сказки Шехерезады. Приятели, у которых все есть, автомобили, в которых нельзя ездить...

— Действительно, глупо как-то. Но ведь так на самом деле и было.

— А как вы оказались в больнице, да так, что годитесь во все отделения?

— Из-за ресторана. Черт меня дернул туда поехать! Я, кстати, не понял, что там произошло. В больнице трудно что-либо узнать, особенно в токсикологии. Неудачно спросишь — снова лечить начнут... В общем, Козлов попросил посидеть за пультом в его закутке, пока он не вернется. Активная часть вечера, которую он вел, уже закончилась, и дальше графика-музыка шла в чистой записи, для фона. Показал мне, как через десять минут запустить новый цикл, и велел больше ничего не трогать. Так вот — сижу я, Козлов не появляется, зато воздух какой-то несвежий стал. Точнее, чем-то запахло. Я терпел, сколько мог, а потом чувствую — больше не могу. Голова кружится, тошнит. Решил выйти, подождать Федора на улице. Пошел, а в холле на диван присел, захотел немножко в себя прийти. Тут в зале раздался хлопок, потом завывла сирена, козырьки на окнах опустились. В дверях какая-то штука вылезла, все загородила. Бабы завопили. А когда механический голос стал повторять: «Химическая тревога, персоналу надеть противогазы, аварийной группе занять места согласно расписанию», все куда-то побежали. И я побежал... Очнулся уже в противогазе. Темно, кто-то, тоже в противогазе, у меня в карманах шарит... В общем, кино. Честно говоря, я жутко перепугался. Перед глазами плывет, двинуться не могу. Короче, потоптали меня там — вот, пожалуйста, нога сломана, множество ушибов. И гадостью какой-то надышался.

— Стоп, Иван, ясно. Объясняю, чтобы вы зря не терзались. Данный случай вызывает законную гордость за нашу систему гражданской обороны. Очевидно, возбуждены какие-то датчики. Причина, правда, подкачала — просто рванул блок биомодулей арт-компьютера, а из него такая химия полезла, будь здоров. Армейские специалисты долго до вас добирались, дали возможность потренироваться...

— Ну, Козлов, гад! Он же все знал! Еще ухмылялся, когда просил подождать!

— А говорите, Иван, что вы невезучий! Пересидели бы у пульта пять лишних минут, и возмущаться бы уже не пришлось. Этот «гад», между прочим, в вашей машине разбился. Черствый вы все-таки человек, Иван Альбертович... Да, он действительно бросил вас под танк, но уж очень кстати вы подвернулись. Господа из милиции должны были вот-вот его взять, запахло жареным, и возникла естественная надобность смыться, которую он и удовлетворил с вашей помощью. По дороге, правда, вспомнил, что не уладил еще дела с вашей бывшей женой, ну и неудачно развернулся. Наверное, слишком волновался. Гад, говорите...

— Денис, да хрен с ним! Лучше скажите — кто запортил наш дублер? Вы что-то про Нгомо намекали... Я опять не понимаю.

— Отвечу сразу: ваш лучший друг Андрей Уильямович Нгомо и запортил. Никакой программы защиты у него, естественно, не было. Никакие биомодули ему были не нужны. Просто требовалось отослать вас куда-нибудь на своей «Волге», вот и пришлось ему импровизировать. Во-вторых, вы не заметили, как он у вас переписал программу уничтожения, попросту говоря, спер. А в-третьих, не учли решающий фактор: совсем необязательно сидеть за терминалом и давать команды. Последовательность действий можно задать заранее, настроив терминал на работу в автоматическом режиме. Что Андрюша и сделал в своей машине. Там у него был на редкость оборудованный терминал, он же электронщик, да еще в кооперативе. Впрочем, я этого тоже не учел... Очевидно, автоматика должна была сработать после второго пуска двигателя, когда вы стали бы возвращаться домой. А чтобы вы воспользовались именно его машиной, мне думается, он слегка подпортил вашу. В общем, Нгомо прекрасно организовал акцию. Вы благополучно вернулись бы обратно, не заподозрив терминал в самостоя-

тельных боевых действиях, а утром я положил бы руку вам на плечо и попросил следовать за мной. Вы бы, наверное, удивились. И ничего не смогли объяснить. Ха-ха-ха!.. Но везучий Иванушка-дурачок походя обманул невезучую шельму Нгомо, посадил в машину другого человека, который за многие грехи был расплюснен мощным контейнеровозом. Недогоревший терминал оказался в руках экспертов, от которых не укрылись никакие режимы его работы. Судя по всему, сейчас Нгомо ударился в бег. Можно предположить, что, узнав о вашей героической кончине, он решил — дело пошло по-крупному, вас примитивно убрали, кто — непонятно, да и неважно, а в такой ситуации от него останется мокрое место.

— Но зачем, зачем! Денис, он же был для меня, как... Неужели он так проникся моей идеей?

— Ну почему же вашей? Уничтожение «бесчеловечного программного обеспечения» есть одно из важнейших направлений работы «Отрядов гуманизации». Так что вполне возможно, это вы прониклись его идеей.

— Отрядов?

— Разве он вам не рассказывал о своем досуге? Вот ведь как в жизни бывает. Вы к нему со всей душой, а он вас подставил. Такая она, современная молодежь, бескомпромиссная.

— Прекратите издеваться, Хватов! Мне плохо...

— Я серьезно. Вы всегда ему импонировали критическим складом ума, особенно в последнее время, когда были столь решительно настроены против дублеров. А потом, увы, вам не хватило гражданского мужества, и он в вас разочаровался. Но дело Ивана Альбертовича Брука решил довести до конца. Вы должны быть довольны своим учеником.

— Мне плохо. Где же сестра?

— Не волнуйтесь, сестра сейчас придет. Приласкает вашу задницу... Иван, не обращайтесь на мои шуточки. Ко мне-то никто не придет, кроме Жижи. Есть

у меня такой друг, тоже полковник. Кстати, и я ведь ваш ученик, забыли?

— Да помню, Денис. Будем еще вместе в тюрьме сидеть, отвыкать от дублеров.

— Не торопитесь, Иван, вам в тюрьму не так просто попасть. Разве что отважитесь все-таки претворить в жизнь задумку... Намек понятен?

— Ничего не хочу понимать! Вам что, Козлова мало?

— А мне кажется, вы все понимаете. Я могу вас прямо сейчас переселить в палату с терминалом. Вы же очень хорошо представляете, что насовует наспех сляпанный дублер, верно?

— Представляю... Все насмарку, Денис. Жизнь убил на этот бардак. На то, что в прессе называется экономикой. А теперь...

— Ваня, дорогой, мы ведь с вами почти старики. Ни жены, ни детей, и за карьеру можно больше не беспокоиться. Впереди пенсия, нестиранные трусы... А?

— Вы серьезно, что ли?

— Если дорога, по которой идешь всю жизнь, приводит к яме — надо прыгать.

— Лао Цзы?

— Нет, поздний Хватов. В общем, зреют в душе какие-то бестолковые порывы, требуют пожертвовать собой. А у вас?

— Денис, к сожалению, я с динамитом дела никогда не имел.

— Успокойтесь, Ваня, вы будете стоять на шухере. Ладно... Кажется, есть идея.

— Подождите, Денис, кто-то стучится.

— Тьфу, зараза. Сестра, наверное. Входите, входите, давно ждем!

— Полковник Хватов?

— Крутых! Бля...

— Простите, господа. Полковник Хватов, попрошу вас выйти в коридор.

— Крутых! Нашли все-таки.

— Пожалуйста, выйдите в коридор, полковник Хватов.

— Ну, я сейчас тебе выйду... Счастливо, Иван,правляйтесь скорее. Приятно побеседовали.

Комментарий № 19

Это был не сон. Над гражданином Хватовым грозно нависал могучий помощник полковника Жижи — мастер различных видов спорта (общество «Динамо»), студент-заочник Университета внутренних дел сержант Крутых. И Денис Павлович вдруг понял, что его надежды на продолжение борьбы сейчас будут раздавлены коваными подметками. Да, приближалась неумолимая расплата за непонимание экономических законов. Механизм возмездия действует порой жестоко, но всегда справедливо. А гражданин Хватов все еще оставался в плену ложных идей...

В коридоре было пусто.

40.

Время 20:51. Реконструкция личного разговора. Смысловая и лексическая вероятности — только для лиц, имеющих доступ к каталогу «Рабочие сбои» Управления Особой Информации.

— В чем дело, сержант?

— Есть указание отвести вас в Управление.

— Не будьте таким ретивым, Крутых. Указания начальства лучше всего выполнять в точности. Что на самом деле приказал ваш хозяин?

— Как что? Отвезти вас...

— Не морочь мне голову! Тебя же послали за Бруком, а не за Хватовым. С чего твой Жижа взял, что меня надо искать именно здесь?

— За каким Бруком?... Нет, просто я вас видел, когда вы входили в здание, и доложил господину полковнику, а он уж распорядился.

— Жижка здесь? Так. Давай прямо к нему и пойдем.

— Извините, но господин полковник плохо себя чувствует и разговаривать с вами не может. Он в первой хирургии лежит.

— Что с ним такое случилось?

— Так вы же ему ключицу сломали.

— Ключицу? Ну, глупо... Слушай, сержант, мать твою... Почему он попал в эту больницу?

— На «скорой». «Скорая» отвезла в дежурную. Завтра, сказали, в госпиталь ГУВД переведут.

— Водевиль! Ну, водевиль!..

— Пойдемте, ждет машина.

— Главное — сам! Опять сам влез, дурак!

— Куда? Куда вы? Остановитесь... Сто-о-ой, гад!

41.

ИЗ РАПОРТА:

«12 июня во время своего дежурства я сопровождал полковника Жижку. В ЦНИИ Стратегии Экономики он имел беседу с неким гражданином, которого называл «полковник Хватов». В ходе беседы этот гражданин неспровоцированно напал на полковника Жижку, нейтрализовав меня с помощью двери. Затем он избил полковника, нанеся ему тяжкие телесные повреждения, и скрылся через аварийный выход (тип: пожарная кишка). Я вызвал «скорую помощь», которая увезла полковника в дежурную больницу Балтийского района (№ 36). Убедившись в безопасности пребывания господина полковника в больнице и получив от него приказ следовать в Управление, я направился к выходу. На лестнице я вдруг встретил гражданина Хватова. Узнав меня, он схватил урну (тип: плевательница), стоявшую на лестничной площадке, и

снова попытался меня нейтрализовать. Я был вынужден увернуться от удара, сила которого была такова, что гражданин Хватов перевалился через ограждение (тип: перила). Я попытался его удержать, но не успел, и он упал в лестничный пролет. Я тут же вызвал медперсонал, который уже не мог помочь гражданину, потому что высота была большая. Могу предположить, что человек, именуемый «полковник Хватов», проследил наш путь от ЦНИИ Стратегии Экономики до больницы № 36 и что, будучи опасным преступником, он решил окончательно нейтрализовать господина полковника Жижу.

Сержант Крутых А. А.»

42.

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ:

«12 июня я дежурила во втором терапевтическом отделении больницы № 36. В 20:55, проходя по коридору, я услышала крики на лестнице и выглянула туда. Я увидела, как очень большой парень в халате поверх военной формы бежал по ступенькам за мужчиной интеллигентного вида. На лестничной площадке между восьмым и девятым этажом парень в форме почти догнал убежавшего, тогда тот схватил урну за ножку и замахнулся. Парень в форме вышиб у него урну. Потом они стали быстро бить друг друга руками и ногами. Я ничего не поняла, только увидела, что интеллигентный мужчина оказался возле перил, тут парень попал ему ногой в грудь, и он упал вниз. Может, это шпион был, не знаю, но мне стало очень страшно. Я убежала в ординаторскую, заперлась и никому не открывала, хотя ко мне и стучались. А утром собралась с силами и пошла к вам.

Алла Иванова, врач-интерн».

КОНЕЧНАЯ ТОЧКА

43.

13 июня 2018 года. ОБЗОР ПРЕССЫ.

Многотиражная газета Управления ОСИН «За чистоту Сети».

Трагически ушел от нас Денис Павлович Хватов — испытанный боец, отдавший всю энергию и саму жизнь делу защиты информационных вен Родины от ядовитых проникновений тех, кому не по душе наши успехи во всеобщей компьютеризации.

В последнее время, когда усилились нападки на основополагающие принципы сбора информации, когда активизировались разного рода отщепенцы, пытающиеся разрушить созданное героическим трудом наших инженеров и программистов, Денис Павлович действовал особенно самоотверженно. Представляя Управление Особой Информации в научных организациях, он инициативно совершенствовал меры безопасности, неустанно выявлял возможные пути проникновения враждебной информации, предотвращал несанкционированный злонамеренный доступ к нашим базам данных, невзирая на лица, разоблачал руководителей, безответственно относящихся к делу защиты программного обеспечения. Особенно много сил Денис Павлович отдал работе Проблемной комиссии при Совете Министров — передовому участку в борьбе за совершенствование механизма управления народным хозяйством. Ему было трудно, очень трудно, потому что Комиссия стала объектом подрывной деятельности врагов прогресса, но он не отступил. Только трагическая случайность помешала ему довести дело до конца. Меч, выпавший из ослабевших рук, приняли его соратники — группа полковника Жижи. Прощай, дорогой Денис Павлович, твои товарищи не подведут тебя. Враги не уйдут от возмездия!

Командный состав Управления, подразделение наставников, друзья, товарищи».

Газета «Экономист», орган Совета Министров:

«Сегодня состоялось итоговое заседание Проблемной комиссии по изучению программного дублирования хозяйственного механизма. С докладами выступили Тарас Шкурко и Александр Батуро. В присутствии журналистов торжественно получен пакет рекомендаций приданого Комиссии дублера и опробован комплекс решений по преодолению негативных явлений в экономике. Успешная работа Комиссии заложила прочный фундамент в деле совершенствования управляющих функций отраслевых и координационных вычислительных сетей. Выработанные рекомендации будут обсуждаться на предстоящем чрезвычайном заседании правительства».

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ:

«Вчера правительственная делегация Китая посетила Дворец Образцового Быта — столичный центр удовлетворения потребностей трудящихся. Гости были поражены грандиозностью сооружения, привольно раскинувшегося на добрых двадцати гектарах, которое заменило сотни столовых, баров, бань, общественных туалетов, ранее бессмысленно разбросанных по всей территории столицы. Гости ознакомились с ультрасовременной технологией обслуживания, представляющей единый производственный цикл, который включает в себя не только потребляющие подразделения, но и производящие, такие, в частности, как парники и свиноферма. Особый интерес у членов китайской делегации вызвала практически полная безотходность производства и независимость комплекса от капризов погоды и поставщиков».

«Первых поселенцев принял космический Городок для инвалидов — ими оказались супруги Лайкины. Как известно, эта оснащенная всеми удобствами станция, специально приспособленная для людей с различными де-

фактами органов движения, была выведена на орбиту почти десять лет назад. Остается только сожалеть, что из-за неизжитых пока стереотипов столь замечательное жилище пустовало так долго. Впрочем, почин сделан! Перед отлетом супруги Лайкины сказали в интервью, что они отправляются жить в космос, потому что их очередь на инвалидную коляску типа «пневмопрыг» подойдет только к 28 г. н. э.»

«За последний месяц в Ярославле госпитализировано большое число граждан с поражением нервной системы. Расследование показало, что причиной этого являются токсические испарения, вызванные неисправностью в бытовых терминалах некоторых марок. Большинство пострадавших созналось, что неисправности — результат их собственных преднамеренных действий. Токсические испарения в сочетании с псевдоэстетическим воздействием обычных графико-музыкальных программ давали глубокий наркотический эффект. Таким необычным «изобретательством» ответили Ярославские наркоманы на энергичные меры местной милиции по закрытию путей проникновения в город околокомпьютерной заразы, в том числе графико-музыкальных программ, воздействующих на психику».

«Вчера на Невском проспекте имели место беспорядки, учиненные группой безответственных элементов. Выкрикивались провокационные требования: „прекратить обучение в школах с помощью педагог-компьютеров“. Западным журналистам, якобы случайно оказавшимся на месте происшествия, взалхлеб рассказывались «ужасные» истории о том, как наши дети изъясняются машинным языком и мечтают быть такими же умными, как компьютеры. На вежливые просьбы милиции вести себя спокойно эти, с позволения сказать, «родители» ответили грубой бранью и пустили в ход кулаки. В результате десять человек из числа демонстрантов были травмированы. Против подстрекателей этой безобразной акции возбуждено уголовное дело».

«Еще памятен успех первого в стране учебника, написанного человеком совместно с литературным дублером (это был учебник русского языка для студентов Северо-Западного Университета). А на днях появилось созданное таким же прогрессивным способом первое художественное произведение — повесть Георгия Помаркова «Жидкая нива» о проблемах гидропонизации села. Литературный дублер, ставший «соавтором» известного писателя, крепко стоит на принципах технического гуманизма, нарастающего оптимизма и неиссякаемой народности, что позволило добиться соответствия повести лучшим образцам отечественной прозы».

КОНЕЦ ДРАМЫ

ПРИМЕЧАНИЕ:

Сборка текстов, включающая:

- поиск документов;
- литературную обработку фонограмм;
- реконструкцию разговоров;
- составление комментариев и заголовков

произведена расширенным литературным дублером издательства «Архив». Глубина художественного воплощения соответствует Государственному Стандарту 74.503-50 на документальную прозу.

1987—1988

(сон разума)

А. Щеголев

Кто звал МЕНЯ

Тяжело. Словно камнем стянута грудь, словно гранитным одеялом укрыты ноги. Не вздохнуть. Наверное, я все еще пьян. Но кто разбудил меня, кто осмелился? Темнота, и ничего кроме. Ночь? Встану — раздавлю контру. Кто дышал мне в лицо, кто кричал мне в ухо? В рудниках сгною. Камень проклятый — не дает шевельнуться! Я пьян, конечно. Эй, холуи, вы где, забыли про хозяина? Сюда. Освободите грудь. Надо встать. Все, не могу больше, сейчас я вас, сейчас...

Встаю.

Тяжело, тяжело, тяжело — грудь содрогается от нечеловеческой муки. Встаю. Будто взрыв, и душный мрак раздвигается. Нет, это не камень, не гранит, это — земля, глина, песок. Грязь. Луна и ветер, болтающиеся фонари и ночная прохлада. Хорошо... Где я? Красная кирпичная стена громоздится рядом, бесконечной полосой уходит вперед и назад, упирается в небо гигантскими зубцами. Башни, пылающие в свете прожекторов, одна впереди, другая сзади — Боровицкая и Водовзводная. Пятилучевые свастики цвета артериальной крови — на шпилях. Все ясно, местность опознана. Вокруг деревья, газоны, ухоженные дорожки, ровные ряды мемориальных плит на могилах народных героев среднего звена. Аллея Славы. Аршинах в шестидесяти должен быть мостик через ров и Боровицкие ворота — вовнутрь. Мир поделен красным кирпичом надвое: здесь, снаружи, просто город. По ту сторону стены — Столица Нашей Родины, надеж-

но укрывшаяся на двадцати пяти десятинах древнерусской крепости. Здесь рабы, там хозяева. Ближайших холоуев вождя закапывают также возле этой стены, но в другом месте, чтобы плевки с Мавзолея долетали... По набережной шуршит шинами одинокий автомобиль — далеко, за деревьями его не видно. Приближается. Надеюсь, не мясовоз. А то притормозит, и доказывая потом вежливому офицеру, что ты давно не раб, что ты как раз хозяин...

Разворачиваюсь. Под ногами обнаруживается яма — нелепая, бесформенная, страшная. Газон будто наизнанку вывернут. На дне смутно темнеют останки длинного ящика, в отвалах мокрой почвы валяются ошметки гнилых досок, мемориальная плита отброшена на пару саженей вбок. Вот это да! Что за мерзавцы осквернили могилу? Где патруль? Расстрелять... Мрамор расколот, на одной из частей призрачно блестит золотой профиль — мой. Знакомая картинка. Работы самого Хорька, главного художника державы. Сляпал за три минуты, забредя однажды ко мне в кабинет. А рядом... Моя же собственная книга, испачканная, потрепанная, жалкая — последнее переиздание...

Я пьян, да? Белая горячка?

Кошмар стремительно разрастается. Наконец-то догадываюсь осмотреть себя, ощупать себя, прислушаться к себе, и вдруг вижу, вдруг чувствую... Шок, провал в памяти. Оказывается, я стою перед дверью своей квартиры, причем совершенно не помню, как добрался. Хорошо иметь в ногах специальное устройство, назубок знающее дорогу домой. Тебе плохо, ты пьян, старого шофера забрали, нового еще не дали, голова полностью выключена, холуй-очкарик, с которым ты еще в школе учился, добросовестно пишет за тебя передовицу в одну из центральных газет и помочь ничем не может, но ты, как настоящий мужчина, возвращаешься сам, либо пешком, либо при помощи патруля, колотишь в дверь ногой, и тебя подхватывает верная, ко всему привыкшая жена. Хорошо быть настоящим мужчиной. Впрочем, дом прак-

тически рядом с аллеей Славы — до Боровицкой башни дойти, сразу на Манежную и до перекрестка. Номер три. Престижный дом, правительственный, даже название в народе имеет — «Угловой». Здесь все свои проживают, никаких вам рабов. Через ночь мясовоз к парадному входу подъезжает, чистит квартиры от замаскировавшихся и примкнувших, чтобы оставшимся спокойнее дышалось... Нет, все равно не знаю, как дошел, крутится в памяти лишь забавное кино, будто бы я плечом проламываю запертые двери подъезда — легко, играючи, оба ряда, — будто бы нокаутирую вскочившего с топчана швейцара, вызываю лифт...

Стучу ногой. Жена, принимай хозяина! Бегом!

Ногой? Кость, одетая в гнилой ботинок. Вместо брюк — дырявая полуистлевшая тряпка, сквозь которую также видны кости — бедренные, надколенники, берцовые, какие там еще... Что со мной? Неожиданно в голове восстанавливается нелепая картинка, та самая, явившаяся причиной шока. Подношу к лицу руки и снова вижу — как и там, на набережной, — заплесневевшие фаланги пальцев, без кожи, без мяса, голые, тонкие, отвратительные. Кто я?

На стук не отвечают. Исступленно колочу, ногой и рукой одновременно. Дерево тяжело стонет, готовясь покорно разлететься на куски. Нет, крушить не стоит — свое ведь, не чужое. Дергаю за ручку — обламывается. Ага, услышала, забегала, дурочка моя дрессированная! Поправляю пиджак, вернее то, что было когда-то пиджаком, стряхиваю с лохмотьев землю, жду. Открывает незнакомый мужчина. В халате. Решительно стискивает пальцами пистолет. Глядит на меня и тут же роняет челюсть, резко начинает трястись, пятится, пятится. Будь все это не в бреде, я бы точно испугался — черного ствола, наставленного мне в грудь... Здравствуй, геноссе — пытаюсь остаться вежливым, но только бестолково клацаю зубами. И вдруг получается вой — гулкий, протяжный. Гость уже не пятится, потому что утыкается спиной в вешалку, точно в висющую там шинель. С

крючка падает фуражка. Очевидно, военная форма — его. Нашивки незнакомы. В каком же ты звании, доблестный боец Новой Гвардии? И почему ты в халате, камрад? И где моя жена? Где она, сука подзаборная, в какую щель уползла?

Переступаю порог. Привычно сворачиваю в коридор, оттолкнув этого жеребца, и вперед, мимо кабинета, мимо какой-то старухи, жмушейся у комнаты домработницы — к спальне, к нашей спальне. Стоп. Оглядываюсь. Старуха громко шепчет: «Нет, нет, не может быть!», а жеребец молчит, контра, язык проглотил со страху, смотрит на меня, забыв про пистолет. Вхожу. Постельное белье в призрачном свете торшера кажется багровым. Ага, ты все-таки здесь, пышечка! На своем рабочем месте, правильно. В ночной рубашке. Я тебе такую не покупал, интересная у тебя рубашечка. Что же ты мужа не встречаешь? Может, из-за чужих подштанников, валяющихся на ковре? Так ведь прибрать могла бы, не позориться. Или из кровати лень вылезать? Нет, вовсе не лень — вон как взвилась, выше метнувшейся по стенам тени, вон как запорхала, разметала по спальне волосы...

И прическа у нее другая. И похудела вроде бы, и с лицом что-то странное. Вообще, вся такая посвежевшая, помолодевшая — просто убить хочется. Убить... Надо же, как ее обновили, всего за один вечер! Эх, боец-жеребец, что мне теперь с вами обоими делать?.. Шагаю к ней. Визжит. Хочу поймать ее, жену свою бесстыжую. Но в комнате вдруг становится нестерпимо громко, что-то бьет меня в спину, что-то мелкое и подлое. Лопается стекло в старинном буфете — прямо напротив. И сразу тихо. Он в меня выстрелил, подкравшись сзади, твой офицер без подштанников! Как же так, он — в меня... Оборачиваюсь, понимая, что это все. Сейчас упаду. Сейчас проснусь, заору, переполненный благородным страхом. Безликий пес из obsługi волеет в меня глоток целительного пойла, а потом дотащит мое капризное тело до сортира, и мне будет хорошо, хорошо... Нет. Стою,

не падаю. Не просыпаюсь. Пистолет в руке гостя оглушительно вздрагивает, второй раз ударив меня — в грудь, — и тогда я поднимаю с пола осколок стекла. Моей костяной ладони совсем не больно, когда я втыкаю прозрачное треугольное лезвие в трепещущее горло. Белые полосы на халате стремительно исчезают — сверху вниз. «Витя, Витя!» — заходится криком жена. Мое имя не Витя, — говорю ей, — уже забыла, как мужа своего зовут? Но вместо фразы вновь получается вой, всего лишь бессильный вой. Я хватаю наконец ее за плечо, подтягиваю к себе — рвется прочь! Месит воздух свободной рукой, сдирая с меня ветхую ткань, обнажая мои грязно-серые ребра, и я с наслаждением бью ее по лицу.

Дрянь.

Она опрокидывается на спину и замолкает. Опять становится тихо. Впрочем, теперь слышно, как стонет в коридоре старуха: «Господи, за что? Зачем он явился, Господи, всю жизнь мне сломал, пьяница, недоделок чертов, даже подохнуть нормально не мог — зачем, зачем? Я же похоронила его, похоронила, Господи...» О ком она? Уставилась мутным взглядом в раскрытую дверь, не решаясь войти. Кто такая? Не имеет значения. Друг семьи мирно прилег на пол, это главное. Друг семьи пытается ползти куда-то, растопылив волосатые ноги, выгибаясь и натужно хрюкая. Он уже помочился под себя, он явно собирается выпустить из кишечника все лишнее. Пакостное существо. Выскочившая наружу мошна мелко дергается — это, это главное... Жена поднимается, шепча: «Витя, Витя, Витя...» — совсем сдурела, бесстыжая. Забыла, из какого дерьма тебя вытащили? Сжав костяшки пальцев, делаю шаг — к ней. Она...

Ее нет в супружеской спальне. Чтобы разбить своим телом окно, нужна секунда. Чтобы долететь до асфальта — эн секунд. Седьмой этаж, эн плюс один, и ее больше нет, твари неблагодарной. Сама решила, сама нашла выход из положения. Старуха хрипит где-то сзади: «... ты же дочь убил! Дочь, наша дочь! Господи, за что!...» Старуха уже здесь, ползет к окну, однако выглянуть не

успевает, падает возле подоконника, хватая ртом воздух. Какая дочь? — кричу я. Бред, просто бред! Моей дочери и трех лет не исполнилось, — кричу я им всем, — моя дочь должна быть в детской, если только ваши выстрелы ее не разбудили... Мир наполнен воем. Низким, утробным — заткнуть уши, разбить головой стены. И вдруг получается осмысленный звук. Рожденный в груди звук сотрясает позвоночник, рвется наверх, клокочет, толкается, — распирает вставшие на пути челюсти, — наконец-то складываясь во фразу:

— *Кто звал меня?*

Освободился!

Кто звал меня? Ответа нет, и я выхожу в коридор, переступив через того, который под ногами. Из детской выглядывает заспанный всклокоченный пацан, обнаруживает меня, оторопело говорит: «Ой, чего это?» — и сразу прячется. Голос его неожиданно остр — пронзает, словно копье. Я вздрагиваю, но движения не прекращаю. Останавливаюсь возле вешалки, чтобы посмотреть в зеркало. Череп и кости, жуть. Кто я, Господи? Зачем, за что... Смотрю и смотрю, не могу отвести взгляд. Как я смотрю, если вместо глаз у меня дырки? Как я слышу, как думаю?... Мальчишка снова высовывается, бесстрашно вопит, срываясь: «Папа! Тут чего-то такое ходит! Бабушка-а!...» Кто звал меня, — мгновенно оборачиваюсь. Он шарахается — нет мне ответа...

Впрочем, не так уж я и страшен, особенно если приодеть меня получше. Снимаю с крючка шикарную шинель и с удовольствием натягиваю поверх лохмотьев. Поднимаю упавшую фуражку. Кожаный обод надежно обнимает затылок. В зеркале — подтянутый офицер. А что, даже красив! Настоящий мужчина, рыцарь тьмы...

Белая горячка все не кончается. «Мама, ты где!» — несется из детской плач мальчика, терзая мою душу, ни на что не похожим гулом отдаваясь в голове, и я покидаю собственную квартиру, ставшую чужой всего за одну пьяную ночь... Значит, ты считаешь, что я «недоделок чертов»? — вспоминается вдруг старуха. Это я-то недо-

делок? Я — высокопоставленный холуй государства, ведущий сотрудник министерства, где куется мнение народных масс, можно сказать — десница самого Бригадира Правды, как любовно именуют в народе моего хозяина. Выдвиженец, который еще будучи подростком участвовал в событиях Января 24-го, всем сердцем принял идеи Великой Русской Революции. Мало того — известнейший детский писатель, сочинивший бессмертную книгу «Повести Просто Так». Я — вполне молодой, полный сил мужчина... был...

Неужели? Был...

Да ну вас, это всего лишь сон! Вон как вы разбегаетесь, едва я появляюсь из подъезда! Сон... Не ждали такого молодца? Думали, просто шпана в дом заглянула, думали, ребятишки погулять захотели, двери выломали, вахтера заставили в штаны наложить, и вы бы их лениво взяли за воротнички, запихали бы в фургон, повыбивав остатки зубов, и спасен был бы знаменитый дом... Только стрелять в меня бесполезно, дорогой товарищ, проверено ведь уже! Тебя я догоню, обязательно, обязательно — и головой об стену, и еще раз, не жалея сил, чтобы осторожнее обращался с оружием, чтобы уважал старших по званию. В руках — липкое месиво. Хрустит, сминается, брызжет темным соком...

Был патруль, нет патруля. Только упакованный в форму кровавый бифштекс остается на тротуаре. Струсили, орлы недоучившиеся, разлетелись. Автомобиль свой бросили, герои. Станный автомобиль — огромный, а сидит низко и двигателем урчит почти неслышно. Вместительный, грозный. Отличная вещь, полезная государству, даже жаль, что это плод больного воображения. Красивая вещь. Я вообще люблю красивое, я истинный рыцарь. Лошадей обожаю, например. Впрочем, сейчас выбирать не приходится — залезаю в стальную кабину, предварительно обтерев шинелью костяшки пальцев. Как управлять этим чудищем? Ладно, руль есть, педали есть, разберемся.

Некоторое время разбираюсь. Еду.

Хорошо еду, не хуже других диковинных чудовищ, изредка попадающихся навстречу. Не хуже многочисленных странных автомобилей — маленьких, гладких, как в детских книгах рисуют. По Манежной вдоль сада, мимо Колымажной, мимо Константиновской, в сторону набережной. Вот и аллея Славы. Здесь, откуда начался мой бред, ходят люди в военной форме, топчут газоны, негромко переговариваются, бросают окурки. Очевидно, ищут негодяев, посмевших выкопать из земли мои останки. У тротуара дремлют красивые автомобили, принадлежащие службе Спокойного Сна. Три буквы «С». На боку моего фургона также имеются эти волшебные буквы, бросающие в холодный пот любого нормального человека, и я проезжаю без задержек. Я — свой. Интересно, что обо мне говорили, прежде чем закопать? Что писали в газетах? Наверное, много прекрасных, трогающих душу слов, если уж решили похоронить на аллее Славы. Мол, верой и правдой служил он Отечеству, безжалостен был к врагам свободной нации, остро заточенным пером пригвождал к бумаге моралистов и догматиков. Мол, целое поколение истинных евразийцев воспитал своими книгами, мол, равнодушен был к лошадям и старинному оружию — гордость наша, герой среднего звена...

Что же вчера со мной случилось?

Выворачиваю на набережную. Слева — бесконечная зубчатая стена, символ порядка, справа — река, символ любви к родине. Вчера? А может, не вчера? Сколько времени прошло — дней, лет? Покоиться на аллее Славы, держа грудью мраморную плиту, — большая честь. Там хоронят только погибших на посту, только умерших не своей смертью. Не своей смертью... Что случилось? И почему, почему рядом с могилой валялась моя книга?.. Мчусь вперед, к площади. Мелькают башни. Ночной воздух толкается в глазницы, врываясь через открытое боковое окно. Я неудержим. Когда же меня разбудят, когда освободят от вопросов?

Впрочем, главную площадь страны также оставляю

слева, решив не привлекать к себе внимания. Потому что пространство с той стороны Покровского собора пустынно, мертво, охраняемое прожекторами и бдительными взглядами часовых. Объезжаю по Хрустальному, торможу на Никольской улице. До Военного музея добираюсь пешком, вспугнув пару случайных ночных теней. Площадь открывается навстречу, теперь уже с противоположной стороны. Пустынна и мертва, дьявольски красива. Красно-белые башни стоят на страже беспокойного сна счастливых евразийцев, прокалывая небо пятиконечными символами чистоты национального генофонда. Без двух час — показывают часы на Спасской. Самое время для подвигов...

Вот оно! Наконец-то!

Кирпичная громада музея медленно закрывает освещенное прожекторами красное с белым. Привычный маршрут. По Военному проезду захожу зданию в тыл, оказываюсь перед дубовой дверью. Наконец-то... Но ведь Манеж в двух шагах. До моего дома — 200 саженей вдоль стены, от Троицких ворот направо, мимо Манежа, а там и родной перекресток. Почему я объехал Кремль почти по периметру, почему сразу не погнал автомобиль сюда? Очевидно, чтобы обмануть службу СС. Или чтобы взглянуть еще раз на аллею Славы... А может — боялся? Оттягивал этот момент, трус? Именно здесь, в Военном музее, за дубовыми дверями, за толщей ржавого кирпича я и сплю сейчас, мечусь в белой горячке, тщетно пытаюсь проснуться. Именно здесь я напился вчера, отмечая со своим быдлом успешную сдачу очередной придворной речи нашего Бригадира Правды. Я пришел разбудить себя. Неужели боюсь?

Служебный вход, разумеется, заперт. Звонить, стучать? Зачем? Дерево взламывается легко и приятно, лопается с хрустом, бессильное сдержать мой кулак. Я внутри. Тусклый мрамор, тусклая лестница, тяжелый свет — до боли знакомая картина. Мы всегда приходили сюда через этот вход, потому что центральный — тот, что с площади, — крепко запечатан, открывается только

перед особенными гостями. Верный Петро отключал сигнализацию и впускал нас, шумных, веселых, всесильных, верный Петро вел нас в подвалы, где никто не мог помешать нам чувствовать себя хозяевами. Мы — молодость страны, мы — невидимая власть. Только свои, только соратники, проверенные в каждодневных боях за святую Русь. И охранники, тащившие водку, и бабы, на ходу снимавшие чулки, — все свои. Никаких полукровок, кристально чистый генофонд, надежда возрождающейся нации. Кроме Петро, правда, но кто об этом знает? Кто знает, что дед у него был немец, а бабушка еврейка? Впрочем, не это страшно, ну жил бы он себе с волчьим паспортом в каком-либо из столичных спецкварталов, если бы те самые дед с бабкой не были к тому же представителями немецкого дворянства, обнищавшими на русской земле. Наши с ним папы в одной гимназии обучались, до революции естественно, а мы дружили с детства. И третий друг у нас был, Очкарик, тоже из семьи потомственных интеллигентов. Прямо как в романах, идиллия. Первого друга я администратором мертвого музея сделал, второго посадил редактором журнала — пользуйтесь моим всесилием, лижите мне пятки в приступах холуйской благодарности... А подвалы здесь шикарные, оборудованы не хуже кремлевских. В залы подняться давно уже не тянет. Раньше тянуло — просто побродить по этажам, на оружие посмотреть, на доспехи, на чучела, красотой законсервированной полюбоваться. Музеи ведь закрыты — с тех пор, как фракция генетиков сумела счистить с коммунистического трона масонскую накипь, освободить партию великого Ленина от убийц и лицемеров. Музеи закрыты, потому что Январская Революция продолжается, потому что живы еще интернациональные предрассудки, потому что любое, самое крохотное зернышко чужой культуры — враг свободной нации.

Сейчас сигнализация отнюдь не отключена. Верещит где-то вдалеке. Иду по первому этажу, насквозь — в холл. Навстречу выскакивает заспанный старик, на ходу застегивающий форменные брюки. Застываем лицом к

лицу. Бежать он не может, ноги его не слушаются, вместо этого он вяло шевелит губами, явно желая что-то сказать. Кто такой? Похож на отца моего верного администратора, только седой. Носатый, тощий, неопрятный. Неужели это... Вне сомнений. Значит, он тоже жив, пес облезлый, — как и та старуха в моей квартире?

Шепчет. Что? Шепчет, задыхаясь: «Я знал, что ты ко мне придешь, дьявол, дьявол!..» Шагаю к нему, хочу обнять товарища по детским и недетским играм, однако он отпрыгивает и падает, споткнувшись о ступеньку. Как же вы постарели, холуи мои пустоголовые, как же вы поизносились! Он исступленно бормочет: «Нет, не надо меня, не надо... Товарищ полковник, я не предал национал-ленинизм, я такой же патриот, как и раньше, внучкой клянусь!.. Не предал, хозяин!..» — и я склоняюсь над ним, всматриваясь в маленькие мутные глаза. Приятно быть полковником. Но все же, сколько лет прошло, Петро? Чей ты теперь? Кто посмел перевести тебя из начальников в сторожа? Он отползает, вытирая задницей камень, он уже кричит, яростно кляца зубами: о том, что правильно я вернулся, что эти сволочи превратили страну в отхожее место, что предательство кругом, что зря мы кровь проливали... Тогда я хочу съязвить: мол, если и проливал ты кровь, товарищ, то лишь чужую, вечным трусом ты был, — как и я, разумеется, — что пока я культурно служил первым референтом при Министре печати, главном идеологе державы, пойманный им на старый добрый крючок, ты просто ползал на брюхе перед каждой встречной сволочью — передо мной, например, — только бы не испачкать собой черное брюхо мясовоза, только бы не улечься на решетку с кровостоком, специально постеленную на дне всех-всех красивых автомобилей. Причем здесь национал-ленинизм, товарищ мой дорогой? Я хочу съязвить, но сквозь зубы опять прорывается проклятое, страшное:

— *Кто...*

Вопрос остается недосказанным. Верный друг Петро

визжит, захлебываясь воздухом: «Это не я! Это твой Бригадир, это он приказал! Он тебе завидовал, твоему таланту, внучкой клянусь! Сам все организовал, а потом шум поднял, будто эсэсовцы бдительность растеряли, позволяют врагам лучших людей убивать!» Визжит и плачет. Корчится на полу от страха, зачем-то пытаюсь встать на четвереньки. Пес... «Я не виноват, хозяин! Я ему всегда про тебя врал, правду ни за что на свете не говорил! Они меня заставляли, да, но ведь это еще до той ночи было, еще до той ночи...»

— *Кто звал меня?* — все-таки спрашиваю я, и скулеж мгновенно обрывается. Старик смотрит снизу вверх, мелко трясясь. Нет мне ответа! Перешагиваю через вспотевшее тело, поднимаюсь по мраморной лестнице, топчу ковровую дорожку... Итак, меня убили. Очевидно, давно — той ночью, когда я в очередной раз напился. Вчерашней ночью. Здесь, в этом самом музее — заснул и не проснулся. Забавно. Значит, именно Бригадир Правды сделал из меня героя, павшего от руки какого-нибудь юдоазиата? Все понятно: захотелось ему посадить кое-кого из своих друзей в дерьмо, чтобы переподчинить наконец службу СС, чтобы отпихнуть конкурентов от трона вождя. А Петро, значит, шпионил за мной? Ну конечно, кто кроме него мог донести нашему Министру про некое мелкое обстоятельство, позволившее посадить мой талант на короткую цепь! Да, держали меня крепко, спасибо тебе, друг. Не хуже, чем я тебя с твоей бабулей Исаакова колена. Но зачем в таком случае Бригадиру делать «куклу» из столь ценного холуя?

Пьяная галлюцинация, пропади все пропадом...

Анфилада сумеречных комнат, пропитанная дежурным светом, висит в вечности. Первый этаж, как всегда, манит, зовет, ложится под ноги. Гулко плыву, разрезая сумерки грудью... Ударное оружие: палицы, булавы, кистени. Клинковое оружие: мечи, кинжалы, шпаги, сабли... Кончар с изъеденным временем клинком, катцбальгер, чинкведей, скъявона с немисливо скрученной гардой... Древковое оружие: копья, секиры, алебарды...

Грозная завораживающая красота, опора государства и права — ждет моих рук. Стрелковое оружие этажом выше, еще выше — образцы восемнадцатого — двадцатого веков, но душа моя не хочет выше. Душа моя здесь, в этих залах. Какой из спящих под стеклом предметов разбудить? Очень много имитаций, как современных, так и девятнадцатого века, как претендующих на подлинность, так и явных подделок. Что выбрать? Сыпятся осколки: я выбрал. Готический двуручник XIV века, обоюдоострый, с простой крестовиной, с круглой головкой, без излишеств в виде инкрустаций или аппликаций — анонимное оружие настоящих рыцарей. Копия, конечно. На самом деле изготовлен не раньше прошлого века, по заказу какого-нибудь богатого аристократа. Прежде чем попасть сюда, висел в чьей-то роскошной гостиной, выдаваемый хозяином за подлинник. Впрочем, прекрасный экземпляр. Легко поднимаю меч за рукоять, размахиваюсь, затем с наслаждением обрушиваю железную лавину на пол. Паркет взрывается, прорубленный до перекрытия. Анфиладу сотрясает эхо. Да, изделие уникальное, древний мастер поработал на славу. Выдираю клинок, шагаю дальше. Тороплюсь: сила распирает чужую форму, рвется прочь, требует действия.

Кто дал мне силу?

Я назову тебя Друзе, — говорю оружию, покорно лежащему на моем плече. Хоть и не в России ты рожден, не в Златоусте или Туле, а в каком-нибудь враждебном нам Золингене, ты станешь у меня русским. Верным Другом я буду звать тебя, и только тебя, и никого кроме, отныне и навсегда... Нет, не так — слишком пошло это, слишком фальшиво. Я назову тебя... назову тебя — Раб. О! Святой Раб — превосходное имя... Нет, и это не верно. Оскорбительно, грубо, наивно. Прости, прости, прости, не раб ты мне, а... А кто? Какое же имя у тебя, товарищ?

Залы доспехов. Чешуйчатый панцирь, щитки и шлем — древний Рим. Деревянный щит, обтянутый мехом, — разумеется, не мой уровень. Разнообразные коль-

чуги, колеты, кирасы, готические шлемы, шаллеры, морионы... Что выбрать? Рифленные латы, обильно украшенные золотом, сплошь покрытые орнаментом, конечно, впечатляют. Но к чему мне хвастливая пышность, ласкавшая взоры богатых дворян? К чему бессмысленная декоративность, если душа жаждет настоящего и простого? Я выбираю вот это. Полудоспех пехотинца, XVI век. Никакой парадности. Минимум канфаренных излишеств, отчаянная нацеленность на бой. Рушится очередной музейный стенд: я освобождаю металл, десятилетиями ждавший меня. Черная сталь светится, отталкивает жалкую электрическую муть, сочащуюся сверху. Чтобы одеть доспех на себя, приходится расстаться с полковничьей шинелью. Непередаваемые ощущения. И только шлем, как ни странно, тесноват, поэтому я вынужден отказаться от его услуг, вернуть офицерскую фуражку на прежнее место. Впрочем, оно и к лучшему — ничто не мешает мне вовремя обнаружить врага. Вновь принимаю меч в руки. Его холодная уверенность, его безжалостная правда наполняют душу до краев. Рассекаю клинком воздух, убеждаясь в том, что новая одежда не сковывает моих движений. Интересно, как я выгляжу? Ответ на этот вопрос сейчас будет получен — достаточно увидеть свое отражение во влажных песьих глазках...

Я неудержим.

Бесшумно спускаюсь по лестнице обратно в холл. Сигнализация уже молчит, зато слышен гулкий торопливый шепот: «Вы обязательно передайте это хозяину! Да не свихнулся я! Передайте, вы меня поняли?» Ага, старик беседует с кем-то по телефону. Смешной телефон — маленький, кругленький, будто игрушечный. А он, оказывается, смельчак, наш Петро! Не сбежал, не уполз в какую-нибудь щель. Впрочем, объяснение тому простое: двое эсэсовцев рядом. Плюс еще двое — на полусогнутых спешат мне навстречу, опасливо вглядываясь во тьму. «Ой!» — говорит один, потому что из тьмы появляюсь я. «Ой!» — через мгновение повторяет он же и медленно опускается на кафельный пол, изучая взгля-

дом дыру в своем брюхе. Там пульсирует что-то густое, черное, противное. У второго реакция получше, но пальнуть и он не успевает. Мальчишка! Ведь я ненавижу пальбу, ненавижу и боюсь — с детства, с той зимы 24-го года, когда всю ночь ползал по баррикаде, оглохший и ослепший, сражаясь с псевдокоммунистической сволочью, до полного отупения перезаряжая винтовки взрослым бойцам... Не знал, да? Боюсь до дрожи в суставах, ненавижу до тьмы в глазницах, именно поэтому я бью с размаху, сверху вниз, по руке с пистолетом. Экий я неловкий — попадаю в плечо. Обращаться с оружием не умею, вы уж простите, друзья, пробел в воспитании... Оказывается, это страшно, если с размаху. Жаль, полюбоваться сделанным нет времени: оставшиеся двое суеются, храбро орут, но я уже здесь, я коротко взмахиваю мечом, и стриженная голова влажно шлепается на стол. Надо же, не промахнулся! Точно в шею — оказывается, это не менее любопытно, — и воинственный матерный клич обрублен. Еще короткое движение! Но теперь получается плохо и грубо, лезвие с равнодушным хрустом входит суеющемуся телу в бок, и тело мгновенно успокаивается, падает на колени, стоит, качаясь, тогда я берусь поудобнее за рукоять, — обеими кистями сразу, — принимаю устойчивую позу лесоруба, неторопливо прицеливаюсь и рублю. Спокойно, аккуратно — будто дрова. Кафельная плитка раскалывается от удара. Невообразимо, фантастически красиво... Да, я не обучен фехтованию! Ну и что с того, если я понял главное правило: не сомневаться до и не смотреть после. Да, я пока не настолько сроднился с покорившейся мне сталью, чтобы неотразимый ее полет сопровождался божественным пением — едва слышным свистом, знаком высшего мастерства. Зато я хорошо выучил обязательное условие победы — не думать ни о чем... С клинка скупое капает, из кусков недоучившихся патриотов толчками выходит жизнь. Все правильно. Где ты, старик? Кому ты звонил, какую новость просил передать? Может быть, ту, что я вернулся?

Он выползает откуда-то снизу и скулит мне в ноги с трусливой радостью: мол, здорово ты их, хозяин, никогда такой жути не видал, а сам я, мол, как раз выяснил для тебя все, что нужно, специально из-за этого и звонил в секретариат, ты ничего такого не думай, хозяин, нет, просто Бригадир сейчас в Кремле, у них там ночное бдение по случаю завтрашних выборов, он ведь опять вскарабкался на вершину, правой рукой Нового заделался, так что здесь рядом эта сволочь, очень удачно получается, далеко за ним ходить не надо, а я человек маленький, с меня спрашивать нечего, не я тебя предал, не я, не я, внучкой клянусь...

Острием меча нежно приподымаю его голову и смотрю ему в глаза. Там — ничего. Стекло и гипс. Он застывает на четвереньках, как и полагается истинному другу детства, он тщетно строит улыбку, неестественно задрав носатое лицо, он старается освободить подбородок от мертвящего прикосновения. Фискал, дешевка, юдоазиат. Жалеешь себя, грязный ховер, тоскуешь, что не успел удрать? Продолжая глядеть ему в глаза, надавливаю на рукоять. Неопрятная старческая шея благодарно откликается — стремительной алой волной. Но мне уже не интересно, я ухожу, не оглядываясь, с удовольствием слушая, как хлупает под офицерскими ботинками теплая каша, я чувствую, я точно знаю — с потрудившегося клинка капает, капает, капает...

Раньше мне никого не приходилось убивать. Если не считать того бородатого дядю-интернационалиста. Того, который поймал меня в подворотне, предложил поиграть в войнушку, вложил в мою руку револьвер и дал боевое задание — пробраться к баррикаде, что была на перекрестке, и пальнуть в плохого командира. Я согласился, но сначала испытал оружие на нем самом, вложив в пальчик всю имевшуюся ненависть. До сих пор помню, как это громко — впервые спустить курок. А затем действительно пошел на перекресток, чтобы остаться там до конца, — вместе с другими героями Января, — ведь ради этого я и сбежал из теплой квартиры, украв у

соседки гигантский кухонный нож. Правда, был еще один дядя, в пенсне, который утащил меня в первый попавшийся подъезд, который кричал, что детям на баррикадах делать нечего, но тот, скорее всего, не умер, поскольку я ткнул его ножом слабо, неумело, лишь бы отвязался... Однако давно это было. В год подлого убийства Ленина. В год, когда русский народ поднялся с колен. А потому — дядю-интернационалиста не считаем. Итак, раньше мне не приходилось убивать, дураку, трусу, интеллигенту. Прожить жизнь, не познав, как прилипает к хозяйским ногам холуйская кровь, — смешно и глупо. Но сегодня ночью я освобождаю себя от мирских условностей. Во сне можно все, товарищи. Особенно если учесть, что я уже похоронен вами и терять мне нечего. Верно, Петро? Молчишь, иуда. Верно, любимая жена моя? Говоришь, зря я своего будущего зятя зарезал? А что мне еще оставалось, старая ты дура! Вы же первые начали, твари тепловкровные, почему-то не пришлось вам по нраву восставшие останки детского писателя, вам всем, братья евразийцы, так что не обижайтесь теперь. Страшные сцены с вашим участием хорошо успокаивают мечущуюся в белой горячке душу. Каждый новый эпизод ясно показывает: нет, не угасла фантазия того пьяного интеллигента, который бесконечно бредит сейчас всеми вами, валяясь непонятно где и непонятно в каком виде... Но как вам удастся сразу узнавать меня, если сам я вижу в зеркале только истлевшие мощи? Бред, бред и бред. Может, потому что вы всегда ждали моего возвращения? Может, потому что зрение ваше обострили долгие годы страха? Впрочем, это неважно. Главное — в ином. ОН со мной, мой друг, мой раб, ОН поит жизнью мои высохшие руки, ОН тяжело лязгает, в ритм шагам подпрыгивая на моем железном плече. Вдвоем мы сочиним такую сказку, перед которой померкнут готические сюжеты...

Сказку?

Вот оно! Нашел!.. Я нашел тебе имя, — ликуя, сообщаю светящемуся в сумерках мечу. Соавтор... На-

рекаю Соавтором — будь им, не откажи заскучавшему писателю. Ведь я обожаю раздваиваться, распадаться на части, чтобы становиться затем единым и неделимым, люблю играть в чужие судьбы, баловаться словами — весело, но всерьез. Забыли, сволочи? Как я мистифицировал читающую публику, написав «Повести Просто Так» от лица якобы двух авторов, которые прямо в тексте перебивают друг друга, дерутся за перо, бумагу, пихаются возле пишущей машинки и так далее... Впрочем, сейчас будет честно. Мы сочиним с тобой роскошную концовку этого сна, мы не разочаруем Его — Того, Который...

Который Дал Мне...

Того, Который Дал Мне Силу.

Вперед! Хватит мыслей. Меня ждет Бригадир Правды, он объяснит мне все, освободит мою грудь от бурлящих вопросов. А потом — о! — потом я пригну этого властолюбивого карлика к полу, подниму светящийся Соавтор повыше — и...

Моросит дождь, перед служебным входом мокнет серая туша мясовоза. Водитель резво вываливается из кабины, бежит куда-то, оскальзываясь, — очевидно, ему я тоже не нравлюсь. Что ж, автомобиль мне очень кстати, иначе пришлось бы возвращаться на Никольскую. Залезаю вовнутрь, заново изучаю управление. Стартер и здесь отсутствует, двигатель запускается с помощью ключа — забавное новшество, Впрочем, уже освоенное мною в предыдущую поездку. Завожусь, еду.

Еду по площади — нагло, открыто. Трудятся стеклоочистители, Соавтор смирно лежит на двух соседних сиденьях... Как попасть в Кремль? Можно разогнаться и на полном ходу воткнуться в какие-либо из ворот. Нет, бесполезно, чугунные плиты даже не почувствуют этот удар. Тем более, за первой линией металла есть и вторая. Можно попытаться перелезть через стену, предварительно угнав пожарную машину, но пока я занимаюсь поисками, ночное бдение в Теремном дворце закончится, и хозяева земли русской разъедутся кто куда. Или поступить проще — разбить ворота собственноручно, точно

так же, как прочие встававшие на моем пути преграды? Вдруг получится? Хотя бы вот эти, Спасские — главные ворота на главной площади. Не караулить же, в самом деле, пока кто-нибудь из проверенных захочет попасть вовнутрь!

Караулить не требуется: неприступные створки открываются сами. Сегодняшней ночью мне везет чуть больше, чем той, прошлой, оставшейся незавершенной. Это хорошо. Выкатывается большой белый лимузин, и я плавно сворачиваю к нему, не снижая скорость. Ишь ты, наверное, правительственный. Отличный конь, еще одна мечта сорокалетнего сочинителя, возомнившего себя невидимой властью. Кто внутри — непонятно. Надеюсь, не Бригадир Правды, это было бы слишком просто. Перед столкновением вижу разинутый в немом вопле рот водителя — где-то внизу, у каменной мостовой, — вижу розовые ладони, прилипшие к боковому стеклу лимузина, затем принимаю удар и мчусь дальше, к башне, под арку, во тьму тоннеля, а смятая железная коробка остается сзади, отброшенная за ненадобностью на газон. Не лезь под ноги, компаньеро! Охрана бежит вдогонку, запоздало стреляя, но я уже пронзил кирпичную толщу насквозь, я уже здесь, у вас, принимайте гостей.

Мимо монастыря — на вольные просторы Ивановской площади. Пустынно и тихо. Мимо колокольни, мимо Двенадцати апостолов, напрямик к Колымажскому въезду. Ага, вот и конец тишине! Шеренга безликих теней спешит наперерез. Неужели меня встречают? Что ж, польщен. Быстро же они опомнились, псы казенные, прекрасная выучка. Впрочем, внезапно грянувшая пальба заглушает все постороннее — и шум двигателя, и дождь, и мысли. У них автоматическое оружие, у меня — только раздирающий грудь вой. Руль больше не подвластен мне, автомобиль уводит влево, влево, влево. Нет, не удержать — переднее колесо пробито. В стеклах расцветают аккуратные паутинки, одна за другой. За стеклами бешено мелькает. Патриаршие палаты надвигаются, загораживают собой небо, свирепая неодолимая

сила швыряет меня вперед, в пустоту и сырость, пробивает моим лбом ветровое стекло, но тут все кончается, потому что внешний мир уже неподвижен. Из капота выплескивается пламя, рвется в кабину, и я прыгаю в раскрывшуюся от удара дверь.

Ливень.

Я невредим, разумеется. В руке Соавтор — я не забыл тебя, брат! Мясовоз своротил кузовом будку охраны, оттуда тянутся задушенные крики, но слушать их мне некогда. Бегу прочь. Сзади огонь и грохот. Длинная кольчужная юбка путается в ногах, весомо бьет под колени. Вот он, въезд в Царские дворы, я все-таки добрался до него, перехитрил красно-белые стены! Бегу. Во дворе засада: прыщавый юноша, закусив от усердия губу, садит из автомата — в меня! в упор! — пробив в кирасе одну сплошную дыру, и мне ничего не остается, кроме как шагнуть к нему. Лязгает о булыжник замолчавший автомат. Человек разваливается, поделенный мечом надвое, раскрывается дождю, вспенивает лужу — сначала верхней своей половиной, затем нижней. Сила переполняет меня. Сила и ненависть. И еще — вопрос, этот проклятый вопрос. Бегу дальше, ныряю под арку, и снова через двор, к лестнице. Наверху, на плоской крыше Мастерских палат, сияют электрическим светом Терема — святая святых здешнего мира. Вожди нации не спят. Теоретики и практики, обеспечившие победное шествие генетики по планете, на боевом посту. Замечательно. Только путь вперед, увы, не свободен, забит человеческим мясом, которое серыми волнами катится по лестнице, и тогда я вздымаю Соавтор над головой.

Я принимаю бой!

Мяса оказывается слишком много. Агрессивное и упрямое, плотное и мокрое, оно слаженно визжит, корчится и хватает меня за ноги, оно сотрясает мир бессмысленной стрельбой. Клинок вязнет. Доспех мгновенно превращен в сито, редкие пули рикошетом улетают в ночь. Трудно. Впрочем, бегу — вверх по ступенькам. Любопытно, что будет, если садануть в меня из пушки?

К счастью, пушки у них нет, и я уже на просторной крыше подклета. Здесь легче, свободнее — двуногие куски плоти с готовностью драпают, уступая мне дорогу. По каменной лестнице, на Переднюю площадку, только вверх! Я неуждержим...

Красно-белый трехэтажный дворец, подсвеченный прожекторами, вызывающе ярко на пасмурном желтом фоне окруживших его зданий. Фантастически красиво, невозможно представить себе что-нибудь более воинственное. Дворец будто связан невидимыми токами с темнеющими вдалеке крепостными стенами. Идеология цвета — точная наука, русские мастера всегда это понимали. Однако не время эстетствовать! Тук-тук, кто в Тереме живет? Массивная резная дверь, крикнув, слетает с петель. Внутри еще легче — светло и сухо, нет автоматчиков и значительно меньше никчемной суеты. Дубовый паркет. Внутри — телохранители. Отборные крепкотелые экземпляры, Соавтору такие будут особенно приятны. И смекалистые к тому же, быстро соображают, что пулей гостя не остановить. Мастера рукопашного боя, они ловко уворачиваются от порхающего по залу меча, атакуют по одиночке, но ведь их тренированные кулаки — ничто в сравнении со мной. Отчаянные парни. Вот один сломал себе сустав, и я милосердно отсекаю пострадавшую конечность. Вот другой вывихнул ногу, упал, растяпа, и я колющим ударом освобождаю его от мучений. Вот следующие двое расползаются по ковровой дорожке, дополняя тончайший узор жирными полосами... Я вступаю на Золотое крыльцо. Где же вы, хозяева, куда спрятались? Лечу на второй этаж, прорубаюсь сквозь строй роскошных дверей. Пусто, пусто, пусто. Буйство красок. Вышколенные холуи в панике шарахаются по углам. Нависающие своды, опутанные бесконечным цветочным орнаментом, круглые потолки, расписанные древними сюжетами, анфилада разноцветных комнат — мертвое пространство. Где вы, покажитесь!

Ну, разумеется, они на третьем этаже. Мог бы сразу догадаться, герой-референт. Здесь, — в Верхнем Терем-

ке, в этом удивительном дворце во дворце, символе загадочной русской души, — испокон веков устраивались боярские посиделки. Растоптана последняя пара телохранителей, сокрушена последняя дверь, и в зал вхожу я. Горит люстра, радужно поблескивают изразцы. Витражи скучно темнеют в окнах, растеряв из-за ночи все свои цвета. Шесть стариков — вершат в тишине таинство власти. Впрочем, сейчас эти шестеро толпятся в противоположном конце, трусливо бросив стол в центре. Плюс секретарь, молодой и ухоженный, торопится ко мне, демонстрируя удаль и служебное рвение, но его придется кончить сразу, возле круглой изразцовой печи, на глазах у почтенной публики. Они хором вскрикивают. Они отчаянно дергают дальние двери — заперто, выхода нет. Кому-то плохо. От кучки вождей отделяется один — очевидно, самый храбрый, — приближается ко мне.

Приближается...

— *Кто...* — сотрясает меня вопрос. — *Кто...*

Человек останавливается, будто наткнувшись на зеркало.

«Я? — тревожно удивляется он. — Я новый государь, то есть руководитель страны этой. А вы кто?»

Молчу. Молчу и смотрю на него, бедолагу. Вот он, значит, какой — Новый. Что ж, лицо умное, взгляд честный и сильный — производит впечатление. Хорошо держится, умело прячет страх. Не старый еще мужчина, что само по себе поразительно, к тому же совершенно незнакомый. Наверное, выдвиженец вроде меня. Одет в европейский костюм, что поразительно вдвойне, поскольку начиная с 17-го года, еще с тех пор, как мы освободили престол от забывших Русь Рюриковичей, сменившая их компания мудрых старцев предпочитала появляться на людях либо в укороченных кафтанах, либо в холщевых рубахах... А что, прекрасный у него костюм. Просто чудо, а не костюм. Строжайше черный, без единой морщинки, аккуратный до глянца — боевой доспех настоящего хозяина. Остальные здесь присутствующие также красуются в безупречных пиджаках, брюках, галстуках, но его

наряд — особый. Магия власти... Я молчу, и все молчат. Хозяин ждет ответа, нутужно двигая бровями. Я делаю к нему шаг, тогда он сам начинает говорить, громко и жадно, с неподобающей его сану поспешностью — о том, что он ученый с мировым именем, что ранее заведовал кафедрой генетики при Высшей партийной школе, и именно в то благословенное время, — осознав, насколько недействительны существующие структуры народного коммунизма, ясно увидев необходимость наполнить национал-ленинизм новым содержанием, — он активно включился в общественную жизнь страны. Да, народ был прав, поддержав в 24-м взбунтовавшихся ученых. И те в свою очередь поступили исключительно разумно, судив масонов беспощадным революционным судом — за подлое убийство Владимира Андреевича Потехина, известного всему человечеству под псевдонимом Ленин, за целенаправленное осквернение Православия. Да, русский дух начал возрождаться. Но требовалось пойти еще дальше. Требовалось вернуть народу уверенность в богоизбранности власти, нашей власти, чем он, Новый, и занялся, добившись этого высокого поста. И вот завтра — знаменательный день, завершающая фаза формирования гражданских структур. Прямые тайные выборы в Совет Согласия при Новом Государе, впервые в истории организуемые на многонациональной основе, которые навсегда сорвут клеймо расизма с чистой в своей основе евразийской идеи, которые пригасят пожар бесконечных бунтов. Кроме того, выборы позволят определить наконец истинный национальный состав наших великих земель, что, очевидно, явится главным их итогом, хорошо послужит делу восстановления Империи...

Его костюм не дает мне покоя! Неодолимое могущество, колдовской зов исходит из этого нехитрого портновского шедевра. Я делаю еще шаг, и человек убыстряет речь. Он зачем-то начинает докладывать о терзающих его душу грандиозных мечтах — заложить на севере, в дельте реки Невы, современный город, ни в чем не уступающий заокеанским, как символ обновленной Руси,

назвать стройку Второй Москвой или, возможно, Москвой-на-Море, воскрешая тем самым утраченное имя столицы, — но тут его прерывают. Один из ждущих своей участи стариков, подкравшись сзади, что-то шепчет ему — точно в хозяйское ухо.

Бригадир Правды! Что-то объясняет, тыча миниатюрным пальцем в мою сторону...

«Ах, вот вы кто, — звенит голосом Новый, не в силах больше удерживать дрожь. — Я в молодости читал вашу книгу, да. Хорошая была книга, нужная, лучшая для того времени...» Завершить мысль он опять не успевает. Я делаю последний шаг, поднимаю Соавтор и бью. По седеющей благородной голове. Плашмя, разумеется, аккуратно и несильно — только чтобы оглушить, чтобы не испачкать роскошный пиджак. Надо же, — мельком удивляюсь я, — бывший Министр печати меня тоже узнал, причем безошибочно, причем мгновенно... Бригадир Правды трусливо отпрыгивает к окну. А мой сановный собеседник опрокидывается, жалко мычит, пытается встать, перевернувшись на живот, суча ногами по паркету. Простите, государь, опыта мне, как всегда, не хватило. Простите, если есть кого прощать... Впрочем, встать ему не удастся, он сидит, прикрыв глаза, раскинув короткие ноги, он держится руками за голову и бормочет с тоской...

«Как вы не понимаете, — бормочет он, лязгая челюстями. — Мои планы, это не отступление, не предательство, это объективная потребность нации в пересмотре и замене ценностей... Господь вас накажет. Господь мой все милостивый, я же все, все... Все — для Тебя, Господи, все по правилам. Остановись, дай исполнить начатое, дай начать великое...»

Подхожу ближе и бью вторично. Теперь — кулаком. Молитва оборвана, Новый лежит на спине, изумленно глядя на меня, вяло шевеля губами. Нагибаюсь к нему. Мучается, но пока еще дышит. Крепкий мужик, здоровая русская кость! Ясным шепотом сообщает мне, что я поступаю дурно, что я неблагодарная тварь, ведь несмот-

ря на истинную причину моей смерти партия сделала из меня легенду, которая долго будет жить в людских сердцах, ведь партия прекрасно знает, что на самом деле я подох не так красиво, как сочинено в предисловиях и послесловиях, на самом деле я примитивно захлебнулся собственной рвотой — в пьяном забытии...

Не может быть!

Собственной рвотой...

Ложь! Память обо мне жива в людских сердцах совсем по другой причине, дорогие товарищи по партии! Я кричу изо всех сил — в белое лицо подо мной. Книга, моя книга, вот что народ помнит и любит! — кричу я... Человек не слышит. Он продолжает шептать — с нарастающей яростью, прицельно следя за мной точками зрачков, — снова про черную неблагодарность, снова про неотвратимость наказания. Потому что, оказывается, именно он, Новый, не дал в свое время хода воспоминаниям моего тайного друга-соавтора, в которых было подробно описано, как легендарные «Повести...» в действительности появились на свет, откуда в их текстах взялись два разноликих авторских «Я», потому что если экземпляр этих скандальных воспоминаний и оказался за границей, то вины государства здесь нет — было сделано все возможное, все необходимое... Когда он, обрета прежний голос, вспоминает с горечью, насколько запоздало в нашей стране введение служб кремации, я протягиваю руку и стискиваю каменными пальцами его трепещущее горло. Человек хрипит недолго — замолкает. Замолкает...

В Теремке тихо.

Медленно разгибаюсь. Пять пар стариковских глаз наблюдают за мной. В глазах ужас. Хорошо. Бригадир Правды, не решаясь подойти ближе, опирается руками о стол и начинает возбужденно ораторствовать — своевременно, мол, ты расправился с этим самозванцем, который под барабанную дробь лицемерных фраз подрывал самые корни народного коммунизма, который отнял у нас священное понятие «вождь», который ради любви

толпы способен даже вернуть златоглавой столице дореволюционное имя... В его глаза я вглядываюсь особенно тщательно. Увы, там вовсе не ужас. Восторг, ожидание чуда, что-то еще, глубоко припрятанное. И я гадливо отворачиваюсь.

Итак, Очкарик не выдержал, разговорился-таки, друг детства. Возжаждал-таки справедливости. Конечно, зачем молчать, если хозяин больше не стоит на пути, если чужая слава так беззащитна! Пока я был жив, он не смел брыкаться, писатель-неудачник, вполне удовлетворялся редакторским креслом. Пока я был жив... Предал, и он предал... Да, я боялся публичной огласки, боялся позора. Что тут скрывать? Да, я не мог навсегда заткнуть Очкарику рот, убрав его из этой жизни тем или иным способом, потому что Бригадир Правды ясно дал понять — если что-нибудь подобное случится, со мной будет не лучше. Но теперь я свободен. Державший меня крючок сорван, спасибо всем вам...

Поздно.

Бывший мой начальник без устали работает языком, косясь взглядом на труп у меня под ногами. Ясно — он уже видит на троне себя. Одного себя, никого, кроме себя. Сумасшедшая мечта захватила его рассудок целиком, вспенила его старческую кровь. Поразительно, он почти не изменился, в отличие от других участников бреда. Такой же маленький и пухлый, седой, сохранивший свои знаменитые щеки, которые были видны у него сзади. В меру постаревший. Хотя сам он — живая история, ведь еще в грозном 24-м он был в гуще политических драк, лично организовывал переименование столицы, затем участвовал в судебном процессе над убийцами Ленина, где и произнес ставшую классической формулу: «Еврейский вопрос? Здесь нет вопроса, только ответы». Сколько же ему лет, сморчку? Сколько вообще лет прошло? И наконец, наконец:

— *Кто...*

Он сразу переключается. Бригадир Правды всегда славился отточенной реакцией на крутых виражах дип-

доматических бесед. «Неужели не знаешь? — говорит он. — По твоему делу было следствие, но официальная версия, как ты догадываешься, не соответствует истине. Тебя убил администратор музея, где вы устраивали... м-м... вечера отдыха. Он инсценировал несчастный случай — якобы ты захлебнулся во сне. Общественно значимых мотивов у него не было, просто сводил какие-то личные счета. Кажется, вы с ним даже дружили с детства, да? Впрочем, я не вникал. Мы решили его не трогать, иначе поползли бы слухи, твоя репутация была бы испорчена, а нам этого не нужно, согласен?»

Делает паузу, подняв мохнатые брови. Я молчу, тогда старик продолжает, ободренный: «Видишь ли, и твоего соавтора я взял к себе первым референтом с похожей целью. Чтобы помалкивал, не распускал слухов. Но после того как вскрылся факт существования этих кошунственных воспоминаний, я же прогнал дурака! Жаль, раззявы из Спокойного Сна так и не нашли его, пропал он куда-то, буквально в тот же день... В общем, я чист перед тобой, согласен?»

Я согласен. Я звучно лязгаю челюстями — меня разбирает хохот. Значит, один холуй подло умертвил пьяного хозяина, а второй спокойненько занял освободившееся место? Что ж, веселый сюжет. Как же ты сумел обмануть меня, надежный, безотказный, раздавленный Петро? Я ведь столько лет смотрел в твои песьи глаза, купался в них, жил в них... Хохоchu, открыв сухой рот, пытаюсь вытолкнуть в пустоту замершего зала хоть что-нибудь...

— *Кто звал меня?*

Теремок вздрагивает. Расписные своды брезгливо отталкивают чужеродные звуки. «Это я, — тихо, но отчетливо выговаривает Бригадир. — Нужно освободить Кремль от дорвавшихся до власти чистюль, и ты должен мне помочь». Знаменитый его голос натянут, как струна. Он торопится, он будто готовился к моему вопросу. Обводит странным взглядом своих соратников... Неужели? Нет, только не он!.. «Мне доложили, что ты появил-

ся, — задыхается старик от волнения. — У меня грамотные сотрудники, инициативные... Я ждал тебя, всегда ждал...» Верно, у Министра печати были преданные сотрудники. Постаревший соглядатай из Военного музея. Некстати пропавший горе-писатель, оставивший потомкам ворох бездарных воспоминаний. Убитый во сне первый референт тоже был вполне, вполне хорош... Опять ложь! — внезапно понимаю я. — Вовсе не он меня звал! Не он дал мне силу! В этих стенах вообще некому было ждать и помнить, страдать и просить...

Исполинское, вставшее до небес облегчение.

А кто?

Я привычно поднимаю меч. В зале очередная пауза. Крохотный человек сосредоточенно пятится от стола, все разом осознав, опутив трясущиеся щеки до пола. Тут растворяются дальние двери — охрана наконец разобралась, что ей надлежит предпринять. И власть проворно выплескивается вон, давясь в тесном проеме, обращая вспять любое встречное движение. Обезумевшая власть наполняет палаты мощными аккордами всеобщего бегства. Бригадир Правды удирает вместе с остальными — где-то там, в центре перепуганного стада. Я не гонюсь следом, подарив этим животным жизнь, потому что у меня есть дело поважнее.

Потому что я остаюсь один.

Склоняюсь над трупом. Приподымаю его, обуздывая нетерпение, осторожно освобождаю пиджак от холодеющей плоти. Так же осторожно снимаю с бывшего государя брюки. Затем сам вылезаю из лат, верно послуживших мне сегодня, и с наслаждением переодеваюсь. Сделано! Сбылось... Я выхожу наружу, ступая жестко и властно, — на каменную площадку царского гульбища. Снова в дождь, в сверкающую огнями пустоту. Снизу несутся стоны и ругань, на нижних площадках громко умирают неудачники и продолжают яростно командовать те, кому сегодня повезло. Я иду к краю северной стороны. Навстречу мне распахивается ночной Ленинград, грандиозными кольцами выползает из мглы, черным ковром

ложится под ноги. Призрачные силуэты церквей, провалы площадей и улиц, белые пятна подсвеченных дворцов — вот она, уходящая в бесконечность, до тошноты знакомая панорама. Там, за дьявольской стеной, застыл в ожидании моих приказов святой исстрадавшийся город. Славный город великого Ленина, бывший когда-то великой Москвой. А сверху застыло небо, массивное и плоское, как сковорода. Я подымаю голову. Небо очень близко, висит над шахматной крышей Терема — протяни руку и дотронься. Я кладу меч, протягиваю обе руки, я смотрю вверх, смотрю до головокружения...

Кто Ты?

Тот, Который...

Добро или Зло? Белое или Красное?

Зачем ты разбудил меня, зачем дышал мне в лицо, зачем кричал в ухо?..

Небо вдруг отзывается густым рокотом — будто лавина пошла, громче, громче, громче. Ангел? Спускается ко мне? Будто подушкой замолотили по чугунному днищу нависшей над гульбищем сковороды. Однообразно и часто, широко и грозно. Будто чудовищный мотор заработал — уже раскатисто, уже рядом. Самолет? Из-за Верхоспасских церквей выплывает нечто, наполняя вселенную оглушительным гулом, плавно разворачивается, медленно летит сюда. Разумеется, это не ангел, смешно было надеяться. Но и не самолет. Какая-то иная машина, похожая на большую беременную стрекозу. Над черным корпусом сияет, неистово вращаясь, гигантский нимб — впрочем, это всего лишь воздушный винт, удерживающий стрекозу от падения. Очевидно, секретное оружие, гордость нынешних спецов. Обшаривает могучим прожектором дворец, осуществляя разведку с воздуха, наконец обнаруживает меня и сразу прекращает движение — точно над моей головой. Я стою в центре раскаленного луча, сжимая Соавтор в руке. Сверху тугими толчками падает ветер. Все ясно: сейчас снова начнется пальба. Мирный летний дождь отольется в свинец, разящими каплями усыпая круги света, уродуя

древнюю архитектуру, и не будет мне ответа, не будет, не будет... Тот, Который Звал — отпусти, перестань терзать мою душу. Кто я? Зачем я? Не могу больше, пойми и прости, прости и не гневайся... Возбравшись на парапет, я заглядываю в бездну. Место на редкость удачное — нижних площадок здесь нет, ничто не помещает секундам свободы. Я прижимаю к груди меч и, толкнувшись посильнее, прыгаю.

Провал в памяти. Небо повсюду...

Впрочем, тяжело, тяжело, тяжело — содрогаюсь от нечеловеческой муки. Позвоночник в гипсе. Короткое усилие, и гипс раскалывается. Я приподымаюсь на руках, затем встаю на четвереньки и высовываюсь из ямы. Ночь. Рядом желтая, уходящая ввысь стена подклета, наверху светятся Терема. Дождь кончился, а в остальном — все, как прежде. Яма вершков этак в двадцать глубиной, не яма даже, а разлом в тщательно утрамбованной поверхности. Неужели — моя работа? Неужели я остался цел и невредим, грохнувшись с такой высоты? Неужели — зря?.. Тоска обрушивается ватным прессом, тащит обратно к земле, тоска и вселенская скорбь, но тут выясняется, что вокруг ямы уже предусмотрительно расставлены сигнальные стойки с флажками, что неподалеку стоит солдатик, который заторможенно глазеет на меня, и тогда я стряхиваю постыдное оцепенение. Царский костюм смят и грязен, однако теперь это неважно. Встаю. Да, я цел и невредим — шепчите молитву, товарищи по партии! Встаю во весь рост. Солдатик, занятно изменившись в лице, визжит: «Ой, опять лезет!» Два других храбреца деловито трусят по двору с большими канистрами в руках, ловят меня взглядом и, слаженно споткнувшись, меняют направление бега на противоположное. «Боб, Андрюха! — надсаживается солдатик, срывая со спины автомат. — Скорей! Сюда!» Бесполезно: Новая Гвардия доблестно сверкает пятками, побросав канистры. В емкостях, очевидно, бензин. Ого, собирались жечь меня, умники! Охранявший яму гвардеец лихорадочно озирается и также решает бежать, рывком освободив-

шись от оружия. Его я догоняю в несколько прыжков, он успевает только пискнуть жалобное: «Ребята...», соприкоснувшись с моим кулаком, и размашисто падает на мостовую. Дурачок, — смеюсь я, — ты мне не нужен. Мне бы узнать всего-навсего, который нынче час... Беру безвольно лежащую руку, изучаю простенький циферблат солдатских часов, шагаю прочь, а кукла, оставшаяся сзади, кроваво булькает мне вслед, подняв белое лицо из лужи...

Почти пять. Светает. Миную Оружейные палаты, спускаюсь к Боровицким воротам, не обращая внимания на прячущиеся по кустам многочисленные тени. Повсюду — пугливая суета. Где-то рокочет знакомая летающая машина, глухо, неопасно. Проезд в город открыт: все правильно, растревожил я сонное царство, до краев наполнил его своим бредом. Охранники уже не пытаются со мной сражаться, исчезают, будто не было их. Выхожу наружу. Покидаю этот оазис древнерусской архитектуры, чтобы сразу попасть на аллею Славы, чтобы вернуться в начало ночи...

Круг замкнулся.

Башни с пятиконечными свастиками на шпилях. Водовзводная слева, Боровицкая за спиной. Ровные ряды мемориальных плит, причесанный сквер. Итак, круг замкнулся, пропади все пропадом. Иду налево, к набережной, к собственной могиле. Постороннего движения здесь значительно меньше. У обочины — странный автомобиль, сменивший эсэсовские фургоны, а в земле ковыряются странные люди в штатском. Гоню прочь — всех, всех, всех! Кто-то спасается бегством, кто-то остается со мной навсегда. Автомобиль, утробно взрыкнув, растворяется в предутренних сумерках. Стою возле ямы, на куче развороченной почвы, плачу без слез, но даже вой почему-то не получается. Кто я и зачем? Где искать ответ? Плачу... Валяются саперные лопатки, валяются приборы неясного назначения, посвященный мне кусок мрамора перевернут золоченым профилем вниз. Несомненно, за дело взялись высоколобые военные спецы. Что

ж, почетно, я польщен. Автомобиль, надо думать, был передвижной лабораторией, как раз и прибывшей выяснить, что за мерзость выперла из-под нарядного газона. А я с ними так грубо, нервно. Еще на месте происшествия валяется мешочек из неизвестной мне полупрозрачной ткани, я поднимаю его, разъединяю железную скрепку. Мешочек противно шуршит, словно бумага. Внутри — книга. Та самая, которую я уже видел сегодня — моя книга. Значит, ее тоже собирались совать под микроскоп? Забавно... «Повести Просто Так». Заглавный лист, затем вклейка с моей фотографией. Симпатичный молодой человек. Интеллигент... Листаю дальше, наугад, испытывая привычную гордость, малодушно прячась во вчерашнем дне. Часть А: «НИ О ЧЕМ». «Ученик 1-го класса младшей школы Абрам Иванович Немнихер очень любил детей», — самое начало. Популярнейшая фраза, ставшая в короткий срок почти крылатой... Сноски по тексту, объясняющие детям разные непонятности, хотя бы к примеру вот: «Дождь — атмосферное явление, которое бывает непременно, если Абрам не берет на улицу зонтик». Или так: «Зонтик — простое устройство, при наличии которого на улице стоит ясная погода». Дождь, правда, уже кончился, небо расчистилось, но все равно — очень, очень кстати. Над подобными хулиганскими примечаниями мы с Очкариком бились особенно самоотверженно... Часть Б: «НИ О КОМ». «Папа, в школе сказали принести анализ кала, — вспомнил Абрам. — У нас есть или покупать?» Тоже хорошая фраза, непременно войдет в золотой фонд российских анекдотов... А вот и она, моя любимица — повесть про юдоазиата, который сделал карьеру, потому что обладал удивительным слухом... Да, повеселились мы с Очкариком от души, пока были детьми. Больно. Больно и нелепо — листать все это. Я мучительно возвращаюсь в день сегодняшний, одолев временную слабость. Я вновь на аллее Славы, убитый вами, оболганный вами. Я выпускаю распахнутую книгу из пальцев и страшным ударом перерубаю ее — вдоль корешка. Аплодируйте, напома-

женные судьи! Приговор приведен в исполнение: меч погружается в землю по рукоять. Освободившийся мешочек легко уносится ветром...

Воспоминаний больше не существует.

Вытаскиваю клинок. Страхиваю налипшую грязь, безгубым ртом целую почерневшую сталь. Только ты — мой Соавтор, ты один, был, есть и будешь, и никто, кроме тебя, как бы яростно ни гавкала мне в спину свора завистников и трусов... Что теперь? Ложиться обратно? Успокоиться, забыться — в холодном ложе своем, в сырой неласковой постели — там, откуда поднял меня Тот, Который...

Нет! Оказывается, ночь еще не кончилась. Хрустит гравий, шуршат кусты, кто-то невесомо крадется по скверу. Мальчишка. Видит тех двоих, оставшихся от бригады военспецов, которые не успели добраться до автомобиля, вскрикивает и готовится удрать. Через мгновение видит меня и застывает в неподвижности.

Кто такой?

— Там все оцеплено было, — сообщает он тоненьким, ломким голоском. — Меня бы увезли, если бы поймали, а потом они сами чего-то испугались, а я тогда — раз, и на бульвар.

Говорит, открыто вглядываясь мне в лицо, хоть и страшно ему нестерпимо. Одет в штанишки, рубашечку, домашние тапочки. Вymoкший и замерзший... Впрочем, мальчик мне знаком: именно он высовывался из детской комнаты, когда я покидал четыре часа назад свою квартиру! Именно он называл обезумевшую старуху «бабушкой»! Зачем же ты пришел сюда, малыш, что заставило тебя пробираться сквозь оцепление?

— А папу и бабушку в больницу увезли, — он неожиданно всхлипывает. — А маму я вообще не видел, ее дома почему-то не было... Потом эти понаехали, которые в плащах, меня хотели тоже. А я рванул во двор, у нас во дворе всякая разная свалка, и этот дядька запутался, дурак...

Мужество все-таки оставило его. Он вытирает глаза

рукавом, жалобно хлюпает носом, сгорбившись, опустив голову, не осмеливаясь больше поднять глаза. Что с тобой, малыш, зачем ты здесь?.. Нет, не отвечает мне. Плачет. Звук его трепещущего на ветру голоса поразительно ясен и чист, и тут я понимаю — только теперь! только теперь, позорище! — насколько неестественно звучали голоса других людей, попадавших на моем сегодняшнем пути, насколько далекими и чужими были до сих пор все произносимые под здешним небом слова, я понимаю также, что виной тому странный невидимый барьер, стоявший между мной и городом великого Ленина, я вспоминаю, что еще четыре часа назад — там, в квартире, — вопли этого перепуганного пацана никак не вписывались в общий тягостный фон, потому что легко преодолевали коварное стекло, казались мне столь же ясными и чистыми, но тогда я не придавал значения своим чувствам, не остановился и не вслушался, тогда я неудержимо шел вперед, и вот теперь, только теперь... Я делаю шаг. Второй, третий. Невероятно — я волнуюсь. Я шагаю к мальчику, и он резко вскидывается, будто ожидает чего-то плохого... Не бойся, малыш. Кто ты?

Не отвечает. Сжимается, лихорадочно моргает, но бежать пока не пытается. Опять смотрит, задрав голову, — его блестящие в свете фонарей глазищи едва не падают от недетских переживаний.

— Я ничего такого... — бормочет, — ... я просто обязательно должен книжку забрать, потому что вдруг они ее найдут и догадаются, что я во всем виноват?

Уже нет сомнений — стеклянный барьер исчез. И наступает покой. Покой...

— Дедушка, — говорит мальчик чуть уверенней, — вы не думайте, я, вот те крест, ничего такого не хотел. У нас учительница одна есть, по закону Божию, в летней школе, так она сказала, что мертвых надо хоронить на кладбище, а не где попало, даже всяких подлых дураков, и тех... Ой, не дураков. Как же она сказала?.. А-а, государственных негодяев! Мы с ней потом ругались-ругались, жуть, потому что она вас сильно не любит,

обзывает по-нехорошему, и меня тоже, из-за того, что у меня дед такой, мы с ней вообще часто ругаемся, короче, она сказала, что завтра будут какие-то там выборы — и все, через десять лет про моего деда ни один дурак не вспомнит, а мне очень обидно стало, ну, думаю, сама ты дура, сама ты «лже-пророк от новой религии»...

Дедушка.

Это страшное слово наконец прозвучало. Нестерпимо болезненное, оглушительное слово. Дедушка — я. Внук — ОН. Звал меня, дал мне силу — ОН, ОН, ОН!.. Трогательно переминаясь с ноги на ногу, стесняясь и путаясь, ОН продолжает признаваться, как удрал вчерашним вечером из дому, поздно-препоздно, пока мама с папой в кино были, как захватил с собой дедушкину книгу, из-за того, что там есть хорошая фотография, а семейные фотографии бабушка не позволяет трогать, как пробрался на аллею Славы, положил книгу на мраморную плиту — в развернутом виде, фотографией вниз, — прочитал Главную молитву, посидел немного, подождал и отправился домой спать... Если честно, ОН не очень-то и верил, что получится, ОН ведь взрослый, во всякие сказки давно уже не играет. Просто помечтал чуть-чуть — будто бы дедушка заявляется к училке, когда она спит, и наказывает ее, чтобы больше не обзывалась. Откуда ОН знал, что все это правда! И про молитву правда, и про фотографию, и про Ночь перед Днем... Бабушка давно-о-о еще рассказывала, что у деда осталось много недописанных и недопридуманных сказок, но сейчас они то ли в музее, то ли в библиотеке. Как раз одна из таких сказок и была про больного, точнее про сумасшедшего, который однажды понял, что Великая Русская Мечта умерла, и решил ее срочно оживить, иначе всем будет ужасно плохо. Порылся сумасшедший в старинных книгах и прочитал, что оживлять мертвых можно только в Ночь перед Днем Дьявола, а день этот бывает очень редко, один-единственный раз за много лет — тогда, когда люди вдруг начинают на что-то надеяться, каждый по отдельности и все-все-все вместе.

В эту ночь якобы надо положить на могилу портрет того, кого любишь, и сказать Главную молитву Дьяволу. Стал сумасшедший буквально каждую ночь ходить на площадь Ленина к памятнику Малюте Скуратову, потому что, во-первых, не знал, когда ждать этот День, и во-вторых, обычная могила ему не годилась, он же не кого-нибудь, а целую Мечту собирался вызывать... Жалко, никто не захотел объяснить, к кому ни обращайся, что вообще такое — «Русская Мечта» и кто такой Скуратов, а в школе этого пока не проходили. И еще жалко, что бабушка не помнит, чем сказка должна была кончаться и где ее берут — Главную молитву Дьяволу. Но все равно жутко интересно! ЕМУ всегда нравились дедушкины сказки, честно, особенно в книге «Просто Так». Училка — дура очкастая, зануда рыжая, ничего в жизни не понимает. Обязательно надо было наказать ее, вот тут и подвернулся придуманный дедушкой способ... Ну кто бы мог подумать, что именно завтра — тот самый День! То есть уже сегодня... День, когда все люди вдруг на что-то надеются... Чудеса. И с Главной молитвой угадал правильно, надо же. Заменял в «Отче наш» несколько слов, всего-то навсего. Получилось вроде бы так же, только совсем наоборот. Училка, когда заставляла зубрить, говорила, что «Отче наш» — это главная молитва Господу нашему, а ОН сдуру взял и переделал ее, чтобы не Господу она была... Не нарочно, вот те крест! Не нарочно!..

Я бросаю меч.

Я беру мальчика на руки, и путаный рассказ, звенящий у меня под черепом, мгновенно стихает.

Бледное личико близко-близко...

Итак, что ТЫ хочешь? Я готов, приказывай. Рассеки сумерки безжалостным перстом, укажи путь. И перестань наконец оправдываться — те мутные капельки страха, что продолжают сочиться из ТВОИХ уст, недостойны нас. Только ТВОИ желания имеют отныне власть над этим миром, трясущимся в ожидании кары, только ТВОЙ ясный, чистый голос. Пойми и поверь. Поверь и

прости, прости меня, если сможешь, и не плачь, молю ТЕБЯ, потому что воспоминаний больше не существует... Не вырывается. Не стремится высвободиться. Напряжен, впрочем, умеренно — скоро привыкнет, расслабится, повеселеет, скоро будет счастлив. Костями лягу...

Робко шепчет:

— А вы не уроните? Когда я был маленький, папа один раз меня даже уронил. А вы, кстати, сильный, почти как папа. Он просто споткнулся, а мама говорит, что я не заплакал, я ведь вообще-то редко плачу, вы не думайте.

Прижимается ко мне, обняв за шею. Устраивается поудобнее, малыш мой единственный. Что теперь делать? Куда идти? Я с тоской оглядываюсь. Неужели обратно в яму? С ребенком на руках... Бред!

Бред все не кончается — окаянная бессмысленная ночь не отпускает спящий разум. Какое же у Тебя желание, малыш? Не отвечает. Шепчет, закрыв глаза:

— Кстати, я вас сразу узнал. Еще когда дома, честно, потому что вы на эту фотографию ужас как похожи. Даже усы. А то, что зеленый, так я уже не боюсь, только сначала немножко испугался, но вы почему-то из квартиры ушли. Обиделись, да? Дедушка, а чего там такое случилось, вы не знаете? Наверное, папа с бабушкой вас так сильно испугались, что заболели, а куда мама из комнаты пропала, я до сих пор не понимаю...

Обмяк в моих руках. Привык, успокоился, мой единственный. Куда теперь? К учительнице, оскорбившей наш род? Поднять брошенный меч, обняв жадными пальцами рукоять, и вперед — нетерпеливо, целеустремленно, без колебаний... Нет, явно нет.

Смотрю в нежное лицо перед собой.

У НЕГО — другое желание. Ребенок утомлен до последнего предела. Мокрый и замерзший, ребенок хочет домой. Только туда он хочет — в пустую мертвую квартиру. И ничего, кроме этого, ничего, кроме... Что же я натворил! — вдруг ужасаюсь. Государственный негодяй, лже-пророк от новой религии, красно-белый

рыцарь. Скорей домой, на перекресток — осторожно, бережно, изо всех сил стараясь не споткнуться... Как же меня уничтожить? — вдруг начинаю трястись. — Какими силами Земли или Неба? Кто возьмется и сумеет?

Трясусь, разумеется, от смеха — бесконечно долго. Наконец открываю рот, чтобы сказать Ему правду, всю правду без остатка, но в груди мгновенно вскипает вой, за которым рвется знакомый, ставший ненужным вопрос, и я обрываю себя. Господи, за что — так? Ведь барьер исчез! Ведь звуки отныне подвластны мне — звуки чисты и свободны! Делаю вторую попытку, упрямо сопротивляясь неизбежному, и только тогда — сквозь тягостный танец челюстей, сквозь чечетку гниющих зубов — толчком выплескивается:

— *С-спи-и...* — колющий, застрявший в горле стон.

«Спи, малыш». Вот оно — безотказное Заклинание Власти, вселенское Правило Ночи. Да! Пока ТЫ уютно сопишь, устроившись у меня на руке, я смогу все. Новым Государем будешь ТЫ, — Давший Мне Силу, — и никто другой. Смешно думать, что кто-то раньше мог занимать это место...

Смеюсь. Меня опять трясет. Спите, люди, спокойных вам ночей, — выстукиваю я зубами, — пришел Новый Государь! На-сто-я-щий, на-сто-я-щий, НА-СТО-Я-ЩИЙ...

Свetaет.

1991, май — июль

(рассказ)

А. Щеголев

Драма замкнутого ПРОСТРАНСТВА

1.

Телефон.

Человек удивился. Из охраны, что ли? Нет, звонит городской. Секретный сигнал? Или проверка?... Осторожно взял трубку.

— Саша! — обрадовался незнакомый женский голос. Слышимость была не очень хорошая.

— Да. Это я.

— Сашенька... — голос нежный, интимный, пробирающий до самых низменных мужских глубин. — Сашуля, странно ты как-то говоришь. У тебя все в порядке?

— Все в порядке, — промямлил он, вспотев от неловкости. — А вы кто?

Голос резко изменился. Стал вдруг хищным, страшным.

— Тебе что, неудобно говорить?

— Почему? Удобно.

— Ты не один? А-а? Ответь! Не один?

Он повесил трубку. Ошибка, не туда попали. Телефон немедленно затрезвонил вновь — решительно, требовательно, жадно.

— Ты чего трубку бросаешь?

— Вы куда звоните? — вежливо спросил он.

Женщина встревожилась:

— Алло! Это Институт средств производства?

— Да.

— Отдел «Управляющие микросистемы»?

— Да.

— Сашенька, кончай валять дурака, — устало вздохнул голосок. — Я так волнуюсь, придумываю себе неизвестно что. Ты же знаешь... я соскучилась...

Терпение — это талант. У него, к счастью, не было талантов.

— Послушайте, — сказал он твердо. — Зачем вы сюда звоните?

И тогда его атаковали. Это было что-то невообразимое: рычание, слезы, хохот. Стук зубов о трубку. Сквозь буйство звуков прорывались стыдные утробные стоны: «Мерзавец! Я так и знала! Ты там не один! Я знала это, знала!» Очевидная классическая истерика, высшей пробы, как в лучших домах.

Чужие страдания — заразная штука. Начинаешь почему-то думать о смысле жизни. Не колеблясь, человек освободил уши и мозги от всего лишнего — телефон только слабо звякнул.

2.

Началось дежурство с того, что я его принял. В семнадцать ноль-ноль я спустился с третьего этажа к проходной и познакомился со стрелками военизированной охраны. Охрана — это пять бабушек, объединившихся волей служебного долга в сплоченный караул. Слова «стрелок» и «военизированная» — не моя ирония, просто у бабушек такая должность. Я получил под расписку документацию, затем вернулся в лабораторию, на рабочее место. Вообще-то ночной дежурный должен размещаться в приемной замдиректора: там его боевой пост, а никак не в провинциальном, забытом всеми отделе. Но мне объяснили, что так можно. Если понадоблюсь, найдут. И я понял. У нас многое можно, пока все тихо. Поужинаю, поработаю, посплю, получу за это два выстраданных отгула, а утром в восемь ноль-ноль дежурство закончится.

Выданная мне документация состояла из журнала и разнообразных инструкций. Я внимательно прочитал то,

что было написано в журнале до меня, и постарался не ударить в грязь лицом. Придумал первую фразу: «17.00. Инженер отдела „Управляющие микросистемы» дежурство по институту принял!» Так прямо и написал, это была чистая правда. Поставил фамилию, инициалы, подпись и тем завершил ритуал принятия дежурства.

Из инструкций я узнал, что мне категорически запрещается спать. Иначе говоря, надувной матрац, который заботливая мама подвезла мне к проходной, свидетельствует о моей безнадежной идейной незрелости. В конце рабочего дня я позвонил домой, сообщил о дежурстве, мама и примчалась, собрав заодно легкий ужин. Неплохо, а? Я человек молодой, но основательный... Еще мне запрещалось передавать дежурство постороннему лицу — той же маме например. Зато я имел кучу прав. В случае чрезвычайных обстоятельств я мог, скажем, запросто вытащить директора из объятий жены, если он, конечно, ночует дома. Кроме того, я почерпнул массу бесценных сведений о том, как надлежит принимать пакеты от курьеров, а также что полагается делать при получении таинственного сигнала «Земля» или кого и в какой последовательности оповещать при получении еще более таинственного сигнала «Весть». Дохнуло из этих документов жутковатой революционной романтикой, и я понял, что дежурство на самом деле — поручение серьезное, взрослое. Задание. Хотя лично я в шпионов не верю. Вот злые духи — другой разговор.

3.

Он ужинал. Он закончил с вареным яйцом и развернул бутерброды с сыром. Впился зубами. Хорошо. Отхлебнул из термоса чаю... «Удобный стол у начальника отдела, — мельком подумал он, — большой, вместительный. Ему, молодому специалисту, до такого еще ползать и ползать...»

Вокруг была тишина. За окном — черный институтский двор, в коридорах — тьма, полная враждебности.

Впрочем, дверь прочна, замок надежен, да и какие опасности могут быть в пустом институте? Человек сбросил с начальнического стола крошки и, в меру благоговая, развернул журнал ответственного дежурного. Предстояло вновь осквернить проштампованные страницы.

«22.00 — 23.00. Совместно с начальником караула произведен обход территории института. Отмеченные недостатки: 1. В помещении РИО не выключен свет. У охраны ключей не оказалось, поэтому пришлось вскрыть дверь. Внутри обнаружены пустые бутылки, недоеденный торт, окурки. Сотрудниц не обнаружено. 2. В приемной всех шести замдиректоров оставлена включенной радиотрансляция. 3. В мужском туалете найдены документы с грифом «Служебное», относящиеся к отделу кадров».

Действительно, в 22.00, на пару с наиболее молодой из бабушек-стрелков, он отправился по маршруту. В строгом соответствии с инструкцией. Вдвоем они бродили по пустому зданию, по внутренним дворам, выгоняли заработавшихся допоздна сотрудников, проверяли на опечатанность двери особо важных помещений, остальные двери проверяли просто на закрытость, свет — на выключенность, в общем, занимались делом нужным, государственным. Дежурный лихо светил фонариком и гордился. А потом обход закончился, и он вернулся к себе в лабораторию. Это был тяжкий, полный мрака путь: освещения нигде нет, в институте космический вакуум, слух напряжен до предела чувствительности, мышцы на боевом взводе. К сожалению, полагалось совершить еще один обход, утренний, затем зафиксировать результаты в журнале, но ему в охране шепнули, что нормальные люди вполне обходятся без. Главное, не забыть отразить факт письменно.

Ну и влепят завтра кое-кому! — хихикнул он, схлопнув картонные створки. И за невыключенный свет, и за незакрытую дверь, а за винные бутылки — страшно представить. Как ему в свое время, когда он оставил открытым окно в лаборатории. Чугунным кулаком поряд-

ка по сытой ротозейской морде. Кому положено, те умеют...

Было 23.15 вечера. Или ночи?

4.

Он вздрогнул. Вскочил. Чуть не умер. Вдруг послышалось, будто из коридора донесся... Померещилось?

Нет. Через пару секунд женский смех повторился. Гулкое кваканье. Очевидно, женщина обнаружила что-то крайне забавное, женщина искренне развеселилась — очень простое объяснение... Он прыгнул к выключателю и сделал темно. В ушах стучало, руки почему-то были холодными. Хоть бы померещилось, — подумал он, и тут стали слышны шаги. Мощное уверенное топанье. Кто-то хозяйски шел по коридору, бренчал ключами, сопел носом. Остановился точно у двери отдела — с той стороны обшарпанной деревяшки. Боже мой... Дежурный по институту опустил на корточки, затем на четвереньки и затаился, уже ничего не соображая. Он ясно услышал: кто-то пытается открыть замок. Ничего не получилось: замок был хитрый, предусмотрительно застопоренный им изнутри. Кто-то нерешительно подергал дверь, прошептал мужским голосом: «Что за дела?», постоял в растерянности и удалился. Дежурный уткнулся лбом в паркет. И вдруг понял, что он жив, что наконец он может дышать. Оказывается, он давно не дышал.

Он бестолково пополз к телефону, натываясь в темноте на предметы. Сердце отплясывало разудалую чечетку. Позвонить в охрану? Нельзя, в коридоре услышат. И вообще, что охране сообщить? «На связи дежурный. Нечистая сила рвется ко мне в гости, разговаривает голосом мужским, смеется женским, спасите меня, пожалуйста». Стыд. Опытная бабушка-стрелок смекнет: парень неосторожно обращался со спиртом, украденным из запасников завлаба — забыл разбавить. Или резонно предложит: «Гражданин ответственный дежурный, поче-

му бы вам не выйти в коридор и не потребовать у посторонней силы пропуск?» Стыд, стыд...

Телефон ударил первым. Это было неслыханным вероломством. Как выстрел в ночи, как нападение на спящего. Дежурный вскочил с пола: брать? не брать?

Взял.

«Да!» В трубке была зыбкая тишина, подрагивающая от чьего-то дыхания. «Алло, алло, дежурный слушает!» Тишина. Внимательная, чуткая, живая — ничего кроме. «Кто вы?» — он взмолился последний разок и осторожно опустил трубку. Пустота, царящая вокруг, мгновенно всосала отзвуки бессмысленных вопросов.

Теперь звонили по местному, из института.

Дежурный сел куда-то, вероятно за стол начальника отдела, держа потными пальцами телефон. Тот почему-то дергался. Дежурный окинул взглядом поймавшую его черную чужую комнату и понял, что теперь не сможет заставить себя включить свет. Мало того, не рискнет пойти в туалет, даже если будет гибнуть от распирающего организм желания... Тем временем кто-то неторопливо подошел к двери и спросил:

— Шура, это ты, что ли?

5.

Наш отдел представляет собой тупик. Не в социальном смысле, разумеется, а в архитектурном. Главный институтский коридор имеет небольшое ответвление, в котором располагаются: аудитория с партами и доской, дисплейный класс, машинный зал, агрегатная и, наконец, лаборатория, где тружусь я. Коридорчик с перечисленными комнатами и есть отдел «Управляющие микросистемы». Коридорчик упирается в дверь. За ней — последняя комната, главное помещение отдела. Здесь резиденция нашего начальника, оборудованная секретаршей, сейфом, телефоном — все, как у людей, — здесь же и мой нынешний пост. Короче, описываемое место — это аппендикс в чреве прославленного учреждения. Ловушка.

Нет, я не струсил. Просто распсиховался, что тут странного? Выработанная эволюцией физиологическая реакция. Другой молодой специалист на моем месте спятил бы. Вот почему когда я снимал замок со стопора, у меня примитивно тряслись руки. Ощущение гадкое, настоящий отходняк.

— Подожди, — сказал я. — Сейчас открою.

Гость мощно шагнул — большой, квадратный, — двинулся, словно поршень, с неудержимой легкостью. Он включил свет и спросил, морщась:

— Чего сидишь в темноте?

— Сплю, — соврал я, спрятав дергающиеся руки в карманах. Фраза была непомерно длинна. Чтобы справиться с ней, пришлось сосредоточиться, потому что предательская дрожь еще рвалась на волю.

— Ты спишь не в лаборатории? Я, когда дежурю, всегда сплю там, на диване.

— Здесь телефоны, — объяснил я ситуацию. — Может поступить какой-нибудь секретный сигнал.

Про надувной матрац ничего не сказал, естественно. Незачем ему знать мои маленькие хитрости — он парень хороший, но обожает неудачно острить. Пусть думает, что я сплю сидя.

Это был Лбов. Коллега Лбов. Его рабочий стол стоит в лаборатории рядом с моим, мы понемногу приятельствуем, мы оба — просто инженеры. Он пришел сюда по распределению года на два раньше. Спортсмен, хотя и бывший. Уже повесил штангу на гвоздь.

— Ну, ты меня напугал, — сказал он, гоготнув истинно по-спортсменски. — Чего это, думаю, дверь изнутри закрыта?

— Это ты звонил? — спросил я его.

— Я звонил. А что? Выяснял. Зато как твои «Алло!» в трубке услышал, так сразу все и понял. Дежуришь?

— Дежурю.

— Ну и дурак.

Я очнулся. Я посмотрел в его ухмыляющуюся рожу. Все нормально, обыкновенный Лбов. Только глаза поче-

му-то томились ожиданием — ожидание стояло в глазах неподвижно, молча, как трясина, — и тогда я вспомнил свои обязанности. Я задал резонный вопрос:

— Почему ты в институте?

— У меня есть, есть разрешение на работу в ночь! — неожиданно крикнул Лбов.

И настало молчание.

Поразительно: чем-чем, а нервами он не страдал по определению.

— У нас в отделе нет ночных работ, — тихо возразил я.

Спортсмен чуть не задохнулся от гнева. Затрясся всем туловищем:

— Нет работ? Что ты вообще понимаешь! Ты, дурак!

— Что случилось? — я растерялся.

И опять было молчание.

— Случилось? — удивился он — вполне культурно. Зачем-то оглянулся и объяснил. — Я в вычцентр записан. Причем здесь наш отдел? Служебная записка лежит в охране.

Он рывком проследовал мимо, сдвинув с места застоявшийся воздух, упал локтями на начальнический стол и устало добавил:

— Не твоё дело.

— А зачем ты сюда поднялся? — продолжил я тогда серию резонных вопросов. — Ворвался, мешаешь тут.

Лбов спохватился. Пробежал суетливым взглядом по мне, по телефону, по циферблату часов и вдруг рявкнул: «Тьфу!» Замолчал, думая. Лицо его ясно показало: думать ему приходится, мягко говоря, о чем-то неприятном. Лицо сослуживца Лбова всегда было откровенным до неприличия.

— Спасибо, что напомнил, — выдал он наконец. Затем тревожно спросил: — Шура, сюда никто, кроме меня, не звонил?

— Какая-то женщина по городскому телефону. Выпытывала, один я здесь сижу или нет.

Бывший спортсмен издал вздох. Это было похоже на тепловоз. Выпустив пар, он возложил растопыренную пятерню на телефонный аппарат прямо перед собой:

— Ясно, это она.

— Кто?

— Шура, я шел сюда, чтобы позвонить жене. Теперь ты успокоился? — и принялся остервенело терзать диск.

— Приветик, — сказал он через минуту, — это я. Как где? На работе. Подожди, не хами. Не хами, я сказал. Ты не со мной говорила, дура! Да подожди ты! Мы с ним вместе работаем, он сегодня дежурит. Его тоже Сашей зовут, поняла?.. — гримаса была неописуема. — Не реви. Не реви, я сказал. Кончай реветь, дура...

Смотреть на лицо Лбова было явной бестактностью. Все равно что читать чужие письма. И я отвернулся. Станные, однако, у них с женой отношения, мне такого не понять.

— Тетка, скажи ей, как тебя зовут, — попросил Лбов.

— Александр, — громко назвал я. — Талантливый инженер.

— Ну перезвони, если хочешь, — равнодушно произнес Лбов и разжал пальцы. Трубка попала точно на рычаг. — Хвали себя сам, ругать тебя будет жена, — задумчиво изрек он дежурную мудрость, невольно по обыкновению. — Слушай, талантливый инженер, зачем ты ей ляпнул, что ты Саша?

Я удивился.

— Так я же действительно Саша.

— Ну и дурак, — заржал.

Телефон вякнул.

— Я, —дохнул Лбов в трубку. — Убедилась? Да. Нет, следующей ночью тоже. Нет, не перестал ночевать дома, просто очень много работы. Да, кошмарно соскучился. Спокойной ночи, маленькая.

Мне все это надоело. Время бездарно тратилось, а ведь у меня был такой план, такая мечта, и как раз я

поужинал, в моем распоряжении имелись полтора полновесных часа, а тут пугают, хамят...

— Ладно, поговорил с женой и проваливай. Саня, ты мне в самом деле мешаешь, я тут собирался еще поработать.

— Ты же спал! — сразу сказал он. Будто ждал. И посмотрел мне в глаза. Посмотрел нехорошо, недобро — решал в уме уравнение, где я был в качестве неизвестной. Лицо его... Я отчетливо понял: все-таки что-то не так. Не так просто. И вдруг вспомнил: женский смех в коридоре!

Было видно, что мысль Лбова беспорядочно мечется, ищет неотразимые слова. Но тут явственно зацокали каблучки. Звук быстро приближался: кто-то шел, направляясь сюда же, в конец тупика-аппендикса. Лбов сел. Я в очередной раз покрылся потом и придвинулся к бывшему спортсмену. Цокот стих, напряженный голос еле слышно позвал:

— Саша, ты здесь?

6.

Опасливо заглянула, шурясь от света, вошла и остановилась. Вроде бы молодая. Хотя кто их разберет, они сейчас все молодые. Вот невезуха, — подумал дежурный, оправляя пиджак. — Девицы здесь только не хватало... Полновата, правда. Я таких мягоньких люблю, впрочем я всяких люблю, жалко, они об этом не знают...

— Ты чего приперлась? — первым вступил в беседу инженер Лбов.

— Здравствуйте, — сказала девица дежурному — персонально.

— Чего приперлась, говорю? — повторился Лбов. Иногда он становился назойлив. Гостья распрямилась, хотя и так была, казалось бы, строго вертикальной.

— А ты чего застрял? Бросил меня там!

Лбов с горечью констатировал:

— Маленькой страшно.

Сегодня всем страшно, — мысленно усмехнулся дежурный.

— Вы кто? — спросил он. — Здравствуйте.

— Я ее в нашей лаборатории оставил, — начал объяснять Лбов. — Чтобы ты лишний раз слюни не пускал. Это студентка, она у нас на практике. Покажи дяде пропуск, маленькая... Все в порядке, Шура, она не шпионка, только вот разрешения на работу в ночь у нее, естественно, нет. Так что звони, докладывай.

— Ага, — сказал дежурный. — Сволочь ты. Знаешь же, что не позвоню.

Коллега заулыбался.

— Понимаешь, она в общежитии живет. А сегодня никак не может там ночевать, кое-какие обстоятельства. Вот я и помог человеку. Это очень печальная история, Шурик.

«Диван», — подумал дежурный. В лаборатории имеется диван. Они шли в лабораторию... Неужели настолько банально? Неужели суть этой возни стара, как история грехов человеческих?

— И кроме того, — продолжал Лбов, — ей ужасно хочется... — он сипло хмыкнул, — как следует поработать в сети. А студенточкам время не очень-то дают. Да и днем каналы дефицит, сам знаешь. Это главная причина ее присутствия здесь.

— Да! — подтвердила студентка. Громко, вызывающе. В нежном голоске прорезалась сталь. Лбов коротко глянул на нее и снова хмыкнул.

— Отличница, — сделал он последнее пояснение.

«Хватит, — решил дежурный, — надоело вранье».

И нанес сокрушительный удар.

— Значит, пришли работать? — едко уточнил. — В сети? А я ведь, Саня, совершал обход. Около вычцентра был, там все закрыто, ни техника нет, ни системщика. Плохо ты продумал легенду, Саня.

Бывший спортсмен умел держать удары, даже не покачнулся. Только снова закричал:

— Ты ничего не понимаешь!

Замолчал.

— Чего не понимаю?

— Я как раз хотел тебе признаться, да вот отличница, — он кивнул, — перебила. Попросить тебя хотел. Конечно, ихние железяки мне на фиг не нужны, просто я... В общем, я собирался на «Жуке» поработать.

— На «Жуке»? — вскинулся дежурный. — Ты тоже?

— Почему тоже? — Лбов удивился. — А кто еще? Дежурный опустил глаза.

— Никто...

— У меня все отлажено, Шура, я уже несколько вечеров сюда прихожу и работаю. Короче,пустишь в лабораторию? Ты сегодня начальство.

Дежурный яростно жевал губы. Что-то ему не нравилось в просьбе сослуживца, чем-то он был откровенно недоволен. «Испоганили план, — тоскливо думал дежурный. Как быть? Плюнуть, смириться?»

— Про разрешение ты мне, конечно, наврал, — зачем-то сказал он. Лбов наивно улыбнулся. — Ясно, прятались где-нибудь в сортире... — дежурный пусто посмотрел на девушку. — Ой, извините... Ладно, плевать мне, где вы прятались. Только зачем ты студентку привел? Очень прошу, не ври.

— Меня зовут Лариса, — звенящим голосом сообщила девица. Оказалось вдруг, что она стоит совершенно пунцовая. — Я могу и сама вам объяснить, Александр — простите, не знаю отчества. Дело в том, что меня тоже интересует микросерф марки «Жук», и ваш друг Александр Владимирович любезно согласился продемонстрировать аппаратуру в действии.

— Ты же понимаешь, — добавил Лбов. — Днем «Жук» не включишь.

— Я понимаю, — сухо сказал дежурный.

Он действительно понимал. Ему давно все было ясно. Собрались работать! Ночью! Вдвоем! Этой «отличнице»,

видно, совсем-совсем нечего терять... Дежурный здорово злился. Хотя неизвестно, чего в нем было больше — раздражения или зависти. Одновременно он ощущал смутное облегчение, потому что оказался прав: никакие микросерфы Лбова явно не интересовали. Бывшему спортсмену всегда требовалось от жизни только одно. Знаем, знаем. И это по-человечески так понятно.

— Ладно, — согласился дежурный. — Но только на полчаса, не больше! Имей в виду, Саня, через полчаса я приду в лабораторию.

Лбов махом встал. Заметно было, что его одолевает жесточайшее нетерпение: суетились руки, играли глаза.

— Лора, маленькая, за мной! — гаркнул он. — Пошли, дядя сегодня добрый.

7.

Я не умею беседовать с привлекательными женщинами. Я временно становлюсь придурком. Мне почему-то начинает казаться, что мои реплики невыносимо фальшивы, что со стороны совершенно ясно — на самом-то деле в мыслях у меня гнусность. Причем собеседница прекрасно понимает, что именно у меня в мыслях. Но голову мою, и это самое противное, действительно одолевают не вполне чистые фантазии — то ли по причине навязчивого опасения не иметь их, то ли потому, что привлекательная женщина извечно освобождает изменное в мужских головах. Есть в этом что-то болезненное. Короче, я боюсь привлекательных женщин.

И вообще я женщин боюсь.

Ну, а в такой двусмысленной ситуации было просто безумием беседовать. Однако я справился. «В чем дело? — спросил я для начала, желая рассеять недоумение. — Почему сударыня вернулась из лаборатории? Неужели кавалер отпустил такую красавицу, решил работать в одиночестве?»

Она объяснила: ей слегка не по себе. Она ничего не понимает. Лбов привел ее к «Жуку», усадил рядом, врубил аппаратуру, начал показывать, растолковывать, но делал он это крайне путано, попросту невразумительно, с каким-то оскорбительным равнодушием, будто думал о чем-то гораздо более важном. А дальше и вовсе повел себя дико. Он выключился. Натурально. Лбов забыл о том, что рядом сидит гостья: перестал реагировать на вопросы, вообще перестал разговаривать, только стучал пальцами по клавиатуре и экран разглядывал. Наверное, увлекся работой. Или обиделся, а? Даже не обернулся, когда она встала и ушла. В самом деле, зачем ей было оставаться в лаборатории? «Твой друг странный парень, — добавила Лора. — Какой-то он...» Лора — это уменьшительное имя, исключительно для друзей. И тоже можно на «ты». А мое имя — Шура, исключительно для подруг... Да, она учится в Промышленном институте, готовится стать видным инженером. Зачем, разве ее не тревожит компьютеризация? Нет, не тревожит. В условиях нашей экономики информационная война невозможна, следовательно размах компьютерной преступности и прочих газетных ужасов вряд ли достигнет и четверти западного уровня. И вообще неизвестно, угрожает ли нашему обществу такое технологическое чудо, как «всеобщая компьютеризация». Так она полагает. По крайней мере, в обозримом будущем чудес не ожидается, поскольку за пяток лет учебы в ВУЗе она вдоволь насмотрелась на наших подрастающих специалистов и наелась по горло работой на технике отечественного производства, поэтому радужные перспективы склонна оценивать трезво, спокойно, с юмором...

Беседа с привлекательной женщиной получалась — никакой вам двусмысленности! Лора оказалась девочкой серьезной, увлеченной нашей с ней специальностью, одним словом — отличницей. Что скрывать, во многих вопросах она явно разбиралась лучше меня. Впрочем, тс-с! — зароем это малоприятное наблюдение поглубже. Я был не прочь подарить ей свою любовь, и немедленно,

если бы не Лбов, конечно... А что Лбов, ну что такое — Лбов? Мне, разумеется, плевать на подробности их отношений, но познакомились они всего неделю назад. Ее засунули практиковаться в отдел ГАСов, а у этого жлоба там друг детства трудится, этот жлоб ходит туда в рулетку играть, ну и сошлись они с Лорочкой на обсуждении персональных ЭВМ. Он, кстати, сразу показался ей странным. Хотя, если честно, она чуть не спятила от счастья, когда узнала, что в нашем аппендиксе есть настоящий фирменный «Жук». Лбов — это типичное знакомство по расчету... Кстати, Саша, «Жук» — мощная система (ты ведь знаешь, да?), в него даже встроен флэш-модем для телефонной сети... Почему мощная? Обыкновенная, — я тоже показывал эрудицию. — Только другая элементная база, и все. Ну и плюс новомодный сервис... В общежитии — нет, она никак не могла остаться на ночь! Как на зло, сегодня ни одной из соседок, а там комендант — противный мужик — клеится (понимаешь, да?), устроил бы вечерок отдыха, только и ждет момент. Она раньше уже два раза не ночевала, боится коменданта. А тут как раз Александр Владимирович подвернулся... Лбов? Нет, его она не боится (что ты, что ты!), культурный же человек... Да! — она мило посмеялась над моим остроумным замечанием. — Действительно, «Саш» нынче развелось, как котов, действительно, «Саша» нынче не имя, а обозначение особи мужского пола, вроде «молодого человека». Кстати, анекдот из серии о молодой семье...

Я совсем забыл про время. Когда опомнился — обнаружил, что полчаса, щедро подаренные мной, давно канули. Лбов не появлялся, тогда я храбро встал.

8.

За окном темно. Мерцает экран дисплея. Необъятная фигура на крохотном стуле — спиной к дверям. Под рубашкой равномерно перемещаются каменные бугры,

тренированные руки парят над панелью. Тишина: «Жук» как всегда бесшумен. Кадр из фильма ужасов.

— Я же говорила! — прошелестела студентка, вдруг прижавшись к дежурному. Одурающе повеяло теплым, и тот на миг застыл — не от страха перед увиденным, от неожиданной близости. Затем решительно шагнул, слов дав все.

— Ну, хватит! Саня, давай выметайся.

Лбов молча работал.

— Кончай, — предложил дежурный еще раз. Но коллега и не думал пользоваться навыками устной речи, он зачарованно следил за мелькающими на экране строками, пальцы же его стремительно порхали по клавишам. Действительно работал! Поразительно вдвойне. Было в его облике что-то поэтическое, одухотворенное — Лбов творил. Что с ним? Дежурный заглянул ему в лицо: там напряженно пульсировала творческая мысль. Впрочем, поведение спортсмена было настолько непонятным, что у дежурного не получилось раздражения или злости. Получилось беспокойство. Он осторожно тронул приятеля за плечо. Тот не удостоил его вниманием, даже бровью не повел, просто работал — тогда дежурный закрыл ладонью экран. Спортсмен вздрогнул и грубым, очень естественным движением убрал помеху, так и не повернув головы.

— Ты что? — растерянно спросил дежурный. Оглянулся. Студентка заглядывала в дверь, почему-то не решаясь войти внутрь, глаза ее были совершенно круглыми. Он постоял несколько мгновений, дождался неизвестно чего... И повернул на пульте ключ — туда и обратно.

Экран вспыхнул. Затем стал чистым.

Тут же неодолимая сила скрутила дежурного узлом, протащила к дверям, швырнула наружу, он успел только заметить, как выдуло из дверного проема вновь обретенную приятельницу, услышал ее девчоночье: «Мамоч-

ка!» — а может быть, собственное? — и страстно обнял стену в коридоре, влепив губы в крашеную штукатурку.

Александр Владимирович Лбов появился через минуту. Имел абсолютно нормальный вид, правда слегка востропанный. Разминал кисти рук. Озабоченно жевал губы.

— О-о, вы здесь! Чего в коридоре топчетесь, не заходите? Стесняетесь?.. У меня что-то произошло, память вдруг очистилась. Напряжение упало, наверное. Шура, лампочка не мигала, не заметил?

Сказал все это — будто ничего такого.

— Сволочь! — закричал дежурный, косясь на студентку. — Чего дерешься-то? Обещал полчаса, а сам!

— Ошалел? — теперь удивился Лбов.

Студентка водила глазами — с одного сотрудника на другого. Дежурный продолжил крик:

— Катись в свой выцетр! Или в свой сортир, куда хочешь! Приперся тут, жить мешаешь!

— Подожди, Шура, не ори, — очень спокойно сказал Лбов. — Не понимаю, чем я тебе мешаю? Сиди себе в отделе, дежурь, а лучше всего надуй матрац и спи.

Дежурный осекся.

— Какой матрац?..

— Да ладно тебе, не бомба же в твоей сумище. Я сам такой притаскиваю, когда дежурю... Короче, чего ты бешишься, объясни?

— Думаешь, ты один умный? — высокомерно предположил дежурный, вновь отдаваясь клокочущей ярости. — Думаешь, ты один умеешь и любишь работать? Я, между прочим, специально напросился на ночь вне графика, чтобы...

— Не ори, дурак, — повторил Лбов.

— ... чтобы начать наконец заниматься делом! Днем ведь к «Жуку» и таракан не подберется — отгородили, опечатали! Может, я только и ждал десяти вечера, когда институт закроют, а потом — обход дурацкий, а теперь — ты!

Лбов заметно сузился. Будто сдуслся. И стал тихим.

— Так, — сказал он. — Ясно, тебя тоже «Жук» интересует. Я чувствовал... Значит, ты разлюбил нормальные персоналки?

Он внимательно посмотрел на дежурного, затем на студентку — абсолютно пустым взглядом — и снова на дежурного. С вязким, нехорошим любопытством. И задумался. Затем он посмотрел на дверь лаборатории, голодно и нетерпеливо.

— Тебя, кстати, девушка ждет, — заметил дежурный, уже вполне мирно.

— Инструкция по программированию знаешь где лежит? — с подозрительной покорностью спросил Лбов.

— А как же! У завлаба в столе. Я ее смотрел, там операционная система стандартная, — он взялся за дверную ручку, потянул дверь на себя.

Но тут случилось.

Лбов сгреб дежурного в охапку и потащил в конец тупика, хихикая басом, бормоча всякие глупости, что-то вроде: «а еще очки одел... а еще в шляпе...» Тот рвался, брыкался, впрочем, сопротивляться было бесполезно, потому что сил у спортсмена хватило бы на пяток подобных жеребцов. Он засунул дежурного в помещение отдела, навалился на дверь, всунул ключ в замок, провернул до упора. Со стороны это выглядело так, будто школьники резвятся на перемене. Забавно и трогательно.

— Пусти, придурок, я позвоню в охрану! — визгнул дежурный.

— Звони, — разрешил Лбов, доставая перочинный ножик. По стене не слишком высоко тянулась пара двужильных проводов — беззащитные, розовые — от местного и городского телефонов. Он аккуратно надрезал изоляцию, после чего закоротил каждый канцелярской скрепкой. Как и дежурный, он был человек запасливый. Выцедил в дверь:

— Конкурент недоношенный. Конкурентишко. Подумаешь, герой, вне графика дежурит. А я вообще дома не ночую, понял! Жена бесится, стерва деревянная...

— Пошел ты на... — харкнула дверь.

Лбов пошел, ухмыляясь.

— Что с телефоном сделал, ты, лошадь! — заорала неугомонная дверь. И вновь настала тишина.

9.

Критическая статья о проституции под названием «Лекготрудницы». Очерк «Право голоса» — о молодом, но уже талантливом певце. Письмо школьников младших классов с требованием ввести прямые выборы руководящего состава Министерства образования... Я зевнул. Еще зевнул. И еще. Жутко хотелось спать... Буровая вышка установлена на Северном полюсе, в Выборге проходит первый чемпионат по спортивному программированию, полиция Нью-Йорка разоблачила очередную международную группу женщин-фанатиков, уничтожавших вычислительные машины... Проклятая зевота. Проклятая газета. Проклятое дежурство.

Газета была не моей. Когда те двое убрались в свою — то есть в мою! — лабораторию, я понял, что надо срочно успокоиться. И тогда я обшарил стол начальника отдела. Просто так. Ничего особенного не искал — ну там фотографии жены или любовницы секретного свойства, какие-нибудь интересенькие бумаги или еще что-нибудь этакое. Некоторые мужчины хранят у себя на работе то, что не могут хранить дома, как я уже неоднократно убеждался. Да, понимаю, шарить по столам не интеллигентно. Но... Сидит у меня в крови какая-то поискомания, наверное, от мамы перешла.

— ... возвращаясь к проблеме компьютерной преступности, компьютерного терроризма, вредительства в вычислительных сетях, необходимо добавить, что все это связано с неким страшным процессом, — скучно бубнило радио. — Дело в том, что в среде технической интеллигенции появилась новая прослойка, так сказать, романтиков с большой дороги. Доступность, «чистота»

деятельности за дисплеем значительно сдвинули общепринятые границы безнравственного...

Итак, я продолжал нести героическую вахту. Только дверь в помещение отдела закрыта была теперь не изнутри, а снаружи. На двери два замка: верхний — обычный накладной, а нижний наглухо врезан в дерево, причем имеет отверстие для ключа только со стороны коридора. Дурацкая система. Нормальные люди нижним замком не пользуются.

Лбов закрыл на нижний.

— ...прошу прощения, — продолжало радио. — Хотелось бы расставить точки. Разумеется, проблемы преступности существуют и сами по себе, но война, разразившаяся в сфере информационного бизнеса, придает им особую остроту. Вот примеры. Многочисленные организации компьютерных хулиганов и авантюристов, судя по сообщениям прессы, имеют централизованное управление. А управляющие нити, как ни странно, ведут либо в фирмы, производящие вычислительную технику, либо в правления сетей. Это раз. В фирмах существуют специальные отделы, занимающиеся изучением и разработкой компьютерных диверсий и готовящие соответствующих специалистов. Там же исследуются вредные воздействия работы за дисплеем, конечно не только для их нейтрализации, изучаются и наиболее азартные компьютерные игры. В общем, примеров много. В сущности, информационная война сводится к яростной конкуренции по всевозможным направлениям, и формы ее традиционны — протекционизм, дискриминация, и как следствие — шпионаж и вредительство. В той или иной степени она велась всегда. Первопричина же нынешнего обострения, как все мы прекрасно понимаем, — законы большого бизнеса. Следует упомянуть и о том, что до сих пор отсутствует надежная единая система патентования алгоритмов, такая же бесспорная, как, например, принятая в отношении изобретений или промышленных образцов...

Лбов явно родился мускульно переразвитым — обратно пропорционально интеллекту. Охамевший, набухший силой мужик. Что ему на самом деле нужно в институте? Фиг его знает. Врет, ведет себя странно. А что нужно этой студентке? Ну, с ее-то желаниями полная ясность, достаточно хоть раз увидеть Лбова без рубашки... В общем, темная история. Ночь.

— А сейчас новости культуры. Людочка вышла замуж за бармена, ее дочка от третьего брака развелась с проректором столичной консерватории. На фирме «Аккомпанемент» выпущена пластинка Валериного племянника. В столице организована труппа бывших солистов Главного театра, по разным причинам не вернувшихся из зарубежных гастролей и впоследствии приехавших обратно. Труппа сразу отправилась в турне по Европе. Невиданным провалом закончились выступления Бродвейского мюзик-холла в районах Сибири и Дальнего Востока. Небывалый успех сопутствовал мастерам отечественного брейк-данса в поездке по центрально-африканским странам...

Впрочем, возможно, вот этого как раз и не было сказано. Может быть, я сам это выдумал, чтобы взбодрить дух. Все может быть. Просто я сидел за чужим столом, читая чужую газету, я смотрелся в черное зеркало окна, размышляя, матерясь, слушая радио, а было уже половина первого. Было уже «завтра».

10.

Из-под запертой двери в комнату вполз шорох. И зловещий вздох. Я лениво встал, приглушил радиоточку и гавкнул:

— Лбов, это ты?

— Это я, — донесся нежный шепоток.

Сюрприз. Я трусливо швырнул газету на место, задвинул торчащий ящик обратно в стол и сухо поинтересовался:

— Пришла пожелать спокойной ночи?

— Я уже давно стою в коридоре.

— Извини, не могу пригласить в гости.

Студентка изобразила целую серию вздохов.

— Саша, мне страшно.

Если честно, я не очень удивился. Лбов без рубашки — это в самом деле испытание не для впечатлительных натур.

— Ничем не могу помочь, — сказал я. — Ты же видишь.

Она не ответила — молча терлась о дверь.

А меня вдруг осенило. Я даже затрепетал от радости. Вытащил из кармана связку ключей, звеня на весь институт, отыскал требуемый и сорвал его с кольца. Хорошо быть таким находчивым.

— Держи ключ, — воскликнул я, стараясь унять в голосе триумфальные колокола. — Здесь, под дверью.

Упал на корточки.

— Зачем? — слабо спросила студентка.

— Сможешь открыть? Изнутри никак, только снаружи.

По ту сторону стало шумно: женщины не умеют без возни.

11.

Она действительно боялась, это было видно без приборов. Чуть ли не зашкаливала.

— Ты чего? — спросил дежурный.

Вместо ответа студентка открыла кран. Хлынул пенный монотонный монолог:

— Слушай, он ненормальный! Опять сидит, не откликается! Понимаешь, я волновалась, что он будет ко мне приставать, он ведь красавчик, а я, между прочим, терпеть не могу красавчиков! Лучше бы он ко мне приставал, честное слово!..

Дежурный выслушал. Заниматься утешением не стал — молча покопался в стенном шкафу, молча нашел запасные ключи, молча покинул помещение, оставив гостью в одиночестве. Затем проследовал по коридору

мимо лаборатории, не заглянув вовнутрь, — старательно оберегал в себе злость. Он открыл найденным ключом дверь агрегатной, некоторое время разбирался с пакетными переключателями и вернулся к отделу, удовлетворенный. Перед тем как войти, он вытащил из телефонных проводов лбовские скрепки, расправившись таким образом с хитроумной неисправностью.

Телефон тут же зазвонил.

— Алло! — сразу откликнулась студентка. — Да, это институт.

Минуты три она беззвучно внимала телефонной трубке, потом сухо стукнула ее о рычаг и повернулась. Точеное ухоженное личико почему-то сплошь было в красных пятнах.

— Что такое? — поразился вошедший дежурный.

— Там какая-то пьяная, — растерянно объяснила студентка. — Плачет... Просила тебе передать, что... что прямо сейчас выпьет кислоту.

— Кому передать?

— Сказала — Сашке.

Дежурный тупо смотрел на оживший аппарат.

— Еще она меня обозвала... — студентка пошевелила губами и не решилась повторить вслух. Культурная была барышня.

— Да это Лбову звонили! — наконец догадался дежурный. — Это его психованная жена, — он представил себе ситуацию в объеме, в цвете и вдруг неприлично гоготнул. — Бедолага! Ну влип, так влип.

Теперь студентка удивилась:

— Он же в разводе!

— И ты поверила? А еще отличница.

— Он кольцо на левой руке носит. Я даже подумала сначала, что он католик.

— Лбов левша, — серьезно сказал дежурный. — К тому же бывший спортсмен. Все бывшие спортсмены носят кольца на левой руке и говорят, что в разводе.

Искреннее девичье удивление улетучилось.

— Подожди, как же он тогда по ночам сюда ходит, если у него жена? — она опять заметно испугалась. — Про жену наврал... Саша, у вас в самом деле не разрешают на «Жуке» работать? Он мне сказал, что тут какие-то интриги. Может, тоже врал?

И дежурный в свою очередь прекратил веселиться.

— Все точно. Только не интриги, а обыкновенное жлобство. Устроили, понимаешь, экспонат. Чтобы с него пыль вытирать и показывать начальству, какие интересные штучки американцы делают. Пускают только детишек начальства — пусть, мол, подрастающее поколение потешится. Память сенсорными игрушками забита, и стирать их не разрешают. Зачем, спрашивается, валюту тратили?

— Саша, а ты тоже хотел ночью на «Жуке» работать?

— Не ночью, а поздним вечером. Ночью я сплю.

Студентка странно посмотрела на дежурного. В ее мерцающих глазищах мелькнуло несколько коротких, внезапных импульсов ужаса. Да, она продолжала бояться, она боялась все более зримо. Чего? Или кого?

Напряженно спросила:

— Ты что, раньше уже работал на нем?

— Знаешь, — стыдливо признался дежурный, — только один раз. Поймал момент — вчера, когда в вечернюю смену оставался. Нашел в столе завлаба инструкцию, случайно конечно. Там же ключ от машины лежал... Ощущение в пальцах у меня до сих пор осталось. Легкость, нет, скорее удовольствие... Хотя тебе не понять.

Секунду-другую дежурный мечтал, расслабившись. Но, очевидно, слово «удовольствие» заставило его вспомнить о главном.

— Ладно, кончаем болтать. Пошли, поможешь мне.

И целеустремленно шагнул вовне. Студентка тоскливо глянула на часики, зачем-то оправила нечто под блузкой, огладила рвущиеся из ткани бедра. Оглянулась.

Все было в порядке: брюки на месте, кроме того, никто ею тайно не любовался. Тогда она шагнула следом.

— Будь другом, — распорядился дежурный, доведя гостью до агрегатной. — Сейчас я пойду обратно в отдел, а ты подожди немного и дерни вот эту штуку, — он распротер палец, указуя на одну из пластмассовых коробок в блоке пакетных переключателей. — Только не раньше, чем я буду в отделе, ладно?

— Почему? — спросила гостья. Она явно оробела: здесь было слишком много скверного, грубого, немытого железа.

— Потому что в коридор выскочит твой Лбов. Ты обесточишь ему «Жук», поняла?

— А как же... — студентка растерялась.

— Ничего, ему пора сделать перекур.

— Хорошо, — согласилась она, предав Александра Владимировича легко, чисто по-женски.

План удался. Едва дежурный закрылся в отделе, оставив для наблюдения крохотную амбразуру, как прозвучал далекий выстрел переключателя, дверь лаборатории мотнулась, и в коридоре возник ураган. Ураган покрутился на месте, щедро разбрасывая междометия, вдруг заметил в конце коридора-аппендикса распахнутую настежь дверь агрегатной и двинулся туда, стремительно набирая мощь. Дежурный чуть выждал, затем неслышными скачками бросился в атаку. Ураган немедленно развернулся в обратном направлении, но дежурный успел раньше. Он свернул в лабораторию — визгнули тормоза, — подбежал к иностранному компьютеру, выдернул из пульта ключ, а тут и бушующая стихия ворвалась следом, тогда дежурный, проявив смекалку, прыгнул к распахнутой форточке и совершил акт бросания. Маленький серебристый предмет, коротко сверкнув за окном, полетел в черную бездну.

Ураган сразу рассыпался.

— Ты что сделал? — тихо спросил Лбов.

Дежурный показал пустые руки.

— А где ключ от машины?

Дежурный смирно улыбнулся.

— Идиот! — заорал Лбов. — И-ди-от!

И в явном помрачении ума замолотил каблучищем в пол.

12.

Хорошо я его наколол, мне понравилось. Хрусть! — булавкой к паркету, и он мой. Как бывший спортсмен, он, конечно, не умел проигрывать, но ничего, я потерпел. Он раскричался, разнервничался. Объяснил мне, что я есть такое, какие неприятности нас с ним теперь ожидают — особенно налегал на мои неприятности. Мне даже пришлось его успокаивать. Не волнуйся, говорю, это ведь ты работал на «Жуке», а не я, это ты украл из стола завлаба ключ от машины, ты без разрешения находился в режимном учреждении, ты привел постороннюю женщину. Это, говорю, твои цели неясны и подозрительны. Сдам я тебя в охрану, мне, конечно, объявят выговор, и заслуженно, а с тобой пусть служба порядка разбирается. Сеанс психотерапии оказал на спортсмена целебное действие: он вспомнил, что в русском языке есть и цензурные слова. Пришла отличница, в меру испуганная, попыталась встрять в мужской разговор, так ее Лбов успокоил самостоятельно. «А ты вообще молчи, с-с-су...» — начал он лечение словом, но решил не продолжать, поскольку этого хватило. Потом в разговоре наступила пауза. Лбов смотрел в окно и думал, я наслаждался игрой его лица, студентка держала себя в руках, стараясь не испортить компанию. Было весело. Наконец Лбов устал думать и обратился к своей пухленькой подружке. Та, внимательно выслушав, забилась в истерику, потому что ей предложили спуститься в институтский двор и поискать там ключ от «Жука». Лбов бы сам пошел, но увы, не может — надо присмотреть за этим идиотом (я небрежно покивал, понимая его проблемы). А ключ надо найти обязательно, иначе... (он повторил ранее изложенные соображения, теперь уже в

рамках общепринятого словаря). Поиск ключа, по мнению Лбова, — дело вовсе не безнадежное, ключ наверняка валяется точно под этим окном... Короче, не знаю, как он уговорил студентку. Вероятно, она боялась темной лестницы и пустого двора значительно меньше, чем нас с ним. Кроме того, мужики вроде Лбова легко добиваются от женщин всего, что им угодно — этот закон бесит меня еще со времен достижения половой зрелости. Я проявил душевную щедрость — сознался, что мне выдан казенный фонарик, который в данную минуту находится на столе начальника. Лбов обрадовался, и мы перебрались из лаборатории в помещение отдела. Сопровождаемый недремлющим оком (шаг влево, шаг вправо считался попыткой позвонить в охрану), я выдал девушке фонарик, и та удалилась, неся на ватных ногах груз опрометчивого согласия.

— Ну все, Шура, — объявил мне Лбов. — Услали стерву, теперь займемся тобой.

Его голос был почти интеллигентен. Но на этой ровной глади плавала угроза такой густоты и концентрации, что я вдруг многое понял. Я понял: веселиться мне рано. Или поздно.

— Почему «стерва»? — задал я нейтральный вопрос. — Ты ее уже не любишь?

— Это только ты, девственник наш, всех стерв подряд любишь. В снах на рабочем месте.

Он не улыбался. Он сканировал взглядом поверхность моего лица.

— Что?! — спросил я. — Что ты сказал?!

— Девственник, говорю. Знаю я таких — громче всех кричат о работе, а сами вместо программ голых баб распечатывают. Зачем тебе «Жук»? Спал бы себе с распечаткой.

Оскорбил. Он меня оскорбил. Он. Меня...

— Погоди, не визжи, — скривился Лбов. — Я серьезно. Расстелил бы эту отличницу вместо матраса, и вперед. Тебе же ее отдали. Зачем ты другим хочешь вечер испортить?

Я наконец восстановил дыхание, чтобы сказать ему правду:

— Сам ты! Инженер торсоголовый!

Он прочистил уши:

— Ладно, надоел ты мне, — и внезапно стал снимать с себя подтяжки. Это было так странно, что я даже рот забыл закрыть. Опомнися, когда Лбов шагнул ко мне вплотную, дружески обнял. — Возьми-ка руки за спину и сцени пальцы.

— Зачем?

— Вспомним армию.

Тогда я рванулся вон. Но Лбов что-то такое сделал, что-то чуждое нашему образу жизни, и я с размаху врезался в твердое. Мир содрогнулся, вокруг отвратительно зазвенело. Спустя вечность я догадался, что звенит у меня под черепом, что тело мое нелепо распростерто посреди отдела и что положение это не свойственно специалисту моего уровня. Сверху по мне топтались, вытаскивали из-под меня руки, неразборчиво сипели, и я сдался. Тупая стихия трудилась недолго — меня рывком подняло в воздух, швырнуло в кресло.

— Что ты делаешь? — слабо спросил я. Было больно, внутри ощутимо стонал сорванный крепеж. Мерзко торчали углы выбитых деталей.

— Вяжу тебя, идиота, — с удовольствием откликнулся Лбов. — Чтобы и в мечтах у тебя не было звонить на вахту.

Гладкий, розовый, классически правильный, отдыхал он возле кресла.

— Закрою тебя сейчас, и сиди, смотри на телефон. Или можешь с Лорочкой сквозь дверь болтать. А я найду во дворе ключ, куда он денется... включу «Жук», начну работать... — взгляд его потеплел, наполнился чувством. Он переместился к окну, распахнул раму, высунулся.

— Послушная девочка, — Лбов причмокнул. — Ходит, фонариком светит.

Вернулся.

— Ладно, пойду ей помогать.

Протянул переднюю конечность, усеянную мускулистыми отростками, и расстегнул ремень на моих брюках. Затем с хрустом выдрал его из петель. Почему-то ничего не порвалось. Крепкие у меня брюки, отечественного пошива. После чего скрутил мне ноги — моим же ремнем! — очень умело, добротнo, у самых ступней. Проверил качество работы и собрался удалиться, даже ключ от нижнего замка приготовил, тогда я честно сказал ему:

— Ты придурок, Лбов. Ничего ты во дворе не найдешь.

— Почему это? — браво усмехнулся Лбов.

— Потому что я выбросил в форточку совсем не то, что тебя интересует.

Он заметно поглупел.

— А что?

— Свой ключ от почтового ящика. У меня еще один есть.

Лбов плавно менялся в лице. Опять стало весело.

— Простейшая манипуляция, — объяснил я. — А твой любимый ключ от «Жука» я спрятал там же, в лаборатории, пока ты орал.

Очевидно, Лбов никогда не сталкивался с фокусниками, поскольку лицо его в конце концов сделалось натурально, изумительно лбовским.

— Где спрятал?

Я внес конкретное предложение:

— Развяжешь, отдам.

Развязывал он меня гораздо дольше, чем вязал. Наверное, ему было жалко результатов проделанной работы. Возможно, мешало высокое качество фирменных подтяжек. Закончив дело, он поставил меня на ноги и в нетерпении спросил:

— Идти можешь?

— Ключ под пультом «Жука», — сказал я. — Сходи сам.

После чего было так. Когда Лбов повернулся спиной, я не стал ждать, пока он исчезнет в коридоре, я взял с журнального столика цветочный горшок, в котором общественный кактус вел героическую борьбу за существование, догнал спортсмена и с размаху воткнул орудие возмездия в стриженный затылок.

Каюсь, это было слишком. Неправильно бить зарвавшегося инженера по голове, есть более удобное место — карман. Но я ударил. Я ненавидел Лбова всего лишь несколько минут, зато по-настоящему. Злость копилась во мне уже больше часа, вот в чем дело. Просто произошел выброс злости, и удержать этот протуберанец было невозможно. Хотя, если откровенно, раньше я ни разу не бил коллег, даже когда меня оскорбляли. Они меня били — особенно в средней школе.

Лбов обнял дверь, издал недоуменное «А?», оглянулся и принялся ползти вниз. Сначала опустил на колени, потом на четвереньки и наконец боком улегся между стульями. Он держал руками голову и выдавливал из желудка хриплые безразличные стоны. Меня замутило. Стало вдруг очень страшно: неужели убил? Цветочный горшок, как ни странно, остался цел, даже спрессованная веками земля не просыпалась. Я машинально поднял его, поставил на место и тоскливо позвал:

— Саня!

— Больно, дурак... — тут же отозвался Лбов, не вполне владея голосом.

Бывший спортсмен бестолково заерзал, явно желая подняться, тогда я опомнился. Схватил лбовские подтяжки, свой ремень, навалился на него и начал воссоздавать кадры из популярных фильмов. Опыта у меня, естественно, не было, но Лбов оказался вялым, мягким, восхитительно покорным, он только хрюкал что-то утробное и пытался высвободить руки, чтобы снова подпереться за голову. Я с ним справился. Скрутил этого борова, применив методику, чуть ранее опробованную на мне же. Дотащить его до кресла было нереально, пришлось оставить тело на полу. Я сел на стул возле, отдыхая душой,

посмотрел на укрошенную стихию под ногами и понял, что мне Александра Владимировича жалко. Он лежал скрючившись, прикрыв глаза, думая о смысле жизни, — он тихо страдал. Это было дико. Все происходящее нынешней ночью было дико!

«Что со мной?» — подумал я.

— Дурак, — родил спортсмен в муках, — дурак, дурак... Ты ничего не знаешь. Ты же все испортил.

— Чего не знаю?

— Эта студентка... — он запинаясь на каждом слове, — отличница эта... она не та, за кого себя выдает...

«Бредит», — догадался я.

— ... познакомилась со мной специально... напросилась, чтобы взял с собой, наврала про коменданта общежития... между прочим, Витька, комендант то есть, в глаза ее не видел, никогда к ней не клеился, а мы с ним корешки, в одной команде играли... она не просто отличница, она же разбирается в вычислительной технике лучше нас двоих, вместе взятых, понимаешь?..

— Думаешь, шпионка? — прервал я его. — Надо было заявить, а не тащить ее сюда.

Лбов попытался рассмеяться. Попытка не удалась.

— О чем заявлять? О том, что у нее в зачетке одни пятерки? Шура, она действительно учится в Промышленном, я проверял.

— А зачем ты привел ее в отдел? Да еще ночью?

— Хотел прояснить ситуацию. Я же чувствую, ей что-то надо, она не просто так...

Лбов открыл один глаз, вывернул шею и глянул на меня. Как петух. В глазу полыхнуло. «Да он же врет! — обнаружил я с удивлением. — Вовсе он не бредит...» Краткие спазмы злости вернулись на миг и утихли.

Но зачем врать так глупо?

— Развяжи меня скорей, — проговорил Лбов в паркет. — Она сейчас вернется, увидит.

Вот оно! Вот зачем ему понадобилось напрягать контуженную фантазию!

— Тоже мне, поймал диверсантку, — бросил я в его опухшую от мускулов спину. И встал. — Тоже мне, герой невидимого фронта. — И пошел.

— Стой, — визгнул Лбов сипло. Застонал, забился на полу. — Я просто хотел переспать с ней, неужели не понял! Не мог же я... если за стенкой сидит посторонний мужик вроде тебя...

Эта легенда казалась гораздо правдоподобнее. Жалко было ее топтать. Я осведомился:

— Вчера ты зачем сюда приходил? И позавчера? С распечаткой переспать?

Он открыл второй глаз. Снова посмотрел на меня — будто ошпарил. Крутосваренный человек. Потом губы его стали капризно расползаться, затрепетали, глаза подернулись влагой, но он не заплакал, он мужественно сдержал слезы.

— Я работаю, — признался он. — Я же говорил, а ты все равно не веришь. Тебе этого не понять, Шура.

Отвернулся. Я ударил лежащего:

— Над чем ты работаешь?

— Программу одну делаю, — возмутился Лбов. — На «Жуке».

— Какую программу?

Этот наивный вопрос вызвал в стане противника замешательство. Там не знали, какую программу делает Лбов на «Жуке». Не знали, и все тут. Не могли хрюкнуть в ответ ничего вразумительного. Опять круг замкнулся. Я вздохнул, подошел к распахнутому Лбовым окну и выглянул. Внизу никого не наблюдалось: послушная девочка, устав быть таковой, уже покинула сцену.

— Развяжи, гнида очкастая, — зарычал Лбов, плача кипятком. Я проворчал, ныряя в коридор:

— Грубый ты, как Витька Корнеев.

— Какой Корнеев?! — достал меня истерический всплеск эмоций.

— Классику надо знать. А еще инженер.

— Зараза! — выкрикнул бывший спортсмен, очевидно, имея в виду общее состояние своих дел.

Он встретил ее в коридоре. Он представил себе, злорадствуя, как она брела во мраке — шарахаясь от стен, поминутно оглядываясь, изо всех девичьих сил стараясь не цокать каблучками — и неожиданно успокоился. Она подбежала, виляя хвостом:

— Я не нашла! Там темно, ничего не видно.

— Извини, что так получилось, — заулыбался дежурный. — Оказывается, ключ от «Жука» лежал у меня в кармане. Я перепутал, случайно выбросил ключ от почтового ящика.

Он достал из кармана искомый предмет, продемонстрировал обществу. Студентка вытаращилась.

— Крикнуть не могли, что ли! Я целый час под вашими окнами болталась!

Дежурный взглянул на часы и восстановил справедливость:

— Шестнадцать минут.

— Какая разница?

Она вдруг замолчала, словно что-то вспомнив. Напряглась. Даже дыхание затаила.

— А где Саша?

Дежурный тоже кое-что вспомнил.

— Саша? — спросил он после зловещей паузы и взял гостью за предплечье. Ладонь его наполнилась мягким — непередаваемое ощущение. — Вот что, Лариса, пойдем-ка в лабораторию.

— Он там? — испугалась студентка.

— Лбов в отделе. Не волнуйся, он теперь работает над собой.

Дежурный распахнул дверь лаборатории, загородив дальнейший путь. Ничего не оставалось, кроме как принять приглашение, и студентка вошла, снова став послушной, оглянувшись, кротко мяукнула:

— Ну?

— Признавайся, — предложил дежурный, закрывая дверь. — Зачем ты наврала про общежитие и коменданта?

— Я? — воскликнула отличница. — А откуда ты...

— Оттуда, — прозвучал веский ответ. — Знаю.

Отличница помялась, попереминалась, потупилась.

— Понимаешь, я хотела, чтобы Саша меня сюда привел.

— Так, — удовлетворился дежурный. — Хорошо, продолжим. Почему вдруг тебе захотелось, чтобы Саша привел тебя в режимное учреждение ночью?

— Я... — пискнула подозреваемая.

— Только не ври, что ты влюблена в Лбова!

— «Жук»... — сказала тогда студентка потерянно. Дежурный обрадовался.

— А зачем тебе микросерф?! В отделе ГАСов полно персоналок, тоже, кстати, не каких-нибудь там наших.

Вопрос был поставлен верно. Студентка еще немного пострадала, вздыхая и потея, а затем, не придумав ничего толкового, начала давать правдивые показания.

— Статья, — сообщила она.

— Что — статья?

— Да ну... Ты все равно не поверишь. Мой очень хороший знакомый... хотя, это не важно... короче, один парень работает переводчиком, регулярно читает французские журналы и недавно нашел интересную статью...

Она сунула носик в сумочку, достала несколько вырванных журнальных страниц. Текст был импортный.

— ...он же и перевел. На, посмотри. Здесь говорится про фирму, которая изготавливает компьютеры торговой марки «Жук». Какой-то сотрудник сбежал из этой фирмы, встретился с журналистом, потом его упрятали в сумасшедший дом... В общем, не суть. Здесь приведены разные слухи. Будто бы в рамках информационной войны фирмой создана системная программа, имитирующая процесс работы. Будто бы даже есть опытные образцы машин, которые имеют в операционной системе такую программу.

— Не понял, — честно признался дежурный. — Какую программу?

— Ну, понимаешь... Имитирующая работу. Примерно по такой схеме:ходишь в нее, она выдает текст ее же самой на каком-нибудь языке, потом транслируешь, строишь образ задачи, отправляешь задачу на решение, а решение заключается в том, что опять вызывается она же сама. Замкнутый круг. Системная программа позволяет работать со своим файлом, примерно так. Я тоже ничего не поняла, потому что тот парень, который переводил, он ведь не инженер... Там написано, что в результате получилась суперигрушка для программистов. Программист думает, что работает, а на самом деле все это имитация. Обычные электронные игры — чепуха, трудолюбивому человеку на них наплевать, правильно? А тут бесконечная иллюзия работы. Чем программист терпеливее, тем легче он попадает во власть иллюзии, парадокс. Там так написано, честное слово.

Дежурный не выдержал, засмеялся.

— А причем здесь наш отдел?

— Я сначала прочитала статью... то есть мне ее прочитали... потом случайно узнала, что у вас есть «Жук», ну и заинтересовалась. От Саши, кстати, узнала.

— Ясно, — сказал дежурный. — Чисто женская логика поступков. Во-первых, зачем солидной фирме разрабатывать такую странную систему, пусть даже для пресловутой «информационной войны»? Полная бессмыслица. Во-вторых, машина, которая стоит перед тобой, куплена через Академию наук в рамках каких-то международных договоров. Как к нам мог попасть опытный образец? В третьих, при чем тут французский журнал? Фирма-то американская. По-моему, твой «хороший знакомый» тебя разыграл.

— Нет, не разыграл, — капризно скривилась отличница. — В Париже есть филиал фирмы, а тот программист, который сбежал, он француз...

— Хорошо, хорошо, пусть не разыграл. Тогда пошутит редакция журнала. Никогда не поверю, что человека можно убедить, что он напряженно трудится, если он ни фига не делает.

Дежурный снова бодро засмеялся. Студентка с надеждой посмотрела ему в рот и спросила:

— А чего ж тогда Лбов-то...

Дежурный расхохотался просто неприлично. Поигрывая серебристым ключом на ладони, он подошел к компьютеру торговой марки «Жук», начал неспешно включать аппаратуру — блок питания, телевизор, дисководы, процессор. Он приговаривал: «А вообще-то жалко, что твоя статейка не на английском. Я его хорошо знаю. Кто лучше всех знает английский? Программисты и фаны рок-музыки. Я и тот и другой, между прочим. Что мне всякие переводчики? Я крут в английском, даже круче, чем фарцовщики...»

Аппаратура с готовностью оживала. Запела тихонько, заморгала. Дежурный порадовался собственной предусмотрительности: перед тем как встретить возвращающуюся со двора студентку, он наведалься в агрегатную и поставил переключатель в исходное положение.

— Что ты делаешь? — нервно удивилась студентка.

— Хочу проверить твои страхи. Иди сюда, не бойся.

Он легким движением руки залез в стол завлаба, вытащил броско раскрашенную книжицу и пояснил:

— Инструкция по программированию. Это только Лбов, анархист, работает без инструкций. Садись, смотри, — сел сам и нежно возложил пальцы на панель. — Вот, вошли в операционную систему... Смотри, откликнется, видишь подсказку? Забавная подсказка... Вошли в редактор, здесь, кстати, забавный редактор...

«Как я люблю работать! — подумал дежурный, устравив поудобнее ноги. — Невозможно описать. А если опишешь, не поверят, — продолжил он мысль, осторожно укладывая локти на стол. — Отговаривали меня, советовали — иди в музыканты, ты же талант. Воскликали — иди в поэты, ты же талант. Убеждали — иди в шахматисты. А я выбрал работу. И не ошибся. Когда сидишь перед дисплеем, ненавидя машину, когда ползаешь по распечатке, ненавидя себя, когда точно знаешь, что все должно быть правильно, а ОНА выдает туфту,

ты человек... Нет, нет, невозможно описать! Когда вдруг понимаешь, какую смехотворную мелочь ты упустил, когда исправляешь эту микроскопическую ошибку, и программа успешно проходит заколдованное место, но тут же утыкается в новое, куда более нелепое, и отчаяние туманит мозг, ты как никто другой — человек. Зато когда выдано решение, соответствующее контрольному примеру, когда перед глазами светятся вожаделенные цифры, означающие ЕЕ покорность, ты перестаешь им быть, становишься сгустком счастья... Ненавижу прозу: проза всегда тосклива. Если уж ты сел за дисплей, изволь заниматься поэзией. Я люблю поэзию, я вообще романтик, а строфы алгоритмических стихов и вовсе вызывают во мне удивительные приливы чувств. Приливы, потом отливы, приливы, отливы. В точности, как сейчас. Так и живем — работаем, мучаемся, творим. Программисты — люди. Я люблю работать, люблю творить, это ведь легко и приятно, легко и приятно, в точности, как сейчас...»

Что-то случилось. Лора сидела рядом, восхитительно растекаясь бедрами по стулу, смотрела на меня и часто моргала. Было тихо. Ее профиль отражался в матовой поверхности экрана, и я сообразил, что же именно случилось.

— Зачем ты это сделала? — спросил я.

На пару секунд она прервала процесс моргания. Встала, потешно теребя сумочку, затем возобновила пульсацию крашенных ресниц. Моргала она мелко и пугающе неритмично. Во мне привычно закипело раздражение — пошло, пошло через край, шипя, мгновенно испаряясь, — и я не стал удерживать это святое чувство:

— Сдурела, что ли! Зачем ключ повернула?

Она молчала. Стерва, как сказал бы Лбов.

— Я понимаю, тебе самой хочется! Ну подожди немного, посмотри, как надо работать, инструкцию почитай!

Она молчала.

— Ладно, — я взял себя в руки. — Садись и больше не дури.

Тут на отличницу накатило.

— Этот тоже! — оглушительно крикнула она. Бессмысленно заметалась по лаборатории. — Господи, этот тоже! — у нее случилось что-то вроде припадка. Она отыскивала наконец выход наружу, но я уже вскочил. Зачем, и сам не знал — просто, чтобы поймать, успокоить. Схватил ее за рукав — она вырвалась, прыгнула в коридор, продолжая сотрясать воздух непонятными выкриками, и мне стало ясно, что ее дикое поведение есть не что иное, как усталость, одновременно физическая и психическая, ведь подобная бессонная ночь может сломать и не такое тепличное растение. Я прыгнул следом. Она неловко побежала в сторону отдела, трясая тем, что щедро тряслось у нее под блузкой, уперлась в запертую дверь, панически обернулась, будто ожидала увидеть нечто ужасающее, но сзади был только я.

— Не надо, — попросила она, собрала разбегающиеся глазищи в кучу и заплакала.

— Хорошо, не буду, — я легко согласился.

О чем она просила, было не совсем понятно. Но я не стал уточнять. Открыл дверь в помещение отдела и сделал гостеприимный жест. Студентка послушно вошла, я же, не навязываясь со своим обществом, закрыл за ней дверь и провернул ключ обратно. До упора. И прижался щекой к холодной стене.

Изнутри раздался колоратурный визг — очевидно, студентка обнаружила Лбова.

— Разберитесь сначала друг с другом, — гулко сказал я им обоим. — А то повешали мне лапшу на уши.

— Выпустите меня! — завизжала студентка чуть более членораздельно. — Вы, психи!

Я, не обратив внимания, завершил анализ ситуации:

— В общем, вы сидите тихо. Утром выпущу. Охране ничего не сообщу, не беспокойтесь, и в журнал ничего не запишу. Лора, если Лбову будет плохо с головой, звони мне в лабораторию. Телефон пять-два-три. Если хочешь, можешь развязать его и приласкать, он так долго

об этом мечтал... Жлоб паршивый. Слышишь, Лбов? Ты жив? Может, тебе удастся наконец с ней переспать?..

Оттолкнулся от стены и пошел обратно.

Сзади было шумно.

— Психи! — рыдала отличница. — Пустите меня!

Она билась в дверь чем-то мягким, шуршащим.

14.

Дежурный сел за пульт.

«Какая ерунда, — подумал он, имея в виду бредовые рассказы девицы. — Игрушка для программистов... Пошлятина. Придумают же глупости, лишь бы потешить обывателя ужасинкой! Впрочем, даже если бы это было правдой, нам ихние «Жуки» не страшны. Подобные системы просто напросто ничего не изменяют. По большому счету у нас и так сплошная иллюзия работы. Инженеры либо ничего не делают — это из тех, кто ничего и не желает делать, либо трудятся впустую — те, кто умеет и любит трудиться. Так что простите за правду».

Дежурный запустил аппаратуру.

15.

Он не знал, что студентка, не развязывая пострадавшего коллегу, уже обзванивала по местному телефону всевозможные номера, начинающиеся с нуля. Она пыталась таким образом дозвониться в охрану, телефон которой был ей неизвестен. На цифрах «037» к ней пришла удача.

Дежурный не знал, что всего лишь через час в результате бурных переговоров студентке удастся убедить бабушек в том, что она не пьяная, что глупые шутки здесь ни при чем, и упросить великовозрастных стрелков подняться в отдел.

Он не знал, что Лбову действительно станет худо и прямо из отдела его на «Скорой помощи» увезут в больницу.

Он не знал, что жена Лбова, не сумев совладать с обидой и тоской, все-таки сдержит данное студентке обещание, выпьет какую-то дрянь, затем выскочит из комнаты, поднимет вой, испугавшись своего поступка, а соседи по коммунальной квартире вызовут «Скорую помощь», которая также увезет ее в больницу.

Не знал, что жена Лбова любила мужа всегда, вплоть до нынешней ночи.

Не знал, что и Лбов тоже когда-то любил жену.

Не знал и того, что студентка-отличница любила в этой жизни только свои незаурядные знания и что однажды она имела близость с мужчиной, но этот нормальный в общем-то процесс показался ей таким отвратным и болезненным, что впредь она подпустит к себе мужчину не скоро. Следующим счастливымчиком станет ее научный руководитель, и свершится это в ночь после защиты ее диссертации.

Дежурный многого не знал и многого не мог предвидеть. Он был увлечен работой — что тут странного?

Не услышал он также и финальную фразу, которой завершилась радиопередача, посвященная некоторым аспектам информационной войны. Политический обозреватель сказал, что волны компьютерного безумия до нас пока не докатились, и этот факт является единственным из всех представленных, который имеет обнадеживающий оттенок.

(ПОВЕСТЬ)

А. Щеголев

СУМЕРКИ

1. ПОЛДЕНЬ

Небо закрыло тучами. Беспечно сыпал дождик.

Было как всегда.

Голубокровые трутни глотали кофе, плескались в ваннах, мазали прыщавые рожи патентованными кремами и — тщательно, тщательно зевали, сберегая силы для вечернего сна.

Крепкотелые старики, занявшие все просторные кабинеты, обменивались друг с другом мнениями и секретаршами, беседовали с журналистами о небывалом расцвете демократии, пожимали руки прогрессивной общественности, в общем руководили и направляли, руководили и направляли. К вечеру они отбудут в засекреченных направлениях, оставив в кабинетах лишь ненавидящих людей казенных псов да вечно бодрствующую электронику.

Гениальные музыканты, предвкушая вечерние овации, отрабатывали проверенные веками произведения.

Миллионы рабочих муравьев суетились у конвейеров, сжигая скудные человеческие силы на алтаре общественных потребностей. Для их измотанных душ были приготовлены семейные склоки и завораживающее мерцание телемирка.

Промозглые городские подворотни ждали вечерних повелителей.

Места культурного отдыха привычно готовились к безумствам расторможенного разума.

Бетонные глыбы больших домов выплевывали обремененных выполнением долга сотрудников. Там же — в многоэтажных подвалах — слонялись из угла в угол правдолюбцы, с трепетом думая о ночных допросах.

Было как всегда.

Приближались сумерки.

2. ВЕЧЕР

2.1 кассета из блока «Первый», служебные переговоры по делу «Миссионер», гриф «Совершенно секретно»

— Мой генерал! Свобода — наше знамя!

— Процветание — наша цель! Вольно, пятый.

— Есть важные новости, первый.

— Докладывайте.

— Вчера мы отловили кретина. Им неожиданно оказался...

— Вы полагаете, я забыл вчерашний доклад?

— Виноват... Сегодня наконец заставили его говорить.

— Так. Интересно. Какие меры воздействия применялись?

— Сначала обычный набор в девятой комнате. Результат оказался нулевой.

— Конечно. Обычные методы для кретинов не подходят.

— Да, знаю, но я не мог отказать ребятам.

— Всем известно, что ваши ребята мясники, полковник.

— Мои ребята истинные патриоты. Нужно было дать выход их праведной злости.

— Ясно. Я пошутил, продолжайте доклад.

— Чтобы сломить упрямство этого вонючего бунтаря, мы использовали препарат «Поршень». Сутки кретин сумел продержаться, а после двадцатичасовой инъекции начал бредить.

— Сутки! Железный тип. Как же он бредил?

— В течение долгого времени он повторял одну за другой две фразы. Вот, читаю: «В центрфорварде мое спасение» и «Душа очистится при встрече».

— Полковник, но это какая-то чепуха! Что за центрфорвард! Надо полагать, спортсмен? Странно, спортсмены все отличные парни. Еще душа какая-то... Действительно, бред. Вы видите здесь смысл?

— Мой генерал, поначалу я тоже не понял особой ценности этих фраз, хотя в них и содержались два конструктивных момента: «центрфорвард» и «встреча». Казалось невозможным практическое использование полученных сведений в борьбе с пауками. Слишком мало конкретного.

— Это я и имел в виду.

— Но тут есть один нюанс. Бред кретина не имеет ценности лишь в том случае, если центрфорвард является человеком.

— А кем же еще?

— Я подумал: вдруг под этим словом скрывается что-то другое? Вы поразительно точно отметили корявость фразы, о человеке так не говорят. На всякий случай я решил навести справки, тем более что в моем предположении была единственная надежда на успех. Теперь докладываю вам, мой генерал! В районе центральных трущоб имеется гостиница средней шикарности. Официальное ее название «Возрождение», но однажды в гостинице остановился Серов, и в честь этого события местный сброд стал называть ее «Центрфорвард».

— Да, Коля Серов был отличный футболист... А вы молодец, пятый!

— Всецело ваш, мой генерал!

— Ну-ну. Что предприняли дальше?

— Мы немедленно переключили все посты на контроль радиообстановки в подозреваемом квадрате. И только что получено сообщение: в гостинице «Возрождение» зафиксирован мощный источник помех. Спектр помех

соответствует форме номер один. Сомнения отпадают, товарищ генерал, там сидит паук.

— Важнейшая новость! Я распоряжусь о вашем награждении.

— Служу трудовому народу!

— Как вы намерены поступить?

— Моей компетенции недостаточно для принятия решения в данной ситуации. Жду ваших приказаний.

— Так. Значит, так. Объект нужно взять. Соблюдайте максимальную осторожность. Никаких патрулей в центре.

— Мы используем только главные пеленгаторы.

— Правильно. Соблюдайте радиомолчание, не посылайте агентов в близлежащие к гостинице улицы. Не спугните паука.

— Как же тогда мы сможем взять его?

— Это ваши заботы. Фантазируйте. Вы должны добиться наконец успеха! Пора заткнуть рты столичным крысам.

— А если он все же обнаружит нас? Пауки чуют наших людей за квартал.

— При малейших признаках провала — уничтожьте гадину.

— Это не так просто сделать.

— Убейте. Раздавите. Сбросьте на гостиницу бомбу. Фантазируйте, полковник!

— Слушаюсь. Взять объект или уничтожить его.

— Кстати, если уж мы заговорили о возможности провала, прошу ответить: почему провалы так часто случаются в нашей святой работе? Мне давно не дает покоя этот вопрос. Враг очень силен, но ведь и мы знаем свое дело. Так почему провалы не исключение, а система? Как вы думаете?

— Это не в моей компетенции.

— Не бойтесь, я спрашиваю строго конфиденциально.

— Не знаю. Это не в моей компетенции.

— Можете идти, товарищ пятый, доклад принят.

— Я всецело ваш.

— Свобода — наше знамя.

— Давно пора укрыть тебя твоим знаменем, грязный лампас.

— Вы что-то сказали, полковник? Я не расслышал.

— Я сказал: процветание — наша цель, мой генерал!

2.2 РЕТРАНСЛИРУЕМЫЙ СИГНАЛ, источник «Сырье», гриф «Свободный эфир»

Бестолково, как у сухомордого в мозгах. Холодно, слякотно, сопливо. Темень, ни одной самой паршивой лампочки — малолетние поганцы давным-давно их переколотили. Только некоторые окна горят, и все. Дрыхнут обыватели, сны цветные просматривают. Или под телевизор балдеют, смакуют чужие чувства. Или вяжут. На улицу их сейчас золотом не выманишь. Кретин — и тот подумает, прежде чем выйти. Впрочем, перевелись нынче кретины, все повыловлены, один я, небось, остался.

Мерзкая подворотня. Мерзкая гостиница. Мерзкое занятие.

А что остается делать? Жрать охота, с утра брюхо ноет — денег нет. Естественно, откуда у истинного гражданина деньги? У истинного гражданина только долги. Очередная гонка — на следующей неделе, там получу свои кровные, а сейчас... Неделю тянуть — извините, это не для меня! Вдобавок, гад тот... как же его зовут?.. В общем, проиграл сегодня одному типу двадцатку. Идиот! Дыру в кармане поставил и проиграл. Еще один долг. Мерзкая жизнь... Эй вы, за окнами, сколько вас ждать? Суслики жирные, хоть кто-нибудь покажитесь!

Пусто...

Наконец! Хлопнула дверь. Кто-то вышел в гостиничный двор, слышны шаги. Неужели нашелся смельчак, который надумал совершить вечернюю прогулку? Это был маленький старичок, в очках, шляпе, с папкой под мышкой. Натуральный профессор. Он увидел меня, растерялся, замедлил шаг. Я преградил ему дорогу и осве-

тил фонарем, тогда на его лице появилось болезненное веселье.

— Молодой человек, — сказал он мне. — Вы ошиблись, ваша дама еще не освободилась.

Тут ему в бок уперлось «шило», и он, видимо, очень хорошо почувствовал это прикосновение, потому что веселое выражение на его лице моментально сменилось тоскливым.

— Шутишь, — улыбнулся я. — Подожди, сейчас я буду шутить.

Снял с него дурацкую шляпу и отшвырнул в темноту. Он затосковал еще сильнее.

— Вы не смеете, — слабым голосом сообщил он мне. — Я музыкант. Я сейчас же позову милицию.

Смех на палке. Было видно, что он грозитя всерьез. Наверное, со страху.

— Зови, — разрешил я ему и чуть-чуть надавил. Понятливый оказался старикашка! Он проглотил все угрозы разом, только слабо икнул и больше не пикнул. Ну а как же — интеллигент! Для начала я его нежно встряхнул, чтобы осознал до конца, с кем имеет дело. От моей ласки его залихорадило. Потом деловито обшарил карманы гостя. В пиджаке у него лежал пухлый бумажник, и мое истосковавшееся по чуду сердечко наполнило грудь томительным биением. Волнуясь, я рванул застешку. Там была весомая пачка купюр — не меньше двухсот хрустящих! Чудо свершилось. В полном восторге я глянул на старичка: носить вечером такие деньги отважится не каждый! Он стоял не двигаясь, губы его вяло шевелились, шептали что-то вроде: «...зачем вы меня посылаете, мне страшно, я никуда не пойду...» — странное он что-то шептал. И вообще у него был странный видок — будто разговаривал во сне. Причем не со мной. Я потрепал его за щеку:

— Проснись.

Он продолжал спать, намертво прижимая к себе папку. Интересно, что там у него? Я потянул ее, вот тогда профессор ожил, глаза его вспыхнули и погасли.

— Не надо, — попросил он меня. — Берите что угодно, а это... не надо, прошу вас...

Я ничего не ответил ему. Я ткнул его кулаком в морду, он мягко упал спиной в лужу и остался лежать, а папка оказалась в моей руке. Там были только ноты! Эти очкарики ненормальные, честное слово... Ладно, не будем лишать человечество культурных ценностей. Нас интересуют ценности материальные. Мы не варвары, культурные ценности нам не мешают.

Я бросил папку рядом с хозяином, а сам быстро вышел из подворотни. На ходу обследовал добычу. Для начала сладострастно пересчитал доход — ровно двести пятьдесят, новенькими, будто из типографии. Ну, повезло! Все, завтра отдаю долг этому гаду, и хватит с меня игрушек... Еще в бумажнике имелся аккуратно сложенный листок бумаги, и я развернул его. Вначале ничего не понял. Даже испугаться не успел. Просто в груди у меня вдруг замерло, я остановился и разинул пасть. Вместо бумажного листочка мои грязные пальцы сжимали нечто похожее на щель, в которую смотрели чьи-то глаза. Я среагировал мгновенно: ойкнул и разжал пальцы. Бумажка плавно опустилась на асфальт, я же опомнился и наклонился следом. Я парень любопытный и вовсе не трус. Меня загадками человеческой психики не проймешь — снова взял эту бумаженцию и внимательно рассмотрел ее. Обыкновенная записка. Было четким почерком выведено: «Жду Вас в номере 215, второй этаж, налево». Записка, ничего больше. Однако в памяти осталась ясная картинка: висящие в воздухе глаза смотрят на меня в упор. Глаза небесно-голубого цвета. И не глаза даже, а узкая полоска человеческого лица — брови, переносица... Смех на палке. Что это мне мерещится?

Собственно, я направлялся к Балаболу. Заведение располагалось точно напротив моего рабочего поста возле гостиницы — никакому нормальному дубине не придет в голову ловить меня здесь, рядышком с местом происхождения. Перекушу, расслаблюсь, и дельце одно имеется. Жизнь дается человеку для того, чтобы он жил, как

человек. А интеллигентский бумажник мне должен в этом помочь. Правильно я излагаю?

Смешной старикашка, — думал я, наискосок пересекая проспект Первого Съезда. Народной милицией решил напугать. Да заори он во все горло что-нибудь вроде: «Помогите — убивают!» — никто бы даже к окну не подошел полюбопытствовать, в чем дело. Кого там убивают и как. Чтобы расшевелить этот снулый мир, надо кричать «пожар» или «землетрясение». Или, например, «революция» — пусть в кальсоны поналожат. Хотя, ату его, с такими вещами не шутят... Интересно, — вдруг вспомнил я, — кого ждали в номере 215? Неужели старикашку? А может, все еще ждут? Я развеселился. Надо же, каков игрун — ему бы тихо кефирчик сосать дома, а он по отелям шастает. Впрочем, я уже дошел до места, и эта мысль достойно завершила приключенье.

Над входом помаргивало название: «БУТСА». Чуть ниже — скромное пояснение: «ЛУЧШЕЕ МЕСТО ОТДЫХА». А в витрине горел стих: «Заходи скорей сюда! Делать все позволим! Развлекайся до утра, выйдешь довольным!» Делать что вздумается можно в любом другом месте, если есть чем платить, разумеется, но Балабол поступил на удивление мудро, воспользовавшись вечной всенародной тягой к поэзии и к свободе. Забавно происхождение названия. Существует легенда, будто знаменитый центрфорвард Серов однажды провел пару недель в той гостинице напротив и, рассорившись со своей поклонницей, швырнул с балкона бутсу — прямо через проспект. Спортивный снаряд пробил витрину насквозь и влетел в столовый зал. С этим преданием знакомит красивый стенд в вестибюле, здесь же под стеклянным колпаком обрел вечную стоянку вонючий ботинок — жуткого размера, кстати. Идиотизм и коммерческий успех, как известно из новой истории, близнецы-братья. В общем, местечко это было как раз по мне. Я поежился от холодного ветра и торопливо толкнул крутящуюся дверь.

Было душно и весело. Большинство столиков оказались заняты. Стоял многоголосый гул, звенела посуда, из игрового автомата лилась мирная старомодная музыка. Я огляделся и подошел к столику, за которым одиноко сидел Лошак.

— Привет, мальчик, — сказал я ему. Он нехотя поднял глаза. Глаза были задумчивыми. После некоторого размышления Лошак эхом откликнулся:

— Привет, Александр...

Видно, принял уже стаканчик-другой. Что ж, надо догонять. Я подсел к нему и рывкнул в воздух:

— Эй, ну-ка сюда быстро!

Выскочил парень, обслуживающий столовый зал, побежал ко мне, мастерски виляя между столами. Да, кликуха, заработанная им в кругу своих кооперативных нанимателей, вполне соответствовала его деловым характеристикам.

— Ловкач, — сказал я ему, когда он, нисколько не запыхавшийся, вырос передо мной. — Дай-ка мне горячий.

— Пожалуйста, — сказал парень, живо снимая с подноса графин и стакан. — Добрый вечер, сударь, здравствуйте.

— И принеси что-нибудь пожрать.

— Секунду, — пообещал он и стартовал в обратном направлении. Поднос он держал на вытянутой вверх руке. Почему-то ничего не падало. Смотреть на его акробатический этюд было страшно, и я повернулся к соседу.

— Лошак, милый, — сказал я ему, — ты что это скучаешь? Ты где находишься?

— А? — вдруг спохватился он и стал бешено озираться. — Где я нахожусь?

— В «лучшем месте отдыха»! — возгласил я. Плеснул себе в стакан, залпом выпил, и мне стало жарко. Тогда я надолго присосался к горлышку графина. Стало еще жарче. Стало так хорошо, что я заорал и метнул пустую стекляшку в подбегавшего официанта. Тот красиво увернулся, принялся ставить на стол тарелки со

жратвой, и я прекратил баловаться — рыча, обрушился на еду. Парень попытался подсунуть мне вилку, но я расхохотался и согнул ее посередине. Потом он куда-то исчез, а передо мной оказался новый графин. Молодец, Ловкач! Лучше клиентов знает, что им нужно, скотина этакая... Кстати, о скотине. Интересно, где Лошак берет деньги, чтобы нажираться каждый вечер? Настоящее его имя не то Васенька, не то Ванечка, в детстве он мечтал стать ковбоем, лошадиным ассом, а Лошак — это так, уменьшительно-ласкательное для удобства, отзывается и ладно. Бедняга! Зря мечтал. Он сейчас — дешевка, ему уже не подняться... А Балабол — просто Балабол, без имени, без фамилии, и никто не знает, что сие означает. Сам он, наверное, тоже. Хитрая стерва! Для нас он — владелец «Бутсы», председатель этого второсортного кооп-кабака, то есть мелкая сволочь. Но ходят слухи, что он ворочает такими делами — представить страшно. Вот, например, вчера взяли Областной банк, чисто взяли, просто конфетка, а не работа. И трудяг до сих пор не нашли, куда там! Жидковата милиция такие дела поднимать. Хотя при чем здесь Балабол?.. А еще поговаривают, будто он связан с пауками. Я-то лично в это не верю — Балабол, конечно, темный тип, но не до такой же степени! И не дурак ведь он. Всем известно, что нет в нашем мерзком мире большей мерзости, чем пауки. А Балабол настоящий трудяга, он наверняка не свяжется с подобной компанией, и вообще, в газетах ясно написано: только начнешь интересоваться пауками, тут же чокнутым и станешь. Страшные люди. Даже не люди, а нелюдь поганая, проклятье наше, и кретины появляются от них, и грязь вся от них, а вот сами они откуда появляются, в газетах почему-то не знают. Спросить у Балабола? Вдруг знает?.. Эй, парень, еще горячий!.. Отличная в этой забегаловке горячая! Из сахара гонят, черти. Глоток сделаешь, и словно огнем на миг охватит — адский жар во рту, пустота в груди. И сразу — покой. А у непривычного глаза вылезают, язык вываливается, он рвет на себе ворот, дышать-то ему нечем,

потом горячая его отпускает, ему становится на все плевать, он делает второй глоток и отрубается... Эй, сюда!.. Странно только, почему она постоянно дорожает? Впрочем, ничего странного. Горячая дорожает, потому что дорожает сахар, из которого ее гонят. Сахар дорожает, потому что увеличивается зарплата рабочих, изготавливающих его. Зарплата рабочих увеличивается, потому что те частенько встают на рога. А на рога они встают, потому что им не хватает денег на горячую, которая дорожает. Вот так. Заколдованный круг. И вообще, жизнь стала паршивой... Ловкач! Ловка-ач!..

Я очнулся и обнаружил, что валяюсь под столом. Как собака. Сильно ныл глаз, я потрогал его пальцем: глаз заплыл. Проклятье! В руке обнаружился пустой графин. Кряхтя и ругаясь, я выбрался, бухнул графин на стол и поманил дежурившего неподалеку официанта.

— Скажи, это какой по счету?

— Четвертый, сударь, — невозмутимо ответил он мне.

— А где второй и третий?

Ловкач показал на пол. Там были осколки.

— А это откуда? — я дотронулся до глаза. Парень промолчал, тогда я схватил его за шиворот. — Говори, змееныш! — рявкнул ему в ухо. Мальчишка вздрогнул.

— Тот тип уже ушел, — протараторил он. — Расплатился и ушел. Я его не знаю, честное слово, первый раз видел.

— Проваливай, — разрешил я. — И принеси попить воды.

Лошак сладко спал, положив голову на руки, около него стояло шесть пустых графинов и треснувший стакан. Общество за соседними столиками сонно поглядывало в мою сторону. Я сел, проглотил поднесенную мне воду, после чего понял, что здесь скучно. Тогда я потряс Лошака за плечо. Тот помычал, почмокал губами, отвратно почесался и проснулся.

— Что такое? — просипел он, поднимая голову.

— Эй, — сказал я ему, — ты знаешь, что такое «лошак»?

Он тупо огляделся, мучительно вникая в суть вопроса. С соседнего столика лениво подсказали:

— Это помесь лошади с ослом.

— Вот-вот! — подтвердил я. — Лошадь и осел. Лицом ты лошадь, а умом осел. Понял, ковбой?

— Почему? — вспыхнул он.

— Ну ты же лошак? — объяснил я. Он стал вылезать из-за стола, крохотный, но очень грозный.

— Шуток не понимаешь, — равнодушно сказал я, и он с готовностью влез обратно. Скучно было невыносимо. Я посмотрел вокруг, собираясь с мыслями, и вдруг вспомнил, зачем, собственно, пришел сюда.

— Балабола здесь не видел?

Лошак отрицательно мотнул головой.

— А про банк слышал что-нибудь?

— Грабанули твой банк, — сипло ответил он.

— Это и без тебя известно. Кто, не в курсе?

Вот такой вопрос был, прямо скажем, громок. Особенно после упоминания имени Балабола. Общество наострило уши, тревожно замерло. Лошак принялся непотребно зевать, и я сразу дал задний ход, потому что глазки у моего соседа стали пугающе неподвижными. Я добавил:

— Говорят, там пауки потрудились.

Зевота мгновенно прошла.

— Какие пауки? — искренне удивился Лошак.

— Неграмотный, что ли? Эти... Из организации «Миссия».

— Которые пьют кровь? — уточнил он. — Не знаю, может, и они... Только их, по-моему, денежки не волнуют, они, по-моему, детей из приютов таскают.

— Лошадь и осел, — выцедил я. — Идиотские слухи.

Встал и пошел прочь. Сзади раздалось запоздалое вяканье, но я решил не напрягать слух. Я направился к бару. Немного шатало: все-таки четыре графина — это доза. Проклятье! Еще чуть-чуть, и Лошак смекнул бы, что я интересуюсь банком неспроста. Идиот, полез с пьяной любознательностью. В самом деле, кто знает,

откуда у этого придурка деньги? Не за умение ли докладывать о любознательных идиотах?.. Народу поубавилось — посетители начали расходиться по любовницам и сводным домам. Стало уютно. На полу, прямо вдоль батареи крутящихся табуреток, лежало расслабленное человеческое тело — культурно отдыхало. Я переступил его и подвалил к стойке.

— Шолом, — сказал я бармену.

Тот искоса глянул:

— Свобода — наше знамя, дружок. Тебе налить?

— Обязательно, — сказал я. — Только что-нибудь помягче, а то я уже... сам видишь.

— «Жидкий воздух»? Со льдом или без?

— Все равно.

— Понятно, — он вздохнул. — У тебя ко мне дело?

— Конечно! Как же можно без дела?

Бармен снял с полки нарядный сифон и вбил кипящую струю в стакан.

— Я слушаю.

— Какие новости в городе?

— Ничего интересного, дружок, — сразу ответил он. — Начальник службы безопасности утопился в унита-
тазе.

— О-о, ты был знаком с таким человеком!

— Боже упаси! Я случайно находился в кабине рядом. Забыл сказать, это было в общественном сортире.

Я сделал вид, что мне смешно. Друг моего детства любил хорошо пошутить, жаль только, чувства юмора не имел.

— Да ты остряк, — похвалил я его. — Или болтун. Если ты не болтун, ответь, почему твоего хозяина прозвали Балаболом?

— Глупый вопрос, — сказал он. — Его прозвали Балаболом, потому что его так прозвали. Иначе он не был бы им, верно?

— А где он сейчас?

— Его сегодня нет, Саша. Приболел... Вообще-то я болтун, — в глазах бармена мерцало веселье. Сам он

не улыбался. Здешний бармен давно разучился улыбаться. Я вежливо хмыкнул, помолчал, потом придвинулся ближе и начал осторожно трогать его многострадальные нервы:

— Ну и хрен с ним, мне он не нужен. Слушай, из чистого любопытства... Только не прячься сразу под стойку, ладно? Как ты думаешь, банк — чья работа?

Он поднял брови. Он внимательно осмотрел зал. Под стойку не полез, но это явно потребовало от него душевных усилий.

— Почему ты спрашиваешь именно у меня? — наконец подал он голос. Я объяснил:

— Ты же торчишь тут целые сутки! Все разговоры слышишь, все новости первым узнаешь. Разве нет?

— А почему это ограбление тебя так волнует? Я разозлился.

— Сказал же, любопытство одолело! Если не хочешь говорить, хрен и с тобой, молчи в тряпку!

— Тихо, тихо, — попросил меня бармен, зачем-то оглянувшись. Брови он все еще держал в поднятом состоянии. Глупейший у него был вид.

— Смех на палке! — продолжал я чуть потише. — Чего ты боишься? Я же не прошу тебя дать показания.

Он побарабанил пальцами по сифону.

— Я не боюсь, — сухо уведомил он меня. — Я просто не знаю. Я обычно мало что знаю, я веду здоровый образ жизни. Могу только догадываться. Но и это бывает вредно для здоровья.

Закончил мысль. Возложил руки на стертую тысячами локтей поверхность стола и спокойно посмотрел мне в глаза. Словно бы дал исчерпывающий ответ. Нестерпимо хотелось плюнуть в его лакированное личико, и он угадал мое желание, потому что раскрыл рот снова — прежде, чем это сделал я:

— Думаю, там потрудились банда сухомордых. Говорят, охрана перебита вся, кроме пары азиатов. Своих пожалели.

— Насреддины?.. — с сомнением сказал я. — Нет, не может быть. По-моему, узкоглазые задницы такое не

потянут. Тут мудрость нужна, вроде твоей... — я подмигнул. Разговор уверенно двигался в тупик, возвращался в русло нормальной болтовни, тогда я решил в открытую. — ...И связи тут нужны, такие, к примеру, как у Балабола. Я, собственно, хочу вот о чем у тебя спросить, Иосиф. Балабол как-то связан с этим делом или нет? Слышал ты что-нибудь? Странные, знаешь, слухи про него витают.

Он распрямился. Потом сгорбился.

— Балабол опасный человек, — только и сказал мне в ответ. Отошел к холодильнику, бесцельно постоял, вернулся и еще прибавил. — Ты, Сашок, тоже. Извини, но твое чистое любопытство не имеет ко мне никакого отношения. Я просто бармен, так и передай.

— Дурак мнительный, — горько заметил я. — Кому передать?.. Эх, ты. Забыл, что мы с тобой в детстве вытворяли? Отловим студенточку...

Он деликатно меня выслушал и спросил:

— Еще хочешь выпить?

— Дай газету посвежее, — угрюмо приказал я ему. Он исполнил. Через шесть секунд мне стало противно, я скомкал газету и вlepил бумажный шар в сияющий стеллаж.

— Тошнит, — сообщил подскочившему в испуге бармену. — Сплошные пауки. Тебя лично они не беспокоят, а?

Он пожал плечами.

— Пауки? Это не по моей части. Тараканы меня беспокоят гораздо больше.

— А если серьезно?

— Если серьезно, — с готовностью сказал он, — то все это в принципе несерьезно. Потому что неизвестно главное — существует ли в природе такая организация, как «Миссия». Сплетни определенно существуют, одна другой глупее.

— Это же не банк! — возмутился я. — И даже не Балабол! Неужели и здесь не можешь без тумана?

— Я могу налить «жидкого воздуха». Или желаешь горячей? — Иосиф посмотрел в упор. Я тяжело вздохнул.

— Говорят, пауки заманивают человека в какие-то хитрые ловушки, связывают, а потом сосут из него жизненные силы, — подкинул я тему. — Потому их так и называли. А сами они вроде бы живут вечно.

Он неожиданно хихикнул.

— Вот публика, — сказал неизвестно о ком. — Пяток болтунов напишет, остальные учат наизусть... Ладно, если серьезно, то изволь. Я, дружок, знаю наверняка только одно: пауки, если они действительно есть, это плохо. Хуже, чем демократические газеты. Даже хуже, чем «Бутса» и моя стойка. С момента, когда Большой Мор кончился и оставшиеся в живых придурки добились наконец в нашей стране свободы и процветания, это второе по-настоящему страшное событие. И сосут они не кровь, не твои жалкие силенки, а мозг. Пообщаешься с ними разок — и все, стал кретином. А кретин — это уже самое дно, естественно.

— Откуда они могли взяться? — спросил я. Без всякого интереса. Бармен кивнул, соглашаясь с вопросом.

— Вон, изучай прессу, — он наступил туфлей на бумажный ком, сладострастно хрустнул. — Сам я полагаю, что это мутация. В нашей-то помойной яме... Ты читал в детстве фантастику или только студенток со мной давил?

Я перестал его слушать. Мне уже давно было тоскливо. О деле разговор не получился, и сейчас мы, очевидно, приступим к обсуждению чудес природы. Осторожная сволочь! Торчу тут с ним, трачу время. Хотя все равно делать нечего... Я предположил:

— Если они мутанты, то должны быть уродами, да? Монстрами? Но тогда бы их всех быстренько повыловили.

Друг детства обрадовался. Давно ему не попадался такой благодарный, такой восхитительно девственный в смысле начального образования слушатель. Он сказал монолог. Было длинно, я почувствовал, что вот-вот засну или вот-вот взорвусь, и тогда оттолкнулся руками от стойки, побрел прочь, умиряя раздражение, уговаривая

себя не ломать стулья, а он продолжал бубнить мне вслед:

— ...уродство и красота, дорогой Александр, категории слишком относительные. И то и другое есть всего лишь отклонение от общепринятой нормы, поэтому все здесь зависит от выбранной обществом точки отсчета. Например, некий античный красавец, попав в страну, где уродство является эталоном внешности, будет признан несомненным, классическим уродом. Так что не обольщайся, если дама называет тебя красавчиком...

Болтун! Убил настроение, гад, десяти минут ему хватило... Я вдруг обнаружил, что часики мои встали. И чуть было не повернул обратно к бару — спросить точное время, но тут же одумался. Зачем пугать человека глупыми вопросами?

За столиком в одной из ниш сидел Тихоня. Он был не один: девка в купальнике обнимала его с дешевым рвением. Или он ее, не разберешь. Во всяком случае, глаза у него были прикрыты, а руки находились отнюдь не на столе.

— Тихоня! — позвал я его. — Часы есть? Сколько натикало?

Он открыл глаза, зло блеснув зрачками. Но не сказал ничего грубого — молча освободил левую руку и выставил напоказ светящийся циферблат.

— Спасибо, — поблагодарил я. Затем, не удержавшись, громко съязвил. — Поздравляю, вы прекрасная пара.

Он странно на меня посмотрел, и я решил ему больше не мешать. Не люблю резких движений. Я счел более разумным неторопливо отойти и спуститься в подвалы для проверенных клиентов.

Комната была затемнена, интимно моргал экран в стене. Демонстрировался художественный фильм. Народу было немного, несколько парочек на устланном матами полу. Я некоторое время посидел, потом меня замутило от неумеренной дозы телесного цвета — как в кино, так и на матах, — и я отправился путешествовать дальше.

Дальше были танцы. Здесь свирепствовала музыка. Прерывистое дыхание могучими толчками било из многоваттных динамиков, развешанных по потолку, прессуя воздух при каждом басовом выдохе. Я оглох мгновенно. На подсвеченном балкончике колдовало с аппаратурой человекообразное существо — тоже старый знакомый. Привет, — крикнул я, словно в воду. И, ощутив вдруг нестерпимое желание забыться, разбудить спящую в жилах молодость, вбежал в раздевалку, скинул одежду — как все, — впрыгнул в общий круг. Бесновались огни. Бесновались красно-зелено-синие фантомы, отдаленно напоминающие людей. Никакого телесного цвета! Было тесно и здорово, я заорал, не слыша ничего, тем более голоса, подпрыгнул, снова заорал. Музыку воспринимал не я — мое тело, точнее, тело воспринимало ритм, а я... Взмах рукой, взмах ногой. Спина к спине, бедро к бедру. Руки жадно ловят мягкое, жаркое — вокруг так много жаркого и мягкого! Немыслимо извиляется девчушка рядом, рот оскален, в глазах сплошная рампа, из одежды только бирка с фамилией на шее — зачем сюда пустили школьницу? Кто-то неподвижно стоит, держась руками за голову, кто-то натужно хрипит под ухом. А в центре — я. Красно-зелено-синий я... Потом огни куда-то летят, в голове темно, и вот уже вокруг меня ноги, голые, одинаковые, слепые, они давят мои растопыренные пальцы, спотыкаются о мои ребра, и совершенно ясно, что надо встать, иначе ведь плохо, плохо, плохо... Подтянуть задние конечности под себя, приподняться на коленях, теперь, хватаясь за липкие тела... И снова в круг! Взмах рукой, взмах ногой, грудь к груди, живот к животу...

Внезапно все кончилось, и я сначала не понял, что произошло, а когда включился большой свет, сообразил — время перерыва. Массовка свалилась на пол — кто где стоял. Человек семь-восемь. Было душно, тошнотно пахло потом. Шаман-музыкант вытащил заранее приготовленный шприц со стимулятором, сделал себе инъекцию. Я с трудом выволокся на волю и побрел в

душевую. Кабинка была занята, тогда, совсем одурев от жара, я рванул дверь, что-то там выдрал с мясом, и ввалился, не взирая на лица. Здесь отмокала молодая особа. Она отнеслась к моему визиту с пониманием: заулыбалась, подвинулась, ничего не сказала.

Тонизирующие струи сделали из меня мужчину. Не долго думая, я прижал соседку к перегородке и поцеловал в свод груди. Она хихикнула и дала мне ласковую пощечину. Тогда я выключил воду. Она снова хихикнула, нетерпеливо подтягивая меня за талию, бормоча что-то ободряющее. Жаркий шепот обещал неплохое развлечение, вот только из ротика ее несло табаком. Я резко высвободился, вышел из душа и пошлепал босиком в раздевалку. Барышня соорудила вслед нечто боцманское.

Почему-то мне было погано. Странно. Так погано, что хотелось улечься прямо здесь, на кафельном полу, и плакать, плакать... Что случилось с моим настроением? И только одевшись, только отправившись обратно в столовый зал, я понял. Весь этот вечер отдыха — так удачно начавшийся! — меня преследовало нелепейшее чувство, будто за мной смотрят. Не следят, не шпионят, а именно смотрят. Внимательные голубые глаза. Будто бы даже те самые, из стариковского бумажника. Кусок бреда. Глаза надо мной, а я под ними — маленький, голый, трогательный. Смех...

Проклятая, проклятая, проклятая горячая!

2.3 кассета из блока «Двадцать шестой», служебные переговоры по делу «Миссионер», гриф «Совершенно секретно»

— Эй, эй! Меня слышно? Кэп, ответьте тридцать пятому!

— Слышно, тридцать пятый. Говори в трубку, не ори на весь город.

— Свобода — наша цель! Тьфу! Наше зная!

— Процветание... Лейтенант, что-нибудь случилось?

— Виноват, товарищ капитан. Вы приказали сообщать обо всем необычном.

— Валяй.

— Тут ко мне одного типа доставили. Совершенно чокнутого старикашку, который утверждает, что он преподаватель из музыкального училища номер два. Документов нет.

— Запрос сделан?

— Уже есть ответ. В училище такой числится, похоже, именно этот. Фотография пока не пришла.

— Валяй дальше.

— Значит, так. Старикашка ехал на такси к себе домой. Когда на пути попала патрульная машина, таксист воспользовался случаем и сдал старика милиции. Он заявил, что никогда еще не возил более подозрительного пассажира, и предположил, что это скрытый кретин. Дубины, услышав слово «кретин», естественно, на полусогнутых приползли к нам. Таксисту они разрешили продолжать работу, все данные на него записали. Он клялся, что совсем не при чем, что просто исполнил долг истинного гражданина, валялся у дубин в ногах, ну те и отпустили его без допроса.

— Данные на таксиста остались, не будем скандалить.

— Я тоже так решил, кэп.

— Решаю я, лейтенант!

— Я полное ничтожество, двадцать шестой!

— Хватит орать. Разорался... Это действительно кретин?

— Нет, мой капитан. Ясное дело, никакой он не кретин, отвечаю головой. Но вы знаете, этот старик несет сущую ахинею! Просто до жути. Вот что он изложил в ходе допроса, передаю почти дословно. Он напряженно работал, и вдруг его вызвал к себе какой-то субъект, которого он проименовал «человек с глазами вместо лица». В какой форме был сделан вызов, непонятно. Вызвал, и все. Этот человек дал старику толстый бумажник и приказал идти на улицу. Старик отказывался,

но человек с глазами вместо лица очень хорошо его попросил. На улице старика ограбили, бумажник забрали, он вернулся обратно, человек его поблагодарил за помощь и не стал больше задерживать. Перед тем как отпустить музыканта, тот, кто вызвал его к себе, приказал ему все забыть. Или нет — ему запретили вспоминать о случившемся, так точнее. Ничего определенного о субъекте он не сообщил.

— Интересно... Что было в бумажнике?

— Старик не смотрел.

— А какие глаза у того человека без лица?

— Как это?

— Ну там: карие, серые, красные?

— Не знаю, не спросил.

— Спроси... Слушай, лейтенант, самый важный вопрос! Где все происходило?

— Кэп, я долго пытался выяснить это! Бесполезно. Старикашка твердит только одно — огромный дом, в котором очень много кроватей. Отшибло память.

— Я не понимаю, лейтенант. Если ему запретили вспоминать, как же тогда ты его выпотрошил? Врет он, наверное, этот твой учитель музыки.

— О, кэп, здесь особый разговор! Получилось забавно. С самого начала допроса старик меня предупредил, что он ничегошеньки не помнит, что ему приказали, потому он ничем не может мне помочь. Бился я с ним, бился, а потом меня злость взяла, я ему и говорю: забыть тебе приказали, паскуда, но молчать-то не приказали! Расскажи, не вспоминая! Предложил я ему такое как ни в чем не бывало. И подействовало. Стручок подумал-подумал, в голове его что-то сдвинулось, вот и выложил он... Видели бы вы его рожу, капитан, когда он рассказывал о том, что начисто забыл! Настоящий сеанс спиритизма. В общем, это не описать. Сначала мне было даже страшновато, но я быстро понял, что старикан не в себе, и тогда успокоился. Он ведь, наверное, просто болен... А насчет «врет» — не знаю. Если врет, то актер гениальный.

— Лейтенант, может, он кольнулся или нюхнул чего-нибудь? Старики нынче пристрастились, особенно эти, из очкариков.

— Трудно сказать. Нужен эксперт.

— Что собираешься делать дальше?

— Я в затруднении, мой капитан. Поэтому и посмел вас побеспокоить. Может, отпустить его? Пусть катится насреддину в задницу. Он же явно душевнобольной, к тому же не кретин.

— В общем так, тридцать пятый. На всякий случай поддержишь его до утра. Это раз. Сейчас к вам прибудет эксперт. Два. Немедленно разыщи таксиста и выясни, где он посадил старика — три. Уяснил?

— Слушаюсь, мой капитан.

— У тебя все?

— Точно так! Только я еще хотел...

— Ну, говори, говори.

— Вчера в девятой комнате допрашивали одного кретина.

— Да, я лично руководил. А кто дал тебе эти сведения?

— Ребята сказали.

— Конкретно кто?

— Тридцать четвертый. Я его менял, он вчера дежурил. К нему как раз того кретина и доставили.

— Что он тебе еще сообщил?

— Я...

— Говори, ублюдок! Говори, раз начал!

— Я полное ничтожество!.. Он мне сказал, что кретина поймали случайно. Им оказался один из заместителей директора Облбанка. Его взяли прямо за главным дисплеем, когда он пытался перевести гигантскую сумму денег на разные счета в разных городах. Защита работала четко. В прокуратуре выяснилось, что он кретин, тогда его сразу перевели к нам. Ограбления банка как такового не было, это наша дезинформация для его сообщников, если они есть. Вот и все, ничего особенно-

го... Еще тридцать четвертый похвастался, что ему разрешили присутствовать на допросе в девятой комнате, и расписал, что он там видел.

— Ясно. Тридцать четвертый выдал тебе полную информацию в рамках своей компетенции. У него, оказывается, недержание. Спасибо за сигнал. Итак, о чем ты хотел попросить?

— Товарищ двадцать шестой! Если я выявлю кретина, вы позволите мне принять участие в допросе? Так же, как было разрешено тридцать четвертому. Мне хочется знать заранее...

— Иначе не будешь ловить наших врагов?

— Ну что вы, кэп... ну вы же все понимаете...

— Понимаю, лейтенант, понимаю. Ты непрост. Вы ведь, кажется, друзья с тридцать четвертым? Интересно, чего ты на самом деле хочешь больше, поприсутствовать на допросе или свалить друга?.. Ладно, не ерзай. Рапорт я, конечно, составлю. Кто тебя знает, вдруг ты просигналишь непосредственно хозяину, что, мол, раскопал для меня ценные сведения о болтунах в нашем славном аппарате, а я не придал этому значения.

— Хозяину? На вас? Ни-ког-да!

— Не ори, ублюдок. Полковник услышит.

— Хозяин все слышит, все знает.

— Перестань валять дурака. Между прочим, лейтенант, наш полковник сейчас у первого в кабинете. Решают, что делать с тем кретином и... и кое-что еще. У нас, судя по всему, начинается серьезное дело, я имею в виду нашу группу. Смотрите у меня, чтобы были там наготове! Если повезет, все пойдем на повышение, и не нужно тебе будет тридцать четвертого валить.

— Я — как огурчик, кэп! И ребята! Не беспокойтесь!

— Тьфу, горлодер. Скажи-ка начистоту, раз уж все знаешь. Что ты думаешь об этом заместителе директора?

— О ком?

— Ну о том, из Областного Банка.

— Не знаю... Зачем ему столько денег, если он кретин? Наверное, хотел удрать. Куда-нибудь за кордон, наслаждаться жизнью у гуманистов.

— Я, лейтенант, немножко о другом. Когда твой друг рассказал вчерашнюю историю, как ты отнесся к тому, что заместитель директора банка оказался скрытым кретином? Вопрос ясен?

— Да, капитан, понял. Я ощутил беспокойство. То, что один из больших начальников вор, это ладно, это нормально, но вот то, что даже такого высокопоставленного, абсолютно благонадежного гражданина можно сделать кретином... Это ужасно.

— Надо же, тридцать пятый. Именно беспокойство. И у меня то же самое. А ты в самом деле непрост, и я обязательно запомню это... Свобода — наше знамя. Отключаюсь.

— Процветание — наша цель!

2.4 РЕТРАНСЛИРУЕМЫЙ СИГНАЛ, источник «Сырье», гриф «Свободный эфир»

Зал был полупуст. Меж столиков шатался унылый официант, за стойкой бара скучал сверхосторожный бармен. Тихоня уже пригласил свою даму под стол, из-под скатерти торчали их ноги. Какая-то парочка устроилась на ночлег прямо на эстраде. Было тихо и спокойно. Воистину, хваленая славянская нравственность вымерла во времена Большого Мора вместе со славянами. Появился Мясоруб Ханс — сидел за моим столиком. Лошак был готов, он гадко храпел, положив голову в лужу горячей на столе, Мясоруб только что пришел, но уже приканчивал второй графин.

— Салют, Ханс! — сказал я, плюхаясь на стул. Мясоруб взглянул.

— А-а, это ты, — пробасил он. — Натанцевался?

— Экий ты проникательный, — весело ответил я ему.

— А я вот недавно...

— Вижу, до Лошака тебе далеко. Хотя твой размах всем известен.

Я за волосы приподнял голову стукача-придурка и заглянул ему в лицо. Глаза у того были открыты.

— Выключился, бедняга, — сообщил я.

Лошак вдруг всхрипнул и громко свалился со стула. Мясоруб бережно поднял его, усадил обратно.

— Не трогай ты его, Алекс, — сказал он мне. — Пусть спит.

К столику подбежал Ловкач.

— Принеси-ка мне горячей, парень, — попросил я.

Мясоруб сделал графин безнадежно пустым, затем принялся с недоверием изучать его на просвет. Он спросил равнодушно:

— Как дела? Ты сегодня, смотрю, с карманами пришел.

— Да ничего дела, — ответил я. — Обработал, понимаешь, одного очкарика. Двести хрустящих.

— Ого! — Мясоруб даже присвистнул. — Везет дуракам.

— А у тебя откуда деньги?

— У меня те же, магазинные. Помнишь, вместе трудились?

— Да, — сказал я, — помню.

Официант принес мне заказанное, и мы с Мясорубом молча занялись делами. Он полностью отрешился от мира, махом опустошив половину графина, я же культурно налил себе в стакан и оглядел зал. Какой-то тип, сидящий недалеко от эстрады, во все глаза смотрел на смелую парочку и спешно доставал фотоаппарат. Парочка на эстраде шалила вовсю. Турист, — презрительно подумал я о нем, залпом выпивая целительную жидкость, — странствует откуда-нибудь из пустынь... Бармен Иосиф раздобыл где-то журнал для детей и забавлялся тем, что пририсовывал на веселых картинках похабщину. Из-под стола Тихони доносились вопли. Жизнь «Бутсы» вошла в ночную колею — торжество демократии. Я глотнул раз, другой, но лучше от этого не стало.

— Еще! — коротко вскрикнул Мясоруб. Официант засуетился.

Лошак снова издал звук и упал со стула, цепляясь пальцами за грязную посуду. К счастью, обошлось без жертв. Черт с ним, — решил я. Нализался, псина, вот пусть и валяется на законном собачьем месте — под ногами полутрезвых хозяев... Потом посмотрел на него внимательно и понял, что хватит. Достаточно на сегодня выпивки. Не хочу, чтобы меня вышвырнули завтра утром на улицу, как это сделают с Лошаком. Мордой о грязный наждак асфальта. Ясно теперь, почему у него лошадиная физиономия. Я взял графин и вылил содержимое на пол.

Дама, вольно раскинувшаяся на подоконнике, удивленно воззрилась на меня.

— Ты что, псих? — бросила она реплику с места.

— Буйный, — предупредил я ее. Она хохотнула.

— Отдал бы лучше мне, я нормальная.

— Ну-ка, Алекс, кто тут буйный? — внезапно ожил Мясоруб, одежда его страшно взбугрилась. — Я! Я вместо санитаров!

— Успокойся, Ханс, — сказал я ему. — Мы шутим.

И он успокоился: его ждал очередной графин. Правда, он был слегка разочарован. Дама продолжила беседу:

— Хочешь развлечься, — сказала она, ничуть не сомневаясь. Я ее понял: оставшись на ночь без работы, вцепишься в любой шансик. Вздохнул:

— Очень хочу, — и пожаловался, безразлично оглядев ее сверху донизу. — Но ты же видишь, здесь не с кем.

Она скушала, не поморщившись.

— Алекс, — подал голос Мясоруб. — Милый... — и я отодвинулся, чтобы не полез целоваться. — Ты мой самый лучший друг. Я тебя очень люблю.

— Знаю, — сказал я ему.

— А ты меня? — подозрительно спросил он и рыгнул.

— Что за вопрос! — воскликнул я, еще отодвигаясь.

— Ты отличный парень, — с трудом проговорил Мясоруб. — Мой лучший друг... — он погрустнел. — Я хочу открыть тебе свою тайну. Ты ведь не разболтаешь?

— Мог бы и не спрашивать! — оскорбился я. Судя по всему начинался сеанс очередного признания. Он зыркнул стеклянными глазками по сторонам и проплевал мне в ухо:

— Слушай. Как ты думаешь, кто я такой?

— Как кто? — я удивился. — Работаешь на мясокомбинате. Это официально. А в свободное время становишься специалистом по вскрыванию замков. Ты ведь хороший слесарь, Мясоруб, это твоя основная профессия.

— Да, я взломщик, — горько подтвердил он. — Но ты ошибаешься, Алекс. Моя основная профессия не просто взломщик, а взломщик в группе Балабола. Усек?

Я ничего не сказал ему на это. Я сидел и молча переваривал информацию. Группа Балабола... Не зря витают слухи, ой, не зря, и я уцепил верную нить, я просто молодец. Вот тебе и второсортный хозяйчик, вот тебе и мелкая сволочь!

— Ты ведь, кажется, с ним в дружбе? — продолжил Мясоруб. — Наверное, сам все знаешь. Сам, наверное, ему служишь... А? Небось и любишь его, толстозадого кобеля...

Я выразился аккуратно:

— Каждый кому-нибудь служит, никуда не денешься. Только мы с Балаболом не друзья, тут тебе натрепали.

Он обрадовался.

— Не друзья! Значит, ты его не любишь? Слушай, и я тоже. Он меня за дешевку держит, падаль, — в глазах у немца полыхнуло. — Поймал меня на крючок, взломщики-то нынче бросовый товар... Как я веселился, когда у него с банком сорвалось! Ты меня понимаешь, Алекс. Про банк-то Балабол тебе рассказывал, конечно?

Я тактично промолчал. Впрочем, Мясоруба не нужно было подстегивать, его и так уже понесло.

— Да, отлично он погорел. Знаешь, как получилось? Вышел на него один тип из банка, какой-то тамошний начальник, и предложил совместную операцию. Короче, почистить компьютеры предложил. Типу самому было не справиться, там ведь сложно, запутано, номера счетов

нужно разнюхать, коды доступа... Еще подготовить, куда бежать, а значит — билеты, документы... В общем, сговорились они, Балабол все сделал, кучу денег вбил, а этот начальник взял и исчез. Видать, сам грабанул банк, а потом сбежал. Ну я хохотал, ты не представляешь!

Я молчал прямо-таки самоотверженно. Не спугнуть бы. Не спугнуть бы дурака. Пьянь, трепло...

— Видишь, бармен? Как его там?.. Ну, вон тот еврейчик, юд недобитый... Ты, Алекс, и с ним дружишь, я знаю, ты со всем здешним дерьмом дружишь. Это он вывел Балабола на того парня из банка. Или наоборот, парня на Балабола... Они вроде приятели, бармен и банковский начальник. Оба словоблуды, любят поумничать, паразиты. Бармен твой поганый... и он на крючке у Балабола... — Мясоруб вдруг вскочил, завопил. — Сволочь! — и упал обратно, обессиленный. Он замолчал, почти как я. Подпер голову руками, выкатил глаза на стол и посидел так, раскачиваясь. Затем всхлипнул басом:

— Работать на такую тварь! Это же надо докатиться! Все мы докатились. Ты, небось, тоже на него ломаешься, признавайся...

Я протянул ему полный стакан. Он чуть хлебнул, и на него напала икота. Минуты три он тщетно пытался что-то выговорить, судорожно дергался, испуганно вцепившись в стол, одним словом, мучался. В результате — протрезвел. И понял, что наболтал кучу лишнего. Мгновенно краски любви в его лице поблекли: немец с ненавистью покатал по столу ребристую стеклотару и стал убийственно мрачным.

— Забудь, что тебе говорили, ясно? — сказал он напрямик. Ручищи его сжались в шары, и я почувствовал, что мне нехорошо. Сработала защитная реакция — я привычно притворился пьяным.

— Все! — сказал я. — Забыл. Раз тебе надо, значит, все. Ты мой лучший друг! — перегнулся через стол и поцеловал в губы. Получилось неожиданно, поэтому Мясоруб не успел отшатнуться. Он удовлетворенно облизался, отвернулся и выдал вопль:

— Юнг! Сюда, сволочь! Жидкий воздух со льдом!

Поверил, значит. Хотя кто его знает. Во всяком случае, разрешается передохнуть, пока обошлось. Вообще, он мальчик что надо: сильный, смелый, чистокровный... Но есть у него одна беда — природа обделила его мозгами. Когда он заливает в себя больше, чем можно, это становится особенно заметно. Что-то там у него в голове барахлит, будто выключатель срабатывает. Недавно, к примеру, вылакав пяток-другой графинов, Мясоруб полез ко мне с нескромными предложениями вечной мужской любви. Влажно глядя мне в глаза, он звал в гости, но я благополучно удрал тогда. А сейчас его откровенность перешла границы допустимого идиотизма. Да...

— Ловкач, — тихо сказал я подошедшему официанту. — Счет.

— Что? — встрепнулся Мясоруб. — Ты уходишь?

— Да, — неохотно признал я, — проветрюсь, пожалуй.

— погоди, пойдем вместе. Сейчас допью...

Я отсчитал, сколько требовалось, швырнул хрустящие на стол, направился к выходу. Сзади громыхнул сиплый бас: «С меня возьми», — и я ускорил шаг, панически придумывая, что же делать.

Он догнал меня у дверей, на улицу мы вышли вместе. Было жутко темно. Свет, льющийся из витрин «Бутсы», освещал лишь крохотное пространство улицы, и этот освещенный участок торопливо пересекал наскредин. Ага!

— Эй, стой! — крикнул я. — Стой, тебе говорят! Сухомордый моментально остановился.

— Вы мне, товарищ?

— Какой я тебе товарищ? Забыл, где находишься?

Он испугался. Взялся руками за голову — подержал и отпустил, бормоча:

— Илелло акши ходо... Простите, сударь-бай, я болен, я болен. Недавно переехал...

— Почему ты шляешься в такое время? — начал я. — Лояльный насреддин должен лежать в постельке. Поощряется даже видеть сны.

— Я иду к больному брату, — проямлил он.

— Пожалуйста, — фыкнул я. — Хоть к жене брата. Но почему именно по этой улице и именно тогда, когда мы вышли?

— Не знаю, сударь-бай. Я пойду по другой улице, можно?

— Там ты снова встретишь кого-нибудь из приличных людей, и им тоже будет крайне неприятна эта встреча.

— Не пойду к брату! — поспешно выкрикнул он. — Можно?

Я размышлял вслух:

— Но тебе обязательно придется возвращаться домой, и все равно тебя кто-нибудь увидит. Что же нам делать?

— Илелло... — сказал несчастный человек. Он был обречен.

— Есть один выход. Ты пойдешь с нами вон туда, в ту уютную подворотню. И тебя больше никто никогда не увидит, кроме служащих морга, конечно... Как ты считаешь, Ханс?

Мясоруб ничего не ответил. Он кусал жирную губу и тускло смотрел на сухомордого. А тот затрясся, в воздухе отчетливо завоняло. Перетрусил, скот! Мясоруб повел носом и часто задышал, зверея стремительно, неудержимо. Было совершенно очевидно: скоро последует взрыв. Мясоруб обладал психикой, послушной, как у ребенка, — лепи любую гадость. Полезное свойство для мерзавцев вроде меня.

— Ладно! — захохотал я. — Гуляй, азиатская воючка!.. Хотя погоди, у меня к тебе последний вопрос. Скажи-ка, почему говорят: бестолково, как у насреддина в мозгах? У вас там действительно бестолково?

Насреддин хихикнул, его приободрила моя шутка. Впрочем, только на миг.

— Проверим? — толкнул я Мясоруба. — Где наши инструменты?

Тот снова ничего не ответил. А узкоглазый вытаращился:

— Товарищи! — чирикнул он в полной панике. — Смильна рахам рагым! Что вы, товарищи, не надо!

И тут наконец Мясоруб не выдержал.

— Поганка! — взревел он. — Ублюдок южный! Нарожали вас!

Размахнулся и вмазал. Это был настоящий удар. От такого удара у быков на бойне подгибались ноги, и они бессильно валились на доски. Кулак попал именно туда, куда метил его хозяин — в ненавистную скуластую рожу. Вошел вязко, легко смяв кость, спокойно вернулся обратно, весь липкий — мгновение, и было кончено. Насреддин, страшно хрюкнув, рухнул на асфальт, подергался и не издал больше ни звука, а глаза его так и остались вытаращенными, хотя, наверное, ничего уже не видели.

Вместо лица у него была рыхлая мякоть.

— Узкоглазые обезьяны! — прохрипел Мясоруб, обернувшись. — Алекс, что же они не передохнут никак? Понаехали из своих средних азий, развозят заразу!.. — и, захлебываясь арийским гневом, принялся остервенело вбивать каблуки в дохлое тело.

— Ур-рюк! — глухо урчал он. — Жр-ри, жр-ри!

Он настолько увлекся, что не заметил, как я осторожно шагнул с тротуара, пересек пустой проспект и скрылся в родной гостиничной подворотне. Нет, он в самом деле парень хороший. Но дурак! У каждого насреддина есть уйма дружков, которые обожают мстить за сородичей и за веру. Поверженный Ислам пока жив, еще как жив! И с информацией у них в порядке, так что лучше от греха подальше... Жаль, конечно, вонючку. Но другого выхода не было. Мясоруб увязался за мной явно не случайно: он действительно выболтал сегодня патологически много. Неизвестно, что мог задумать этот мясник. И я не видел лучше способа избавить себя от

почетного сопровождения, чем натравить дурака на кого-нибудь другого. Хорошее оправдание. К сожалению, я не успел изложить его насреддину.

Мясорубу вскоре надоело разминать мышцы ног, он оставил в покое скорченный труп, недоуменно огляделся.

— Алекс! — громко позвал. Прислушался и плюнул. — Сбежал, сволочь.

И побрел прочь, пошатываясь. Я для верности проторчал под аркой минут пятнадцать, наблюдая за обстановкой на улице, только после этого вошел во двор гостиницы. Скользнул сквозь мертвый бесформенный скверик и оказался возле дверей. Тут заметил, что, оказывается, стало совсем холодно, что время невероятно позднее и что мое многострадальное настроение немного улучшилось. Никто за мной больше не смотрит, никакие голубые глаза — или кто там еще; я сам за собой смотрю — изнутри; и глаза тоже внутри — чудесное ощущение; полный порядок в мыслях: хватит, хватит с меня суеты, надо идти без колебаний, смело вперед, потому что пришла пора, потому что меня ждут... Кто меня ждет?! — одернул я себя. Опять бред?

Мерзкий холод между тем, едва я о нем вспомнил, вероломно проник под свитер, заставил кожу покрыться препротивными пупырышками. И я выбросил хлам из башки. Одуревший от этого нескончаемого вечера, я ворвался в тепло.

3. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

3.1 кристалл «Лекарь», промежуточный рапорт, гриф «Штабное»

«Голубой шар, прошу связь. Голубой шар, прошу связь».

«На связи дежурная».

«Это вы, сестра?»

«Да, милый, это я. Укрепитесь ваш разум, брат».

«Привет, привет. Я рассчитывал застать вас и не ошибся».

«Ваша искренняя радость вынуждает меня краснеть».

«Вы ощущаете мою радость?»

«Конечно, милый. Радость и усталость. Никто не ощущает вас лучше меня. Вы сам себя не ощущаете так, как я».

«Еще миг — и краснеть придется мне».

«Теперь канал заполнен нежностью».

«Вас это сердит?»

«Милый, вам нельзя тратить энергию на эмоции. Нужно беречь потенциал для главного».

«Будь оно проклято. Мы так давно с вами не соприкасались, что я примитивно соскучился».

«Не время, брат».

«Не время, сестра. Истина ваша».

«У вас есть претензии к обслуживающему персоналу? Или вопросы? Может быть — предложения? Требования? Переключить на штаб? Брат, на связи дежурная. Отвечайте. Отвечайте».

«Я хотел умыться вашими чистыми мыслями, сестра».

«Спасибо. Это все?»

«И заодно выяснить, как обстоит дело с записью моего отчета».

«Могу вас обрадовать — запись получается высококачественной. Ретранслируемый вами сигнал имеет прекрасные характеристики, он очень легко воспринимается».

«Возможно, единственная вещь, которая у меня хорошо получается — это ретрансляция гнусностей из чужих голов».

«Всемогущий разум! В вас появилась горечь...»

«Я повзрослел. Вы не заметили? Я научился видеть. И вижу вот что: я передаю вам изысканную грязь, вы аккуратно фиксируете ее на своих кристаллах, а зачем это делается — никто не знает. Особенно в штабе».

«Милый! Несвоевременные эмоции сбивают вашу настройку».

«Ладно, сестра. Вы правы, как всегда. Тепло ваших мыслей вызвало маленький приятный разбаланс, который я немедленно устраняю».

«Не ослабил ли приятный разбаланс вашу бдительность, брат?»

«Надеюсь, что нет. Я внимательно наблюдаю за окружающей средой. Никаких тревожных признаков. Слежка отсутствует, интерес ко мне никто не проявляет, среди многочисленных переговоров в эфире — ничего подозрительного. Хочется верить, что душегубы меня прозевали».

«Милый, но вас что-то беспокоит?»

«Да. Человек, избравший свет, бесследно исчез. Я ждал его утром, но он не пришел».

«Вы опасаетесь, что...»

«Все может быть. Душегубы умеют работать. Очень жалко, сестра, если мы потеряем его. Понимаете, до слез жалко!»

«Понимаю».

«Он является ответственным сотрудником местного управления финансами. Нам редкостно повезло с ним, мы и надеяться не смели, что среди таких можно отыскать не совсем вырожденных. Я внимательно изучил отчет моего предшественника. Избравший свет был тяжелым, капризным сырьем, но мой предшественник с ним справился, поставил на ноги нового человека. Трудно смириться...»

«Мне горько, как и вам, брат».

«Ладно, сестра. Не будем тратить попусту нашу энергию, она слишком дорогой ценой нам далась. Включите запись, сейчас я передам для штаба промежуточный рапорт».

«Готово. Диктуйте».

«Заброска и ассимиляция произведены чисто. Нахожусь в гостинице, предусмотренной программой. Развернул стационарный купол, приступил к исполнению Миссии. Первый же сеанс локации позволил обнаружить сырье. В скобках: мужчина, 28 лет, не женат; с родителями отношений не поддерживает, профессия — кап-

сультный гонщик. Сознание вырождено в пределах допустимого. Подробное описание психотипа представлено в отчете. Закончено внедрение в узловые точки сырья, в данный момент приступаю ко второй фазе контакта. Имеет место серьезное отклонение от программы. Избравший свет, согласившийся ассистировать нам, не явился в гостиницу. Причина его отсутствия мне не известна, возможно, расшифрован душегубами. Таким образом, я вынужден вести работу без поддержки изнутри. В частности, чтобы передать сырью стартовый импульс, пришлось воспользоваться помощью постороннего лица. В скобках: мужчина, 59 лет, вдовец, дети в эмиграции, профессия — музыкант. Подробное описание ситуации — в отчете. Здесь же сведения к финансовому рапорту. Сырью предоставлено двести пятьдесят денежных единиц в местной валюте. Основание: стабилизировать нейродинамические процессы и избежать спонтанного выхода сырья за пределы купола. Продолжаю. Активность душегубов отсутствует, эфир стандартен, эмоциональный фон также стандартен, все процессы под куполом мной контролируются. Пока удастся обеспечить псевдослучайное развитие ситуации. Конец промежуточного рапорта».

«Принято, брат. По-моему, за исход Миссии вам можно не беспокоиться».

«Во мне генерируются странные предчувствия, сестра. К сожалению, никак не удастся выделить в них логическую составляющую».

«Не знаю, что посоветовать. Будьте осторожны, хорошо?»

«Я осторожен».

«Может быть, предвидятся какие-нибудь сложности с сырьем?»

«Маловероятно. Сырье действительно нормальное».

«Этот страшный тип — нормальное сырье?»

«Вы подключались к записи моего отчета?»

«Я не могла иначе, милый, ведь сигнал поступал от вас».

«Что ж, сочувствую: тип в самом деле неприятный. Но в качестве сырья он очень мягок и послушен. Я рассчитываю на неплохой результат».

«Один результат уже есть — убийство несчастного мусульманина».

«Вы причиняете мне боль, сестра. Трагично, что я не смог предотвратить эту бессмыслицу. Внедрение в узловые точки завершено совсем недавно».

«Простите, милый. Я плохо разбираюсь в нейродинамике».

«Кстати, „несчастный мусульманин“ не лучше своих палачей. Я подключался к его схеме. Он был торговым посредником — покупал незарегистрированных детей в бедствующих иммигрантских семьях, в том числе и у своих земляков, а затем перепродавал их частным лицам для... Для различных целей».

«Всемогущий разум...»

«Этот факт, конечно, не оправдывает свершенного».

«Простите, простите меня, милый! Не терзайтесь, умоляю вас. Вы все делаете удивительно точно, а я... Можно еще спросить?»

«Да».

«Об этом старике. О музыканте. О, я понимаю, вам необходима была помощь постороннего лица. Дать сырью начальный посыл, приступить ко внедрению в узловые точки, обеспечить псевдостихийное развитие ситуации и так далее. Но ведь он мог лишиться жизни! Ваш подопечный — это же настоящий убийца. Знаете, я очень волновалась. Старик сильно пострадал?»

«Я понимаю причину вашего отвращения к сырью. Вы просто никак не можете увидеть в нем будущего человека. Он не потерян для нас, верьте мне. Хотя, если откровенно, еще немного — и он был бы потерян. Скоро он станет Избравшим свет...»

«А вы забываете, что я женщина! Впрочем, что я говорю? Когда-то была женщиной. Кажется, даже замужней. Увы, моя впечатлительность значительно выше нор-

мы. Я умоляю еще раз, не придавайте значения моим эмоциям, брат мой».

«Все мы когда-то кем-то были, сестра. Так давно, что воспоминания кажутся помехами внешнего фона. Простите и меня. Если же вернуться к проблеме участия в работе постороннего лица, то могу сообщить вам следующее. Первое. Перед тем как принять от музыканта помощь, я тщательнейше замерил потенциал, накопленный в сырье. И выяснил, что собственноручно умертвить себе подобного он пока не способен. Только косвенно либо в состоянии аффекта. Так что прямой угрозы для жизни старика не было. Второе. Передав сырью контейнер, старик вернулся ко мне. Состояние у него было, разумеется, шоковое, но сеанс глубокого нейромассажа позволил форсированно снять психический спазм и добиться полной реабилитации всех систем организма. Затем я дал ему два легких толчка: чтобы он отправлялся домой и чтобы не вспоминал о происшедшем. Проконтролировал дальнейшее — он остановил такси и уехал. Волноваться нет причин, родная».

«Да-да, спасибо, вы меня успокоили. И все-таки старик очень жалок. Он мне показался каким-то несчастным. Признаюсь, я даже сомневалась, действительно ли он музыкант».

«Если вы не устали, сестра, могу рассказать вам кое-что о нем».

«Я не устала».

«Старик ходит по гостиницам играть в номерах. Договаривается с дежурными по этажу, и те помогают ему с заказами. Находится достаточное число парочек, которые желают развлекаться в таком романтическом сопровождении, а присутствие старика их ничуть не смущает. Музыкант делает это не ради денег, а главным образом из творческих соображений, во всяком случае, так он объясняет своим друзьям-интеллигентам. Он пишет симфонию. Пока, правда, не решил, какую — то ли „симфонию страсти“, то ли „симфонию чувства“. Импровизирует в номерах, увековечивая в музыке увиденное,

потом записывает это нотами. Самое страшное, что он лжет. В истинной причине он не смеет признаться даже себе. Понимаете, сестра, он просто глазеет. У него старческий зуд. Причем играть в сводных домах ему воспитание не позволяет, ведь там „настоящий разврат“. Разврата он боится, и вообще, он очень любит горестно рассуждать о нашествии всеобщего разврата. Вам интересно?»

«В какой грязи вы работаете, брат!»

«Устал я от грязи, родная. Оттого и горечь. Оттого и нежность».

«Могу я помочь вам?»

«Попробуйте».

«В течение всего сеанса я отчетливо чувствую ваше желание о чем-то меня попросить. Решайтесь наконец».

«От вас ничего не скроешь. Стыдно признаваться... Я хотел попросить вас прислать свой светлый образ».

«Бедный мой... Приготовьтесь».

«Я давно готов».

«Внимание. Сигнал прерывания. Стартовый импульс. Посылка. Стоп».

«Принято».

«Ну как?»

«Хорошо, родная. Спасибо за поддержку».

«Спасибо за нежность, милый».

«Пора браться за главное».

«Успеха вам, брат. Укрепится ваш разум».

«Очистится ваша душа, сестра. Конец связи».

3.2 РЕТРАНСЛИРУЕМЫЙ СИГНАЛ, источник «Сырье», гриф «Свободный эфир»

Холл, залитый больничным светом, был пуст. Около мраморной статуи великого Коли Серова имелся огороженный участок, над которым висела табличка «Дежурный», но и там никого не наблюдалось. Дверь с надписью «Администратор» была заперта. И только из-за занавеси, скрывающей от посторонних глаз «Служебное помещение», доносилась какая-то возня. Я подошел ближе и

гулко кашлянул. Возня тут же прекратилась, некоторое время не было ни звука. Наконец кто-то вздохнул, строгим шепотом произнес: «Сиди тихо!», занавесь колыхнулась, и на свет появился мужчина, застегивая второпях форменные брюки.

— Что вам угодно? — заспанно спросил он меня, тесня от опасного места.

— Вы дежурный? — поинтересовался я. — Раньше я вас здесь не видел.

Он бесконечно зевнул.

— Недавно работаю. Так что вам нужно, сударь?

— Ничего особенного. Обычный набор — кровать, душ, сортир.

— Вам нужен номер! — оживился дежурный. — Конечно. Вы один?

— Нет, — сказал я ему, — с дамой. Разве не видно?

Он немедленно принялся обыскивать глазами холл, удивленно пробормотав: «А где же...», тогда мне пришлось разъяснить ему, что это была шутка.

— Отлично! — хрипло проговорил он, перебрав лицом все оттенки восхищения. — Значит, дамы нет... — и вдруг сделался очень тихим, хитрым. — Могу подселить вас... это... к попутчице. А? Или... что-нибудь иное желаете?

— О! — воскликнул я. — Ну, сервис, прямо как в златоглавой столице. Сколько стоит «иное»?

Дежурный ухмыльнулся и показал на пальцах. Я посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Это грабеж, — объявил я ему. Мне было безумно весело. Он снова ухмыльнулся и промолчал.

— А попутчица? — тогда спросил я его. — Сколько возьмет за билет?

Он показал.

— В наше время трудно быть оригинальным, — вздохнул я, доставая хрустящие. — Заразу-то не подцеплю? Как полагаешь, товарищ?

— Я не... — поперхнулся дежурный. — Почему товарищ?

— А что? — удивился я, глядя в его потную хажу. — Друг, товарищ, какая разница. Козел вонючий — тоже хорошее обращение. У нас по Конституции свобода слова, правда?

— Свобода — наше знамя! — заученно выдал он.

— Так как насчет заразы?

— Насчет заразы? — гостиничный пес вновь расслабился, перестал ерзать, подмигнул. — Не волнуйтесь, сударь, сюда пропускаются только лучшие женщины района. Фирма гарантирует...

Протянул наконец жетон.

— ...Прошу! Как раз в этом номере скучает одна особа — м-м! — такая, скажу вам, киса...

Его холуйское красноречие ушло в потолок — клиент в моем лице уже отключился. Я с интересом наблюдал за занавесью. Она легонько подергивалась, сквозь нее неслись еле слышные вздохи, и вдруг в прорези появилось детское лицо. Лицо дурашливо улыбалось. Пугливо глянуло на меня:

— Дядя, а у тебя уши оттопырены.

Дежурный присел и оглянулся.

— Ты! — зашипел он. — Я же приказывал...

— Заткнись! — прорычал я, и когда он заткнулся, ласково поманил лицо за портьерой. — Иди сюда, маленькая.

Это была девочка лет десяти, она несмело появилась из-за пропыленного куска бархата и спросила на всякий случай:

— Дядя, а ты не будешь со мной целоваться?

Дурашливо веселое выражение застыло на ее мордашке, словно маска.

— Нет, — ответил я ей. — Не бойся, иди.

Она звонко хихикнула и подбежала ко мне.

— Точно не будешь?

— Да нет же! Скажи, что с тобой делал этот человек? — я кивнул на мужчину в брюках.

Теперь она нахмурилась.

— Что, не хочешь говорить?

Девочка загадочно посмотрела на меня, ее личико опять исказила дурашливая маска, и она заразительно засмеялась. Смех длился долго, невыносимо долго, чудовищно долго.

— Отстаньте от нее, — со злым спокойствием отчеканил дежурный. — Довели ребенка до истерики. Главное, сам все прекрасно знает, так нет, надо обязательно выпрашивать!.. Ступайте в свой номер, господин гуманист, и живите спокойно. Милиции можно не сообщать, ничего не докажете, это моя дочь, — он поднял девочку на руки и скрылся с ней за портьерой.

Я крутанулся, обогнул лифт и стал подниматься по лестнице, заботливо укрытой ковровой дорожкой. Выродок, — неожиданно подумал я, — уже, наверное, положил беззащитное существо поудобнее... И сам себе удивился. Откуда такие мысли? Было противно, стыдно. Я встряхнулся. Не мне размышлять о морали, надо было набить ему морду и все... Судя по металлическому жетону, комната моя находилась на третьем этаже — можно добраться пешочком. Я представил себе нагретую постель, кружевные канты простынь, уют, полумрак, как я нырну в эту атмосферу, как в утонченном интиме номера меня на столичном уровне обслужит научно подкованная в вопросах пола хозяйка, и в предвкушении этого сладко заныла душа, и плоть неудержимо потянулась туда, в номер...

Я бесшумно шагал по длинному гостиничному коридору. И вот тут-то меня охватило странное волнение. Причин тревожиться не было! Я просто шел получить законно купленные покой и наслаждение, и вдруг... Было ожидание чего-то необычного. Да, но откуда в этой заболоченной гостинице взяться необычному? Я остановился перед дверью, чувствуя яростное сердцебиение. Оставалось только протянуть руку. И я сделал это. Я с детства рос смелым мальчиком.

В комнате было темно, углами проступала мебель, за журнальным столиком смутно чернела человеческая фигура.

— Пожалуйста, проходите, — предложил мне мужской голос. Нестерпимо захотелось выскочить обратно, но выход остался где-то очень далеко.

— Садитесь на стул. Вы видите его?

Я ощупью добрался до указанного места. Мне было дурно.

— Здравствуйте, Александр, — продолжал голос. — Вас зовут именно так? Красивое имя, редкое по нынешним временам.

— Да, — выговорил я осторожно, — именно так меня зовут... Кто вы?

Фигура усмехнулась:

— Неважно! Главное, что вы здесь, а остальное не имеет значения. Вам удобно говорить без света?

— Потерплю.

— Вот и отлично. А то, знаете ли, у противоположных окон бывают глаза. Иногда они вооружены аппаратурой.

Мне стало полегче.

— Бойтесь? Так ведь никакая темнота вам не поможет, если...

— Лично я ничего не боюсь, — оборвал меня человек. — Впрочем, и это неважно. Не будем зря привлекать внимание, ладно? Нам надо серьезно поговорить, Саша.

— Пожалуйста, — согласился я. — Только сначала объясните, как вы оказались в моем номере.

— А это не ваш номер! — рассмеялся он. — Вы ошиблись, вошли не в ту дверь.

— Как?! — я не знал, удивиться или возмутиться.

— Вы ведь прочли мое приглашение?

— Какое приглашение!

Он процитировал:

— «Жду вас в номер 215, второй этаж, налево». Ага, вспомнили! Вы вежливый человек, спасибо, что пришли.

Издавался? Или нет? Не мог же я перепутать этаж! Во мне стремительно вспенился гнев, хотя я четко по-

нимал — ситуация если и не жуткая, то по крайней мере жутко странная.

— Перестаньте, — он стал серьезным. — Я ни в коем случае не издеваюсь над вами. И тот факт, что номер не ваш, тоже совершенно неважен. Сейчас вообще все неважно, кроме нашего разговора.

Мысли мои читал, что ли?

— Ладно, говорите. И покороче, если можно.

— Покороче... Я хочу убедить вас в одной вещи, но подозреваю, что это будет непросто.

Я молча буравил полумрак глазами и ждал, что этот тип еще скажет. Он находился прямо перед окном — отличная позиция для разговора — был виден только его силуэт, ничего больше. Тут он меня ошарашил.

— Саша, — сказал он мне, — это звучит либо глупо, либо пошло. Я собираюсь убедить вас в том, что вы плесень.

Псих, — мелькнула догадка. Сбежал откуда-нибудь.

— В каком смысле? — спросил я, стараясь не подать вида.

— Разумеется, не в буквальном.

— Ну уж... — протянул я. Становилось интересно.

— Не согласны? — он был ироничен. — Я ущемил ваше человеческое достоинство? Ладно, смотрите. Насколько мне известно, вы профессиональный гонщик, выступаете за клуб молочного комбината.

— Да, — хмуро подтвердил я. Про человеческое достоинство — это он зря.

— Ваша работа имеет хоть какой-нибудь смысл? Очевидно, нет. Вы первый убеждены, что нет. Вот когда вы разнесете груды шин по бокам желоба, а затем благополучно догорите в остатках капсулы, только тогда смысл прояснится. Толпа зрителей получит удовольствие. Правильно?

— Это мое дело, — сказал я, — где и как догореть.

— Ну что вы, я не посягаю на ваши священные права... Но если теперь вспомнить разнообразные способы вашего приработка, то станет окончательно ясно —

от вас, как от социальной единицы, нет ни малейшей пользы обществу. Скорее наоборот.

Я напряг мышцы. Я тихо заметил:

— Любопытно. Какой приработок имеется в виду?

Он ответил жестко:

— Вы преступник. Начинаящий, правда. Вам 28 лет, и вы решили, что настала пора жить по-человечески. Спортивная карьера бесславно заканчивается, спортклуб беден и бесперспективен, звездой стать не удалось, а накопленные деньги незаметно растворились в тоскливых буднях. В районе Северных новостроек у вас не сложились отношения как с органами охраны правопорядка, так и с местными приятелями. Тогда вы перебрались в центральные трущобы, в район вашей бурной юности. Вы нетерпеливы, вам надоело заниматься ерундой, работать по-мелкому и уж тем более рисковать жизнью в капсульных гонках, захотелось серьезных дел и серьезных денег. Я точно сформулировал ваши потаенные цели? Правда, вы пока не располагаете достоверной информацией, не имеете плана действий, вы просто тычетесь по углам, выясняя, кто и как. Или я ошибаюсь?

Этот гад не ошибался. Его информация была более чем достоверна. Я обнаружил, что сижу с отвисшей челюстью, что пальцы мои нервно тискают друг друга, что во рту скопилась слюноподобная дрянь, и я решительно сглотнул, решительно собрался с мыслями и приготовился врезать ему что-нибудь решительное. Но сказать-то мне было нечего. Решительно нечего.

Неизвестный тип ровно говорил:

— Впрочем, простите меня. Указывая на вас, я обвиняю главным образом не вас лично. Дело в том, что таких — сотни миллионов. И от вас всех нет обществу никакой пользы. Ваш эгоизм — не норма поведения, а догма, святыня, в сознании вашем нет ему альтернативы. Деньги входят в ваш обмен веществ. Времяпрепровождение... Вероятно, я безобразно банален? Это от волнения, простите еще раз... Вы сладострастно вырождаетесь, поодиночке и все вместе. Какая у вас цель, в чем смысл

вашей жизни? У всех один и тот же — жить по-человечески. А если повезет, то лучше. В общем, вы плесень, хоомобразная, вовсе не отвратительная — просто плесень. Курьез эволюции...

Я опомнился.

— И что дальше? — спросил его зло. — Вы, конечно, отменный проповедник, только объясните наконец, откуда вы меня знаете! Откуда вы с т о л ь к о обо мне знаете!

— Станный человек! — с неожиданным отчаянием произнес он. — Зачем бесполезные вопросы?

Я приподнял зад.

— Не хотите отвечать, не надо. Дело ваше. Но тогда нам не о чем разговаривать. Будет лучше, если вы уйдете самостоятельно.

— Сядьте, — сказал незнакомец. Точнее, приказал офицерским металлическим голосом. Я повиновался, сам того не желая. Упал обратно, даже не пикнув.

— Повторяю. Вы, Александр, вошли не в свой номер. И уйдете отсюда вы, а не я. Уйдете, когда беседа закончится. Не раньше.

Это было чересчур нагло, но я смолчал. Я вдруг почувствовал, что человек смотрит на меня, хотя в темноте его глаза были не видны. И мне опять стало не по себе. Охватило гнетущее чувство, будто в глазах бьет прожектор. Нестерпимо захотелось встать на четвереньки, спрятаться под столиком, закрыться ладошками от этого взгляда-прожектора. С трудом разлепив губы, я выдавил:

— Сажу, сажу...

Тут же стало легко — наваждение исчезло. Тайнственный субъект, восседавший напротив, продолжал как ни в чем не бывало:

— Прошу вас, ни на что не обижайтесь. Сейчас вы поймете, почему я называю вас и таких, как вы, плесенью. Вас много. Вас настолько много, что представить страшно. Из миллиарда людей, пока еще сохранившихся на Земле, по крайней мере у половины душа вырождена.

И вас становится все больше. Видели, как брошенный хлеб постепенно покрывается гадким бело-зеленым налетом? Человечество заросло вами точно так же. Я не вижу лучшей характеристики, чем слово «плесень». Это не оскорбление, а рабочая формулировка, наглядно показывающая суть явления. А суть явления в следующем: ваше общество заплесневело.

Незнакомец встал и принялся прохаживаться по комнате. При этом он покинул защитную позицию, а глаза мои уже привыкли к темноте, и я смог его чуть-чуть поразглядывать. Сухая фигура, дурно сшитый костюм, безнадежная лысина, морщинистый лоб, куцые брови. Старикашка?

— Это неизбежно, неотвратимо. Никакое общество не может быть идеально чистым. В нем обязательно живут грибки. К сожалению, они обладают способностью размножаться, и в конце концов плесень проникает в самые корни общества. Это происходит незаметно, большинство живущих либо ничего не замечает, либо не хочет замечать. Между тем переворачивается мораль, усредняется смысл жизни, большинство начинает грызть глотки несориентировавшемуся меньшинству, грызть глотки друг другу, большинство начинает искать, в чью глотку еще можно вцепиться, чтобы хоть немного пожить по-человечески. Цивилизация вырождается.

Человек сел на кровать.

— Я, собственно, имею в виду не только демократические страны вроде вашей, но и, конечно, гуманистический блок, и блок Ислама, и прочие формации. Вы повсюду. Вырождение повсюду. Общество пока держится, но от корней-то осталась одна форма, одна рассыпающаяся оболочка, и общество долго не выстоит. Оно обязательно рухнет, осыпется грудой разлагающейся биомассы. Будет лежать, вонять на всю Галактику. Дело, так успешно начатое священной исламской войной и последующими эпидемиями, будет доделано, ручаюсь.

— Хорошо, — сказал я ему, решив потерпеть. — Пусть я ни хрена не понимаю, пусть вы мне ни хрена

не хотите объяснить — кто вы, зачем — и ладно. Сидим в потемках, беседуем о ерунде. Отлично... Я с вами согласен, честное слово. Хотя, между прочим, слышу о том же на каждом углу: тотальное нашествие сволочи и все такое. Крикунов у нас развелось... А дальше-то что? Вывод какой?

Он жалко усмехнулся:

— Каждому приходится толковать... Боже, как трудно увидеть самому простую истину! — и замолчал, мешком обмякнув на кровати.

Он молчал долго.

— Ага, — тогда сказал я. — Теперь увидел. «Бороться за цивилизацию», да? Знакомый лозунг. Вот вы куда меня собираетесь затолкать, если я правильно понял?

Аудитория сделалась редкостно внимательной. Этот гад снова напряжился, будто бы даже дышать перестал — заслушался.

— Бороться, конечно, модное словечко, — бросил я ему в рожу, — но вы знаете, я не люблю модные словечки, чешусь я от них, такая вот аллергия... — Меня понесло. — ...В этой поганой стране сто лет уже борются, то одни, то другие, ну никак уgomониться не могут. Причем все время с плесенью. И всегда побеждают!.. — Меня несло неудержимо. — ...А у вас нет аллергии? Вы сам случайно не кретин, а? Признавайтесь! Отцы нашей безопасности, наверное, по вам истосковались. Вы бы к ним сходили, исповедались бы, рассказали бы про нашествие сволочей, что вы с этим ко мне, в самом деле. Там вам помогут. Или не ходите, дождитесь очередной облавы...

Я почувствовал, что человек опять внимательно смотрит на меня сквозь призрачный мрак комнаты. Стало душно вдруг, я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Спина взмокла, майка прилипла к телу. Человек укоризненно сказал:

— Сбросьте маску, Александр. Я же знаю, что вы действительно во многом со мной согласны. Я вообще взял на себя труд как можно лучше узнать вас, прежде чем пригласить сюда. И должен сообщить: внутренне вы

отличаетесь от себя внешнего. Вы — обыкновенный человек, который живет в ужасном мире. Но так как человек есть существо, умеющее и любящее приспособливаться, вы сделались плохим, потому что иначе не выжить. Плохой вы не настоящий, это я знаю достоверно. Вы ведь слушали меня со вниманием, значит, вам все это не так уж безразлично, как вы хотите мне показать. А ваш сарказм и ваша злость просто бесподобны. Так что сбросьте маску, если себя уважаете.

— Вы хитрый, — сказал я, с удивлением замечая, что в комнате совсем не душно, скорее наоборот — прохладно. — То грубите, то льстите... Столько красивой болтовни для меня заготовили, но что-то я не соображу никак, зачем.

— Агитация, — изрек он. — Еще одно модное словечко. Слыхали? Мне, правда, больше нравится «убеждение». Как только плесень поймет, что она такое, по-настоящему поймет, она перестанет быть плесенью. По крайней мере захочет перестать. Подчеркиваю, по-настоящему поймет. Осознает каждой клеткой мозга. Чтобы было противно смотреться в зеркало. Стыд — великий целитель, — он устало потер виски. — Те, кто понимает, действительно начинают бороться за цивилизацию. Но вас слишком много, а нас слишком мало.

Я не выдержал, раскричался:

— Да кто вы такой! Кретин? Или кто?

— Я занимаюсь тем, что объясняю плесени положение вещей. Пока не поздно.

— Я не о том, — сказал я нервно. Тогда он чудесным образом сверкнул в темноте зрачками и улыбнулся.

— А как вы думаете?

Я посмотрел на его смутно белеющее лицо. Ощутил всей кожей, до озноба, чрезвычайно странную атмосферу нашего разговора. И у меня родилась безумная мысль. Стало холодно и страшно.

— Пришелец, — слабо предположил я. — Из космоса.

Человек вежливо рассмеялся.

— Вы меня обижаете, я такой же сын нашей страдающей планеты, как и вы. Как вы все. Только я волшебник, добрый, разумеется.

Звать на помощь? — подумал я, мысленно хихикнув. Бесполезно. Прыгать в окно — шею ломать. Успокаивать опасно: говорят, психи от этого звереют... Неужели все так просто — дурацкий разговор и всякие странности?

— Ловко вы мне поставили диагноз! — голос его вдруг забурлил, зазвучал, наполнил комнату до краев. — Душевнобольной, и точка! Может быть, вы и правы, но это не важно. Сейчас не важно все, кроме нашего разговора... Да, я добрый волшебник. Вдумайтесь. Волшебник — тот, кто делает невозможное. Я делаю невозможное, правда способами, отличными от традиционных сказочных. Моя колдовская сила заключена в живых человеческих словах, ими я творю чудеса. Я открываю людям глаза, а это, безусловно, чудо доброе. Такие, как я, были всегда, и всегда мы были необходимы, но и всегда мы были чужими. Нас травят, нам ставят диагнозы, нас высылают, гноят или закапывают. Отнимают волшебное оружие, затыкая рты, глуша несанкционированные голоса воплями о морали или о бдительности. Если требуется, у нас рвут языки. Но мы есть и мы будем. Средства массовой информации для нас закрыты, поэтому мы ходим по людям. Кто-то ведь должен пугать людей правдой...

Так он мне сказал, и его внезапно выплеснувшаяся страсть произвела на меня некоторое впечатление. Видно было, что он может говорить на эту тему долго и красиво.

— Впрочем, хватит пустых рассуждений, — завершил он монолог. — Кто я такой, мне, к сожалению, не удастся объяснить, а вам — постичь.

— Надеюсь, вы не паук, — небрежно пошутил я. — Судя по всему, моя кровь вас не интересует, а это главное. Имейте в виду, кровь я не дам.

Он не обратил внимания, прибавил:

— Можете называть меня просто «Лекарь». Такова моя профессия... хм... моя бывшая профессия. Удовлетворены?

— Очень приятно, — кивнул я ему. — Но в самом деле, давайте кончим болтать. Пока что из вашего сверхважного разговора для меня прояснилось только одно — почему вы боитесь чужих глаз. Я бы на вашем месте тоже боялся.

— Я боюсь за вас, — ответил он мне. — За вас, Саша... Значит, мы остановились на том, что плесень должна осознать свой вред.

— Да, именно на том. Я, кстати, уже понял, что я плесень. И знаете, от этого не чувствую себя нравственно чище. Мне хочется в уютный номер с женщиной. И вообще, я спать хочу.

— Подождите, выводы после. Итак, плесень надо перевоспитывать. Но это невероятно сложное дело! Во-первых, процесс перевоспитания требует индивидуально-го подхода, что отнимает массу времени. Во-вторых, даже при индивидуальном подходе не всегда удастся достигнуть успеха. Когда у меня бывают удачи в двух случаях подряд, я сам считаю это чудом. А в третьих, у большинства процессы плесневения зашли слишком глубоко: с ними работать не только бесполезно, но и опасно. Все это приводит к тому, что наша деятельность неэффективна. Пока занимаешься одним человеком, вырастают миллионы. Миллионам не докажешь, что они плесень, — растопчут. А доказывать каждому в отдельности неэффективно. У нас есть надежда на медленную лавину, когда любой сдвинутый с места камешек увлекает за собой пару камешков, лежащих рядом, но пока это всего лишь надежда... Успокойтесь, Саша, я заканчиваю... Так вот, кроме мягких форм борьбы за цивилизацию существуют и другие, менее красивые. Хотелось бы думать, что до этого не дойдет, но, вполне вероятно, когда-нибудь придется заняться чисткой.

— Как? — не понял я.

— Очень просто. Счищая с порченной булки отвратительный белый налет, можно добраться до свежего, хорошего слоя. Вот, собственно, и все, что я имел вам сказать.

Он встал.

— А теперь ступайте, сударь. Уверен, вы хорошо запомнили наш разговор.

— Подождите, — сказал я ему. Меня переполняло недоумение. — Как это «ступайте»? Неужели вы мне так и не объясните эту дурацкую ситуацию? Тем более ваша лекция закончилась!

— Опять никчемный вопрос, — устало сказал незнакомец. — А ведь я объяснил ситуацию предельно ясно. Вы умный парень, Александр. Зачем же вам нужно, чтобы я разжевывал очевидные вещи?

— Слушай, Лекарь, или как там тебя! — я наконец взбунтовался. — Твои очевидные вещи пахнут каторгой. А я сам — последний кретин. Потому что слушал!

— Упрямый вы человек. Если захотите, приходите завтра утром. Если захотите п о - н а с т о я щ е м у.

«И если застану здесь кого-нибудь», — добавил я мысленно. Не надо принимать нас за простачков, товарищ философ.

Поднялся и молча направился к выходу. Колдун по имени Лекарь стоял неподвижно, провожал меня взглядом. Почему-то было ясно, что глаза у него голубые — мучительно, одуряюще — а впрочем, в комнате кроме его сверкающих глаз ничего больше не осталось. Когда я взялся за дверную ручку, он загадочно произнес напоследок:

— Удачных вам снов. И пожалуйста, не обольщайтесь. Вы — один из них.

Завораживающий луч снова бил мне в лицо — нет, в самые мозги! Я поспешно захлопнул дверь и прислонился к стене рядом. В коридоре горел яркий свет, было очень тихо, спокойно, и эта ночная умиротворенность безликих гостиничных кишочек не шла ни в какое сравнение с сумасшедшей атмосферой номера. Возвращение

из фантазмагории в реализм. В пустую, но безопасную прозу нашего пустого, но нового века... Душа постепенно прояснялась, ее начали заполнять вполне нормальные эмоции. Нелепо получилось, — думал я, утомленно прикрыв веки и массируя пальцами влажный лоб. — Признаемся честно — влипли в идиотскую историю. Вломились в чужую спальню; нарвались на грязного кретинообразного старикана, предсказывающего всяческие ужасы, разыграли с ним сценку из дешевого боевика... Я с неприязнью посмотрел на табличку, привинченную к двери. Номер был действительно не мой. Число, которое здесь стояло, было другим — настолько другим, что в нем не оказалось ни одной цифры, совпадающей с номером моих апартаментов. «215» — блеклый кусок меди, образец местной чеканки. Второй этаж... Мистика! И кой черт меня понесло сюда?

Я уже догадывался, что все не так просто. Вовсе это не «грязный старикан», вовсе не случайна наша с ним встреча, и далеко не бессмысленны его разглагольствования о плесени. Есть в нем что-то страшное и одновременно — удивительно светлое. Некая мощь, заставляющая безгласно тянуться к нему, дающая покой, дурящая голову беспричинной уверенностью. Добрый волшебник... С нечистой силой связался, — усмехнулся я, — не иначе, слишком уж странный запашок имеет это приключение. Хотя вряд ли нечистую силу беспокоит гибель цивилизации.

Мой настоящий номер был на третьем этаже. В противоположном конце здания. Я добрал до него, вконец растерзанный сомнениями, остановился и тщательно сверил цифры на медной табличке с цифрами на жетоне. Хватит с меня на сегодня сюрпризов! Настенные часы около выхода на лестницу показывали час тридцать. Что ж, времени вполне достаточно для полнокровного отдыха. Я улыбнулся, усилием воли вызвал предвкушение приятной ночи и толкнул дверь — на этом мой богатый событиями вечер закончился.

4. НОЧЬ

4.1 кассета из блока «Пятый», служебные переговоры по делу «Миссионер», гриф «Совершенно секретно»

— Мой полковник! Свобода — наше знамя!

— Процветание — наша цель!

— Двадцать шестой по вашему приказанию прибыл!

— Вольно, двадцать шестой. Предстоят серьезные дела, сбросьте предписанную тупость. Проходите. Садитесь. Соберитесь с мыслями.

— Слушаюсь. С чем-чем собраться?

— С мыслями.

— Знакомое слово.

— Капитан, мы шутки ценим, но шутить не любим.

— Я полное ничтожество, мой полковник!

— Сядьте, я сказал! Не мельтешите. Вы упоминали вчера о каком-то осведомителе в гостинице «Возрождение».

— Да, хозяин. Когда я докладывал вам об истинном значении слова «центрфорвард», я дополнительно сообщил, что в этой гостинице работает мой человек.

— Не нужно напоминать мне о ваших заслугах, капитан. У меня хорошая память. Завтра вы получите премию в размере ежемесячной взятки, которую вам во вверенном квадрате подносят содержатели притонов.

— Что вы, хозяин, какие взятки? Вы шутите, хозяин...

— Я шутки ценю, но шутить не люблю, уясните наконец.

— Я полное ничтожество!

— Вольно, вольно. Не пугайтесь, сотрудники Отдела надзора завалены более срочными делами, чем изучение ваших доходов. Что касается приказа о вашем премировании, то я подписал его пару часов назад.

— Служу трудовому народу!

— Мы говорили об осведомителе. Кто он?

— Ночной дежурный. Опытный работник.

— Ночной дежурный... Прекрасно! Подходит как нельзя лучше. Теперь... Надежен ли он?

— Вполне надежен. Истинный гражданин. Правда, в моральном смысле он не очень... я хочу сказать, не совсем нормален.

— Пустяки, у нас демократия.

— Ха-ха, я тоже так считаю, хозяин!

— Меня вот что интересует... Он не наркоман? «Духи», «стекло»? Не употребляет?

— Ни в коем случае.

— Важно, чтобы умишко у него работал без фокусов. От вашего дежурного сегодня многое зависит.

— Мой осведомитель наблюдателен, ненавидит вонючих бунтарей. О пауках ничего не знает, естественно.

— Ну еще бы! А вы-то сами что о них знаете?

— Только то, что мне находит нужным сообщать мой полковник.

— Значит, вы тоже ничего не знаете. Как и я. Разве можно что-либо выяснить, допрашивая кретинов в девятой комнате?

— Эх, люблю работать в девятой комнате, хозяин.

— Все мы люди. Я вас понимаю, капитан. Итак — о деле. Генерал приказал взять объект. Сделать это предстоит вашей группе, двадцать шестой, поскольку именно вы являетесь хозяином осведомителя в гостинице. Кроме того, это ваш квадрат. В случае удачного исхода вы станете двадцать четвертым.

— Всецело ваш, мой полковник!

— Итак, паук сидит в гостинице. Он активно действует, ваш внезапно спятивший преподаватель музыкального училища отлично доказывает это. Кстати, капитан, ребята из вашей команды просто молодцы. Поймать такого важного свидетеля да еще заставить его членораздельно говорить... Таксиста нашли с фантастической скоростью! Поощрите их достойно, не скупитесь.

— А что дальше делать со стариком?

— Держать, конечно. Покажем его нашим гипнологам — возможно, они сумеют вправить ему мозги.

— Понял.

— Пройдем к карте, капитан. План действий окончательно сформирован. Ваша группа расположится вот здесь. Прямо по проспекту Первого Съезда можно очень быстро доехать до гостиницы. И объект вряд ли сможет вас засечь — расстояние слишком большое. Отправитесь на этот пост сразу после окончания инструктажа. Рацией пользоваться категорически запрещаю, если понадобится связь, звоните по телефону. Рацию держите постоянно включенной и настроенной на мою личную частоту. Там будет передаваться тиканье часов — специально для вас, чтобы не было ошибки при настройке. По косвенным данным, у пауков есть слабое место, которое мы попытаемся использовать. Пока он генерирует помехи установленного спектра, взять его невозможно, он находится в полной боевой готовности. Но как только излучение прекратится, служба пеленгации немедленно сообщит мне об этом, и я передам вам по радио условный сигнал — звонок будильника. Вы должны ответить мне фразой: «Я проснулся, хозяин», а затем мчаться в гостиницу. Там вам предстоит решить главную задачу — найти и арестовать объект. Задача сложна. Начнете с того, что допросите своего осведомителя. Вы говорили, он ночной дежурный, да? Пусть укажет на всех мало-мальски подозрительных клиентов, пусть он доложит о каждом подробные сведения, которые вы должны в кратчайший срок проанализировать. В результате нужно вычислить, в каком номере поселился паук. Опорные данные об объекте: это мужчина пожилого возраста, внешность его без особых примет, даже нарочито безликая, живет в номере один, не пользуется услугами профессионалов, поселился не раньше недели назад и не позже, чем вчера. Запомнили? Утром он должен спать, по косвенным данным, пауки ложатся спать именно утром. Возьмете его тепленьким. Я дал вам туманные ориенти-

ры, поэтому рекомендую смелее доверять вашей интуиции истинного патриота. Таков план действий. Надеюсь, у вашего осведомителя глаз опытный, и в кругу подозреваемых объект окажется обязательно. Пусть круг подозреваемых будет как можно шире. Если явного кандидата в пауки не обнаружится, берите несколько человек. Самое главное — быстрота. Инструкции ясны? Или есть вопросы?

— Зачем паук сидит в гостинице? Какая у него цель?

— Мальчик мой, нам бы самим это знать! Делает зачем-то из нормальных людей вонючих бунтарей... Послушайте, капитан, ваш вопрос странен. Он не имеет никакого отношения к поставленной задаче.

— Я глуп, мой полковник! И я ненавижу проклятых пауков!

— Хватит бить себя в грудь, давайте по делу.

— Виноват, хозяин. Разрешите объясниться?

— Времени в обрез... Вас что-то беспокоит?

— Понимаете, трудно работать в полной темноте. По своей территории я владею абсолютной информацией, я так привык, так организовал работу. Вот, например, совсем недавно объявилась новая группа, а мы уже имеем на нее исчерпывающее досье. Главарем там некий Балабол — малая вошь, дешевка. Я планирую использовать его стандартно... Виноват, отвлекся. А об этой «Миссии» ничегошеньки не знаю. Не только — кто они, но и чего добиваются. Революцию готовят? Может, пауки засылаются к нам гуманистами?

— Бросьте, двадцать шестой, бросьте. Они в гуманистическом блоке действуют еще покруче, газетам здесь можно верить. Там своя специфика... Так что вас все-таки беспокоит? Изложите спокойно.

— Противно, хозяин. В самом деле чувствую себя мальчиком. Как можно работать, не зная ровным счетом ничего, кроме того, что паук — это враг, что кретины — это предатели и что их нужно вылавливать! Одни версии, тысячи идиотских версий. По-моему, наши аналитики зря

пьют казенный спирт. Скажите, хоть один паук когда-нибудь попадался?

— Все, двадцать шестой. Вы мне надоели. Я понял: вы просто боитесь провалить операцию и заранее готовите себе оправдания. Я точно изложил ваши сомнения? Учитесь у меня краткости.

— Нет! Я боюсь другого, что... э-э...

— Теряем время, капитан. Есть вопросы по существу операции?

— Будет ли оцеплен квадрат?

— Нет. Во-первых, объект может иметь кого-нибудь на подстраховке, во-вторых, если вы его упустите, это не поможет.

— Какой препарат ему вколоть? Обычный или...

— Да, чуть не забыл! Прямо сейчас зайдете к химикам, там какое-то новое зелье есть, возьмете. Хотя лично я уверен, что на это чудовище никакая психохимия не подействует. Вам надо обязательно успеть затолкать его в экранированную машину до того, как он всем мозги свернет... А инъекцию, конечно, сделайте на всякий случай, сделайте.

— Вдруг помехи не исчезнут, и условный сигнал от вас не поступит? Что предпринимать тогда?

— Ерунда, капитан. Такого не может быть. В конце концов, они не машины. В крайнем случае генерал приказал сбросить на гостиницу бомбу. Вот прекрасный выход — взорвать сучье логово!

— А кто будет платить владельцам?

— Успокойтесь, Игорь. Первый иногда позволяет себе шутить. А нам шутить некогда. Алло! Алло! Диспетчерская? Говорит пятый. Спецмашину к моему подъезду. Хозяином группы назначен двадцать шестой. Все... Так, капитан, больше вопросов нет?

— Нет, Клим Борисович.

— Идите. Приступайте к выполнению задания.

— Слушаюсь, мой полковник! Свобода — наше...

— Я сказал — идите! Болтун.

4.2 РЕТРАНСЛИРУЕМЫЙ СИГНАЛ, источник «Сырье», гриф «Свободный эфир»

Проснулся, как от толчка. Резко, сразу. Было темновато, еле видно вырисовывалась пошленькая обстановка номера. Скосил глаза на окно: в городе занималось утро.

Дико болит голова, просто выть хочется. Странно, с чего бы это? Пить-то вчера пил, но к тому времени, как улегся в постель, давным-давно протрезвел. Может быть, перенервничал в номере этого заплесневелого психа? Не знаю... Хотя, какой он псих, он говорил вполне разумные вещи. Насчет плесени, насчет гниения общества. Точно! Вот я, например, родился, — плод родительской ошибки, — жил, как мог, как хотел, сдохну когда-нибудь. А что я за это время сделал полезного обществу? Да ничего! Действительно, расшибусь в своей сверхскоростной железяке, вот тогда будет от меня польза. Граблю на досуге прохожих, взял пару-тройку магазинов. Что ни говори — плесень, и не больше того. И ведь все так! Все, кого я знаю, плесень. И все, кого они знают, тоже плесень. Все мы плесень, и никто из нас ничего путного не сделал в жизни. Так с чего обществу развиваться, с чего идти вперед? Если никто не приносит обществу пользу, то оно будет стоять. Или организовано двинется назад, к каменному веку. Затем подгнет и рухнет. Верно этот тип говорил. Здорово его, видно, приперло, если пошел проповедником по людям. Повернутый, точно. Волшебником добрым себя называет... И чего я проснулся? Да еще башка трещит невыносимо. Сейчас бы хорошую дозу — как рукой сняло бы. А где ее взять? У этой дуры в номере, кроме фруктовки да аристократических шипучек, ничего не нашлось. Впрочем, нашлась кровать. Большая, мягкая, нагретая. Согласно последним научным данным — именно то, что нужно уважаемым гражданам свободной страны. Очень удобно, когда поступаешь по науке: все у тебя получается культурно, интеллигентно и чисто... В общем, живем мы в разврате и подохнем там же. Если и суждено нашему пакостному

миру познакомиться с какой-либо очередной зверской пакостью, то выползет она снова отсюда, из теплой постельки... Интересно, спит моя милая дамочка? Или тихо думает о вырождении цивилизации?

— Эй, — прошептал я, — с добрым утром.

Ни звука в ответ. Дрыхнет, значит. Утомилась со мной, бедняжка. Странно она как-то спит — не шевелится, не сопит, словно бы и не дышит. Я вяло двинулся и протянул под одеялом руку. Не знаю, зачем сделал это. То ли хотел разбудить ее, то ли хотел убедиться, что она рядом. Сначала я ничего не понял, а затем вдруг услышал одинокий беззащитный воплик — мой собственный. Женщина, лежавшая в постели, была холодна, как ледышка. Температура ее тела, по-моему, была ниже комнатной. Банальный труп. Умирая от ужаса, я отшвырнул одеяло, соскочил с кровати и попытался зажечь свет. Попытался, потому что свет не горел, и как я ни щелкал выключателем, он не зажегся. Тогда я схватил с туалетного столика спички, наклонился над кроватью и зажег одну. В призрачном пламени я увидел такое, от чего сердце мое сбилось с такта, а вдох застрял в горле. Да, женщина была мертва. Но как мертва! Ее ухоженное личико, плодово-ягодная грудь, живот, ноги, все тело было покрыто омерзительными белыми пятнами. Плесень! Содрогаясь, я провел пальцами по сырой склизкой коже, и мне стало очень страшно. Кошмар какой-то...

Спичка погасла. Я бессильно опустил на остывающее ложе и посидел некоторое время, обхватив голову руками, пытаясь удержать разбегающиеся мысли. Потом встал, прошлепал босиком к окну и выглянул. Улица была пуста. Слепыми глазницами смотрели вышибленные витрины «Бутсы», не мерцали призывные надписи над входом, не горело освещение внутри. Кафе было таким же темным, как мир вокруг, таким же безжизненным. Неподалеку застыла искореженная машина, врезавшаяся в стену дома. Из распахнутой дверцы вывалилось подобие человека, заросшее белесой дрянью. Боже всемилостивый, что это творится!

Из коридора донеслось постановление. И слабые нервные шажки. Не помня себя, я выскочил в прихожую, стал торопливо дергать ключом, жажда закрыться, но он заклинился в замке, не двигался ни в одну, ни в другую сторону. Тогда, задыхаясь от яростного страха, я навалился спиной на дверь и уперся ногой в косяк туалета. Нервы были на пределе. Снаружи кто-то брел — спотыкаясь, тяжело шаркая, шлепая ладонями по стенам, шумно скуля, стучась ко всем подряд... Я затаился. Идущий ткнулся ко мне и проследовал дальше. Вскоре шажки оборвались, очевидно, человек упал и решил не вставать, и сейчас же там зашлись криком. Смертельная обида слышалась в этом крике, впрочем, он длился недолго — превратился в хрипение и затих, будто обломился.

Переведя дух, я отошел от двери. Тут обнаружилось, что одежды на мне никакой, а в номере убийственно холодно. Я еще раз попытался зажечь свет, убедился, какое это бессмысленное занятие, и тогда, осторожно присев на кровать рядом с заплесневевшим трупом, принялся одеваться.

Что происходит? — вертелся в голове только один вопрос. Светопреставление? Нет, пора отсюда сматываться!

Снова выглянул в окно. Разбитый автомобиль начал плесневеть сам: налет появился на крыше салона и капоте... Черта с два отсюда слезешь. Увы, ржавой водосточной трубы, спасительницы счастливых киногероев, в помине нет. Остается единственный путь — тот, которым пришел сюда... Достав из кармана сумки фонарь, я тщетно пощелкал кнопкой. Он не работал. На сей раз мой старый верный помощник меня подвел. Бред... Ладно, обойдемся без помощников. Я подкрался к двери и прислушался. Тихо. Господи, благослови... Затаив дыхание, приоткрыл дверь и скользнул в коридор.

Было темно, как в могиле. Как у насредине в мозгах, — усмехнулся я мимоходом. Отовсюду неслись глухие всхлипывания, сильно пахло болотом. Я поморщился, нащупал стену и стал пробираться к выходу на

лестницу. Он должен был быть где-то рядом, буквально через два десятка шагов. Но здесь оказалась целая россыпь больших мягких валиков! Я запутался в них, с грохотом упал — я слишком торопился — и только упав, понял: это не валики, это люди... Вскочил сразу, не успев насладиться своей догадливостью, потому что из глубины коридора на меня надвигалась тень. Откуда в темноте тень? Даже не тень, просто чернота. Я вжался в стену, растекся по ней и замер, совершенно не двигаясь. Ни единой мысли уже не было, был только ужас. Чернота вырастала бесшумно, неотвратимо, вот она вокруг меня, щекочет лицо зловонным дыханием, трогает руки влажными щупальцами, вот она во мне... Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Дико визжали этажом выше, вопили рядом в номере, кто-то стонал у меня под ногами. Уже привычно, уже не страшно. И я побрел вперед по коридору (когда же он кончится!), спотыкаясь о бесчисленные человеческие тела (проклятье, набросали тут!), меня выворачивало от тошнотворного смрада (откуда он взялся в благоустроенной гостинице!), а в голове трепыхалось, пульсировало, рвалось: что происходит?... Лестница. Милая моя, желанная, наконец-то, я же шел к тебе вечность...

Здесь было светлее: в пролетах между этажами имелись окна, выходившие во дворик. Одно стекло в окне третьего этажа было выбито, из него тянуло прохладой и сыростью. Сбежав по ковровой дорожке, покрывающей лестницу, я оказался возле окна. Внизу лежало скрюченное тело, на котором рос кустарник зеленоватой гадости. Меня благополучно вытошнило на подоконник, и я продолжил путь.

Холл был пустынен, огромен, нем. Гулко ступая по кафельному полу, я направился к выходу. Я старался пересечь открытое пространство поскорее — неприятная формальность перед прыжком на свободу. Вонь была менее ощутима: заплесневевших трупов здесь не оказалось. Дойдя до места, я приостановился, сквозь мутное стекло полюбовался на скверик, зачем-то оглянулся и

решительно толкнул дверь. Она не открылась. Она была неприступна, как Кремль, и сколько я ни тряс ее — не поддалась. Тогда я снял с ноги ботинок, закрылся рукой, размахнулся и шарахнул изо всех сил по стеклу. Не знаю, что я ожидал, наверное что угодно, кроме происшедшего. Стекло осталось целым. Куда там, оно даже не шелохнулось, не звякнуло. Ботинок отскочил, как от резины.

— Бесполезно, — раздался сдавленный голос.

Я вздрогнул. У меня случилась конвульсия. Наверное, так чувствуют себя в момент удара электрическим током. В голове зазвенело, даже сердцебиение на секунду забылось, дало сбой. Голос неся из того угла, где размещались шахматные столы. Их было три штуки — оригинальные большие столы, играть на которых приходилось стоя — фигурами сантиметров по двадцать в высоту. Я подкрался и под самым дальним обнаружил ночного дежурного. Он валялся в куче лакированных черно-белых деревяшек. Его почти не было видно, да я и не жаждал смотреть на эту пададь: судя по всему, плесень уже добралась до него.

— Почему? — опасливо спросил я. — Почему бесполезно?

— Ничего не выйдет, — глухо сказал он. — На первом и на втором этажах стекло не разбить. На третьем можно...

— Как же отсюда выбраться?! — вскрикнул я.

Он засмеялся, это было невыносимо.

— А никак, — сказал он, резко оборвав веселье. Меня вторично пронзил электрический разряд. В здешнем воздухе было слишком много электричества.

— Ваша дочь, — вдруг вспомнил я. — А где она?

Он помолчал, — очевидно, вникал в смысл вопроса.

— Там, — ответил непонятно. — Поглазейте, если хотите.

И я отошел.

Девочка нашлась в закутке, именуемом «Служебное помещение». Жалким, укутанным в одеяло комком плоти

она забила в щель между топчаном и каменной стеной. На ее сизом лице неподвижно стыло вечное дурашливое выражение, а некий шустрый паучок уже успел приспособить беспомощно повисшую ручонку в качестве балки своей паутины. От нее тоскливо веяло гнилью. Кошмар, кошмар, кошмар... Я бросил догоревшую спичку, задержав занавесь, после чего вернулся к шахматным столам. Я вернулся задать последний вопрос.

— Это что, везде такое?

Дежурный хрипло подышал.

— Да, — с трудом произнес он. — В номерах, в городе, в стране. Я тут послушал «Маяк»... пока радио еще работало... Удивительно, что вы держитесь.

Я! — обожгла меня мысль. — А как же я! С трепетом поднес руки к глазам. Я не был исключением. С ужасом я увидел, что они покрыты светлыми пятнами и тут же ощутил (раньше было не до того), что тело мое распирает изнутри непонятная ноющая боль, буквально все кости ломит, а сам я — грузный, немощный, дряблый.

— Да что же это? — шепнул я, холодея. — Опять мор? Вирус какой-нибудь...

Дежурный услышал.

— Наказание за наши грехи, — проговорил он. — Наказание... за грехи...

Он завыл. Он харкал воем, как кровью, — гнусно, бесстыдно, — бывший человек словно выдавливал из себя всю грязь, что еще тлела в нем, и только когда я добрал до лестницы, звуки эти угасли. Было ясно: под шахматными столами никого больше нет. Наказание за грехи, — тупо стучало в висках, синхронно с шагами. Неужели правда? Я уже точно знал, куда нужно идти, и мне безумно не хотелось это делать, но я не мог иначе.

В 215-м номере горел свет. Ударил в глаза, вызвал краткий шок. Я вошел, беспомощно шурясь. Волшебник по-прежнему сидел в кресле за журнальным столиком, черты его лица неуловимо расплывались, фигура казалась пугающе зыбкой.

— Сволочь! — крикнул я ему. — Накликал заразу своей болтовней!

Он медленно поднял голову. Точнее — то беспорядочное наложение темных пятен, что было на месте головы. Разум подавляло ощущение нереальности.

— Это чистка, — спокойно ответил он.

— Какая чистка? — не понял я. — Нельзя по-человечески сказать?

И вдруг до меня дошло: «Если счистить с порченной булки отвратительный белый налет...» А детей за что! — хотел возмутиться я, но этот колдун опередил:

— Цивилизацию надо спасать любой ценой, — звонко объявил он и отвернулся. Разговор был окончен. Я понял, что делать мне здесь больше нечего, что место мое на полу вместе со всеми, — и я вышел, шатаясь, в коридор и побрел. Куда? Безразлично. Меня била тугая дрожь.

Цивилизацию надо спасать любой ценой, — сказал он. Ценой меня. Ценой дежурного с его давно погибшей дочерью. Ценой всех нас. Теперь мы плесень в буквальном смысле, и теперь мы знаем, что мы такое... Поздно, слишком поздно. Мы не имеем права жить, общество должно освободиться от нас, стряхнуть этот тяжкий груз. Любой ценой... Ноги меня не держали, еле двигались, не желали подчиняться и очень болели. Вообще все тело болело и отказывалось подчиняться, оно уже не было моим, оно принадлежало чему-то загадочному, жуткому, становилось плесенью, потому что не имело права быть ничем иным, только куском гнили, смердящим куском болотной гнили, который годен лишь для удобрения почвы под будущие посевы. Так надо, — думал я, падая на мягкое. Вероятно, на диванный валик. Так надо обществу. Цивилизации. Так надо нам самим. Это ведь почетно — ценой своей дерьмовой жизни спасти цивилизацию... Проклятье, как больно!

Руки безвольно раскинуты в стороны, голова запрокинута назад. Удобная поза умершего человека. Глаза открыты. Или закрыты? Впрочем, неважно. Все неважно.

кроме нашего разговора... Диванный валик подо мной слабо елозит, кряхтит басом... Ну зачем, зачем! Зачем боль, почему нельзя было сразу, для чего страдание? Для нас самих?..

Чистка. Идет чистка, марширует. Радуйтесь — наш заплесневевший мир очищается. От нас очищается, от балаболов, мясорубов, лошаков, от ловкачей, тихонь, вежливых барменов. От александров, очевидно, тоже. Веселитесь, бейте в ладоши: мы бьемся в последних судорогах. Отвернитесь или закройте глазки, чтобы не вытошнило — незачем смотреть на такую мерзость... Останутся только люди. Душой щедрые, милосердные, чистые — ну прямо как в книгах. Наши же останки закопают в землю поглубже и будут вспоминать о них с содроганием. Господи, если бы кто знал мои муки!

Что-то пыжом стоит в горле, жесткое, колючее, не дает открыть рот, мешает крикнуть. За что?! За что?! Ах, потому что я плесень? Но ведь Добрый Волшебник говорил, что осознавший свое ничтожество перестает быть плесенью! Ах, неважно? Все неважно, кроме нашего разговора... А если чистка коснется всех? Вдруг среди двуногих существ, расплодившихся по нашему бескрайнему миру, вовсе нет людей? Вы об этом подумали? Я вас спрашиваю, об этом вы подумали!

Как жарко...

5. УТРО

5.1 сводка новостей по делу «Миссионер», гриф «Информация открытая»

Данные по стране.

Прогрессивная общественность возмущена деятельностью секты, известной под названием «Миссия». Повсеместно проходят демонстрации протеста. Верховный Совет требует от руководителей «Миссии» выйти из подполья, официально зарегистрировать свою организацию, обнародовать устав и программу, иначе деятельность

указанной организации будет признана преступной. Верховный Суд по представлению Государственного Банка объявил незаконными все доходы «Миссии» и установил запрет на большое число сделок, в которых, по мнению Банка, прослеживается участие секты. Такое решение уже привело к разорению множества мелких фирм. Все наиболее влиятельные члены Ассоциации Новых Промышленников подписали заявление, в котором официально пообещали воздерживаться от любых операций, вызывающих у специально нанятых экспертов малейшие сомнения. Ведущие деятели культуры опубликовали декларацию, где говорится о необходимости повысить ответственность каждого творческого работника за результаты своего труда, чтобы не допускать появления откровенно подрывных или клеветнических произведений, и о важности противопоставить ползучей паучьей пропаганде всю систему ценностей нашего демократического общества. Генеральный секретарь оппозиции и его ближайшее окружение пока отмалчиваются. Население открыто обвиняет правительство в нерешительности. Представитель службы безопасности доложил о нейтрализации за истекшую неделю восемнадцати предателей, но одновременно признал, что по экспертным оценкам число вновь появившихся за это же время предателей превышает сто человек.

Данные из-за рубежа.

Лидеры Вселенской Церкви опровергли широко обсуждаемую версию о своей причастности к деятельности так называемых «пауков», назвав ее гнусной провокацией дьяволопоклонников. Они заявили, что не имеют и не желают иметь никаких связей с пресловутыми «пауками», поскольку находят в их действиях лишь воинствующее кошунство, а само их существование считают вызовом, брошенным человечеству силами зла.

Блок нейтралов организовал международную Конференцию ученых и журналистов, посвященную проблеме возникновения «Миссии». Было заслушано и обсуждено три доклада. Делегация блока стран гуманистической

ориентации выступила со следующим сообщением. Несколько лет назад в рамках военной программы стран демократического блока на одном из островов было произведено плановое испытание ядерного оружия нового поколения. По утверждению докладчика, в зоне испытания оказалось пассажирское судно. В результате чего, предположили гуманисты, и произошла роковая мутация, приведшая к перерождению пассажиров и членов команды, а затем и к появлению секты пауков. Представители демократического блока достойно ответили на брошенное в лицо обвинение. Они напомнили о том общеизвестном факте, что в странах гуманистического блока до сих пор ведутся исследования в области разработки излучения нейрорепроductive действия, и высказали версию, что очередное неудачное испытание вызвало непредсказуемые изменения в мозге подопытных граждан, которые и образовали впоследствии преступную организацию. Гуманисты, конечно, пытались отрицать очевидное и вместо обсуждения чисто научных вопросов навязать политическую дискуссию, но получили единодушный отпор истинных ученых. Блок Ислама представляла группа астрономов, которые рассмотрели возможность внеземного происхождения «пауков». По их мнению инопланетная версия полностью отпадает вследствие той простой причины, что, кроме нас, во Вселенной нет и не может быть больше разумной жизни, а якобы существующие на нашей планете тайные пещеры, в которых звездные гости когда-то оставили эмбрионы, являются циничной фантазией алчущих денег газетчиков.

На очередном заседании Лиги Наций представители гуманистического блока внесли предложение создать международную комиссию, занимающуюся проблемой «миссионерства», а представителям организации «Миссия» дать возможность выступить с трибуны Лиги, обеспечив гарантии полной неприкосновенности. Предложение было отклонено в силу явной нереальности. В свою очередь демократический блок информировал мировую общественность о том, что по имеющимся сведениям в джун-

глях экваториальных стран гуманистического блока «пауки» безнаказанно организуют лагеря, в которых готовят себе пополнение. Задан вопрос: намерены ли правительства стран гуманистической ориентации обеспечить выявление и блокаду этих лагерей? Вместо ответа т. н. «гуманисты» высказали аналогичные претензии к нашему правительству и к правительствам наших друзей.

Конец сводки новостей.

5.2 РЕТРАНСЛИРУЕМЫЙ СИГНАЛ, источник «Сырье», гриф «Свободный эфир»

Меня бурно трясли за плечо:

— Что с тобой? Эй!

Я вскочил. Я ошалело закрутил головой. Бесновалось сердце, в мозгу трепыхались бессвязные мысли — где? что?, — вокруг было много цвета, много порядка и бесконечно много спокойствия.

— Разве я не умер? — выговорил я, со сна ни хрена не соображая. Рядом послышался смех, и объемная картина наконец наполнилась смыслом. Я лежал, то есть уже сидел в чистенькой постели и был накрыт пуховым одеялом. Впрочем, одеяло было откинута. А около, опираясь локтем о подушку, помещалась симпатичная девушка, которая весело наблюдала за мной.

— Подожди, — сказал я ей, жадно озираясь по сторонам, — так это был сон? Фу ты, гадство, ну надо же!

— Снилось что-то плохое, малыш? — мурлыкнула она и ласково погладила меня по мокрой от пота спине.

— Да ну его... Смех на палке. Я кричал?

— Ты стонал и еще дергался. Страшно было, да?

— Чертовщина... Будто все люди вымирают. Сроду ничего, кроме желоба и панели управления, не снилось, а тут... Ладно, забыли. Слушай, как там тебя зовут?

Женщина удивленно поиграла бровями.

— Мы же познакомились.

— А-а! — вспомнил я. — Елизавета! Точно, ты мне ночью говорила, это я просто не в себе. Деловое имя, мне нравится.

Она улыбнулась, довольная.

— Это родители постарались. Они обожали комиксы «Русские приключения», ну знаешь, березки, стрельцы, всенародные купания, резня. Вот и назвали меня в честь царицы, а я и не против. Жаль, что сейчас эти комиксы уже не в моде.

Она сделала паузу, потом добавила на всякий случай:

— Елизавета — такая великая царица была. Она очень любила ноги в горячей воде парить.

— Только не надо мне баки забивать, — заметил я, с наслаждением ощущая, как уходит из сознания кошмар. — Про великих цариц и все такое. Даже школьники знают — баба на троне, это первая шлюха в государстве. Твой славянофил папаша что, сразу понял, кем станет его дочь? Вот опыт, завидую...

— Козел, — сказала она мне, надувшись. — И не трогай моих родителей, это очень хорошие люди. Они хоть и огорчились, когда я пошла в профессионалки, но все равно купили мне новые туфли.

— Клиент всегда прав, — напомнил я ей строго. — Как ты себя ведешь? Кстати, ты действительно профессионалка? Чего-то не видно навыков.

Женщина неожиданно огорчилась, это было трогательно. И тут же полезла доказывать.

— О-о! — простонал я через пять минут, терзая руками ее голову. — Хватит, хватит, верю! Что ж ты делаешь, оставь немножко на вечер... — и неожиданно для себя полюбопытствовал. — Скажи-ка лучше, тебе нравится работа?

— Нет, конечно, — она подняла улыбающееся личико. — Работа не может нравиться.

— Я имел в виду именно твою работу.

Пожала плечами.

— Моя работа? Ничего, жить можно. Да и какая разница? Одни продаются у конвейера, другие — за письменным столом, третьи — как я. Каждый продает, что не жаль.

— Здравая мысль, — согласился я. — Древняя, но очень патриотичная.

Она скорчила гримасу.

— По правде, эта работка грязновата. Вечно попадает какая-нибудь мразь, а ты возись, гони ей кайф. Бывает, ничем не проймешь, как в стену ладонью.

— Кстати, ваш дежурный, знаешь, он ведь...

— Не надо про него, — она закрутила головой, разметала волосы. — Эта мразь стоит всех прочих.

Я облегченно вздохнул и расправил плечи. Кошмар отпустил окончательно, оставив в душе смутное беспокойство и одновременно — ощущение важности происходящего. Тело наливалось непривычной свежестью.

— А вдруг я тоже мразь? — предположил я. — Скрытая. Замаскированная под обычного «своего парня».

«А ведь так и есть», — мелькнула неожиданная мысль.

Женщина засмеялась.

— Нет, ты скорее похож на настоящего мужчину.

Настоящий мужчина, — усмехнулся я. — Настоящий человек... Плесень, просто плесень. И она, и я. И никому мы не нужны. И наша дурацкая болтовня никому не нужна, нам самим — в первую очередь.

— С тобой было приятно, — продолжала она. — Ты ласковее, деликатнее других. Сам знаешь, как с нами обращаются. А ты... Если честно, у меня таких клиентов давно не было.

— Ладно, — оборвал я ее. — Достаточно поговорили.

Вылез из-под одеяла и, поеживаясь, проследовал к стулу с одеждой.

— Что с тобой, малыш? — растерялась она. — Обиделся?

— Ничего особенного, — равнодушно объяснил я. — Мне пора.

Женщина прыгнула с кровати, легко подошла и подала рубашку. Нет, — подумал я, — хватит с меня. Это ж удавиться можно, какая тоска! Вот помру от перепоя или от баб. Хотя куда мне — мразь живуча. Правильно она о нас сказала: ничем не прошибешь, стена. Или она это не о нас?.. Впрочем, неважно. Все неважно, кроме нашего разговора.

— Если хочешь, приходи еще, — попросила женщина, глядя мне в глаза. — Бесплатно, когда я буду свободна. Серьезно. С родителями познакомлю... Хочешь, я сама к тебе приду?

— Нашла рыцаря на белом коне, — буркнул я, заканчивая туалет. — Сейчас, небось, признаешься, что полюбила с первого взгляда... У вас здесь как, все шлюхи такие артистки или ты одна самая умная?

Потом кисло посмотрел на себя в зеркало — заросший, неопрятный, фу! — и направился к двери. Она молча пошла за мной. В небольшой прихожей я затормозил и оглянулся. И тут на меня опять что-то накатило. Стало ее очень жалко. Боже мой, ведь мучается девчонка, цепляется за жизнь, ждет чего-то от жизни, — значит, сорвется скоро. Боже мой, ведь совсем одна... Конечно, она привлекательна и умела, она согласна продавать этот скромный товар каждой встречной сволочи, но ее профессия не нужна людям. Нужна плесени, грязи, гнили. Поэтому она сама — плесень, грязь, гниль. Ее сделал такой наш мир, и она не виновата, что такой остается: правду о себе ей не от кого узнать.

— Лиза, — позвал я, сменив тон. И взял ее руки в свои.

— Да... — с готовностью откликнулась женщина.

— Лиза... — повторил я. Замолчал, не понимая, что сказать. Она безумно шарила глазами по моему лицу, руки ее были горячи и напряженны. Тогда я решил. Надо же когда-нибудь начинать, в самом деле!

— Я к тебе приду, — пообещал я, и она стремительно просияла. — Сегодня. Ты не будешь плесенью, даю гарантию.

Она посмотрела на меня геометрическими глазами и шажком отодвинулась:

— Конечно, Саша...

Тогда я повернулся, вышел в коридор, аккуратно прикрыл дверь. Стена, — думал я, — это каменная, поросшая мхом стена. Мне придется биться в нее не ладонью — лбом. Иначе нельзя. Ноги несли меня на этаж ниже, в таинственный 215-й номер, и мне было совершенно непонятно, зачем я туда иду, но пути назад уже не существовало... Ох и трудно будет жить! — думал я. Эта непривычная мысль сладостно щекотала самолюбие.

В задумчивости я опустил на один пролет и едва не воткнулся в огромного охранника. Он стоял, как изваяние, отгородив внушительным телом целый этаж. Светлый путь вперед оказался закрыт.

— Скучаешь, приятель? — спросил я дубину, не ожидая ответа. Он меня заметил, лениво двинул взгляд в мою сторону.

— Что случилось-то? — продолжил я.

Страж закона деловито облизал губы и сказал, хмурясь:

— Проходите. Задерживаться запрещено.

Делать было нечего.

— Бревно, — сказал я ему. — Столб, — и торопливо сбежал в холл.

Дежурный сидел на месте и сосредоточенно курил, пуская к потолку сизые кольца дыма. У дверей возвышался другой столбоподобный, отрешенный от мирских забот охранник. В креслах ерзало несколько граждан сомнительного вида. А на улице, у самого входа стоял гигантский автомобиль. Он был настолько широк, что занимал почти треть проспекта, и настолько неприступен, что остальной потерявший вид транспорт робко объезжал его, в почтении снижая ход перед такой мощью. Настоящий автомонстр. На крыше бронированного салона гордо реял небольшой, но не утративший от этого свою величественность трехцветный флажок — символ нашей

могучей свободной родины. В общем, в гостинице стояла гнетущая атмосфера беспокойного ожидания. Обычное явление, если в деле замешана горячо нами любимая народная милиция, пропади она пропадом, загаженная потаскуха. Собственно, не милиция даже, а ее незаконнорожденное дитя, ведающее безопасностью, оберегающее и укрепляющее наш великий многострадальный патриотизм, наше неотъемлемое право подгнивать на корню.

— Как вам понравилась Елизавета? — вежливо поинтересовался дежурный, когда я сдавал ему жетон.

— Прелесть, — ответил я, несколько не покривив душой.

— Заглядывайте к нам почаще, — сказал он, шаблонно подмигнув. — Она у нас не единственная, наши девочки лучшие в районе.

— Вы мне уже говорили.

— Разве? — удивился дежурный. — Хотя возможно... Так приходите еще.

— Обязательно, — пообещал я и заговорщически наклонился к нему. — А что случилось, не знаешь? Смотрю, целая свора набежала. К тому же эти, чернопогонные. Цапают кого-нибудь?

— Одного типа берут, — понизив голос, сообщил он. — Который конец света предвещает.

— Предвещает конец света?

— Говорят... — дежурный замаялся. — Я-то сам не в курсе... Еще говорят, будто это какой-то гипнотизер или телепат, точно не знаю. Он раньше работал в казино, фокусы показывал. А теперь кретином стал.

— У тебя богатые сведения, — шепотом похвалил я дежурного.

Тот испугался:

— Да какие там сведения! Так, слухи.

— А при чем здесь чернопогонные?

— Как при чем! Кретин же. Смуту наводит, людей подбивает.

У нас есть много прав, — думал я, с ненавистью разглядывая блеклое лицо дежурного. — Совершенно

необходимых нам прав. Пить горячую, бить графины, заниматься любовью где попало и с кем попало, ругать правительство и хвалить демократию. Право хрустящих и право пожизненного одиночества. У нас много замечательных, завоеванных кровью прав. Нет одного — вредного, никому не нужного — права иметь собственное мнение. Так и не появилось... Ты не зря боялся чужих глаз, ты чувствовал, что этот разговор последний. И ты не зря говорил о себе горькие правдивые слова. О нас горькие правдивые слова. Обо всем — только горькие правдивые слова. Вчера ты пробил словами каменную мшистую стену, но сегодня тебе вырвут язык.

— Его номер на втором этаже? — спросил я дежурного.

— Да... — он вдруг отшатнулся и подозрительно оглядел меня. — Сударь, а вы случаем не его дружок?

— Нет, — произнес я и неожиданно понял, что сказал правду. В сущности, я его совершенно не знаю. Кто такой хотя бы. Да что там «кто такой» — внешности не помню! Остался в памяти пронизывающий насквозь взгляд голубых глаз, и все. А ведь почти уже возомнил себе его преемником. Мразь, плесень.

— Вы не скажете, — сменил я тему, — этот остолоп у дверей выпустит меня на улицу?

— Не выпустит, — ответил дежурный, — у него приказ. Вон, видите, сколько постояльцев ждет? — показал на граждан сомнительного вида. — Так, значит, вы не знаете того человека?

— Какого?

— Которого арестовали.

— Я два раза не повторяю.

— Вот и хорошо, — сказал он, продолжая неприязненно смотреть на меня. — Я уж подумал, что вы один из этих гадов.

— Гадов?

— Ну да, гадов. Бунтарей. Кретинов, которым не нравится наша жизнь. Не умеют жить, вот и завидуют, что другие умеют. Или зажрались, сволочи. Давить их

надо, как клопов, вот что я вам скажу, чтобы не лезли в наши постели, чтобы не пили трудовую кровь... Вы точно его не знаете?

— Иди в задницу! — ответил я, стервенея, с радостью чувствуя, что начал заводиться. — А если бы и знал, твое какое дело? Паршивый извращенец, лучше признайся, где твоя дочь!

Зрачки дежурного сузились, он прошипел:

— Моя дочь дома и никогда здесь не была! Запомнил, вонючий бунтарь?

— Паршивый извращенец, — сказал я ему отдельно. Внутри у меня уже кипело. Эти трупоеды нюют, хнычут: плохо, мол, живется. А как отыщется смельчак, который говорит то же самое им в глаза, они набрасываются на него — рвут, рвут, рвут...

— Нажретесь горячей, свиньи, и беситесь, — говорил дежурный, прибавив громкость. — Революционеры с похмелья.

— Паршивый извращенец!

Хороший человек для них как кость в горле — глотнуть дерьма мешает. Они понимают, что он лучше их, выше их, чище их. Они не могут этого простить ему, и тогда хороший человек становится для них вонючим бунтарем. Кретином, которому не нравится их жизнь. И они хотят давить его, как клопа, и удаётся им это всегда...

— Если нажрался с утра, так иди в сортир! — почти кричал дежурный. — Поблуй, станет легче!

— Паршивый извращенец, — повторял я. — Паршивый извращенец, паршивый извращенец...

— Ваше место в психушке! И твое, и твоего кретина!

Ну и вмазал же я ему тогда! Не выдержал. Всю наличную злость вложил в этот удар. Я бил не за себя, нет, я бил за «твоего кретина» — во всяком случае, очень хотел верить в то, что бью не за себя. Кулак сделался знаком, сообщающим заплесневевшему миру о моем прозрении. Другие знаки мне в голову не приходили.

Дежурный кулем впечатался в стену с ключами, глаза его распахнулись, он трусливо забормотал:

— Ты что... Ты что, чудак... Я же ничего такого... Жалкий, усталый, старый человечек.

— Плесневей на здоровье, — выплюнул я, удовлетворенный.

Тут на лестнице образовалось движение, и я обернулся. Четыре человека чинно плыли по ковровой дорожке: один в центре, один впереди, двое сзади. Магический треугольник. Мужчиной, идущим в середине, конечно же, был Лекарь. Это я понял сразу — пусть в полутьме, но все-таки не меньше получаса я ночью его разглядывал. Костюм разорван, лицо разбито, в руке чемоданчик... Его вели туда, к огромной страшной машине у входа, чтобы увезти из нашего мира, чтобы вырвать ему язык, чтобы одним кретином-бунтарем стало меньше. Люди, сопровождавшие его, были в идеальных черных костюмах, модных шляпах, сияющих ботинках. За лацканом пиджака — бросающий в холодный пот значок. Правая рука у каждого покоится за пазухой, готовая в любой момент озлобленно вскинуться и подарить свинцовый заряд кому бы то ни было. Это шагали верные слуги нашей безопасности. Неподкупные стражники нашего покоя. Тюремщики нашей свободы. Тупые физиономии, тупые мысли, тупые желания. Тупые прически и одежда. Все тупое. Тупая бездушная сила — они не понимали, на что замахнулись, а если и понимали, то им было на это глубоко плевать. В выходные дни им нужен десяток графинов с горячей плус смачная девочка, а в остальное время — днем и ночью — выкорчевывают из общества настоящих людей. Или они работают без выходных?.. Волшебник заметил меня, но вида не подал. Только равнодушно взглянул в мою сторону. «Поразмыслил, брат?» — спросил он глазами. Я кивнул. «Хорошо поразмыслил?» «Твоими заботами», — так же беззвучно ответил я ему. Лицо его прояснилось: «Вот и прекрасно». Станный это был разговор, но мы друг друга отлично поняли.

Звери, — думал я, следя за ненавистными черными фигурами. Как там пишут в правильных книгах: наце-

пившие человеческую личину? Все точно! И таким псам надо разъяснять, таких агитировать? Глупо. Опасно. Ты очень верно говорил — нужно бороться. Обрезами, модельными пистолетами, зубами, когтями — кто чем может. Нужно вычищать наш гниющий мир, пока еще есть кому. Я знаю, ты скажешь, что это террор, а террор — всего лишь способ борьбы слабейших. Наверняка ты имел в виду что-то другое, когда упоминал о чистке — жаль, не объяснил, что именно. Ты скажешь, что грязной тряпкой пыль не вытрешь. Ты мне обязательно все это скажешь, брат, но только после того, когда испытание кончится, и я с тобой соглашусь, не колеблясь. Если мы, конечно, сможем поговорить. Если нам оставят такую возможность. А сейчас — чихать на твои возражения, потому что... потому что...

Значит, так. Я беру тех двоих сзади. Неоценимое преимущество нападать на противника со спины! Преимущество ублюдков вроде меня... Тебе остается один — офицер, шествующий во главе процессии, и у тебя есть то же самое неоценимое преимущество. Правда, охранник у дверей может успеть вмешаться, но его, по-моему, давно хватил столбняк. Ч-черт, смущают меня эти подмышечные арсеналы у товарищей оппонентов!

Спасибо милому дежурному, что вовремя встряхнул мою злость. Это так полезно: завестись хорошенько перед серьезной дракой. Пусть извинит он мою несдержанность, — конечно же, он ни в чем не виноват. Никто в отдельности не виноват, виноваты все вместе... Не хочу быть плесенью, не желаю, чтобы от меня очищали мир! Прочь, страшный сон, отпусти, позволь проснуться... Мурлыкая шлягер, я нащупал влажными пальцами «шило» под ремнем. Я никогда не делал ничего подобного, но у меня есть моя злость — она мне поможет. И когда настал подходящий момент, я постарался его не упустить. Улыбаясь, дал мышцам приказ.

Я точно знал, что с каждым прыжком перестаю быть плесенью.

6. НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ВРЕМЯ СУТОК

6.1 сведения, не вошедшие в материалы по делу «Миссионер», а также не зафиксированные на кристалле «Сырье»

Бесформенной массой расползалась тишина. Воняло кислым. Граждане сомнительного вида прятались под креслами, из-за телефонной стойки выглядывал ночной дежурный. Охранник, стоявший у дверей, механически засовывал пистолет в кобуру, другой застыл на ступеньках лестницы, оба были бесстрастны — по инструкции. А в центре холла лежали четверо. Один был просто трупом, поскольку кусок свинца вышиб из его головы все лишнее. Ему повезло, он покинул мир без мучений. Двое в черных одеждах неловко ползали, пачкая ковер вязким, вишневым, — эти откровенно умирали. Четвертый забавно барахтался на полу, пытаясь приподняться, он стонал и ругался, и наконец принял вертикальное положение.

— Что произошло? — обратился он к охраннику у входа, обхватив затылок ладонями.

— Этот человек совершил нападение на конвой в целях освобождения арестованного, — отрапортовал тот, указывая пальцем на изувеченное тело. — Я был вынужден застрелить его, мой капитан.

— Понял, — морщась, сказал поднявшийся и горестно склонился над коллегами. — Ребята, как вы?

Ребята помалкивали.

— Лейтенант! — крикнул тот в отчаянии. — Тридцать пятый, скажи что-нибудь!

Лейтенант у его ног беззвучно открывал рот и вяло сучил конечностями.

— С-сволочь... — выдохнул капитан. — Двоих!

Охнув, он нагнулся, поднял тонкое окровавленное лезвие. И вдруг...

— Арестованный, — прошептал, повернулся к охраннику и заорал. — Где арестованный, я тебя спрашиваю!

Невозмутимость на мгновение покинула глыбу мяса.

— Сбежал, мой капитан. Огрел нас по голове, выбил окно, вот это, и сбежал. Я ничего не смог...

— Ничего не смог! — продолжал орать руководитель группы. — Сначала нужно было стрелять в арестованного, дубина! Почему ты не стрелял в арестованного? Почему ты не преследовал его, мерзавец? Ты не знаешь, что в таких случаях делать? Расстреляю!

— Я... не смог... — мямлил охранник. — Забыл про него... почему-то... только теперь вспомнил... кэп, вы же знаете, что это за тип... — он вытянулся по стойке «смирно» и во весь казенный голос доложил, радуясь собственной сообразительности. — Арестованный заколдовал меня и совершил побег, выбив окно!

Происшедшая метаморфоза и удачная формулировка произвели на капитана благоприятное действие. Он еще немного покричал:

— Ишь ты, заколдовал! А мне теперь хозяин голову снимет? А я тебе сниму, чурбан!

Затем надавал провинившемуся пощечин и постепенно успокоился.

— Интересно, как этого гада зовут? — сказал он, злобно ткнув труп ботинком. — Слышишь, родной, я к тебе обращаюсь! Ты ведь с ним разговаривал.

Дежурный, осмелев, вылез из укрытия и ответил:

— Прошу прощения, гражданин офицер. Он пришел буквально этой ночью, я не успел записать его данные. Отправил сразу в номер, думал, оформить как положено можно и утром, когда он отдохнет. А то клиент сейчас обидчивый...

— Думал, мыслитель... — усмехнулся капитан. — Значит, фамилия неизвестна, рожа незнакома. Малая вошь, наверное... Убрать труп в машину, — распорядился он. — Господи, и вызовите наконец медгруппу! Скорее! — затем огляделся. — Никому не уходить!

Повернулся и пошел на улицу.

— Сволочи, — гудел он себе в нос. — Не нравится им, видите ли, наша жизнь. Не нравится? Пожалуйста, перерезайте вены, делайте петли из подтяжек, глотайте

химию. Масса вариантов... Почему они мутят воду? Почему?

— Почему их столько? — удивлялась проститутка Елизавета. — Опять облава, что ли? Совсем озверели... — Опершись о подоконник, носительница славного имени с любопытством наблюдала, как бригада дюжих милиционеров тащит нечто в простынях. Было интересно, как в комиксах.

— Почему? — плакал добрый волшебник. Неудержимо подхваченный утренним приливом, он плыл по пыльным асфальтовым руслам. В голове его бурлили воспоминания — нет, не собственные! — воспоминания его последнего подопечного. Его марионетки, его спасителя. Он хорошо их запомнил, начиная со вчерашнего вечера и кончая сегодняшним утром, он тасовал чужие воспоминания, как колоду карт, и ужасался. Добрый волшебник механически повторял заклинание, дань минутной слабости. — ПОЧЕМУ Я ЗДЕСЬ! ПОЧЕМУ Я ЗДЕСЬ!

6.2 кристалл «Лекарь», итоговый рапорт, гриф «Штабное»

«Да будет чиста ваша душа, брат».

«Укрепитесь ваш разум, брат».

«Итак, очередной провал. Погибли двое Избравших свет».

«Всемогущ разум! Значит, служащий Областного банка тоже...»

«Да. Ваши предложения, сделанные в промежуточном рапорте, подтвердились, его взяли душегубы».

«Как его расшифровали? Неужели опять из-за неумения сдерживать речь?»

«К сожалению, история гораздо более нелепа. Неумение сдерживать речь показал ваш предшественник. Он впервые вел работу самостоятельно, и отсутствие опыта обернулось обидной ошибкой. Будучи экономистом, Из-

бравший свет заинтересовался состоянием наших финансов, и ваш предшественник неосторожно рассказал ему о некоторых проблемах и проблемках в этой сфере. К счастью, информация о секретных счетах осталась в неприкосновенности, иначе один провал привел бы к целой цепи трагедий. Вероятно, Избравшему свет очень не терпелось хоть чем-нибудь помочь нам, вероятно также, он хотел прийти на встречу с вами, уже имея весомые результаты, во всяком случае, он проявил инициативу — пытался произвести некую банковскую авантюру. Видите ли, ваш предшественник не сообщил ему главную причину наших финансовых затруднений, посчитал это преждевременным».

«Понимаю. Проблема праведных и неправедных денег. Я-то считаю, что деньги изначально не могут быть праведными...»

«Оставьте, брат, не время дискутировать. Разговор идет о следующем провале, теперь уже с в а ш и м участием. Еще одна смерть, еще один тяжкий груз для нас всех».

«Моя скорбь безгранична, вы должны это чувствовать».

«Скорбеть не имеет смысла. Целесообразнее обдумать причины постигшей неудачи».

«Причины очевидны».

«Вы так считаете, брат? Я изучил ретранслированный вами материал. На основании его я составил собственное мнение, которое сформулирую позднее, а сейчас прошу изложить ваши оправдания».

«Запись ведется?»

«Разумеется. У вас есть возражения?»

«Нет. Моя воля ослабла, и я просто хотел уточнить, нужно ли тратить силы на сдерживание не относящихся к делу образов. Теперь мне ясно, что наша беседа официальна».

«Я ощущаю ваше состояние. Но постарайтесь справиться с эмоциями: вас вызвали для серьезного разговора. Начинайте. Информацию прошу кодировать, поскольку с

некоторого времени мы не можем гарантировать полную закрытость штабного канала».

«Хорошо. Мне было дано задание вылепить из уличной грязи человеческую фигуру. Попытка сделать это не привела к успеху. Выбор сырья оказался удачен, и со временем мы, несомненно, получили бы достойного соратника, но свора душегубов слишком рано сумела меня обнаружить. Вмешавшись, враги не дали довести процесс до конца. Я успел только осуществить начальную стадию обработки материала, включающую предварительную настройку мышления с помощью наивной проповеди, а также демонстрацию очищающего видения. Естественно, моделирование кошмара в чужом мозгу потребовало много энергии, в результате чего мой потенциал почти полностью обнулился. Для скорейшего восстановления энергетического баланса я применил полную релаксацию сознания. Сделавшись в этот момент беззащитным, я попал в лапы псов из службы безопасности».

«Брат, эти сведения не имеют практической ценности. Описанная ситуация сложилась банальнейшим образом. Таких, как мы, можно застать врасплох лишь во время короткого отдыха после утомительной работы. Излагайте по существу».

«Постараюсь. Я видел мало способов выпутаться из „банальнейшей ситуации“. Например, используя остатки моего потенциала, попытаться нейтрализовать врагов. Но их было так много, что на всех меня не хватило бы. Я мог потратить часть энергии на связь с вами, но вы были слишком далеко и не успели бы мне помочь. Сил у меня хватило только на то, чтобы удерживать контроль над мозгом сырья. Я решил: затраченные на первичную обработку усилия должны принести хоть какую-то пользу нашему делу, для этого нужно воспользоваться ими в целях своего освобождения. Другого выхода я не видел».

«Ясно. Вместо врагов вы нейтрализовали совесть, позволив себе сунуть под пули другого человека. Кстати, я до сих пор не услышал ваших оправданий. Продолжайте».

«Я считаю, что ваша формулировка некорректна».

«В чем?»

«Если вы проанализировали отчет, то должны были понять, что Александр...»

«Не называйте имен!»

«Простите... Что материал еще не стал человеком, что он оставался подонком. Правильные мысли, которые появились в его голове, еще не принадлежали ему, это были мои собственные мысли. Поэтому я не посылаю под пули человека, как вы утверждаете. Кроме того, я очень рассчитывал, что темные навыки помогут материалу самому остаться в живых».

«Брат, пришло время сформулировать мое мнение. Понимая разумность ваших доводов, я все же настаиваю, что вы повели себя как трус. Ведь вы знали: материал хоть и не стал человеком, он мог бы им стать, он у ж е н а ч а л им становиться».

«Вы не имеете права так думать! Вы штабист, нюхавший настоящей грязи!»

«Укротите эмоции, брат. Я имею право так думать, потому что не меньше вашего работал рядовым ассенизатором душ человеческих».

«Но я сделал это во имя нашего главного дела! Пожертвовав сырьем, я получил возможность продолжать выполнение своей миссии. Брат, вы одергиваете мои эмоции, между тем сами судите, опираясь на чувства, а не на разум».

«Я не сужу вас. Пусть каждый судит сам себя. Просто, размышляя о благородстве вашей миссии, вы попутно спасали свою шкуру. В сущности, поступив точно так же, как ваш... э-э... материал. Помните? Чтобы отвести гнев приятеля, он подставил вместо себя случайного прохожего».

«Если бы меня растерзали, по-вашему, это было бы наилучшим вариантом?»

«Повторяю, укротите эмоции, брат».

«Пытаюсь... Ладно. Как мне надлежало поступить?»

«Прежде всего необходимо было предусмотреть возможность провала, активно подготовиться к такой возможности. Экономнее расходовать энергию, расширить область НЗ, аккуратнее осуществлять внедрение в мир, тщательнее следить за окружающей обстановкой, с осторожностью применять полную релаксацию сознания. Ну и так далее. Вам надлежало не допустить столь безнадежных обстоятельств. Это прописные истины».

«Да, это прописные истины. Но первичная обработка сырья настолько важна, что я посчитал неправильным жалеть на этот процесс энергию. К тому же локация окружающей среды не обнаружила и малейших признаков слежки. Я был уверен, что служба безопасности меня не засекла, поэтому действовал в полную силу. Вероятно, мне не хватило опыта».

«Что ж, душегубы умеют работать, а молодость — не ваша вина. Побеждать учатся в боях. Собственно, вас ни в чем не обвиняют. Абсолютно ни в чем не обвиняют».

«Мне показалось, наоборот...»

«Вот именно, показалось. Внимание, брат, сосредоточьтесь, сейчас я задам вопрос, ради которого вас вызвали на беседу».

«Сосредоточился».

«Небольшое пояснение. Чтобы вы ответили откровенно, мы спрашиваем в момент, когда жива горечь от постигшей неудачи. Обидные слова понадобились для активизации этого настроения».

«Понял».

«Вопрос такой: почему наши многочисленные попытки освещать сумеречные души так часто заканчиваются провалом? Срыв может произойти в любой стадии процесса. Сырье гибнет от рук душегубов либо не поддается обработке — благоприятный исход, похоже, случаен. Особенно страшно, когда сырье подвергает себя самоуничтожению. Вы, наверное, слышали о таких ужасах. Даже если обработка приносит желанный результат и Избравший свет превращается в полноценного человека, все равно, совершая непредсказуемые глупости, он слыш-

ком быстро становится добычей душегубов. Изложите ваше мнение: почему работа в разных обстоятельствах с разным сырьем приводит зачастую к одному финалу — краху? Задумывались вы над этим?»

«Согласен, проблема острая. Насколько я понял, вы собираетесь корректировать тактику нашей борьбы, для чего и проводите тайный опрос?»

«Вы правильно поняли».

«Конечно, я не мог не задумываться о таких вещах. Простите, если мои мысли покажутся вам банальными. На мой взгляд, причины неудач носят глубинный характер и не являются техническим браком, как, возможно, многие из нас полагают. Я вижу здесь действие неких естественных закономерностей. Суть их в следующем. Душа человеческая не портфель, из нее нельзя вытащить одно и вложить другое. Внесенная совесть, соседствующая с гнивающим багажом прошлых жизненных принципов, какой результат она даст? Невозможно предугадать. Не решаем ли мы непосильную задачу, внося совесть в деградирующий разум? Настоящую совесть нужно выстрадать в реальной жизни, а не в очищающих кошмарных видениях. Мы же предлагаем заменитель, усредненный суррогат. Не удивительно, что наша деятельность безуспешна. Вполне возможно, что она и не может быть успешной, поскольку противоречит законам формирования вышеупомянутой души человеческой. Этот процесс диалектичен, в рамки его укладывается только воспитание, мы же пытаемся перевоспитывать. Человека нельзя перевоспитать. Человека можно воспитать».

«Стоп. Вы хотите дать рекомендации?»

«Ну... В некотором смысле — да».

«Тогда я подключаю вас к другому кристаллу. Внимание. Продолжайте».

«Воспитание — единственно реальный способ исправить сложившееся положение. Самое надежное сырье в этом деле — дети. Мы должны целенаправленно работать с детским сырьем... Пожалуй, вот главное. Не думаю, что открыл для вас нечто новое».

«Неужели вы не знаете: наши лучшие братья всегда работали с детским сырьем! В чем же ваши рекомендации?»

«На освещение детских душ необходимо переключить всех нас, а не какую-то избранную группу. Нет смысла тратить силы на бессмыслицу. Я имел в виду это. Кстати, зафиксируйте мою смиренную просьбу. Я очень хочу лепить людей из детского сырья, а не из взрослых подонков».

«Красивое предложение. Красивая просьба. А где гарантии, что однажды вы не решите, будто ребенком можно пожертвовать, потому что он еще не стал человеком?»

«Все-таки вы меня обвиняете?»

«Я подразумевал не вас лично».

«Спасибо. Огромное спасибо. Надеюсь, я удовлетворил требованиям опроса? Теперь спрашиваю сам — что мне делать дальше?»

«Вам? Только одно: выполнять Миссию. Пока существует хоть доля шанса, что сегодняшняя бессмыслица закладывает фундамент для смысла жизни будущих борцов за человека — нужно выполнять Миссию. Нужно вытащить из грязного болота немногих оставшихся еще людей. Нужно помочь этой маленькой драгоценной группе освободиться от присохших звериных шкур. Любыми имеющимися средствами. Любой ценой. Вот главное для каждого из нас. Сегодня — это главное».

«Извините меня, брат».

«Извинения излишни. Я благодарю за равнодушные высказывания. Конец связи».

«Укрепитесь ваш разум, брат».

«Очистится ваша душа».

(повесть)

А. Тюрин

Хождение Вадима СЕРЕГИНА

1.

Я — романтик с большой дороги, вместо сердца, естественно, пламенный мотор. Меня еще шофером называют. Я работаю совсем не понимаю, прилипли на весь день к одному месту и пытаются унасекомить микроны. А у меня за окном — постоянное кино, сто серий. Я, видимо, для баранки и был сделан. Из университета меня пихнули так, что об том можно было в стенгазете прочитать. В армии избавили от лишней тяжести в голове и даже ремеслу обучили. Родители ноют, дескать, зря мы тебя по Эрмитажам водили и на музыку. Это, конечно, зря, спорить не буду. Но я им культурно отвечаю, мол, получил бы я ваше высшее образование — что толку? Сидел бы сейчас да выуживал из носа экономические эффекты или благодарно принимал бы, как горшок, сверхразумные указания начальства. А так выбрал свой путь-дорогу. Чего доброго заделаюсь в далеком будущем философом-примитивистом, стану людей упрощать. Школа моя назовется ухабной — у меня на ухабах все удачные мысли рождаются, правда, вперемежку с давно известными фольклорными выражениями. На ровном же месте я веду растительное существование, слушаю музон, о девочках вспоминаю. У меня до армии их было, что синяков на морде, случалось, по двое-трое в дверь лезут, собачатся, кто самая достойная. А сейчас поразлетелись курносые. Но шукать вечерами по есенинским местам с четвертаком в зубах особенно не тянет.

Приду с работы, афишу сполосну и наслаждаюсь, не поймешь чем. Может, покоем, который другим только снится, а мне пожалуйста. Об этом я собираюсь официально сообщить средствам массовой информации, сделав наклею на ягодицах — буду на конкурсах красоты щеголять. Если позовут. А еще, наверное, соберусь да пошлю в газету «Смена» брачное объявление: «Неумный и неинтересный ищет поклонницу». Если таковая найдется — сразу женюсь, невзирая на фотокарточку.

«Сегодня — жуткий день», — сказал мне один астролог в очереди по сдаче пустой посуды. Я его отправил мыться, а оказалось — все правда. Во-первых, забыл заправиться. Во-вторых, остановился не где-нибудь, а у Черной речки, за постом ГАИ. Встал с протянутой рукой, как нищенка, подайте, подайте. Стою, и в-третьих, на редкость опустело вокруг. Вдруг вижу — идет из лесочка девушка в стиле фолк-рок с коромыслом, а на нем габаритные ведра. Я, естественно, как незанятый трудом, стал тут же виться перед ней — использую момент, или он меня. Спрашиваю, у вас в ведерке не бензин. А она взглядом не то отшивает, не то приглашает и обратно в лес улепетывает. Я догнал ее, в меру кавалера обнаглел, переложил коромысло на себя, иду сзади и вещаю. Все больше себя расхваливаю. Она молчит отчего-то, а потом как скажет: «На свою беду ты меня встретил». У меня вначале холодок по разным местам прошмыгнул. А дальше, наоборот, жарко стало. Но не от переживаний, а потому что двинуло мешком по спине. Я спикировал, но сразу вскочил, готовый отличиться перед дамой. Отпрыгнул, затанцевал, хотел врезать между рог — да некому. Брэк. Вокруг никого, одна моя красотка. На всякий пожарный говорю:

— Ну и шутики у вас, остроумные, как в зоопарке.

Но вижу по ее отстраненному виду, что она здесь ни при чем. Или замаскировалась хорошо. Я не стал обижаться, тащусь дальше, но, конечно, заноза в мозгах засела — что-то не то. И лес мне не по нраву, густой

чересчур, хотя в двух шагах от дороги. Птицы заливаются, зверек кричит, надывается — непривычный концерт. Впрочем, я по лесам никогда не бродил, в партизанах не числился. Сравнить не с чем. Может, саунд насыщенный, как и положено. От нечего делать я свою знакомую рассматриваю: внешний вид с намеками, уж не системная ли девочка. Платье из авангардной дерюги, поясок кожаный на лбу, фенечки на шее. Вдруг у них здесь летний лагерь для развития придури. Но девица приперлась не к стойбищу, а к вождистскому забору и воротам в резьбе а-ля-рюс. Она колотушкой по дереву хлоп. Ворота раскрываются, в них рыло сонное стоит и бороду чухает. Я за девой, а мурло за мной.

— Куда прешь?

— Спокойно, шеф, — говорю, — я интурист из мира развитого социализма.

— Пропусти, — снизошла наконец моя красотка, — новая человечья сила.

Хата капитальная за забором, хоть и стоит на двух сваях. Дескать, проживает здесь простая баба-яга.

Входим мы потом на кухню размером с вестибюль метро, я ставлю ведра и говорю:

— Пошли погуляем, солнышко.

В ответ «солнышко» бьет меня половником по лбу и командует очередным муркетом:

— Чужого в Исправильник.

— Какой питомник для дур взрастил тебя, прекрасное дитя? — без особых околичностей откликнулся я.

Тут меня хватают, бьют пару раз об стену, а потом несут, открывая многочисленные двери моей башкой. В конце концов бросают на осклизлую солому и запирают под замок.

Вот так познакомился.

— Чтоб ты родила буратину, неотесанная, — заорал я, но получилось жалко, еле слышно — с перепугу, должно быть, или от сотрясения.

2.

Утром — а это было утро, судя по полоскам света, просочившимся в скудное окошко карцера — голова вглубь не болела, хотя лоб, конечно, страдал. Что там с моим зилочком, кто может сказать?

— Пустите к машине, черти, — заколошматил я тапком в дверь.

И тут замок щелкнул, открылся выход, шмыгнула какая-то тень в сумраке коридора. Я прошел по пустому дому во двор и, не связываясь с запором на воротах, перемахнул на другую сторону забора. Приключение вроде кончилось. Можно, конечно, кричать, кидаться навозом, призывать мучителей к ответу. Но неохота. На кого жаловаться? Как, где, когда отлупили? Эй, кто-нибудь, дай ответ. Не дает ответа. Номера на доме нет. Там в бору за сосенкой — не звучит. Ладно, хрен с ними. Пусть им пищеварение совесть затруднит.

Я прошел сто, двести, пятьсот метров, и никакой дороги. Или надо было в другую сторону идти? Но в этом лесу, как ни странно, не попадалась ни одна ходячая справочная, то есть ни дачника, ни разорителя грибниц. Вообще ничего человеческого, кроме тропки. Значит, все-таки влип. Что там эти фашисты за забором сделали с моей головой? Или вдруг в Америку катапультировали без единого доллара в кармане?

А потом тропа на холм стала забираться. Ну, окей, сверху, говорят, видно все. Вправду, вскарабкался и различил с другой стороны холма несколько темных изб. На прилизанное садоводство не похоже, однако такие строеньица по России встречаются не в единственном числе. Побежал я вниз, с размаху перескочил какой-то плешивый частокол и оказался у мужика на огороде. Сам мужик в поддевке да в берестяных лаптях лыком к ноге пришпандоренных — прямо этнографический музей. Может, тут действительно заповедник и вздули меня

тоже для создания исторического колорита. Заодно в фильм снимали с эдаким бесплатным каскадером.

— Ну что, смерд, сеешь? — блестя эрудицией обратился я к экспонату.

— Самое время, барич, травень начинается, — отвечал мужик, наваливаясь на плуг или на соху.

А если разжиться у него харчами? Не от розетки же он питается.

— Давай я тебе помогу, — сделал я первый ход.

— Иди, картоху сажай, — и он протянул мне какую-то палку с пропеллером на конце.

Вот это недосмотр, какая ж в древности картошка и пропеллер? Надо будет при случае местному заправиле на ошибки указать.

Потыкал я палкой, тут старик взял обратно свой инструмент, навертел несколько ямок и бросил туда картофелины.

— Вот так, несмышленный.

И я с удовольствием отвлекся на труд. Но, очевидно, перестарался, потому что сил оказалось немного и они скоро потребовали подкрепления. Когда я совсем сник, старче махнул корявой рукой, вроде как приглашая в дом. По крайней мере, я этот жест истолковал в свою пользу. В избе все было выдержано в том же ископаемом духе, мне даже понравилось. Но на вопросы, где дирекция, где автобус, где магазин, ни старец, ни его хозяйшка отвечать не стали. Даже отвернулись. Не на шутку увлеклись товарищи эпохой. А я с укоризной самому себе подумал, что не знаю, как именуется половина из их вещичек и шмоток. И тут у меня под ушибленным лбом зароилось: это братчина, это ендова, а это буза. Бузы я вытребовал, и с первого ковша меня понесло. Туда, куда они мне присоветовали идти — в Царское Село. Это у них, верно, так дирекция обзывается. Сказали, что от Выселок, то есть от их деревни, до того места час резвого топанья.

Бежал я мимо степенных мужиков, телег, повозок,

лошадей с льяными гривами. На всех мордах и лицах следы довольства и труда... Заповедник не мал оказался по штату и имуществу.

Царское Село я сразу признал по красивым домам с наличниками, коньками и разной дребеденью, По улице, крытой гладко тесанными брусьями, прохаживался изрядный телесами человек и вел себя по-хозяйски, регулируя движение пинками и подзатыльниками. Поэтому я сразу к нему и направился.

— Товарищ городской, заблукал я малость, мне бы выбраться отсюда, — бойко выпалил я, надеясь на быструю помощь.

Как бы не так. Амбал, которого я почему-то назвал городовым, отмахнулся, как от назойливой мухи, и пошел себе в другую сторону.

Играть так играть. Я догнал его и снова затараторил:

— Премного будем благодарны, начальник дорогой, если научите, куда мне, простому человеку, деваться.

— Беги дальше, в приказную избу, что возле Государева Двора, к дьяку Василию, — показывать направление городской посчитал излишним и снова отвернулся.

Спрашивать у него было уже неуместно, а у народа не хотелось, потому что никого не оставляли равнодушными мои порточки и шузы. Этнографическая чистота у них, что ли? Но тут меня словно притягивать куда-то стало. Не думаешь, а идешь.

И не ошибся. Я эту приказную избу сразу узнал, вернее Государев Двор. Там, за каменной оградой, вдоль которой дядьки с бердышами прогуливаются, — хоромина, будь здоров. Тут и фильмы для госпремии снимай и кабинеты устраивай, где воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка, даже при самой напряженной работе.

А перед приказной избой пороли мужика. В натуре, не бесконтактным способом. Это, наверное, тоже входит в наше наследие, но интересно, сколько битому грошей дадут на физиотерапию и где спрятана камера. Я попытался выяснить.

— Беги воруи, — попросили меня не задерживаться и идти по своим делам ражие ребята с батогами. Предложение было с благодарностью принято, и я напрямик направился к дьяку Василию.

— Ты мне осточертел, — заорал дьяк на писаря в углу, скромно скрипящего пером по свитку, — сколько раз велено тебе прокликать через глашатая, чтобы всех прибывших извне вели вначале в Исцелитель.

— Значит так, зовут тебя Вадька Серегин, — обратился он ко мне, — делать ничего по-нашему не умеешь. К хорошей работе тебя не представим, потому что навредишь, а пойдешь на черную. Жить тебе предстоит в Поселении, тело питать хлебом и капусткой, коих положено получать по два камня в день, если без провинностей. Работать будешь, как и все, от зари до зари, а отдыхать зимой. Там тебя учить станут, от этого не отнекивайся, иначе не выбиться тебе в десятники. Коли проявишь радение и смиренность, переведем тебя в Слободу, в подмастерья, или в деревню, Государеву землю потом поливать. А сейчас раздевайся, выдадим другую одежонку, кафтан из поскони, лапти...

— Как бы не так, мышь белую, что ли, нашли? — возмутился я. — Не согласен на эксперименты.

— Слушайся начальников, — продолжил дьяк, — и тогда продлятся дни твои. Государя, хоть он и отдал всего себя на благо, особо не славословь, родимый сам о тебе вспомнит, если понадобится. А вообще, у нас каждый на виду, за лень мышц и бред головы ответ держать придется, не сумлевайся.

— Да пошел ты, аппаратный боец, — разозлился я, — икай тут без меня, — и собрался уже идти, да столкнулся в дверях с детиной. Как они их откармливают до такого бугайства?

— Это, Серегин, лекарь твой, без него-таки никак, — дьяк хихикнул, — давай, Семенов, помоги человеку.

— Ну, я сейчас вам, — сказал и решил, что уж

прорваться смогу. Я однажды с похожим жлобом дрался и одержал полную викторию. Он полчаса за мной гонялся, потом впилился мордой в асфальт, а я сел на трамвай и уехал. Ну и сейчас закричал: «Я-а, пасть порву», чтобы лекарь этот оробел, сделал выпад «йоко». Кажется, он меня за ногу схватил. И забил в пол, как гвоздь, по самую шляпку. Причем я сам себе и молотком был. Обидно.

3.

Белый свет я увидел в повозке, которая тащилась в это самое Поселение. А как прибыл, то переодели и переобули меня, не спрашивая. Да привели в курень, общий дом стиля «баракко». А там изо всех углов рож на меня зверские зыркнули, сотоварищи мои новые. Сел я на нары, все усек и раскис, что тут стесняться. Ведь упекли меня каким-то свержособым совещанием в место лишения свободы. Срок — пока не дозрею, статья — между строк писанная. Уже ясно, почему я не видел ни автобуса, ни трактора, ни экскаватора. В тюрьге их не надобно, гражданин зэк роет носом землю почище экскаватора.

Потом одна из зверских рож мне говорит:

— Учить тебя сегодня больше незачем, садись с нами вечерять.

И ел я хлеб, лук, запивая пахнущей болотом водой, и слушал немудреные разговоры. Я даже слегка пожалел, что с вузом безоглядно распрощался. Сидел бы сейчас в конторе, перевирал цифири да ничего не знал бы про бедолаг, у которых только и темы — что лучше для задницы при порке — ремень или розги.

И началась тоскливая жизнь.

Ночью храп, вонь, ветер дует в щели, прямо не знаешь, с той или этой стороны стены лежишь. Как не старался, но насрать сон на себя не смог. А лишь забрезжило тощим еще светом, ударили в било. Я даже

обрадовался, что конец пришел осточертевшей ночи. Барачный люд понатыгивал портки да рубахи и разбежался по своим ватагам. Стал и я брать свои первые уроки в тюряжных академиях. Самый свирепый мужик в ватаге зовется Мудрым. Он и вычисляет, сколько ты наработал за день. А кормят там, когда уже полдня отпахал, так что сноровистые люди питаются подножной травой и из коры кашу варят. И если Мудрому кажется, что ты бережешься, — он тебя бьет. Бережись можно, но только не новичкам. А вдруг почудится мужичкам, что ты шибко стараешься, то они тебе сделают сдвиг по фазе — парашу на голову нахлобучат. Кайф! Еще у всех прибывших проверяют силу ума, тестируют поленом в лоб, когда задумаешься. Но это — мелкие шалости. Ребята-то, в общем, свои. Они первые три дня меня с работы на тачке привозили в безрадостном состоянии. Я всю ночь на полу растекался не в силах собраться, чтобы лечь на нары. А работа там такая: люди борются с Болотами. Одни роют каналы, отводящие воду, другие таскают тачки с щебнем и камнями от большой кучи до топи. Учет ведется не по тачкам. Ведь с ними не ходят, а носятся; если десятнику считать — скоро в глазах зарядит. Измеряется труд по тому, как куча убывает. Поэтому, хоть раскидывай щебенку, хоть ешь, — главное, чтобы к тебе ничей взгляд не приклеился. А то Мудрый будет стимулировать твои умения кулаком, десятник порку пропишет для наказания-исцеления. По мне — розги лучше, чем ремень. Кожица, конечно, рвется, зато мясо не портится. Ведь кровь не застаивается, а брызжет наружу, как сок, тем самым прочищая мясо. И вообще, порку правильно принять — большое искусство. Люди, в этом сведующие, считаются мастерами и дают уроки. Вот, например. Если кожу набивать ладонями, она становится толстой и плотной, как у свиньи. Особо важно удар раскидать. Может статься, что набычишься и оставишь его, да только сила, как солнечный луч через стеклышко, дальше в глубь тела пойдет. А гасится удар,

когда косишь мышцей на сторону. Если искусством овладеешь, то всегда счастливым будешь. Недаром знатоки говорят: «От работы дохнет всяк, а от порки лишь дурак». Понимай так, лучше нижним «лицом» пострадать, чем на щебенке надорваться.

А как стал я привыкать к своему новому существованию, то понял — слова очень мешают. Они руки-ноги сковывают и мозг разъедают почище отравы. По меньшей мере отвлекают и настроение портят. Как худой наушник нашептывают: того теперь у тебя нет, сего, а раньше было, было. Тогда я стал для своего спасения слова душить. Надушил десятка три, а потом уж какая-то щелка открылась и лишнее туда утекло.

Названия тех дней, когда человек может только есть, пить и смотреть в ящик с движущимися картинками. Забыл. Как называется такое ничего-не-деланье. Эх, забывал. Имена моих девушек. Забыл все, без исключения, даже эту, как ее. Ну, ладно. Занятия, когда человек с жиру бесится, но одобрение вызывает. Пробел. Профессия, при которой дозволено лопотать с умным видом о том, чего нет. Нолик. Место, где человек может остаться совсем один, причем на законных основаниях. Пробой. Дом с большой луковицей наверху, где человек требует, чтобы у него было поменьше удовольствий. Один свист в голове. Забава, когда взрослые люди бегают друг за другом, а догнав, ничего не отбирают. Пусто. Когда бьют по рылу по взаимному согласию и даже не ради поучения. Опять пробел.

Вот пропали слова, потаяло и то, к чему они относились. Остались непонятные обрывки, витающие в голове, как клочья бумаги.

Это я ходил в специальное заведение и смотрел там, как кто-то проделывает всякие шутки с бабой, жрет, лежит на диване? Да что я, враг себе был?

Неужели я читал книги, где черным по белому написано, что человеку можно превратиться в зверя или в лучик? Или носиться по небу, от работы подальше, а

вкалывать на него будут разумные скелеты из железа? И меня не затошнило от такой муры?

Приснились ли мне люди, которые мажут красками по холсту, или долбят камень, или щиплют натянутую проволоку и уверяют при том, что изливают чувства? Я быстро дошурупил, конечно же, это страшный сон. Разве найдется такой придурочный, что напрасно потратит силы и материал на общеизвестное. Чувств-то всего два: удовлетворение от проделанной работы и неудовлётворение от непроделанной. Честные маляры изображают только сосредоточенные лица начальников, которые висят повсюду и как бы говорят: я с тобой. Или мускулистые тела тех, на кого мы должны равнять себя в напряжении труда.

Потом я не смог объяснить себе, почему у меня родителями были мои папа и мама, а не по-настоящему заслуженные люди.

И вот настал светлый день, когда голова окончательно освободилась и стала непосредственно сообщаться с конечностями. Заметив мою внутреннюю свободу, начальники выдали мне дополнительную порцию каши и отправили в Дом Вразумления, к Учителям.

4.

Вадим знал о себе, что он родился в доме Обмена Опытом от усердной прачки именем Славотруда и охранника Сереги, который был храбрым воином. Охранник часто навещал своего сына, приносил ему соль и даже сахар. Потом Серега геройски погиб в сражении с диким сбродом, нахлынувшим для злочиний с Болот. Его и Славотрудина судьба есть наука для Вадима. Ибо каждый в Поселении на своем месте должен делать так, чтобы жизнь стала удобная и здоровая по всей Земле. Чтобы кругом можно было и сеять и жать. Чтобы плодился скот и птица, и пчелы копили сладкий мед, и рыба множилась в садках. Но для этого надо бороться и

побеждать многоголовую заразу, ползущую на мир с Болот.

Учителя говорили, что мир существует по справедливости. И пища, и частота Обменов Опытом с женщинами, и похвала начальства, и причастность к великому делу Благоустройства Земли — все распределяется согласно полезности человека. Каждый может стать знатным трудовым витязем и попасть в число лучших людей. Наказание и поощрение есть закон рукотворной природы; соблюдается он так же свято, как закон возвращения на почву подпрыгнувшего человека.

Здоров тот, кто стремится к увеличению своей полезности. Но болен и преступен тот, кто говорит на свою работу: «что толку в ней» или «зачем она мне». В этих непристойных словах за мнимой рассудочностью скрывается утробное желание спихнуть свою долю трудов на товарища. Более того, единичным слабым умишком тщетно осмысливать то громадьё замыслов об изничтожении беспорядка, что зреет в слитом разуме всего народа. Безумен тот, кто запирается в своей голове, как в коконе, измышляя иные миры и представляя удовольствия, которые якобы можно получить там, не ударив палец о палец. Дважды безумен скверный человек, не чтящий десятника и сотника, раз те не заняты черной работой. Одержим бесами тот, кто полагает начальников пиявками, присосавшимися к народной плоти. Попирает он Начала Благоустройства Земли, в коих сказано, что для успешности и слаженности усилий необходимо разделение на чины. Ведь не возьмется рассуждать даже самый набитый дурак, что нужнее телу: голова или руки.

Когда Вадим осознал выгоду радения за общее дело и мерзость непослушания, а также обучился учетному делу и землемерному ремеслу, то был забран из ученичества и вскорости сподобился чина десятника. Там он показал себя человеком, ведающим степень старания на том или ином участке борьбы с Болотом. Ведь если простой поселенец взыскует трудового подвига, то десятнику надлежит распределить этот порыв так, чтобы вы-

шла наибольшая отдача. Теперь у Серегина был и свой занавешенный уголок в курене, отдельная миска и рундучок, куда можно было складывать остатки еды. Подходил уже срок, когда за проявленное усердие должны были выдать ему пропуск на посещение Дома Обмена Опытом. Выделялся ему теперь даже час личного времени перед отбоем, который можно было тратить на добавку ко сну, чесание в голове и лечение чирьев. Но Серегин его расходовал на составление умной бумаги про улучшение дела — что также не возбранялось. Смекалистый десятник думал про то, как выявить и учесть для последующего применения все телесные силы, как установить их подспудную связь с количеством потребляемых щей. Предлагал он в своей записке: изыскание дополнительных возможностей к труду поощрять с щедростью, но без дополнительных трат. Например, значительным увеличением времени, дозволенного для отправления естественных надобностей и помывки. Серегин ознакомил со своими предложениями сотника, но каково было его разочарование, когда старший руководитель подверг их резкому неодобрительному суждению. Дескать, выпячивается потребленчество там, где должна возбуждаться законная гордость труженика, что он без остатка переходит в эти квадратные аршины вырванной у Болот земли. Если бы дело ограничилось критикой. Но, кажется, сотник, козел трескучий, понаушничал про Серегина Управителю Поселения. Не оттого ли нового десятника стали отправлять на самые отдаленные участки, где Управитель старался не появляться со своими обходами.

Но однажды занедужил болотной лихорадкой один из старослужащих десятников и Серегина послали определять размеры более просторной изгороди для растущего Поселения. Приставили, конечно, к нему и конвойного. Но тот, погрозив пальцем: «не балуй», развалился в сладкой дреме на травке. Вадим быстро и ответственно подсчитывал расстояния и находил углы, как вдруг увидел Управителя Поселения и старшего офицера охраны.

Они, тихо беседуя, приближались к нему, наполняя сердце Серегина сладостью надежды. Десятник стал еще более искусно и прытко выполнять свою работу, надеясь привлечь благосклонное внимание. Но начальники прошли мимо, даже не удостоив взглядом. Серегин сразу смирился с тем, что лично для него все рухнуло. Не о себе он горевал, а о великом деле Благоустройства Земли. Знать, что отодвинется прекрасная пора, было невыносимо. И он, переживая борьбу теплых и холодных соков в своем теле, решился обежать начальников, несмотря на запрет поселенцам самочинно догонять лучших людей. Вадим пошел быстрым шагом, выбирая место, где бы он мог вынырнуть перед Управителем, не напугав его. Но внезапно зацепился ногой за бревно и чуть не упал. О, ужас! Бревно ожило и стало конвойным, который давно уже переполз на более теплое местечко с прежнего лежбища. Охранник вскочил, замотал Серегиным, как тряпкой, зашипел, раздувая усы: «Недозволенные действия первой статьи». Вадим сразу вспомнил: за первую статью виновные подлежат разжалованию и переводу на черные работы. Он не боялся заслуженного разжалования, но обширный, хотя и не совсем внятный замысел, ради которого и великие и малые тратят свои жизни, заставил его слукавить. Вадим запихнул в рот пучок пожухлых стебельков. Те, кто совершал недозволенные действия, накушавшись дурман-травы, злоумышленниками не считались. Они всего лишь направлялись на исцеление-наказание к лекарю-палачу, у которого имелась большая клизма с двумя медными трубами и помпой.

Вадим замычал, заерзал, обвис, ушел конвойному под руку. Все сделал вроде несвязно, а получился прием. Охранник упал и расквасил себе нос, потому что не выставил руки вперед, а с упорством матерого волкодава держал Серегина за шиворот. «Бунт. Бу-у-у-нт», — закричал воин, вынимая лицо из окровавленных лопухов. Бунтовщикам полагалась высшая мера — чистить нужники пожизненно. Они даже и спали в отхожих местах,

и питались там, потому что ни одна ватага не пускала их в курень. «Исполни долг», — прочертила молния в голове Серегина. И он, уже нисколько не укрываясь, кинулся за начальниками с криком: «Я хороший!». Слабая память подыскивала слова для объяснений, но спина почувствовала наводимое дуло, а ноги подкосились. Серегин был на полпути к земле, когда рыкнул самопал конвойного. Нигде не заболело, и Вадим понял, что он невредим. Но тут страшная сцена ошеломила его. Управитель закричал, как тетерев, взвился в воздух и рухнул. Волчья дробь поразила его прямо в седалище, покрыв белую ткань штанин алыми пятнами крови. Старший офицер охраны резко обернулся, хищно глядя из-под сросшихся бровей. Он раздул ноздри, выхватил шашку и, рубя ею воздух, бросился к охраннику, желая немедленно искрошить того, как самого подлого, вероломного бунтовщика. Честный служака, пытаясь отвести подозрения в измене, отшвырнул проклятый самопал и стал оправдываться: «Нечаянно, нечаян-н-о». Но быстро сообразил, что разъяренный офицер слышит только чарующий свист своей шашки, которая залежалась у него в ножнах. Бег охранника был стремительным. Однако из караулки на шум выскочили бойцы, точно определили того, кто убегает, и стали загонять своего недавнего товарища в угол. Серегин этого уже не видел. Жестоко страдая от чувства неудовлетворения, он забыл о запрете лежать на земле и стремительно уползал в сторону Болот. Он понимал только то, что при любом раскладе его шкуре несдобровать и великому делу надлежащим образом послужить уже не придется. Он знал, что никакого пути, кроме как на Болота, у него нет, везде заставы и псы-волкодавы. Он отдавал себе отчет в том, что жизнь на Болотах невозможна, ведь там никто не будет выдавать ему харчи и одежонку. Но ему вдруг очень захотелось остаться одному. Терзаясь муками совести, он пожертвовал ради этого и исцелением-наказанием, и работой, и пищей.

Болота лежали настолько, насколько... Взгляд летел вдаль, но они не кончались и в конце концов сливались с небом. Учителя говорили, что когда-то без края была твердая почва, но она мало-помалу стала прогнивать. Очень много земли пропало. Болота бы погубили и оставшуюся, но Государь, весь добрый люд грудью оставили напозавшую отовсюду гниль.

«И Болота есть предел Благоустроению нашей Земли, положенный неразумной природой. Но предел не вечный, поелику новая творимая нами природа должна заменить прежнюю, не оставив ей ни лужи, ни колдобины. Не суесловно добавим, грязь природная приманивает и растит грязь душевную человеческую. Укрывшийся на Болотах лютый народишка хоть и мал числом, но вреда и злобы приносит достаточно. А поэтому, как только задует зимник и схватится вода льдом, лучшие люди и ополченцы идут на подонков. Ловят и бьют их и волокут в Исцелитель. Там лаской и твердостью и тонким вскрытием черепа лечат болотных злодеев и делают пригодными для правильной жизни, послушными и полезными».

Но сейчас Серегин будто протрезвел и усомнился, можно ли закидать топи камнями и щебнем, отвести воду с просторов, уходящих в никуда. Уж не зряшно ли согревают поселенцы своим жизненным дыханием эту прорву.

Серегин шел по лядине, потом и она кончилась. Повалил он небольшое деревцо, обломал его и, пробуя жижу получившимся посохом, двинулся на все четыре стороны. Не раз хватала его трясина беззубым ртом, да всякий раз успевал он вырваться, так что оставил ей только свои бахоры. А потом идти стало легче, и опять вылез кривобокий березняк. Наконец показалось ему, будто дощечки у него под ногами. Да и вправду что-то держало крепко, хоть пляши. Вскоре деревянные мостки вывели на небольшую, но ладно струганную избу. Де-

ржалась она на двух сваях, которые не давали ей опуститься в хлябь, как руки увязшего в грязи великана.

Поднялся Серегин на крыльцо, помыл ноги в кадучке, толкнул дверь и оказался в светлой горнице. И печка была в муравчатых изразцах, и стол, и лавки, застеленные меховой ветошью, и надлаводницы с медной утварью, и большой ларь. Почувствовал Серегин страшную слабость в членах, еле добрался до лежака. А только смежил веки, сразу и обрубился. Пробуждение было внезапным. Он открыл глаза и увидел чем-то знакомую девицу с кожаным пояском на пахнущих цветами волосах. Да вот неоткуда ей здесь взяться.

— Сгинь, — буркнул Серегин и отвернулся.

— Приказано быть любезной с вами, — грустно сказала знакомая незнакомка и не растаяла.

— Тебя, небось, и поцеловать можно за так, — оживился Серегин, — и похлопать по одному месту за спасибо.

— Я теперь ваша почти-жена, — потупилась она.

От выражения столь безусловной покорности Вадиму стало не по себе. Однако он взял девушку за руку. Ладонь была легкой, прохладной, душа Серегина не выдержала и полетела к красотке. Сам Серегин потянулся следом.

— А я все видел, — с чердака по лесенке спускался упитанный мужчина в красной шелковой рубаше. Где-то наверху зазвучал скрипично-балалаечный квартет.

— Ой, Государь пришел, — девушка отпрянула и зашептала Серегину, — кланяйся, кланяйся.

— Ну, что ты, Катерина, — заговорил мужчина сладким голосом, — никакого принуждения. Мы же не в Поселении. Придет время, сам поклонится, по велению сердца. Если я, конечно, заслужу.

— Вы, Государь? — изумился Серегин.

— Да, мы, собирательный образ народа, внешне скромный, простой милый толстячок. ничем не примечательный гражданин — и есть Государь всея Земли. Разве

это не знаменательно? Разве не легче от этого людям? А для тебя, Вадим, я — Тимофей Николаевич, просвещенный монарх.

Великий стал простым и близким, но величия при этом не растерял. У Серегина радостно запрыгало сердце, стало хорошо, будто он какая-то часть тела у Государя. Палец, например. Вроде небольшая, да никому не отдашь.

Верховное лицо огребло несколько книжек со стола и бросило их в печку.

— Люблю читать молодых, даровитых, продвигать их. Но люблю и поозорничать, чтобы стресс снять. Устаю я, Вадька, смертельно, даже утexas становятся мне утомительны. Ведь за всем надзираю, слежу, чтобы сохранилось и преумножилось. Только вот Болота укрылись от моего попечения. Даже сейчас, когда я попираю их пятой, они чужды мне. И я не боюсь, Серегин, признать в том. Лукавая сила зовет меня вглубь, чтобы изранить меня во тьме. Но я не хочу зачехнуть от ран, я так нужен народу.

Государь, ласково улыбаясь, погладил себя по пузу.

— Народ может пока не беспокоиться. Есть еще на что облокотиться. А с лукавой силой иначе сладим. Без таких больших жертв.

— Учителя говорили, что у нас все по справедливости. Но как заставить солнце или грозу быть справедливыми? — спросил Серегин.

— А я на что? — удивился Тимофей Николаевич. — Учителям твоим много не дано понять из того, что ведомо и простой бабе Дуне. Когда что-то движется или является — значит, я «за» или хотя бы не против. Но нет в этом никакого насилия и произвола. Я никогда не иду против законов. Правда, я сам же их и придумал. Но разве это было сделано без любви в сердце, без желания угодить всем? А в итоге то, что случается с рукотворной нашей природой или нашим народом, происходит как бы само собой. Впрочем, бывает, что и вша кашляет. Был

бы наивен я, словно юная девушка, если бы считал: не существует-де возможности противозаконных событий. Больше того, они только и ждут момента, чтобы вылезти из своих нор. Но я начеку, не они меня подлавливают, а я их, и чик-чирик, — монарх сделал движение, которым выкручивают белье, — приходится отвлекаться от обеда, сна, любовных игр, чтобы пожурить солнце, выбранить грозу...

Серегин с жадностью внимал и запечатлевал слова Государя. Он, бегущий от исправительной клизмы и нужниковой службы, приобщается к самому сокровенному. С ним учтиво говорят те уста, которые полчаса назад материли солнце.

— А ты и не беглый вовсе, — поправил его Государь, — ты такой же свободный человек, как и я. Ты даже свободнее. Я ведь полностью подчинен законам, а то, что можешь учудить ты, никому не известно. Солнце, толпа, они заметны, им никуда не скрыться. А ты юркнул — и исчез, прыгнул — и затырился. О, сколько в тебе побуждений к противоправным деяниям, которые вызреют под влиянием праздности.

— Да я ни словом, ни духом. Сука буду, если вру, — перепугался Серегин.

— Ну, полноте. Не расстраивайся. Так или иначе, я привожу все к общему знаменателю. Мне любой ветер попутный, — успокоил Серегина Государь, — а вот ни слова, ни духа в тебе сейчас нет. Поэтому ты такой робкий, как бы ничтожный.

— Эй, вжарьте мой первый скрипично-балалаечный концерт, — крикнул Тимофей Николаевич квартету, — аллегро виваче.

Музыканты принялись наяривать, как бешеные.

— Я растапливаю лед, я срываю кору, я снимаю кирпичи, — Государь, как иллюзионист в цирке, взмахнул руками, — я возвращаю тебе память!

И Серегина закружил водоворот, он даже упал. Слова, образы и навыки лезли из подполья в образовавшиеся

щели, как очумелые. Серегин забубнил, задергался в танце, зачитал нараспев стихи. Он начал понимать, что с ним происходило, и очень огорчился.

— Я буду спорить, Тимофей Николаевич, я протестую. Там, за бугром вашей хваленной Земли, люди давно уже не корячатся на глупой работе. Только с машиной. Сломалась, дайте другую. Дураков нет. А что вы у себя устроили? Удалили умственную заразу вместе с мозгами?

— Эх, опомнился, заголосил... Однажды кое-кто здесь сделал дизель и полпаровоза. А что потом стряслось? Ну, подумай, умник. Что может случиться, когда начинают на пустом месте? Когда все до последней финтифлюшки надо скропать самим? У вас там, в лучшем из миров, это было. И у нас. По тому же сценарию. Грабеж одной половины населения, перенапряг другой, беспредел. Зимой дошли до того, что ели друг дружку. То-то. Сейчас единственное техническое средство осталось — телефонная линия между моим кабинетом и гаремом — для устранения неизбежных конфликтных ситуаций. Напряженка, конечно, кое-где присутствует, но опять-таки для немногих. И то, пока я Болотам шею не свернул. Только никакая механизация против них не поможет. Я однажды вынес по частям из большого мира экскаватор. И что же? Утоп на второй день — до сих пор ковш из трясины торчит, как голова ящера. Это место так и зовется «Яшина топь». Ты думаешь, я каменный? Наоборот, скорблю всем сердцем по поселенцам. Третий тост всегда за них предлагаю. Одно меня утешает. Никто в поселениях, кроме особых неслухов, целую жизнь не коротает.

— Не верю, — полез в бутылку Серегин, — что можно мало-мальски прилично существовать без электричества, магнитофонов, телевизоров, нейлоновых курток, таблеток...

— Именно можно. И иметь самый здоровый образ жизни. Ты видел моих амбалов? За два метра вырастают. А столетнего старичья пруд пруди, они даже эскадронами

командуют. Старух своих в погреб законопатят и бабенок им подавай молоденьких. Солнце светит, дождь поливает, земля родит. Кому положено — те ягнятся и телятся. Все через руки проходит, душевным теплом согревается. А лишнего ничего не надо. Лишнее плодит лишнее по-тараканьи быстро. Ваши там индустрии друг на дружку работают да истощают землю вглубь и вширь.

— Но ведь кое-что от них и для людей остается, — не сдавался Серегин.

— А человека перенеживать да перекармливать не стоит. Иначе будет жить между запором и расстройством. Киселем станет. А мои ребята гвозди перегрызают, поленья лбом колют, рыбу зимой руками ловят, воробьев на лету глотают. Страдают разве что избытком иммунитета. Любой микроб отскакивает, как ужаленный. Вот только миазмы с Болота человека могут подпортить. Тебя, Вадька, как валтузили, а сейчас позировать можешь для картины «Молодой современник. Кафка Корчагин». Я, кстати, живописую помаленьку. Недавно закончил «Портрет жены и мужа художника», а перед этим состряпал монументальное полотно: «Анус и Аня». Мог бы я творить, будь вокруг плохо? Нет. Когда мне хорошо, — значит, и всем хорошо. Так выпьем же за меня! — неожиданно предложил Государь.

Появился ненавистный Семенов с бурдюком и наполнил кубки.

— Заметь, Серегин, серебряные, а не золотые, — обратил внимание Тимофей Николаевич.

Вадим никогда из таких сосудов не употреблял, поэтому залился с головы до ног, в отличие от ловко пьющего Государя.

— Понимаешь, Серегин, я ведь еще не бог, — поделился Тимофей Николаевич, — и мне, увы, свойственны заблуждения. Конечно, в мелких вопросах. Я долгое время считал Болота косным веществом и не мог понять, в чем их сила. Но в конце концов разобрался, масло-то есть еще в голове. Скверну несут не Болота, а посред-

ством Болот люди, которые там обитаются. Конечно, это не сброд, а хитрющие враги. Сколько раз я посылал им вызов: «Выходи на ны. Сойдемся в честном бою». Нет, они таятся в гнилых местах и беспощадно, с упорством, достойным лучшего применения, превращают мою землю в грязь. Мне надо выволочь их на свет. Почему бы тебе, Серегин, не сделаться у них атаманом, не поднять мятеж. Разве ты не подходишь для этой роли? Тебя же обидели и словом и делом, упекли на нары, оболванили.

— Да мелочи, Тимофей Николаевич, какие могут быть счеты, — Серегин вспотел, потому что понял — исповеди начальства даром не проходят.

— Обидели, обидели. Гноили, понимаешь. Такое нельзя простить. Они ответят тебе за все... — Государь вдруг истошно завопил: — Слава господину атаману!

Серегин беспомощно заозирался, как загнанный зверь, а Тимофей Николаевич пригубил еще раз, отдал кубок Семенову и полез в ларь.

— Так, кафтан парчовый черный — одна штука, штаны с лампасами и напуском — одни, сапоги хромовые — пара... Меняй одежду, Серегин, не стесняйся. А ты, Катька, отвернись. Пока что ты ему как чужая. Но ничего, свыкнетесь, голубки.

— Это не мое, — энергично запротестовал Вадим.

— Казна за все ответит, — наступал монарх, — ты должен быть под стать мне. Такой же красивый и притягательный для народа. Мы с тобой, как два дурака, друг друга издали видеть обязаны.

— А что мне надобно делать? — уныло спросил Серегин.

— Почему такой скушный голос, Вадька, — подбодрил его Тимофей Николаевич. — Ты станешь героем. Другим героем буду я. Ты поднимаешь бунт, я его безжалостно подавляю. Но не сразу, конечно, чтобы никто не подумал, что его разыгрывают. Это будет кровавая историческая драма. Тебя будут любить, меня — бояться, о тебе сложат песни, обо мне — легенды.

— А если у меня не получится? — уточнил Серегин.

— То-то и оно, что у тебя обязательно не получится.

И расстраиваться не стоит. Ты потерпишь поражение, тебе отрубят голову. Лобное место, последний поклон народу. Зато потом какая жизнь настанет, Серегин. Мне будет доступно все. Возможно, я стану богом. Моей улыбающейся мумии станут поклоняться. — Серегин хотел возразить, но Тимофей Николаевич замахал руками. — Наперед знаю все твои правильные фразы. Чудак, без поклонения машине ли, человеку ли, идеям ли не бывает воодушевления, ни одно великое дело не делается. Без поклонения никто не поверит, что он кому-то нужен, что за ним стоит какая-то мощь. Ну, верно я говорю?

— Верно, — по-прежнему безрадостно отозвался Серегин, — только, значит, жизнь хорошая настанет, а моя голова улетит?

— Эх ты, карлик духа. Трясешься за свою шкурку, когда речь идет о судьбе Отчизны. Ладно, накажем твоего сподвижника. Эй, Семенов, поди сюда.

Заскрипели продавливаемые ступени, появился Семенов. Он встал на пол, оставшись головой на чердаке.

— Вот его и казним, — Тимофей Николаевич подмигнул, — его, костолома, никто не любит. А тебя отпустим перевоспитываться. Тот не монарх, кто не умеет миловать. Ладно, замолкаю. Тебе самое время посидеть, разобраться. И мне пора, дома, чувствую, опять скандал. Серегин, дельный совет даю, не заводи гарема, не то будешь кровью харкать, столько начинаний высоких в тебе загнется.

Тимофей Николаевич хлопнул в ладоши.

В дверь просунулись, сильно сгибая колени, два лба.

— Я конягу тебе подобрал, одно имечко чего стоит, Маршал Буденный, — сказал напоследок Тимофей Николаевич. — Зол, сноровист, предан. Людей бы таких поболе. При оказии передам. А еще медовухи сюда притащил, тебе понравится. Но до срамоты не увлекайся.

Верзилы посадили самодержца на плечи и понесли

через Болота обратно. Следом, обвязавшись канатом, потянулись музыканты. А Серегин остался наедине со своими новыми товарищами — выпускницей Царского серала Катериной да катом Семеновым.

6.

«И в ту темную ночь, когда заколосилась озимая рожь, смутьян и вор, известный как Вадька-каин, бежал из Государева Поселения. Неизвестно, ослаб его разум по болезни или от дурных зелий, но пренебрег он честной службой пред очами Государя и подался на Болота, где спокон веку обитают злыдни, прозываемые казаками. Прелестными речами заманил он с собой почти-жену Государя Катерину и Семенова, прежде доброго слугу. Пока бежали они на Болота, отнимали у человек последнее, и скarb, и коней, и другую животину, в двух деревнях дома пожгли вместе с селянами, а еще в одной ветхого старца утопили в омуте себе на веселие. Оказавшись на Болотах, сошлись они с казаками, ибо общие у них воровские законы, зажили несправедно, грабежом и обманом, наполняя сердца насельников Государевой Земли великой кручиной. Но и того им было мало. Стали наезжать злодеи-казаки и Болотный Вор Вадим и в Поселение, и на Выселки, и в Станицу, и там низкими наветами да облыжной клеветой настраивали людей против Государевых слуг, лучших людей и самого Государя. Не каждый понимал, что таким словесным блудом хотели воры и разбойники обелить свои черные дела. И встали некоторые склонные к беззаконию люди под их постыдные хоругви. Но прознал про то Государь и рече...»

— Кушать подано, — оборвал чтение голос Семенова.

— Эх ты, кувалда, опять на самом интересном месте помешал, — разозлился недружелюбный к холопу Серегин, но обедать пошел.

Семенов питался громко, некультурно, на замечания не реагировал. Катерина совсем наоборот — незаметно

отщипнет крошку и тут же быстро проглотит. Тамадой за столом был, конечно, Серегин, который к приему пищи всякий раз надевал свой черный кафтан, штаны с лампасами, а также серебряную нагрудную табличку с надписью «АТАМАНЪ».

— Все никак не могу прочесть, что с нами станется, — посетовал Серегин, — вы тут ложкой шарите, где погуще, а меж тем в Книге Судеб уже напачкано о нашей жизни. Уродился тогда-то, продолжил образование пустого места в башке там-то, погиб, геройски сражаясь с мухами и комарами, в свой срок, на камне начертали: «Перебузил...» Семенов, очнись, это ведь и тебя касается.

Семенов продолжал меланхолически чавкать.

— Слушай, а у тебя личность-то вообще есть? — в сердцах спросил Серегин.

— Личность — она для выяснения, она мне ни к чему, — лениво отвечал телохранитель, но вдруг всполошился и подошел с пищалью к окну.

— Темнило в яме? — слышалось со двора.

— Да где ж ему быть, сидит, жрет, как всегда, — небрежно разъяснил Семенов.

— А ну-ка брысь, пресс-секретарь хренов, — гаркнул Серегин и, звеня саблей, пошел на крыльцо.

— Эй, горемычные, вы что ль казаками называетесь? — стараясь не бояться, бросил Серегин толпе оборванных, очень грязных людей на мелких вертлявых лошаденках, собравшихся возле избы.

— Вместо того чтобы попусту спрашивать, сам ответь, как это ты возник в царской избе? — поинтересовался один из гостей, покручивая нагайкой.

— Я же тебя не спрашиваю, где ты сапоги взял, — нашелся Серегин.

— Я-то спер. У кого хошь сопру все, что пожелаю. А вот ты где приобрел и портки с лампасами, и бабу, и жлоба этого в поваренки. От нашего стола вашему столу?

Казаки зло хохотнули.

— Молчать, черти, — пошел ва-банк Серегин, — вы мне еще из благодарности задницу целовать будете.

Казаки опешили, чем Серегин сразу воспользовался.

— Как зовут вас, грязнули?

— Есаул Шальнов, — отрапортовал тот, что с нагайкой, другой присел вместе с лошадежкой, — Петрович.

— И хватит с тебя, — оборвал церемонию Шальнов.

— Я — Серегин, ваш новый атаман, со мной пойдете освобождать народ от тирана. А то жалко на вас смотреть.

— Плевали мы на народ, на тирана и на тебя в придачу, — нелестно промолвил есаул Шальнов, — придурков здесь нет. Если хочешь, дуй с нами, мы тебя на вшивость проверим.

Делать было нечего, атаман, ковыряясь в зубах, сошел с крыльца.

7.

Неделю проскитался Серегин среди топей с казаками. Жировать не жирова, но кормился. То клюквой, то птичьими яйцами, то похлебкой из плакун-травы. Казаки его никуда не звали, но и не гнали, и в курене для него место находилось. Серегин все ждал, что кто-нибудь огреет его сзади кистенем, но потом привык и прилепился к Петровичу. Тот и научил его жить убогой болотной жизнью. Нырять вместе с лошадей, забираться в трясины по корням жгуна и дышать там через тростинку или просто думать, что дышишь, а потом вылезать обратно. Учил его слушать болотные голоса, среди которых одни принадлежали казакам, другие — тварям, а третьи — лешим и нежити.

— Ладно, лешие — это понятно, а нежить-то, зачем она тебе? — попытался Серегин. — Микробов что-ли так кличешь?

— Сам ты микроб, — обижался Петрович, — нежить — то, что без тела, без обличья, но под любой личиной может скрыться и любым телом командует.

— Невидимки, значит, такие, — уточнял Серегин, — ой, не шутишь ли, казак?

— Чтоб я так жил, — клялся Петрович. — Царь-государь у нас думаешь кто? Прямая нежить. Сидит вроде во дворце, а ходит повсюду, везде заглядывает, во все влезает. Иначе не был бы он Государем всяя Земли. А чтобы всякое тело ему не перечило, он ему по памяти, по мозгам шарахает. Но имеется нежить и не такая вредная. Здесь на Болотах свой хозяин, он нас не неволит, только лишь бы ничего не трогали, кроме самой малости на пропитание. Я его понимаю, на всех не настарчишь.

— Петрович, а ты сам-то не нежить? — подначивал Серегин. — Уж больно скудный на вид.

Петрович вместо ответа исчезал в трясине, Болота завлакивало хмарью, что-то начинало урчать в глубине, а над поверхностью тут и там зажигались призрачные огоньки.

Серегин робел, но держался.

— Да, ладно, Петрович, это ты девушек пригласи и такое им показывай — чтоб восхищались.

Петрович появлялся обычно с лукошком пиявок, которых он называл «милые» и сажал на физиономию.

— А ты не боишься, казачок, что ответ держать придется за бомжизм? Ведь царь и тебе мозги может вправить. Особенно когда воровать на сушу пойдешь.

— Есть такой рецепт. Становишься тихим и покойным, как капля грязи. Тогда тебя никто не заметит, не учтет. Повторяй: «Я капля, я капля, я такая, как вся грязь, грязи ничего не надо, грязи нечего терять».

Серегин оказывал сопротивление глупым поучениям, а затем ломался и бубнил:

— И мне ничего не надо. И мне нечего терять, — с чем был вполне согласен.

Накануне Федотовой ночи, когда уже сворачивались листья дуба, переупражнявшегося Серегина свалил хрип и жар в груди. Никакие снадобья не помогали, чах и

желтел государственный смутьян. Свез его Петрович к сочувствующему жителю села Великое-в-труде. Там, в сухости и тепле, дело пошло на поправку. Да вот налетела по доносному письму воеводская стража и унесла ослабевшего Серегина на жерди, как зверя, в земскую избу для допроса. По приметам нашли в нем беглого поселенца. За пойманного вредителя стражникам выкатили бочонок пива. А у Серегина стали затем дознаваться с пристрастием, у кого на Болотах кормился, какими тропами воровать ходил, где еще сообщники на селе. Вадим запирался и дерзил, а от тычков и пощечин дьяк только носом шмыгал. Дьяк, измучившись с дерзким вором, решил отдать его заплочному мастеру для исцеления от злоумия. Однако не поторопился, а сел попить чайку перед тем, как закончить выпись о задержании. Серегин, которому уже совсем нечего было терять, растянулся отдыхаючи на лавке.

— Ну-ка встань, паскуда, — замахнулся дьяк мелким кулачком.

— Слушай ты, господин недоделанный, чай-то где берешь? — отвлек его Серегин.

— Чай у нас липовый с мятой и дурман-травой. Завариваем помаленьку, не как плохие люди, — пустился в объяснения дьяк, а задержанный прикинул:

«Про государево задание говорить им незачем, себя не спасу, а только приближу „окончательное исцеление“.

— Откуда ж у вас плохие берутся?

Покуда дьяк объяснял, что худой народишко родится под влиянием Болот, Серегин подошел к нему бочком, плеснул чаем в рыльце и выпрыгнул вместе со ставнями в окно. Но там будто поджидали два стражника, которые за ноги втащили его назад.

Дьяк плакался, что гербовую бумагу залили, а на простой даже приговора не напишешь, и обвинял Серегина, что он не уважает ничей труд. Стражники же подбрасывали Серегина в воздух и всякий раз забывали поймать. Последний дух вылетал из Вадима, как вдруг

послышалась издали песня: «За Сибиром солнце всходить, хлопцы не зевайтэ, вы на мэнэ, Кармалюка, всю надию майтэ». Тут в горницу вошел Семенов, стукнул забавляющихся бойцов лбами и выбросил их в окно, а дьяком протер сапоги и отправил туда же.

— Семенов, — бросился ему на шею Вадим, — перековался все-таки, был цепной пес реакции, а стал сознательный повстанец.

— Не извольте сумлеваться, ваше превосходительство, — чеканил Семенов.

Следом вошли есаул Шальнов и другие казаки.

— Что бы я без вас делал, — приговаривал Серегин, размазывая по лицу красную кашу.

— Вот теперь мы тебе верим, — отвечали казаки.

— Шальнов, собирай толпу, Семенов, позаботься о провианте.

— Есть... слушаюсь, — бойко реагировали разбойники.

Шальнов нашел где-то глашатая, и тот, голосом недорезанного борова созвал село на майдан. Пользуясь отсутствием жильцов, Семенов сворачивал дворовым жучкам головы, сбивал замки и выносил из амбаров мешки с картошкой и зерном.

Серегин выкатил собственноручно бочку, встал на пьедестал и, в красивой позе, зажигательно прокричал в окружившую его толпу:

— Царские холопы и воеводские стражники хватали меня за ноги и били мордой об пол. Но я здоров и бодр, стою здесь и вправляю вам в мозги всю правду. А они валяются под забором или уже перевоспитались. Вот вам тонкий намек, смекайте, граждане. Хватит ишачить на свое пузо и на посылочки Государю и его веселой артели: брехливым историкам, заплочных дел лекарям, дубинообразным бойцам, низкопробным бабам. Вы не куклы и нечего болтаться на ниточках, которые дергает царь. Довольно потребительства и низкопоклонства. Если ты трудишься так, что вместо головы у тебя получается

чугунный котелок, то и прибыль будет не впрок. Лучше уж жить полегоньку.

— Вопрос можно? — донеслось из толпы.

— Вопросы мы приветствуем.

— Ты за ленивых воюешь, гражданин хороший?

— Слышу опять стереотип. Если кому-то достаточно грибов и морошки, если кто-то хочет смотреть не в котел каши, а на звезды...

— В лопухах сидючи. Не пронесет-то от грибов и морошки? — в толпе оскорбительно захихикали.

— У нас в головах звезд не меньше, чем на небе, — не смутясь, настаивал Серегин, — зашел не туда, умей покаяться, но не стой же на месте.

Строгость атамановых речей окончательно разрушила какая-то бабенка. Она сидела с больным зубом дома и стала очевидцем тому, что Семенов забрал у нее из-под носа бутыль самогона.

— Рятуйте, грабят, — бросилась она на середину майдана.

— О чем вы? — вежливо спросил атаман.

Она обернулась на голос и принялась стаскивать Серегина с «пьедестала». Зрители подбадривали участников единоборства. Момент был напряженный, ответственный.

— Погасни, бандерша, — посоветовал, отпихиваясь, лихой атаман.

— Может, ты и это видел, — не растерялась бандерша и балетным движением показала Серегину зад.

Тот поднял плетъ, опустил ее, куда полагается, и ведьма с визгом улетела.

— Так будет с каждым, кто пойдет против народа, — изрек он, краснея.

Селяне тем временем стихли, но не спешили присоединяться к освободительному движению.

Однако Серегину очень подсобило, что прибежал мальчонка без порток и заорал: «А в огороде болото». Обернувшись по сторонам, деревенские были потрясены

зрелищем булькающей повсюду грязи и утопающих в отвратной жиже кочанов капусты.

Три десятка селян двинулись за атаманом, покидающим Великое-в-труде, которое напоследок было переименовано в Освобожденное-от-труда. Семенов сидел в реквизированной у бандерши повозке, доверху заполненной провиантом. Он сытно икал и щурился от полноты чувств. «Теперь уже жить можно», — повторял он.

И из похода на Выселки, проведенного по тому же сценарию, Серегин вернулся с новобранцами. Разве что сматываться там пришлось по-быстрому, но все же успели до подхода конного отряда царской стражи.

8.

«И уже не осталось для бунтовщиков ничего святого. И хоть знали, что кара неотвратима, не пришли с повинной к Государю, не покаяться перед ним, но, остережаясь, подобно последней зимней выюге перед наступающей благодатной весной, топтали святыни, пустошили земли, предавали поруганию возвышенное. В селе Великое-в-труде поднялась у них несправедная рука на женщину-мать, которую они изувечили кнутом...».

Глашатай орал через речку, боясь стрельбы в свой адрес, но делал это не переставая, день и ночь напролет.

Повстанческое войско находилось на месте Поселения, взятого лихим ночным рейдом. Этот набег Серегину ничего, кроме славы, не принес, потому что все поселенцы оказались как оловянные солдатики. На роль повстанцев они решительно не годились, даже за изгородь их приходилось выносить, в лучшем случае вытаскивать. Начальники, те оперативно смылись, прямо в исподнем.

Серегин отдыхал в бывшем доме Управителя, пописывая указ об учреждении волости вечного отдыха на месте бывшей царской каторги. В качестве наместника сажался Семенов, но под псевдонимом Дармакович. По-

путно Вадим сочинял очередные лозунги по завлечению и возбуждению народа. Казаки-разбойники тем временем маршировали по «топталовке», нескладно горланя «...чтоб спокойно уснуть и не увидеть во сне кошмары, мусоров и нары...», и от их шума уже болела голова.

Серегину очень хотелось из придуманной Тимофеем Николаевичем игры в одни ворота сделать настоящую, с неопределенным исходом. Однако он помнил предупреждение Государя о том, что любые изыски лишь пойдут на пользу монаршему делу. Непростая получилась задача. Как ни считай, а все против него. Полнота сведений в руках Тимофея Николаевича. Его способность телепать на дальних и близких дистанциях. Пока неоспоримая привлекательность послушания. Убежденность в том, что люди кормятся не как попало, а согласно своей полезности. Радость и малых и великих от участия в каком-то деле Благоустройства Земли.

Конечно, представления народа можно было критиковать за натяжки, ограниченность, недоразвитость. Но правда-реальность заключалась в том, что любая трепотня бессильно рассеивалась перед той замечательной сказкой, которую творил о себе и своей Земле Тимофей Николаевич.

Верной опорой оставалась только кучка грязных бедоуров и тунеядцев, что всегда — если ситуация благоприятствовала — предпочитали случайные заработки под рубрикой «разбой».

Казаки же — тут особый разговор, вернее, никакого разговора. Для них, если все тиной станет да клюквой зарастет, плюс дружественная нечисть распространится, — это идеал. Нет, по их примеру ни одна категория населения, от мужиков до кошек и собак, жить не согласится.

Вдруг шальная мысль пронзила его головной и спинной мозг до самого кончика. А что, если стать самозванцем, то есть царем номер два и подсидеть номер первый. Ведь у каждого царя свои лучшие люди. Сейчас вакансий

полно, все места объявляются конкурсными. Серегин на минуту устыдился, он же был всегда демократ, и вдруг такое. Но сразу утешил себя: мои «лучшие» не пятки чесать будут и учитывать чужое усердие или небрежение, а с утра до вечера придумывать усовершенствования. Вначале пусть что-нибудь вроде палки с пропеллером, как у того мужика из Выселков, хотя бы — как пиявок разводить, как поголовье ворон научить разговаривать, как предсказывать будущее по ладони. Любая ерунда пойдет, лишь бы башка варила. За работу разума и пшено выдавать станем, и ряднину на одежонку, да и материал на опыты, какой найдется. А если все-таки «лучший» окажется нулем без палочки, тогда под зад коленом, паси гусей. И запускаем следующего.

— Господин атаман, — через занавески просочилась Катерина.

— Ну, что тебе, мешаешь, — вздохнул Серегин.

— Хочу про себя узнать, я же к вам в полюбовницы приставлена. Такая у каждого атамана имеется, да только не торчит весь день на кухне.

— Ладно, если уж срочно, полезай на печку, — согласился атаман.

— Как же так, — почти-жена склонила голову, — я насчет любви спросила, а не про это самое.

— Если насчет любви, — стал разъяснять Серегин, — то тебе надо в кого-нибудь. Я неволить не буду. Ну, понимаешь?

— Я — в вас.

— Брось такие шутики, со мной не пройдет, — разозлился Серегин, — сама же сдуру лягнула, что приказано тебе. Раз велено, тогда сиди тихо и не возникай. Кормлю тебя, по стране вожу — и будь довольна. Если скушно — пиши отчеты о проделанной работе.

Катерина не понурилась, не стала занудствовать, а поджав губки, капризно заявила:

— Не бойся, шутила я с тобой. Нужен ты мне вместе со своими козлами-повстанцами.

— Ну и ну, — Серегин присвистнул, — ты проснулась — и никакого послушания, никакого домостроя, и все как в лучшем мире, у кабака на Невском.

Катерина уже повернулась и собралась уходить.

— Куда ты, куцая умом, гордая нравом?

— Обратно, к Тимофею Николаевичу, он начальник настоящий, а не липовый, как ты, Вадимчик. У тебя даже штаны чужие, — ответила она, не соблаговолив обернуться.

— А вот это зря, — побелел атаман, — Сёменов, взять ее. Оборвав занавески, тут же возник Семенов и сжал ручонку девушки в своем пудовом кулаке.

— Что с ней сделать, батько? — с вниманием спросил он.

— В застенки ее, шпионку, сама призналась.

— Шпиенка, шпиенка. Не зря она на кухню пристроилась. Там легче крысиного яда подсыпать, — сурово разоблачил Семенов и уволок Катерину, которая стала похожа на тряпичную игрушку.

А Серегин вышел на «топталовку», где его люди уже пытались колоть мешки с соломой, и заорал:

— Братцы, обезврежена еще одна змея, подосланная извечным непримиримым врагом свободолюбивой общестственности. Не укрыться вражинам от бдительного глаза. Походкой, выражением лица, беганием глаз выдают они себя.

Атаман сделал паузу и посмотрел в упор на осознавших вражеское окружение повстанцев. Даже казаки притихли и не отпускали своих привычных шуточек.

— Братва. Настало время сказать вам, что я не ваш атаман.

— А кто ты? — пораскрывали варежки повстанцы.

— Я — царь есмь. Боясь шумного неумного почитания любящей власть толпы, я до поры скрывал свой высокий сан. Однако теперь, обремененный тоской по умной жизни, объявляю существующее устройство Земли нашей несправедливым и объявляю другое. Вы, мои любимые чада, назначаетесь лучшими людьми и при

первом удобном случае переводитесь на содержание всем миром.

— Здорово, — повстанцы стали бросать в воздух шапки, — дельно.

— Я уж струхнул, что объявит себя заезжим фокусником, — заголосил Петрович, — дескать, понаделал чудес, а теперь сваливаю, вы уж как-нибудь сами.

— Чепцы-то наденьте, а то вши расползутся, — попытался уговорить соратников атаман. — Я как бы установил изначально высокую меру вашей полезности, которую надо будет подтверждать постоянным напряжением мозгового вещества, открытиями всякими, изобретениями. Идите, просвещайтесь и просвещайте, скажу я вам после торжества над противником.

— Не-е, нам воевать охота, — откликнулись атаманы люди.

Народ со сходки шел задумчивый, не зная, радоваться ли продвижению по службе или горевать из-за нежданной-негаданной заботы.

Петрович успокаивал мятежников:

— Да забудется про мозги, он и сам-то не блещет. На него цыкнули.

— Ври, да не завирайся, скоморох. Теперь он царь, не захочешь, а заставит — и станешь прохвессором.

А свежевылупившийся царь отправился в дом кемарить на лаврах.

9.

К вечеру через открытое окно влетела стрела. А на ней письмо.

«Господину войсковому атаману.

Поздравляю с самовозведением в царское достоинство. Вадим, все, что ты делаешь, мне на пользу. Только Катьку лучше было бы выпороть принародно. А еще учти. На казаков ни в чем не полагайся и в удобный момент предай их мне. Тебе пора в большой

поход, потому что через пару недель я насылаю дожди, оттягивать с этим делом невозможно. Вначале Станицу разори, сожги пару пустых амбаров и сосредоточь усилия своих людей на винном погребе. Пускай шатаются пьяные по улицам, задираются и вызывают неприязнь. Потом двинь на Слободу, там порушь колбасный ряд да сожги дома продажного купца Сенькина и растрывдевшегося маразматика дьяка Сафонова. В Слободe особо не задерживайся и иди на Царское Село ямским трактом. По дороге предлагаю отделаться от казаков. Посади их в засаду в овраге Кабацкий Предел. Скажи — для того, чтобы уговорить стражников, которые побегут из кабаков в Царское Село по удару колокола. Забудь после того о казаках, это будет твоя единственная крупная потеря. Основному твоему отряду дарую победу. Занимайте мой дворец, пируйте, участвуйте в работе гарема. Не стесняйтесь, я по осени туда новый призыв объявлю. Вели своим только в вазы тонкого фарфора не гадить. Но к утру советую тебе оседлать Маршала Буденного и дать деру. Катерину можешь прихватить с собой. Поезжай в деревню Красное к селянину Микоше и там жди дальнейших моих указаний.

Целую. Царь».

Серегин отложил царское письмо в сторону. Выходит, даже самозванство его оказалось ветерком в паруса Тимофея Николаевича. Атаман вытащил из подушки очередное перо, наточил его кинжалом и принялся писать.

«Тому, кто отдал всего себя и взамен забрал все у всех.

Не мни, что ты уже одолел нас и можешь милловать и казнить одной своей прихотью. Кончается твой дурман, и нашлись уже люди, которые своим разумением и своей силой вызовут благодатное расположение природы и пожнут без твоего участия плоды рук своих. Не радуйся победе, она еще в буду-

щем, и неизвестно, в твоём ли, а пока ждёт тебя кровопролитная брань. Похваляешься ты в гордыне, что одним кивком главы можешь вызвать предательство мое по отношению к друзьям и соратникам. Но не впал ли ты в заблуждение великое, что воздаяние только от тебя может быть?»

Серегин прервался: со двора слышались вопли и стоны. Ему это сразу не понравилось, и он выскочил наружу, готовый утихомиривать или, наоборот, поднимать народ.

Оробевшие повстанцы пилились на небо. Там, наверху, словно расходились трещины, испускающие багровое сияние. А потом, кругом по небосклону, промчался алый конь, несущий на себе всадника с покрытой головой. А за ним галопом пошли воронные кони, и на каждом из них сидел человек с темным лицом. На какое-то мгновение сияние озаряло его и открывало провалившиеся щеки, вытянувшийся нос, закатившиеся глаза и бессильно отвисшую челюсть. Привет с того света. Толпа повстанцев вздыхала, узнавала кого-то знакомого и глухо проговаривала: «Это Семенов, это Шальнов, казак Малов, казак Кологривов, холоп Шкурко...» Только Петрович не принимал в этом хоре участия, а носился между людей и выкрикивал: «Не похож, да нет, не он, да у того бровь шире, а у Петьки нос краснее...» Наконец призрачные конники унеслись, и небо погасло.

Самозванец кашлянул, и напуганный люд обратился к нему.

— Струхнули, ребятки? — Серегин резко перешел на крик. — Неужто не понятно, раз царь жуткие картинки показывает, то никакой больше силы у него нет! И если бы была, то кузькину мать он вам показал не в поднебесье, а на земле. Верно я говорю?

— Вроде верно, — согласился Петрович. — Дурак показал, дураки и испугались.

Есаул Шальнов шелкнул нагайкой.

— А ну, дрыхнуть, а ну, докажем, что мы не малолетки, которые от любой страшилки писаются в штаны.

— И правда... живем снова... может это сам царь-атаман устроил, чтобы нестойких выведать.

Мятежники разбрелись по своим курениям, вернулся и Серегин в дом. Томило в зобу, даже дышалось с трудом, он скомкал свое письмо и бросил в печку, потом сунул несколько яблок в карман и поднялся в застенок, который располагался на втором этаже.

Когда Серегин вошел, почти-жена встала с охапки сена и поклонилась.

— Жалобы есть, Катерина?

— Нет, господин, сено чистое и голодом не морят. Мне хорошо.

— Ты извини меня, Катерина, что так получилось. А как иначе? Повстанцы сплотиться должны. Срастись в один железный кулак. — Серегин поймал себя на том, что исполняет знакомую песню Тимофея Николаевича, хотя на свой лад, и осекся. — ...Ну, ничего, еще пару дней в заключении, потом мы уйдем, а ты останешься. Лошадь дам, езжай своей дорогой.

— Я с вами, — поспешно отказалась Катерина.

— Ну, что ты лепечешь, — он взял ее за плечо, — ведь ты пробудилась уже, вспомнила свои выкрутасы, худо-бедно, но сама найдешь себе занятие. Ты же свободной можешь быть, а не находиться при мне в связанном виде и по всем застенкам сидеть. Конечно, пока я жив, с тобой ничего особенного не случится. А если моя карта будет бита. Пускай даже не прихлопнут свои на потеху царю-батюшке, думаешь, сдержит он свое обещание... Не нужны тебе послушания, воодушевления, сплочения, вернись в большой мир через ту дыру, возле Черной речки. Не для того, чтобы нового дурака словить, а чтобы помахать пальчиками — и любой шоферюга тебя до Питера подбросит. Да вообще, куда душе будет угодно. Только подмигни. Можешь ведь по-человечески сделать?

Она неожиданно потерлась щекой об его руку.

— Могу, да не сделаю.

— Эх, все ж таки обалдение у тебя не прошло, — расстроился Серегин.

— Да не в обалдении я, — она топнула ногой и сбросила его руку, отворачиваясь. — Вот поэтому и не отстану. Раз я тебя, атаман, заманила, значит, вместе пропадать.

Серегин посветлел лицом, тихонько положил яблоки и вышел, не заперев дверь.

10.

Подходил к концу отчетный месяц существования комплексной бригады разбойников. С ходу была взята и насколько позволяли силы разорена Станица, покорено несколько мелких деревень. Мятежники разжились трофеями, но домой отсылать боялись, не надеясь на сохранность, — свои же товарищи могли прибрать их на «нужды освободительного движения». За войском тянулся быстро растущий хвост из груженных телег и повозок. Победы давались легко. Спешно сколоченные отряды земских ополченцев, не медля даже для приличия, сдавались в полон. После занесения пленных в список потерь врага их, как раскаявшихся и осознавших, отпускали восвояси. Правда, уже на следующий день они могли снова попасться. Список разбух и перешел в многотомное издание. Среди записанных не было ни одного представителя царской или воеводской стражи — к счастью для атамана. Стражники оказывались в районах действия повстанцев или позже или раньше их появления. Таким образом была взята и Слобода, когда отряд стражников был уведен оттуда на истребление мятежников в Выселках.

Успехи давно не радовали Серегина. Он понимал — идет игра в поддавки, и в ней побеждает с большим преимуществом Государь всея Земли. У ополченцев словно кончился завод, они просто путались под ногами и

вызывали расслабление боевого духа повстанцев. Численность войска убывала за счет заболевших белой горячкой и тех, кто пройдя подготовку, начинал собственный разбойный промысел. Пополнения давно уже не поступали. Видно, лимит бездельников был исчерпан. А от призывов к напряжению мозгового вещества и стар и млад обращался в паническое бегство. Потому нельзя было оставить за собой для правильного взывания фуража и провианта ни одной деревни. Довольствовались обираловкой. Население перестало здороваться с повстанцами, зато в спину уязвляло: «Скоро из вас хапнутое назад полезет».

Серегин все больше ощущал, как захлопывается ловушка, и от этого у него неестественно напрягалась шея, не шел сон. В полночь он отправился в расположение штаба. Не обремененный предчувствиями, Семенов отдыхал, уронив морду на стол там, где его сразил самогон, мощный храп постепенно раскидывал секретные документы по комнате. Но когда Серегин пнул его локтем, адъютант вскочил и, не путаясь в словах, доложил:

— Дежурный по войску, холоп Семенов.

— Иди-ка выведи из конюшни на дорогу моего любимого коня Маршала Буденного и своего рысака не забудь. Со мной поедешь. Только копыта тряпками обмотай, чтобы ни одна муха не пробудилась.

— Слушаюсь, господин атаман.

Через час они спешили за воротами Государева Двора.

Начальник караула замахал на неизвестных гостей руками.

— Чтоб через минуту вас здесь не было, царь-батюшка давно почивает, умаялись. К вечернему клеву ездили рыбку половить на Муть-реку.

Но из окошка терема слышался укоризненный голос.

— Повежливее, поручик, ты моими друзьями не разбрасывайся. Веди того, кто папаху напялил по самым

брови, ко мне. А второго кашей накормите, он пожрать любит.

Тимофей Николаевич встретил Серегина в облепленной птичьими перьями палате.

— Не знаю, увижусь ли еще с вами, — начал издали атаман. — У меня нет никаких сомнений в ваших способностях устраивать чужую судьбу, но вы сами говорили — с отдельным индивидуумом может и неувязочка выйти.

— Сейчас, небось, спросишь, кто я такой, как здесь оказался, на каком основании командую, попросишь предъявить документы, — проницательно сказал Тимофей Николаевич. — Во-первых, не я здесь оказался. А все оказалось вокруг меня. Назначил себя вначале лесничим, потом завлесом, затем лесным старцем, президентом и наконец сделался самодержцем. Никто не возражал, ни разу. Наоборот, прибывшие сюда уважали меня за проводимую работу и всячески выражали свое доверие.

Люди появлялись здесь разные: и темные, безгласные, и умники вроде тебя. Чтобы занять их полезным делом, надо было выбирать, по какую сторону ума встать. Я выбрал темную: знаешь, не пожалел ни разу. С той поры в моем царстве каждый человек кумекает не больше любого другого. И исчезли эти ужасные комплексы неполноценности, недоверие, кичливость, зависть. Установился единственный вариант равенства — равенство по уму. Тяга к беспредельному осталась только на уровне обжорства и половых излишеств, полет души только после распития бузы и медовухи. Зато никаких искусственных схем и ложных построений, в которые запихивают тех, для кого они предназначены, кромсая по живому. Существует народ простодушно, без познания, но и без СПИДа. То есть, куда не надо, не суется. А разница в чинах происходит лишь от разной степени усердия и преданности делу. Для того чтобы люди поверили: приход

в их жизни точно соответствует расходу — мне пришлось стать всеведущим.

— Вы действительно всеведущи, Тимофей Николаевич? — с легкой непочтительностью в голосе спросил Серегин.

— Более да, чем нет. Мирок у меня маленький, все в нем повторяется, все по кругам своим движется, а сам я наблюдательный. Давно стал замечать, что за чем следует. И у теплой зимы своя примета, и у холодной, и у поры дождей. И с преломлением лучей в атмосфере давно разобрался. Напугал я твою кодлу покойниками на небе?

— Пугать вы умеете, — с профессиональным одобрением отозвался Серегин.

— Постарались артисты моего дворцового театра, а уж остальное воображение дорисовало.

— Постойте, Тимофей Николаевич. Больно гладко у вас получается. Да как же вы мысли сокровенные узнаете, слова заставляете забывать напрочь и вспоминать вмиг, как людям внушаете, куда им идти жить, что делать?

— Ах да, чуть не забыл, — самодержец жеманно махнул рукой. — Кто здесь на моей Земле обитается — это немножко продолжение меня самого. И как мне не знать, что думаю я сам и чем я собираюсь заняться. Или просто никаких особых неведомых мыслей в краю моем возникнуть не может. А теперь завязываем с дискуссией. Почему бы нам, Серегин, не предаться веселью, раз уж ты навел на меня.

Потом были дегустации двадцати сортов браги и самодеятельность гарема, причем в одной из активисток Серегин узнал обиженную его плетью ведьму.

— Ты, наверное, думаешь, что штат гарема слишком раздут. Но ведь и таким образом я приобщаюсь к народу. А народ приобщается ко мне вне зависимости от положения и достатка, — объяснял просвещенный мо-

нарх, — знаешь, сколько у меня родственников и собственных по всей Земле?..

Ночное сборище закончилось тем, что Тимофей Николаевич прокричал: «здесь четвертому Риму быть» — и покатился со стула на пол, как мячик. Жены, препираясь между собой, куда его положить, взяли царственную особу на руки и понесли в спальню.

11.

Празднество оборвалось так внезапно, что Государь не успел отдать никаких указаний, а для начальника караула время обхода еще не подошло. Серегин остался один. Он вышел на середину палаты, зажмурился и стал внушать себе: «Я — капля грязи. Грязи ничего не надо, грязь всем довольна...» Внушение оказалось удачным, к тому же и место это походило на Пуп Земли. Вначале Серегину послышался переливчатый женский смех и нетвердый мужской голос: «Рыбоньки, ай, скользкие, ай, не поймать». Потом до него стали доходить напряжения, наэлектризовалась кожа, вытянулись, как стальные прутья, усы. Набежали тысячи ручейков и потоков. Звуки, слова, слоги, шумы сердец, крови, желудков, хрящей, мышц затопили его буйной прибойной волной. Но только вспомнил, что он всего лишь скромная капля грязи, и стал различать стальной звон, исходивший от воинов, и стон изнеможения от поселенцев, и тележный скрип от купцов, и утробное рычание от палачей-лекарей, и таблицу умножения и деления жизни от долдонов-учителей. Вся Земля уместилась в четыре угла палаты и стала домашней утварью, которую можно и переставлять, и чинить, и надраивать, и ломать.

Серегин принялся искать тех, кто был надобен, но они сами нашли его. Атаман дернулся, будто вилка во время искрящегося застолья впилась ему в бок.

Десятки крохотных существ, не то букашки, не то человечки, зарыбились перед глазами, суча палочками ру-

чек и ножек. «Здорово, орлы», — на уровне мысли крикнул Серегин. «Здрав», — твякнули человечки, построились и затопали вокруг, пронзительно вереща: «Дорогая жена, я калека и вернуться домой не могу, в битве бенц оторвали фашисты, но зато отомстил я врагу». По таким напевам любой отличал Стражей Царской Спины из казармы на Лысом холме.

«Мне ли не знать этих стриженных отроков и мужей, — подольстился Серегин от имени Государя. — Не обучены они изящному словоблудию и изысканному благонравию, не привечают изнеженных недорослей, любят подразнить дурней, не чужды они хмелю и соленым солдатским шуткам. Все это так. Но смолкни наговаривающий язык. Разве не они подхватят зашатавшуюся и занемогшую Державу, которая для них будто бы дитя в начальную пору».

Человечки сокрушительно рыкнули: «Уряя-яя» и Серегин обратился непосредственно к ним.

«Снова настал вам черед заступиться за добрых людей, стеною встать на пути вероломного булата. Ослепленные злоумием обидчики несутся по Ямскому тракту уже на Царское наше Село. Нигде доселе не встречали они отпора и вытворяли, что хотели, с Землею нашей, как не с шибко ломающейся девкой. Уж не пора ли им отведать вашего железного объятия, где порок задохнется, обессилев. Не настал ли час, когда наглость и алчность будут покараны, а добродетель восторжествует? Овраг Кабацкий Предел — урочище весьма годное для засады. Возьмите пива, воблы и схоронитесь там, с веселием поджидая супостата».

— Как смеешь торчать здесь! — гаркнули Серегину в среднее ухо, и поручик, страшно оскорбленный поправлением режима, вытолкал атамана во двор.

Семенова сморило неподалеку от караульной будки, и Защитники Царя баловались с ночной скуки тем, что зажимали ему то одну, то другую ноздрю, добиваясь наиболее приятных рулад. «Расстрелять холуя за беспечность, что ли?» — прикинул Серегин. Однако по окрику

Семенов вскочил резво, словно суслик, а не детина, расшвырял зазевавшихся Защитников по двору, после чего был прощен. За воротами атаман сказал верному приспешнику:

— Теперь наши дорожки расходятся. Ты поезжай к казарме царской стражи на Лысый холм. Ближе к рассвету поднимешь их воплем: «Полундра! Мятежники прут по Ямскому тракту». А ротмистру передашь приказ царя: «Залечь в овраге и ждать неприятеля». Письмо царское покажешь на нужной строчке. Вот так покажешь... Если получится, то убедись, что они клюнули, и возвращайся в ставку. Если схватят — молчи, как будто без языка.

— Есть вырвать язык, если поймают, — пообещал Семенов и уточнил: — А материться можно?

— Можно, но вдвое меньше, чем царские слуги — мы же прогрессивнее.

Семенов гыкнул, и дробь копыт утонула в ночной тишине. И Серегин на своем Маршале Буденном двинулся в обратный путь.

12.

В полшестого утра господин атаман прокрался в свою комнату, в шесть, проделав несколько асан для бодрости, относительно свежий самозванец открыл заседание игрушечного штаба. Серегин уже разложил нарисованную по-детски карту и начал объяснять диспозицию:

— Вот мы, а вот неприятель...

— А вот и предатель, — встрял есаул Шальнов, показывая на него пальцем.

Серегин налил себе чаю из запыхтевшего самовара и громко подул.

— А в глаз, гражданин Шальнов? За бескультурье.

— Всем не надаешь, — гордо возразил тот.

Казаки поднялись из-за стола, к ним присоединились и повстанцы из селян. Некоторые отошли в сторону и

стали якобы смотреть в окно. Однако от напряженного прислушивания у них даже шевелились уши.

— Думаешь, мы слепые кроты и, придя с утра в конюшню, не заметили, что Маршал Буденный весь в мыле? — обличил Шальнов.

— Это ж он в мыле, а не я. Или вы нас путаете? Совсем я не похож на жеребца ни нравом, ни повадками. Впрочем, поражен вашей наблюдательностью. — Серегин громко отхлебнул из блюда. — Что еще ранило ваши нежные души?

— А где, позвольте спросить, адъютант Семенов?

— Семенов взрослый мужчина. Можно сказать, не чуждый всему человеческому. Я, кажется, не обещал учредить санаторий со строгим режимом.

— А как насчет того, чтобы направить казачков в засаду на стражников, посадить их в овраг? Так ведь намечено?

— Так-то оно так, — степенно отвечал Серегин на крик есаула и зачерпнул варенья, своего любимого брусничного. — Да только вот некрасиво чужие письма читать.

— А не мы ли в Станице не просыхали? Целых тридцать душ потерялось там.

— Чего же ты там не протестовал, Шальнов, а наоборот, в первых рядах в погреб влез? Орал тогда: «Даешь на грудь». Рад был на дармовщинку. Выходит, у тебя всегда право быть правым?

— Я ошибался, я верил тебе. А теперь ты мне не атаман, — есаул рванул ворот рубахи, — сегодня царь нам предопределил конец с твоей помощью. Казаков повяжут в урочище, а селяне перепьются и пережрут на Государевом дворе, там их тепленьких и похваляют. Парочку человек казнят для острастки, а остальных на исцеление. Прощай, Болота. Станем мы холоуями и почтем за честь лизать руки, бьющие нас по морде.

— Густо красишь, Шальнов, ты ж не Жучка. Просто Государеву сказку будешь в жизнь претворять. Кончится твоя лафа, лихач. Кстати, что следует из этой блистательной речи?

— То, что мы приговариваем тебя к смертной казни. Кто за?

Все подняли руки, хотя и с разной скоростью.

— Но такие вопросы голосованием не решаются, — Серегин закончил чаепитие. — Однако благодарю промедливших.

— Сейчас трудное время, нам не до процедур, — несколько смутился Шальнов, — впрочем, если желаешь чего последнего...

— Желаю жениться, — Серегин встал, — Катерина, заходи... Эх, свадьба, свадьба пела и плясала...

Штабисты растерянно наблюдали, как Серегин пошел вприсядку.

—... Ей места было мало и земли, — гроыхая полом вошел Семенов.

— Поздравляю с бракосочетанием, — Семенов шелкнул каблуками, — и рад доложить. Получилось, господин атаман. Сто пятьдесят стражников отправлены в овраг, и там сдались особому тайному отряду стрелков-повстанцев. Препровождены в сарай и находятся под строгой охраной. В опупении от наших успехов еще слободские мужики — двести лаптей — встали под наши знамена и разоружили воеводских стражей, которые шли по Тимофеевской дороге. Эти тоже под замком кукуют. На Тимофеевской сейчас лишь слабые заграждения. Можно воевать Царское Село.

Штабисты потихоньку стали снова садиться к столу. Со двора донесся стон тележных осей.

— Это пленных офицеров стражи привезли на повозках, — пояснил Семенов, — вместе с генерал-фельдмаршалом. Я его лично оглушил, когда он на горшке сидел.

Вбежал казачишка Петрович.

— Ой, мужики, горшок до сих пор и не отклеился.

— Ну, атаман-царь, — развели руками штабисты.

— А то заладили, предатель-предатель, — Серегин наслаждался ситуацией. — Не все так просто. В одном мире живете, товарищи. А сейчас собирайтесь,

пускай у Государя только личная охрана осталась, но зато все Защитники царя — шкафы видом, воют и числом и умением, в отличие от нас.

В комнату вошла накупленная Катерина и унесла самовар.

— Стой. Еще же не все попили, вернее, я один, — Серегин выскочил за ней.

— Значит, господин атаман, когда надо зубы заговаривать кому-то, то свадьбу придумал, а как задурил им башку, то сразу и забыл все, — принялась отчитывать его почти-жена. — Да за кого ты меня принимаешь? Что, гаремным прошлым попрекать будешь? С тебя станется.

— Гаремное прошлое война спишет, Катерина, а теперь и ты пойми консервированным своим умишком — какая сейчас свадьба? Вот вечером, после победы, другое дело.

— Разбежался, — и Катерина скрылась в своей каморке.

— А предложение можно и немедленно сделать, — Серегин опустил на одно колено перед дверью, — слышь, валяюсь перед тобой, кончай выкобениваться.

— А ты еще ничего не сказал, что положено, — отозвалась Катерина.

— Ну, ладно, начинаю говорить.

Запела труба.

Серегин вскочил.

— Вечером, Катька, вечером. Шей подвенечный наряд.

— Это мы еще посмотрим, — Катерина распахнула дверь, но Серегина и след простыл.

13.

Серегин махал саблей, но очень осторожно, боясь отрубить ухо Маршалу Буденному. Больше он полагался на мат и нагайку. Передовой отряд повстанцев ворвался в Царское Село и, наводя ужас на собак и гусей, понесся по улицам к Государеву Двору.

— Теперь каждый будет сам, сам по себе. Долой глупую работу и царя-нежить.

Серегин заметил, как там, в конце улицы Царский Выезд, появилась плотная цепь Защитников с пищалями. Цепь вдруг заволокло дымом, а потом уже слышались хлопки.

— Пускай портят воздух — прорвемся, — воскликнул господин атаман, но тут седло ушло вниз, а самого его срывало из стремян и подкинуло. Он еще увидел со страшной тоской прощания, что любимый конь бьется, пытаясь встать, но все более никнет к земле. Серегин словно застыл в воздухе, а потом какая-то твердь ударила его. Свет сжался в точку и исчез.

— Эй, артист, твоя там машина стоит вторые сутки? За это тебя к ответу.

Серегин с трудом отжал тело от земли, поднялся, вылез из канавы на дорогу, к ногам милиционера.

— Товарищ лейтенант, вы тут казачьего отряда, всадников не видели? Куда они могли запропасться, целых сто сабель.

— Ты мне зубы не заговаривай. Лучше соображай, как объяснять свое поведение будешь.

— А селяне не проходили... лаптей пятьдесят, не проходили? Я ж один знаю, что дальше делать.

И Серегин заплакал.

— Ну, ладно, ладно, то такой вояка, казак, понимаешь, а то слюни до колен пустил.

— А еще у меня вечером свадьба.

— До вечера с тобой разберемся, железно; ведь раз в жизни, — растрогался милиционер.

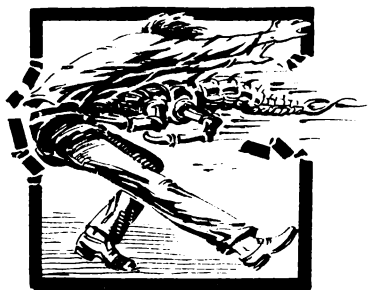
14.

Лейтенант обещание выполнил, не слишком мурзил. А что с работы погнали за джентльменский набор: пьянку и прогул — наплевать. Принято считать, что пункт А вымрет, если не свезет что-нибудь в пункт Б,

а пункт Б поголовно рехнется, если не отправить любую дрянь в пункт А. Значит, и Серегин во всяком случае с педалью останется.

Тогда я всю ночь на дороге просидел, прислушивался, не идет ли конница. Куда там. Потом обшарил местность — и никаких намеков. Уж невесть что про себя придумаешь. Одно время я потосковал, потом по-прежнему зажил. То есть, кроме выпивки и мордобоя, как поется, никаких чудес. Впрочем, был занятный случай под Зеленогорском. Два жигуленка зажали какую-то девицу простоволосую в клещи. Она только пищит от страха, а эти ухари, ясное дело, регочут. Я выскочил, повертел монтировкой, как шашкой, любители пошутить моего юмора не оценили и тут же срыли. А девка и похожая на Катерину, и Катериной зовут, но меня знать не знает. За чем дело стало — познакомились. Она там с какой-то системой колупалась и, может, даже хотела, чтобы я на их стойбище перебрался. Да только ни к чему мне это — я ведь сам по себе, меня на одном месте затошнит. Позарез надо баранку вертеть: пейзаж, натюрморт, пейзаж...

1985, 1990

(история одного нашествия)

А. Тюрин

В мире
ЖИВОТНОГО

•

•

•

Вместо предисловия

Завелся у меня неожиданный дружок — не приведи Боже таких много. Он важными сведениями со мной поделился, что мне боком выйдет когда-нибудь; помнится, один прогрессивный деятель приговаривал, разряжая ствол, приставленный к умной голове: «Слишком много знает».

Святочная история начиналась так. Впрочем, это была не зима, а замечательная осень со здоровым ядреным воздухом и уважаемым мужиком — все в духе поэта-охотника. Наш охотник являлся, по счастью, поэтом только в душе. Звали его Дуев Родион Михайлович, был он начальник какой-то Камчатки, если точнее, директор научно-производственного монстра, и вдобавок его рефлекторные дуги включали органы власти. В общем, весомый человек и тонкий любитель охоты. Тонкий, но своеобразный, дед Мазай наоборот. Гонять зайца, поджидать в засаде друга желудка — кабана, травить лиса, поднимать важную птицу — это не его стихия. Родиона Михайловича интересовали совсем другие вещи. Он просил — а кто откажет такому уважаемому человеку — чтобы в те кормушки, куда сыпется жрачка-подкормка для животных, мы добавляли его порошка. От дуевского снадобья зверь становился мечтательный, полудремящий, подпускал директора на десять шагов и просыпался только от первой пули. Но спектакль был еще впереди. Родион Михайлович никогда не стрелял в башку, начинал

он с ноги, бока или загривка, ну и развивал тему помаленьку. Наверное, удовлетворял какую-нибудь потребность. Надеюсь, что подчиненные Дуева регулярно сталкивались и с его способностями. А вообще, Родион Михайлович животных любил, особенно тех, у кого вкус получше.

Познакомились мы, когда я отдыхал у мужика-егеря в заказнике, изредка постреливая в клопов и мух. Временами отдыхал и от отдыха, помогая лесному человеку по хозяйству в знак признательности за приют. По ходу дела ошивался неподалеку от Дуева. Егерь в классическом советском стиле перед значительным товарищем холуystвовал, скалился шуткам, подносил-уносил, и мне по эстафете приходилось. В заказнике, кроме развлекательной стрельбы, приятной баньки, соленых грибков, Родион Михайлович уважал монологи. Свои, конечно. Мы с егерем обслуживали ему такой вид удовольствия. Повалывается он с солисткой балета у себя в номере и, спустившись в гостиную, рассуждает о разном среди мореного дуба, подергивая щипчиками красноглазые угольки. Передо мной и егерем Евсеичем оживала юность Дуева, проведенная в дерьме, молодость, когда подбирал он клавиши к людям, и зрелость, в которой научился вдыхать и выдыхать ближних и дальних, как воздух.

После десятой рюмки скотча (хаф-на-хаф с содовой) Родион Михайлович светлел ликом и рассказывал о тайне власти. И получалось, верь не верь, что никакой власти в помине нет. Простые граждане подобны цветам, Дуев и похожие на него, напротив, смахивают на пчелок. Пчелки совместными колхозными усилиями опыляют цветы, давая возможность прорасти им пестрой толпой. А взамен за свою работенку заботливые опылители всасывают там и сям капельку нектара. «Эта жидкость — сгущенный жар цветочной души», — заплетающимся, но восторженным ртом пояснял сосальщик. Где-то после четырнадцатой рюмки командир, однако, мрачнел, разоблачался до майки и трусов, затем выдавал тайну тайн.

Он и его ближние не могут полностью переварить нектар, который, проходя по их кишкам и выбираясь наружу, становится медом. А этого добра Дуев со товарищи безжалостно лишаются. Кто-то косматой лапой сгребает себе сладкое золото кала. Стиснутое обидой, затухало бормотание морды, растекшейся по ковру. Дошедшего до момента истины человека споласкивали водой и, обтерев насухо, несли в койку.

1.

Я в охранном бюро уже три года. Кому ни расскажи, что работаю вышибалой мозгов, никто не верит. И правильно делает, между прочим. Я тоже не уверен, что способен бабахнуть кому-то по кепке; хотя десятку, в принципе, пробиваю так же бойко, как Петр Ильич писал свои симфонии. Однако задача у меня может быть суровее, чем у стрелка в цирке, который с подружки яблоки сшибает. Надо засечь момент, когда из вражеского кармана высунется «черноглазый» ростом в девять миллиметров, и уж тогда делать «стоп». Мы — хлопцы негосударственные, поэтому имеем право возразить оружием в пределах так называемой допустимой обороны. Например, прыгает на меня кто-нибудь с нунтяками или, например, пудовыми кулаками, а в кобуру лезть не смей. Учитывая мои особенности, придется улепетывать. Бегаю я классически, как товарищ на древнегреческой вазе. А вот в рукопашном поединке мне не позволяет отличаться ненависть к побоям и слабая, в определенном смысле, голова. Некоторым же нравится, когда их бьют доской по тылке. Где я лямку тянул, вернее, мудистикой занимался, даже в моей роте были такие бойцы. Я же там в беге тренировался, когда зимой, образуя тепло, ногами в койке сучил. Мне еще в армии поспособствовало, что я после учебки в писари угодил. Пришлось специализироваться на сочинении любовных писем для нашего капитана. Адресаты у него, помню, не застаива-

лись, но каждый раз подавай ему новые фразы. Ну, и я под конец обнаглел. Пока он не обслужит меня, как бармен в пятизвездочном отеле, ничего я очередной «Лауре» не пишу. Матерится он, будто царского времени извозчик, а не красноармеец, но херцу-то не хочется покоя...

Я и нынче, бывает, между фразами «дежурство принял» и «дежурство сдал» изготавливаю всякую фигню за мелкую монету — сценарики для рекламных роликов или компьютерных игр. Но это лишь отголоски. Я вообще два года ничего полезного не делал, только самовыражался, хотел на полку районной библиотеки попасть между Гоголем и Герценом (моя фамилия Гвидонов), чтоб меня жадно читали даже в уборной. Сляпал роман и три повести, послал по экземпляру каждого магнус опуса в три разные редакции. Ну и меня в ответ послали. Кто уверял, что мое творчество не для толпы, лучше завести попугая и декламировать перед ним; кто посоветовал чаще открывать книги приличных писателей; кто — меньше списывать; а кто — больше упражняться в сексе. Как бы не так, жена все два года поиски не разделяла, и подъехать с рекомендованными упражнениями я к ней мог разве что во всенародные праздники. В остальное время ее половая жизнь подозревалась и была под вопросом, хоть приделывай к срамным органам потенциометр с самописцем. Впрочем, я быстро оставил надежду ее проконтролировать. Как-никак, первый разряд по кикбоксу у моей супружницы: только пальцем тронь, сразу на моей морде отзовется. Наконец догадался я, что из меня писака и семейный человек как из говна пуля, а фамилия моя годится лишь для заборных надписей.

В самый первый раз сочинительство жизнь мне разрушило на третьем году института. При расчете курсовой работы по всяким кривошипам и шатунам я серьезно уклонился в сторону и навывислял фуфла про гравитационные волны. Получилось у меня, что пока мы с каким-нибудь кривошипно-шатунным механизмом на од-

ной волне, то сосуществуем вместе, а только на разных оказываемся, сразу друг для друга рассыпаемся. Вот такова была моя лебединая песня в сфере образования.

Но ничего, я свое «я» найду. И открою тогда собственное охранное бюро или там булочную или стану чистить южанам ботинки на вокзале. Главное, что смогу в любой момент встать, взять свои манатки и уйти в любом направлении. А пока что изволь двенадцать часов на стуле «отпахать», если это слово уместно. Можно, конечно, журнал, насыщенный девками, полистать или помозговать рекламный ролик, но разлитая по рубке грусть-тоска словно переваривает меня. Через мониторы набрасываю взгляд на вымоченные в желтом свете подходные дорожки, и глаза киснут. Ни одна сволочь не пробежится, затаилась она и, посмеиваясь золотящимся ртом, что-то планирует. Разве не заинтригует воров хоромина, напичканная оборудованием, как огурец семечками? Фирм с компаниями тут, что мусора. Разве им не понравится, что здание технопарка на этом отшибе, на месте бывшей гатчинской овощебазы, и долгими вечерами-ночами здесь пусто, как в животе у жителя Бангладеш, в смысле — людей негусто... Вот сегодня, едва звездочки покатались по небу, поковыряться в науке лишь доктор Файнберг и его верная помощница Нина остались. И конечно, большие сомнения у меня, занимается ли эта парочка той самой эволюционной машиной или на повестке у них то, что в эволюции не нуждается. В норке, куда они затырились, в компьютерном центре, нам подсматривать видеокамерой нельзя — ученые стесняются, хотя все для их же блага. Впрочем, я при каждом обходе доктора с лаборанткой навещаю, не боясь показаться назойливым. И что интересно, раньше Файнберг с Ниной располагались на почтительной дистанции, а теперь притянулись на расстояние вытянутого пальца, как Абеляр с Элоизой. Никого, правда, осуждать я не намерен, изогнув брови домиком. Нина — дама местами интересная. Рот — как косяк у ворот, ноги — что

столбы на дороге, глаза — для бандитов тормоза, ягоды — как две перелетные птицы, так, наверное, выразился бы автор «Песни Песней». Зачем же время убивать на скоротечные научные достижения? Однако хочу сказать в свою пользу, захожу к ним не только, чтоб со скуки роман их подсматривать, но заодно и поесть пищи для ума. Эволюционная машина доктора Файнберга — это в сущности программа такая — определяет, какие мутации зверью пригодятся, а от каких проку не будет. Заодно вычисляет, что за свойства у тварей от того прогресса могут объявиться. Меня пробрало лишь то, что запросто какие-то животные разживутся способностями гробить нашего брата, разумного примата, похлеще, чем у пулемета и танка. Правда, Файнберг утешает, дескать, расслабься, браток, эдакие пожиратели и истребители естественным путем прийти к нам не могут. Природа, по его мнению, подслеповата и занимается простым перебором вариантов. А вот Самуил Моисеевич, в отличие от природы, и чутьем, и математическими выискивает самую интригующую траекторию изменений. Он при мне на графическом экране малевал эти траектории. Вырисовывается в результате усилий что-то вроде цветика-семицветика, а потом такая мазня эволюционной машиной интегрируется в ряд жутких образов, самый последний начинает еще прыгать и выть, что, доложу вам, будет похлеще всякого мультфильма. Какая-нибудь харя с экрана тебе улыбнется, — считай, настроение на день испорчено. Хотя и не исключал док, что иногда природе кое-кто помогает поумнеть против обычного. Вот, например, до потопа царил такой серьезный неслучайный зверь, как змей, он же дракон, которому удалось набедокурить даже в райском саду. Само собой, что и наш общенародный предок тоже вырос под особым присмотром. А почему нет никакой культуры в море? Потому что там акулы, которые сами не слагают поэм и другим не дают. Но зато они — биологическое совершенство.

И с этой забавной чепуховиной носился Моисеич, не расчесав всклокоченной головы, в свое свободное время. Естественно, ничем другим он не занимался и в рабочие стуло-часы. Начало такой, с позволения сказать, деятельности было положено, когда из-за бугра прибыл консультант концерна «Ай-Би-Эм» доктор Шмуэль Файнберг. И за смехотворное для птицы такого полета денежное довольствие — «пернатый» наглядно смеялся, глядя на зарплату, — стал консультантом товарищества «Гаврилов и компания». Что товарищи отмечали при помощи интенсивного пьянства как неслыханную удачу. Потом уж выяснилось, если Шмулик и работал в «Ай-Би-Эм», то не больше трех дней. Явился одесский хOVER Моисеича и проявил до поры темную киноплёнку Файнберговой жизни. С десятков лет тому, раздувшийся от идей Самуил перебрался с мансарды дома номер три по Малой Арнаутской в академические круги Иерусалима, Кембриджа и Гарварда. Однако там «дичок» не прижился, лишь стал известен как тот, кто не имеет приличного образования и признанных работ, зато собирается быть на передовом рубеже науки и переключать лаборатории на изучение ведомых лишь ему эволюционных сюрпризов. Также не задержался Файнберг ни в одной из фирм, как человек, мало интересующийся производственными заданиями. В конце концов «там» он приобрел некоторую, увы, целиком отрицательную известность и, оставив жену у одного знакомого ученого, а дочку в израильских ВДВ, повернул назад. Через неделю он полностью засветился и на последнем месте работы. Однако бывший таежный охотник Гаврилов из упрямства — того самого, с которым подстерегал сохатого — оставил не признанного никем ученого у себя. Правда, попросил маячить в рабочее время перед другими сотрудниками как можно меньше. Естественно, что и область смешного — деньги — резко сузилась. Но судя по плавленным сыркам, которые поглощал вдумчивый Самуил Моисеевич, много ему не требовалось. Наверное, Нина была среди тех

редких личностей, на кого Файнберг производил впечатление «крупного спеца оттуда», с которым она рано или поздно отправится «туда». Такая наивность делала ей честь по нынешним ушлым временам. Может, отчасти ее гипнотизировали невоплощенные демоны Самуила Моисеевича.

Все-таки посеял в каменистом грунте моего сердца семена боязни этот пресловутый ученый. А ведь совсем было дрейфить перестал. Уже не боялся двоек, «сундуков»-прапорщиков, триппера, ментов и таких красных уголков пыток, как кабинеты зубных врачей. Кстати, последний мой визит к частной отличной дантистке, рекомендованной хорошим знакомым, протекал так. Принимала она в рубашке и колготках; несмотря на успокаивающую музыку с охами и вздохами, от первого же прикосновения бора я встал на дыбы. Женщина не унилась, вывернуться без риска быть пропоротым я не мог, потому и схватил ее за талию. Дантистка приняла жест за начало, стала форсировать события, и я не отставал из-за надежды облегчить свою участь. Одну участь я облегчил, а вот другую утяжелил: в конце веселой недели обнаружил себя под венцом вместе с этой мало знакомой мне дамой. Таким образом, зубовный ужас привел в действие механизм моей женитьбы, который, по счастью, на нынешний день уже израсходовал весь свой завод. Не послужило ли мне это уроком бесстрашия? Отлично послужило. И вот результат. Некоторые дергаются или даже потеют при виде змей, червей, пауков и крыс. Я же к ним отношусь приветливо. На мой взгляд они не хуже других. У меня проживала, пока не сдохла от ожорства, ручная, как мне иногда казалось, крыса. Я еще славен тем, что тапком не тронул ни одного паука и за тараканами всегда наблюдал с нескрываемой симпатией, а не со злобным недовольством, как некоторые.

Однако позавчера, благодаря стараниям дока Файнберга, пришлось сдрейфить по-настоящему, без всяких

прикрас. Выбрался я из-под земли на станции метро «Приморская», не бежал, задрал штаны, за попку в «варенке», а шел домой отдыхать от своей монотонной службы. Темно уже, я отдых начинаю с того, что опускаю взгляд в небесный погреб, — кстати, пару раз такое начало в глубокой луже заканчивалось. Вот глянул я и весь внутренне заиндевел. Черный бархат неба проколот, и сквозь пятнышки сочатся красно-зеленые лучи, напоминая в целом граненый стакан или колпак. Как привлечь внимание прогрессивной общественности? Не будешь же посторонних злых людей за рукав хватать. Я застенчивый, поэтому могут мне и авоськой заехать, и газовым баллоном прыснуть. Но тут же сообразил, что раз я первый их заметил, то мной они займутся особо и отдельно. Сразу втемяшилась в башку такая дикая мысль, хоть я и не умственный дикарь. Ведь не купишь же меня всякими фраерскими байками про мужицких заступников, капиталистов-эксплуататоров, русских эт-руссков, предводителей-пассионариев с вечным жаром в заднице, про У-райские горы, с которых великий йог Шива, он же Сивый, свел русичей, про благодать, спускающуюся на каких-то деревенских олигофренов. Чем мои «стаканы» лучше?

Но уже вчера я постарался о колпаке забыть. Без особого сопротивления вылетают из меня, как из распахнувшегося портфеля «дипломат», всякие изнурительные мысли, когда я балуюсь, вернее, своеобразно тружусь на своем аппарате «Охота всех времен и народов». Раньше у меня имелась установка «Охота в джунглях», но я добился второго в целом Питере результата, и фирма за спасибо притащила усовершенствованную машину. Если дал промашку, она портит воздух — такое вот наказание. Пальба не только по готовым зверям, вшитым в память установки, но и по тем, кого сам спроектируешь. Ну, я постарался в стиле дока Файнберга. Приятно напасть не на какого-нибудь левика Леву, а на уродца с зубами-серпами и лапами-мясорубками.

Видеоряд в моей киснувшей голове внезапно обрывается, потому что прилетает вдруг вопль из породы самых надсадных. Тут у меня непродуктивные мысли табуном понесли. И про колпак, и про кучу добра, которую надо стеречь с почти связанными руками. Правда, неслись табуном они только одно мгновение, потом я вскочил, взвел курок своего нагана; как раз на мониторе, то есть в коридоре четвертого этажа, появилась Нина. Она покачивалась, как молящийся сектант, и странно раскрыла рот, как участник пантомимы. Может, мы еще в границах нормального? Просто в порыве страсти безнадежной Файнберг набросился на нее, как пес на баранью ногу, а она ему случайно откусила какую-нибудь настырную деталь. Я даже немного обрадовался — сейчас разряжусь за их счет. Включил у телефона автоответчик и отправился, ликуя, на третий этаж. Пока ждал лифт, готовил язвительные слова, укоряющие Нину за виктимность, ну и, конечно, обличения в адрес старца, подкравшегося к слабо одетой Сусанне. Дескать, взяли вас сюда, уважаемый Самуил Моисеевич, за рвение головы, а не причинного места; теперь понятно, какой вопрос у вас болит...

Когда я наконец доехал, Нина торчала еще в коридоре, выжатая и пожелтевшая, как сухая курага. От ее вида я заготовленными словами сразу поперхнулся и, с пальцем на спусковом крючке, вступил на квадратные метры компьютерного центра. Только я там оказался, сразу взмок. Я вначале красную лужу увидел, очень яркую на сером фоне, а потом уже, за креслом, тело навзничь, из которого она натекала. Стал разглядывать распознавательный знак лица. Но знак весь залит. Как же иначе, когда в голове застрял клин. Заколочен в правый висок. Однако костюм с характерной потертостью на заднем месте выдавал доктора Файнберга. Я произнес таинственную фразу, позаимствованную у каких-то похорон по телеку. Может, тебе нужны слова древнего прощания, док. От возбуждавшейся крови забил колокол в

ушах. А что, если некий клинописец, смачивая губы слюной, выбирает следующей целью мой кумпол. Вдруг сама Нина? Овечка овечкой, а сейчас развяжет еще один узелок на ниточке жизни. Я согнулся, как получивший под дых, отскочил «закорючкой» к двери, осторожно выставил глаз из-за косяка. Стоит себе, скулит в тряпочку. Юбчонка в обтяжку, свитерок тоненький, где тут спрячется еще одна долбилка для головы или какая другая убойная штука. Я, опускаясь по обезьяньему примеру чуть ли не на пальцы, прочертил кубик комнаты вдоль, поперек и вокруг. Но никаких подсказок. Стекло оконное тоже целенькое. Скатился по лестнице в рубку, проверил записи всех видеокамер, пленка замазана только застоявшимся воздухом. Кипящей до булькания головой вспоминаю строки из какого-то приказа: «Эмиссаров, изменников, космополитов немедленно задерживать и подвергать допросу». Хоть слова не из той оперы, но я возвращаюсь к тошнящей Нине, хватаю за зыбкие плечи и требую ответов на все вопросы. А она вместо ответов прикинула ко мне и лопочет: «Пили кофе, задача на исполнении была. Самуил Моисеевич поднялся, стал вроде вглядываться в угол, даже глаза прищурил. Вдруг звук... будто бутылку шампанского откупорили. И сразу брызги из головы...» Если разыгрывает меня, то ловко. А если невиноватая, то может с катушек свалиться, станет как Офелия — без обувки с чушью на устах бегать. На всякий пожарный утешаю ее:

— Ничего, Нина, это бывает, нормальное убийство.

— Нормальное, да? — с надеждой отозвалась Нина и даже потерялась об меня. Я ее телесность почувствовал через куртку, кое-какие мысли, вернее, эмоции посторонние зароились. Но прикрывать даму собственным телом от бандитского клина не стал, а, напротив, оповестил службу любителей здорового быта, то есть РУВД. Там мне грубым и заспанным голосом велели не рыпаться, ничего не трогать, не пытаться что-либо спрятать. Однако мчались резкие люди из органов сорок минут, или, мо-

жет, решили еще покемарить. Я после своего звонка в отведенное мне время рыпаться не стал, правда, перетащил Нину в холл, чтоб была под присмотром, а сам в свою будку-рубку — готовить к приезду следователей собственную версию. Однако, несмотря на все потуги, версия не слепилась. Была, конечно, слабая зацепка. Файнбергу что-то померещилось в уголке. Ну, если бы там злодейская морда торчала и прицеливалась, то доктору было бы незачем вглядываться и шуриться. Тут уж тикай или ори. Файнберг мог высматривать только что-нибудь небольшое, веселое, вроде крысы. Я ведь встретился в коридоре с кусочками дряни, похожей на крысиное дерьмо.

Очень пришлось пожалеть, что впустил ментов. Когда поздно было, своим задним, самым сильным умом сообразил, что вначале стоило сюда начальника бюро высвистать. Он бывший «органист» и повадки этой стаи знает. Вместо того чтоб вынюхивать след подлеца или хотя бы с Ниной лялкать, внучки́ Феликса Железного за меня взялись. Револьвер попросили посмотреть, а когда надо было отдавать, фигу сальную показали. Про бюро мое всякие низкопробные параша пускали, дескать, это нажопник для мафии и дельцов. Я все стерпел; так сказать, не ответил плевком на плевок. По их тяжелым мутным взглядам понял, что обшаривать углы и щели, выуживая мокрушника, им будет скучно. Капитальным людям довольно, что я у них в кармане, раскрутят меня на своем «чертовом колесе», и дело в шляпе. Оттого и вопросы дешевые задавали. Злобничал ли на ученого из-за Нины, балуемся ли мы втроем бухалом, травкой и оргией, есть ли у меня царские монеты, не добывал ли мой соперник золото из электронных плат. Я оборонялся тем, что раз пятьдесят предложил прокрутить видеозаписи со всех камер, особенно с той, которая мне в затылок пялится. Но мусора видеозаписью заинтересовались, лишь когда старший группы капитан Белорыбов отплясал над трупом и познакомился с ним поближе через компьютер МВД.

К несчастью для тела, выяснились его фамилия-имя-отчество, а также другие обстоятельства личной жизни. Поступившие справки отнюдь не украсили Файнберга в глазах Белорыбова. Напротив, капитан стал виртуозно импровизировать на тему безродного космополита, меняющего одну родину на другую для увеличения «парнуса». По наличию иудейских словечек во владении следовательно, я сразу догадался, что, в первую очередь, он специалист по гражданам с выдающимися носами типа «шнобель». Я, конечно, печалиться не стал, когда Белорыбов отвалил от меня в другую сторону, но не удержался, вякнул. Мол, было бы неплохо для всех, если бы Файнберг гонялся за хрустами, а не за туманом. Капитан быстро, как эхо, поинтересовался, в кого у меня такие черные маслянистые глазки. Я спокойно его выпады отфутболил: мои глаза-бусинки от татаровьев злых и братьев-мусульман. Капитан, съев «пилюлю», сразу успокоился, такие специалисты мусульман уважают, они вообще к любой силе с почтением относятся. Наконец добряк Белорыбов совсем уgomонился, примирительно сказал, что на сей раз голову спасти не удалось, да и умчался сотоварищи и трупом пострадавшего. Увы, уцелей Файнберг с небольшой раной, капитан Белорыбов поколдовал бы над Уголовно-процессуальным кодексом, превращая потерпевшего в подсудимого, за статьей дело не встало бы. Как же ты не почувствовал, док, какие на тебя любители здесь найдутся?

2.

Несколько дней жил под впечатлением. Менты не доставали, только пару раз к ним сходил. Даже наган отдали в пакетике, а я им взамен конфет подарил. Я все газеты изучал, торопился к открытию киоска, так же, как морячок, всплывший из подводного плавания, в ресторан. Хотел узнать, чиркнули ли где-нибудь про колпак или смертельные клинья. Но вместо того чтоб об этом

страдать, газетки давились разным фуфлом. «Консервные» листки, то есть консервативные издания вызывали сладкий зуд своими ужасами и катастрофами, заговорами и заклинаниями, поэмами про колдунов Абрамычей и святителей с безупречными фамилиями. А «каловые» газеты — те, что от радикалов кормятся, — радовали меня расхристанными дамочками, которые у них по всем страничкам снуют, бегающими по морям-волнам яхтами, красивыми зубами, смачно кусающими пеструю яркую жвачку, да инструкциями по изготовлению сотен тысяч и миллионов за месяц-другой. Потратился я на бумажную продукцию, хотя привык денег зря не расходовать — все на коньяк и водку, — а что узнал в итоге? Что все землетрясения от греховодниц в кружевных панталонах. Что с затеями да идеями нынче не миллион сколотишь, а попадешь в плотные слои руководящих «консервов», таких, как Дуев, где высохнешь и упадешь в кучу мусора пожухлым листиком.

Следующее дежурство ничем особенным от предыдущего не отличалось, за исключением того, что обошлось без людских потерь. Я револьвер перед собой положил, все дрессировался, цапая его и наводя на лампочки. Боеготовность росла, мишеней хватало, и должно быть не только у меня. Этим вечером целая кодла коптела, как я выведал, над жидкостными МГД-генераторами. Я, конечно, донимал эмгэдэшников своими звоночками, все ли еще живы-здоровы? Они мне отвечали, скрипя челюстями, как мелкому надоеде, вроде комара: а ваше здоровье? животик не болит, в попке не свербит? Кстати, такое поведение было вполне оправдано. Они не знали, что случилось с Файнбергом. Сочным рассказом я мог бы сделать их грустнее, но Белорыбов решил иначе, и мой пахан в бюро с ним согласился. Застрессованную же Нину послали колотить по клавишам в какую-то особую комнатку и в час дня неумолимо спрашивали домой. При неизбежной встрече со мной на вахте она

словно слышала «хенде хох» и, взметнув пропуск, сразу шарахалась вперед. Кажется, капитан Белорыбов ей что-то напел про меня невдохновляющее. А я бы, между прочим, пообщался бы с ней бед-на-бед, конечно, по истечении траура. Правда, в отличие от доктора Файнберга, я вряд ли способен пробудить какие-либо радужные надежды или мечты о светлом будущем. Стороннему наблюдателю с первого взгляда на меня бросается в глаза, что я не стану богатым, умным и красивым даже при хорошей рекламе и поддержке прессы. Именно поэтому красавицы бегут от меня, как от зверя. А впрочем, посади рядом со мной любого эрудита-лауреата и пусти нас играть. Например, кто больше слов назовет из трех букв. Я себя аутсайдером в этом деле не считаю. Могу еще в «балду» и в «города» посражаться. Я в конце армейской службы, когда напряженка уже отошла в былое и думы, все изучал толковый словарь и географический атлас. Другая литература в ротной канцелярии не водилась.

В срок со второго на третье дежурство я преодолел путь от человека прямоходящего, он же хомо эректус (извините за выражение), до человека почти разумного. Даже стал мучительно думать. Чтоб поменьше мучиться, делал себе местную анестезию в виде стаканчика столичной. В результате такое умозаключение получилось. Раз Файнберг, гражданин с прибабахом и приветом, тем не менее стал нужен кому-то в совершенно молчаливом виде, значит, был намного глубже, чем всем казалось. Выходит, и в его лепете блистали умственные перлы, которые один Гаврилов третьим глазом смутно различал. Может, док рассекретил кого-то, кто должен был явиться в конце траектории изменения, вдруг эволюционная машина разоблачила некоего грядущего жлоба? И колпак был не случаен, не за мной он приглядывал, а охотился за Файнбергом. Однако связь между колпаком и основной уликой — крысиным дерьмом — не прощупывалась.

Это и довело меня в итоге до тяжелого расстройства желудка. Ведь для стимуляции работы мозга пришлось налегать на сахар, содержащийся в домашних наливках и заводских портвейнах. Поэтому на третьем дежурстве, успокоив душу и тело фталазолом, делал я безыдейные наброски к рекламным роликам.

В квартиру Наташи Ростовой из ста комнат входят друг за другом Иван Грозный, Петр Великий, Лев Толстой и еще какой-то джигит с конем. Через девять месяцев у Наташи родится сынок. Знаменитый вопрос: кто виноват? В виде ответа на диване одной из ста комнат лежит без сапог счастливый отец — Лев Толстой. Вот единственный из посетителей девичьей светелки, кто бежал на улице от пирожков государственного жиртреста «Мясо — сила», зато умял пирог с капустой торгового дома «Зеленые братья». Дурь, конечно, но есть в ней и внушение, и контрпропаганда.

Интеллигент настигает в чистом поле Буденного, Семен Михайлович с удивлением оборачивается и, крикнув, разрубает догоняющего очкарика от головы до седла. «Я ж хотел быть ближе к народу», — говорит пострадавший и делится на две половинки. «Ты бы, мать твою, какой-нибудь знак подал», — огорчается честный рубака. Хотите на место интеллигента? Если нет, то быть ближе к народу вам позволит чеснок торгового дома «Зеленые братья»! Его запах говорит о вашем присутствии и духовном родстве на расстоянии до двадцати метров.

Так я заигрался, что едва вспомнил мужика с вихрастой бородой, ученого Веселкина, специалиста по жидкостным МГД-генераторам. Он сегодня единственный пузырек из той пены, что в прошлый раз обтекала гранит науки. Не вдруг вспомнил, а после того, как мелкая тень шмыгнула по холлу. Как-нибудь догадался, что это оптический обман и объегоривание, как в тот раз, когда я принял Петра Филимоновича за Раиса Абдурахмановича, хотя два совершенно различных мордоворота. Но все

равно эта тень пробудила всякие подозрения, которые, может, еще с пещерных времен в моих генах застряли. Стал я упорно добиваться разговора с ученым Веселкиным. Набираю номер раз, другой. Не откликается. У меня, конечно, уже дурные картинки в голове ожили, поползли. Браню я невротика, то есть себя. Ведь мог бородатый всхрапнуть часок, вылеживая думы, а то и бросить якорь в павильоне грез (как обозначали сортир китайцы). Бесполезно звякнул я в последний раз и поехал на пятый этаж, в место пребывания осточертевшего уже ученого. Еще в холле, около лифта, я рассмотрел немного слизи, но принял ее за плевок какого-то жлобоватого доцента. А на пятом, близ лифта, опять эта дрянь, вдобавок к ней прилипло что-то вроде чешуйки. Тут я соображаю со скрипом: и внизу был вовсе не плевок доцента; поэтому отскоблил гадость да в пакетик из-под орешков сховал. А в главном коридоре пятого этажа — полумрак и жужжание. Не понравились мне эти звуки; рукоятку нагана в ладонь, большим пальцем взвожу курок, указательный опускаю на спусковой крючок, двигаюсь в полуприседе, рывками, готовый бабахнуть в любую неожиданность. И тут что-то мокрое мохнатое влетает и вылетает из моего «растопыренного» глаза. От такой обиды я чуть не выстрелил себе в гляделки плюс возненавидел автора «Мухи-Цокотухи». Но в основном продолжал действовать грамотно.

Ударил пудовым башмаком дверь лаборатории МГД, так что она вылетела, прыгнул влево, скакнул вправо, потом уже ворвался в помещение и спрятался за ближайшим укрытием, большим шкафом. В комнате праздник-фиеста. Жирные, быстрые, летают эскадрильями, хватают за кожу челюстями, во все отверстия ломятся, глаза просто выпить хотят — первый раз в своей бедовой жизни повстречался с такими наглыми спортивными, накачанными рэмбо-мухами. Отгоняю их, бью кулаком и наотмашь, «по щекам», обзываю всячески. Это помо-

гает, но слабо, напрягаюсь, как пинг-понгист в финальном матче. Конечно, внушаю себе, что мухам удивляться не стоит; чего в них особенного, самые заурядные дрозифилы, не це-це какие-нибудь. Ученым — слава, а цокотухам только вредные излучения генератора. Отчего ж болезным не сорваться из коробки? Тоже ведь свободы хотят. Выдвинулся я из своего укрытия на несколько шагов, под ногами хлупает генераторная жидкость, та, что с магнитными свойствами, и вот, пожалуйста. Меж двух установок в луже — павший и мертвый. Я, собственно, его по бороде и узнал. Тот самый клин между глаз торчит. Естественно, что на лице неприятная каша, борода на помазок похожа. Над кроваво-магнитной лужей Мухляндия работает, барахтается и купается. Я выскочил из комнаты, прочертил блевотную полоску в коридоре — мне казалось, что я того помазка наелся. В рубке, правда, снова себя на подвиги завел притопываниями и прихлопываниями в стиле национально-освободительных движений Африки. Разгладив скомкавшуюся душонку, стал звонить в свое бюро — и вот те на, все ушли на танцы. Напрасно пытался высвистать шефа — он обменивался где-то опытом с Корпорацией секретарш-телохранительниц. А вот криминалисты на сей раз через десять минут прискакали, будто поджидали в кустах неподалеку, причем у всех взгляды зверьков, питающихся падалью. Белорыбов с веселенькой улыбочкой на устах сразу ко мне и, сглатывая слюну, попросил предъявить оружие. Но в тот момент, когда я протягивал свой наган, белорыбовский холуй взял меня на прием. Смешной прием, детсадовский, — заломал мою руку своими двумя, я бы на его месте провел айкидошный кистевой. Однако ничего противопоставлять борцу не стал, потому что гостям только этого и надо. Прихлопнут за здорово живешь, потом накатают нужные бумажки, и дело закрыто. Лизнул я пол, захрустели хрящи, какой-то орангутанг еще прыгнул мне на спину и стал топать

ногами. Ясно, пристрелить не получилось, сейчас мне помогут оказать «сопротивление при задержании». Утюжили минуты три, выдавая грубость за умение. Но потом Белорыбов проявил режиссерское мастерство. Меня дернули, как морковку, за чубчик вверх, и боец, сбегавший к Веселкину, ткнул прямо кровавой пятерней в мое уставшее лицо.

— От этого так просто не отмоешься, — сказал посуровевший сообразно моменту капитан Белорыбов. — Двадцать пять лет расстрела тебе, и то мало.

Дебил дебила видит издаലെка. Я в Белорыбове почувствовал под тонким налетом цивилизации полный котел бреда.

— С вытащенными из пазов руками и вы не поможете, — пытаюсь унять опричника.

А в ответ опять жлобство, грубость, «ванька-встанька», известный мне с армии, тычки в живот и по почкам. На службе-то я быстро нашел себе персонального мучителя, который «обрабатывал» красиво, но облегченно, по-театральному. За эти услуги передавал ему, подавляя музыку в животе, всю сухую колбасу, импортированную из дома, впрочем, ее и так бы отняли. Но Белорыбова колбасой не смягчишь, он тверд, как тот клин, что завершил карьеру физика.

А видеозаписи с моим алиби капитан просто стер. Попробуй в такой неакадемической обстановке заикнись про слизь и чешуйку в пакетике, который дружки выбросили при обыске в мусорное ведро. Да они ж заставят меня сожрать этот вещдок вместе с остальными помоями.

3.

В камере СИЗО людей хватало, но двое держались особняком. Я и мой опекун. Он должен был помочь мне. А мне предстояло рассказать, как гасил светильник отечественного разума. Стараться и придумывать не надо

было, всю историю сочинил бывший режиссер, а нынче драматург Белорыбов. Оставалось только передать своими словами, но под протокол. Главное было не запутаться в расписании греховных дел. Начать с учительницы Рахиль Израилевны, которая внушила ненависть к родным березкам. Не забыть о тренировке по метанию клиньев в гастролера Файнберга. Ну и закончить самым последним обагрением рук.

Я же отвечал на жизненный вопрос. Первый ответ — не хочу играть роль, прописанную мне назойливым драматургом. Второй — желаю сохранить в организме больше целых деталей, чем позволяет ситуация. Первый и второй уживались друг с другом плохо. Налегал на первый — и вот результат: через несколько дней я нуждался отнюдь не в косметическом ремонте. Приятно было б что-нибудь противопоставить своему оппоненту, но подходящего средства не нашлось. Рука у него в два раза шире моей; морда и брюхо чувствительны к битью, как кирпич и мешок с картошкой; стрелять, естественно, нечем, разве что соплей. А улепетнуть внутри такой клетки могла бы только черепаха из апории пресловутого Зенона (его бы на мое место). Наконец понял — пора давать второй ответ. Ведь я успел уже попрощаться с тремя зубами, двумя клочьями волос, телесным цветом лица, и что-то внутри стало шалить. Тратить ресурсы столь быстро, наверное, было бы легкомысленно.

Еще одна незапланированная неприятность настигала меня, когда опекун уже выдавал трели на нарах. Неведомая сила как бы выкручивала меня на манер тряпки. Я даже несколько раз штаны ощупывал, не мокрые ли. И Дуевские слова вспоминал о высасывании душевного жара у граждан. Как-то выкручивали меня в очередной раз, ну и выпустили жар. Заодно и некое существо, прихватив мои мысли, выскочило наружу, назовем его для ясности ГНОМИКОМ. Что интересно, я как бы стал им. Раз — и затянулась пеленой вся камера, принялся

блуждать я (то есть гномик) в непроглядной мгле. Блуждаю по-черному, вокруг же неустанное чавканье и всасывание, будто это не туман, а питательный бульон. Несколько раз видел и тени чавкающих-сосущих, каких-то родственников пиявки и глиста. Один червяк так мощно меня потянул, что я принял его за Родиона Михайловича. Навроде разглядел даже — сидит тот тихонький в кабинете, стеклышки очков поблескивают, конфетку жует и бумажку правит. Рванул сдрейфивший гном обратно с такой силой, что чуть не треснул. Повоевал с ветрами, попланировал и как-то из тумана пищеварительного выскочил, прямо в родную камеру.

Хотя можно было гордиться, что я за свой жар души схватился и не дал его сожрать, но подозрительные видения намекали скорее на помутнение в голове. И в самом деле, поволокли меня на допрос, а я собрался дать еще один ответ. По-джентльменски выражаясь, попробовать внезапно Белорыбова нокаутировать, а по-рабочекрестьянски — дать ему по соплям, чтоб не скоро встал. Пусть хуже, но роль будет не чужая, а моя. Хуже себе сделать не пришлось, следовательно стал вдруг умным и добрым. Извиняется даже, мол, кто же знал, что вы такой положительный гражданин. Я, обалдевши от положительных эмоций, решил, что это спасенный жар души мою судьбу устроил.

Разгадка пришла вместе с шефом бюро Пузыревым. Он меня встретил недовольным сопением, но известил, что в технопарке за время моего отсутствия завершилась биография еще одного ученого. Кстати, последний убиенный занимался преобразованиями каких-то сверхдлинных субэлектронных волн, из-за которых иногда в природе шаровые молнии рождаются. Субэлектронщику стало хуже, а мне лучше, вот и разберись, где тут мораль. Пару деньков полежал в ванной, отмок, попил женьшеневки, потом отправился к врачу-костоправу. Врач хрустел костями. Это помогло. Хрустел-то он костями дру-

гого пациента, но я, наслушавшись такой музыки, понял, что лучше стать здоровым и идти домой. Попадись к такому доктору на сеанс, действительно потом ни на что не пожалуешься.

Приступив к выполнению служебных обязанностей, я уже ничего не скрывал. Каждому вколачивал страхи, когда пропуск проверял. Только в моих услугах уже не особо нуждались. И так все было известно, катались жуткие вести из уст в ухо. Эскадроны смерти, красные бригады, черные сотни и другие кошмарные темы надолго прописались в головах. Большинство прознавших про это дело репортеров настаивало на том, что нынче орудуют не какие-нибудь закоренелые преступники с четко очерченными целями, а юные сорванцы-консервы из группировки ГСДБ (Гитлер-Сталин — дедушки-братья) или романтики-калы из бандбригады «Батька с нами». Дескать, юнцы утверждают свою мужественность, вбивая клин в какую-нибудь голову с противоположной стороны баррикады. Получалось, что Файнберга принесли в жертву консервы, Веселкина — калы, субэлектронщика — опять же консервы.

Я стараюсь не попадать под струю самой свежей общественной мысли, которую испускают печатные, а точнее, непечатные органы. Поэтому притворялся (и очень удачно) олигофреном, чтоб не вслушиваться и не вчитываться. Даже невооруженным взглядом видно, что у малолетних калов, консервов и прочих крысят спинной мозг жидковат для таких заковыристых дел. Вовсе не для них думающие головы обладают такой притягательной силой. Прав Дуев, что всегда кого-то обсасывают, — но только не цветочки. Вчера крестьян, беспортошных феллахов всяких, которым некогда было помыться, смердов, рабов. Завтра роботов, чем они хуже феллахов? А сегодня доят тех, кто сидит в технопарках. Не знаю, что насчет жара души и нектара, но большие начальники-вурдалаки в финансовом отношении местную публику

точно выжимают, как лимоны. Расцвести «лимонам» не дают, чтоб не стало тесно питающимся, насельникам администраций, кафедр, НИИ, НПО и прочих бюджетных контор. Однако же начальнички изводить и рубить под корень соперников-кормильцев, пожалуй, нынче не должны. Собственный овощ им уже не вырастить, а жить-то хорошо — ой как надо. Значит, наши привычные сосуны в этих ликвидациях, по крайней мере, главную скрипку не играют. Тогда кто? Тут и ставилась сама собой точка в моих размышлениях.

Кстати, через пару недель повстречал того уркана, который со мной дружил в СИЗО, не покладая рук и ног, вкус чьих ботинок я помню до сих пор. Видимо, пустили его отдохнуть от хорошего поведения. В универсаме на Васильевском встретились, я там водопроводным краном разжился. При этом, мне показалось, земляк меня не заметил, а я его «взял на мушку». Вначале такое обстоятельство никак меня не задело. Но потом, когда ему вместо меня достался приличный портвейн, откуда-то из мозжечка постучалась агрессивная мысль. Возьми-де кран, заверни его в приобретенную ранее газету «Правда» и получившимся украшением угости приятеля по кепке, так сказать, верни излишки. Появившись под видом обычной мысли, этот умственный порыв скользнул вниз, в сердечную мышцу, оброс там сильными чувствами, как ежик иголками, и показался хорош. Он уговаривал меня со всей убедительностью, что невмешательство в дела блатного элемента мне серьезно повредит. Закусает себя душа, истощится дух. Ладно, он меня уговорил, воодушевившись и вооружившись краном, да еще цепочкой от унитаза, я принялся преследовать человека с хорошим портвейном. Порыв на ветру распалился еще больше, мое образное мышление по десятку раз за минуту представляло, как врезается «газета» вместе со всей своей правдой в грязный затылок оскорбителя. Предаваясь таким светлым мечтам, выдувая губами звуки удара «Бух!

А-а-а!», я проводил своего подопечного с Наличной на Железноводскую. Там он юркнул через подворотню во двор. Экскурсия вроде бы стала подходить к концу, когда он двинул в какой-то подвал. Я, будучи по-прежнему на взводе, не отрываюсь. Пять ступенек вниз и — полутьма, воздух, напоенный гнилью, звенит от комариных концертов, и вражеские летуны повсюду, наглые, как пэтэушники после выпускного бала. Ящики раскинулись упорядоченно, штабелями, и раздольно, россыпями. Подвал, судя по интерьеру, имел отношение к заведению жрального типа, которое умерло грязной смертью из-за запрета санэпидстанции. Я не забывал о своей мечте, поэтому, огибая горные хребты тары, преследовал знатного зверя. Всего несколько метров вглубь — и сумерки стали тьмой со слабыми выбросами света из каких-то щелей, а залежи ящиков обернулись лабиринтом. Вот и чавканье башмаков моей добычи рассосалось во мраке, и огонек ее сигареты свернул за какой-то угол. Пожалуй, ошибочка вышла; приятель, в отличие от меня, нежится в родной гадской стихии. Стал я как тот вратарь, которому бьют пенальти, а у него грязь в глазах. Выход один — искать вход. И вот я пячусь назад, гордый, но озадаченный, как Наполеон в декабре двенадцатого. И вдруг шлагбаум. На моем горле устраивается ремень и начинает давить. Я в него даже не поверил, настолько был не готов к столь неприятному развороту. Но башка сразу опухла, как мяч под каблуком. Все было так похоже на сон типа «кошмар», что я не испугался и нашел, что противопоставить гнусному выпад. Трахнул каблуками владельца ремня по сводам стопы, а потом смял ему локтем, наверное, не слишком здоровую печень. Ему бы сейчас не обращать на это внимания да и додавить меня, но злой, вспыльчивый нрав взял свое. Удавка ослабела, — видно, он стал держать ее одной рукой, а второй, увенчанной чугунным кулачищем, решил долбануть меня по затылку. Но я нырнул вниз и вбок, потому-то бронебойный удар,

произведя ветер, только скользнул вдоль моей шапочки — как не узнать нрав приятеля. Взяв из положения сидя низкий старт, я высвободился и, больше того, перелетел через какую-то кучу. Я знал, что разгневанный блатарь так просто не пустит меня к свету, поэтому стал курсировать в темноте. Пути ветвились и петляли, пересекали груды гниющих ящиков и уходили под воду. Вскоре неизвестность полностью проглотила меня. Оставалась одна единственная ясность, что братья меньшие в состоянии пить мой сок на первое, второе и третье. «Закусан комарами насмерть в центре большого города!» — это сенсация. Однако я вряд ли смогу пожинать плоды своей популярности и нежиться в огнях фотовспышек и юпитеров. Хоровой писк был таков, что казалось — все тело стало сплошным ухом. Несмотря на мои мощные отмашки, достойные участника мамаева побоища, комары подошли вплотную и даже куртку пробивали своими хоботами. Я пытался вычислить, сколько еще продержусь в кусачей тьме, но тут обозначилась поправка к расчетам — некий шум, похожий на комариный писк, как тигр на кота. Удивительный шум скорее всего был родственником того, что бывает при продувке клапанов. Ой, как не хочется, чтоб этот «клапан» прыгнул мне на холку. Так я внутренне протестовал, что какой-то нервический спазм сделался. Конвульсии стали меня выжимать и выкручивать. Уже известный мне гномик ожил и побежал навстречу тапкам, а потом словно сорвался с прыжковой вышки. Покувыркался он еще, а потом прибился куда-то, приобрел устойчивость. Кстати, вся фигня, творившаяся с ним, как будто происходила и со мной (гномик — ЭТО Я?!), хлестнули прямо-таки приборной волной свежие ощущения.

Сжатие распространяется вдоль тела и гонит волну, продавливая жидкую силу сквозь отсеки моего нового, надеюсь, неплохого тела. Это вдох. Сжатие бежит в другую сторону, и брызгами с гребня волны срывается

горячий выдох. Он подсвечивает шарик неподалеку. Внутри шара скрючился убогий тип, отчасти похожий на человека, а больше — на блин; выделялись, пожалуй, только красивые красные фонарики глаз. К продольному сжатию добавляется поперечное, огненный комок распирает глотку. Стоп-кран. В шарике-то — Я! Кроме меня, там торчат некому, вот даже узнаю свою куртку с барахолки и шапочку, пригодную для сафари. Глотка горит, как от стакана спирта, сейчас пойдет волна в другую сторону и выбросит комок, вернее скрученную в моток проволоку. Нет уж, на самого себя, даже замаринованного в шаре, моя рука, а вернее проволока, не подымется.

Я сам себя выплюнул — тороплюсь назад по пуповине, которая соединяет огневой рубеж и съедобный шарик. По дороге глотаю встреченные напряжения и сжатия; переварившись, они вылетают откуда-то сзади реактивной струей. Ну, задал я фору балерунам из Большого! В конце душой исполненного полета — яма, я расплескался по стенкам и стек на дно. Итак, поздравляю себя и гнома с вселением обратно. Если я не сбрендил окончательно, то теперь знаю угол атаки на меня. Резко сгибаюсь и щелкаю зажигалкой, что-то, похожее на копье, свистит над моей головой, слегка прикрытой шапочкой. Крохотный свет подмазывает розовым сцену нападения, кручу глазные яблоки. На штабеле, в двух метрах от меня, расположилась редкостная дрянь. То не копье просвистело, а она пульнула в меня своим хоботком. Убойный инструмент, не заработав очки, как раз прятался сейчас в пасть недовольной морды. И наконечник у него тот самый, похожий на клин. Кусательно-жевательный аппарат вообще у этого гада выдающийся. Четыре крюка и какие-то штуки, которые я бы назвал ручонками, если б не были они похожи на складные ножи с зазубренными лезвиями. Изящная червеобразная фигура вся в прикиде из обручей-колец, те заправлены

друг в друга, как портки в сапоги, вдобавок сходятся и расходятся в такт элегантным движениям. Чуть подальше от головы, под грудкой шевелится два ряда смешных ножек, которым не помешали бы сапожки. Описание не полно, потому что было не до любования портретом подвального дива. Я как-нибудь сообразил, что эта штука способна помешать мне жить. Неожиданно в рамку влезла фигура моего уркана с живописной миной на лице. Дальнейшее достойно кисти баталиста Васнецова. Жалко, что он отсутствовал, когда я кинулся к вору, как к родному брату, — дескать, не узнаешь своих, чертяка. «Брат» хватанул меня двумя своими медвежьими лапами за куртку и помог твари цапнуть будущий бифштекс — подбросил меня к ней поближе. Наверное, и зажигалка уже вывалилась из моей руки, и огонек прихватил кое-какие щепочки — была подсветка, благодаря которой я разглядел, что страшилище мало было размахивать хоботом, она еще и прыгнула. И хоть я подлетал к ней спиной, полуобернулся, как балерун к балерине, и врезал ей своим краном по крюкам. Треснула пропоротая куртка, и хобот хлестнул меня поперек туловища. Я, так сказать, свернул в сторону, где проломил кучу ящиков и начал барахтаться. Чудовище же решило познакомиться поближе с урканом, — тем более, он был по пути. Хулиган швырнул в гада бутылку, но она была отбита и улетела по верному адресу, то есть ко мне. Следующим жестом человек пытался запаять бляшкой ремня животному по моргалам, но «складной нож» полоснул ему по ладони. Теперь наступил черед активных действий злюки-монстра. Четыре крюка выдвинулись вперед и вошли в бока уркагана, так что ему было уже не сдвинуться с места. Следом хобот могучего урода пробил блатарю выдавшее много снеди пузо. Монстр заурчал, как дизель; даже уркаган, не вылезаящий из болевого шока, глянул на старающееся животное с удивлением. И тут блатного мужчину, которого я уже, конечно, простил, затрясло,

несколько раздуло, потом перекрутило. В конце концов, полопалась там и сям кожа, из прорех вместе с разбавленной кровью вырвались синие искры, к запаху гнили присоединился озоновый аромат. Через полминуты жиган совсем расползся и кучей требухи упал в воду. Гад опустил морду в эту кашу и стал жрать, вместе с ним закопошилась бодрая компания мохнатых, похожих на сосиски червячков. Вскоре кольца на брюхе твари разошлись настолько, что оно стало просвечивать кровавым содержимым. Чудище срыгнуло мутную жидкость, наверное лишнюю воду, и стало поворачивать внимательное «лицо» в мою сторону. Я соответственно из зрителя превратился в того, кто бежит быстрее лани; рванулся наугад, надеясь, что зверь уже сыт-пьян и доволен жизнью. Я никогда так быстро не рвал когти, ни в прошлой, ни в будущей жизни. Злодей еще предстал передо мной, как памятник самому себе на вершине пылающего кое-где холма. Он гордо поводил озаренной мордой и громогласно пищал. Он входил в мои сны и делал их кошмарами на многие недели. Я впоследствии мог проснуться от очередного сна с его участием, покушать на кухне чайку, вернуться в койку и угодить ровно на следующую серию, спасибо кинопрокатчику Морфею.

Через пятнадцать минут шараханий по подвальному аду, наполненных ожиданием новой встречи с интересным чудовищем, я выбрался на Божий свет. Но вместе с клубами черного дыма. Некие добропорядочные люди еще бросились ко мне, как к злостному поджигателю. Я, пользуясь слабой видимостью и искаженностью черт лица — от копоти и укусов, — быстро успокоил активистов цепочкой от унитаза и словами: «Мы с вами не представлены друг другу». В итоге, растолкав толпу пассивных наблюдателей, я скрылся со сцены, как маскарадная маска. И пока бежал домой, все время прихлебывал из чудом сохранившейся бутылки. И пока прихлебывал, мог бежать. Если кто и собирался, то уже не

смог меня опознать три дня спустя, когда грязь была отскоблена и физиономия съежилась до своих обычных размеров. Естественно, что я ни с кем не делился воспоминаниями. Ведь пришлось бы отвечать не только за парашные ящики, но и за отбытие жигана туда, где «нет конвоя». Поди докажи, что им закусил какой-то неведомый зверь. И как найти такого вдумчивого следователя, который поверит, что трое угробленных клиньями ученых пали жертвой некрупной, в общем-то, зверушки.

4.

В концерте происшествий и событий зазвучали новые ноты. Какие-то упорные вредители, должно быть с записью в медкарте «Шиза. Держать взаперти», по ночам просачивались в помещения, как правило, мелких фирм, портили оборудование, курочили экраны, корябали платы и перекусывали проводки. Технопарк, ясное дело, тоже влип в историю. Охранные люди старались изо всех сил, но силы тратились без толку. Напрасные старания никакого сочувствия у охраняемых не вызывали, наоборот, косые морды плевали нам вслед. Мы боролись с неведомым врагом, но, кажется, ставили подножки и делали подсечки только самим себе. Противник щеголял своим инкогнито. Милиция несколько раз хотела показать класс и утереть нос, но повторялась та же песня, только в другой тональности. Вооруженные разгоряченные люди сбегались на место происшествия неизменно в антракте. Таким образом, преступный элемент претендовал на роль форс-мажора, непреодолимой силы. Не слишком поздно ментура догадалась, что славой здесь и не пахнет, очки не набираются, премиальные остаются прежними, а вот папки с незавершенными делами будут вздыматься все выше и выше к потолку. Впрочем, защитники права и порядка предприняли кое-какие меры. Пустили «парашу» про то, что бизнесмены-подлюки самоедством занимаются, от них-де вся кака. А резон им такой — нахватать

страховок и еще сбить цену у акций, чтоб потом скупать их охапками, разоряя народонаселение. Многим бойцам из нашего бюро стало тоскливо от непонятного, давящего, стрессующего, вот они и подались в фермеры или менты. Мне такие варианты не улыбались. На грядке меня всегда клонит в глубокий сон. Далека я и от того, чтоб гонять сопляков, которые на Дворцовой площади порноматрешками приторговывают. Поэтому и остался на своем рабочем стуле, как памятник поэту Пушкину. Только один очевидный вывод подсказывала мне вся эта буча: надо больше и лучше заниматься «охотой». Брать пивка с хренком и мочить зверей. А в технопарке, кстати, многие хотели выхватить свою долю, зажать ее зубами и тикать. Но доли с ходу не выхватывались, люди спорили, вернее рычали и грызлись, как звери. Искусанные и побежденные отправлялись торговать урюком на базаре. Я же посреди всего этого Куликова поля с упорством пророка бил зверье до раскаления приклада, не развивая природную кровожадность, а лишь споря с вечностью. Ведь я знал наверняка, что переплуну очередного чемпиона и фирма бесплатно свяжет меня с ведущими охотниками Европы, наши звери станут общими, сможем «дырывать» и друг друга в придачу. Тогда установка назовется «война всех против всех». А еще фирма «ружье» поменяет на «пулемет» и приставку разрядную с электродами пришлет. Когда я проиграю, то меня уже не обвоняют, а слегка дернут электричеством в «пострадавшую» от противника часть тела.

Однажды у меня Нина побывала, я как раз разрядник от фирмы получил и управление им перевел на девушку. Поручил ей, чтоб самостоятельно током меня била, если стану приставать. Ну и предложил поразвлекаться на пару «Войной всех». Тут такое побоище с одним тевтоном из Померании завязалось, что я пропустил момент, когда красотка скисла и упорхнула домой. Как я мог оторваться, если может пострадать национальная гордость великороссов и мой рекорд в придачу. Наверное, дамочка

посчитала меня примитивом. А стал бы ею вплотную заниматься, тоже прослыл бы примитивом. Ну и правильно сделала, что закрыла дверь с той стороны. Я ведь круче немца выступил, не смог он с моими зверями справиться — столько в них ужаса вложено. Можем же, когда захотим! Не абы как вкладывал, а с искренней любовью к страшненькому. Самого германца под конец я тоже уложил и выиграл «пулемет». Но потом все-таки целую неделю сомневался и доказывал сам себе, путем усиленного чтения книг, что я не примитив. Если честно, то книгу только одну прочитал и сразу забыл, о чем она. Помню лишь, что какой-то молодой человек, бретер и кутила, вроде наших люберов, трется около юной девушки, но она не согласна, а как только «дала добро», тут он и скопытился, запутавшись в обстоятельствах жизни. Гораздо больше знаний мне принесло вращение в неинтеллигентных сферах. Например, в стихийном «английском клубе» возле винного магазина. Там стала вдруг регулярно курсировать информация к размышлению. Перед размышлением, правда, надо было отбросить плоды белой горячки и оставить сведения, где хоть криво, но все-таки отражалась правда.

Пожилой алкаш в тельняшке волнительно живописал, как его друга съели мухи здоровенных размеров — с собаку. Они друга вначале не трогали, а однажды разозлились и искусали. Тот опух, потом лопнул, расползся, и мухи его просто слизали с пола. Алканавт долго сокрушался об утрате собутыльника, а потом для баланса мнений добавил: «И правильно. Абсолютно с мухами согласен. Уважай Серый флотский порядок и чистоту, мухи Серого бы тоже уважали».

Один красавец с длинными ногтями, собрав круг интересующихся, выкладывал им за кружку пива другую ужасную историю. Явился он как-то к даме, у которой на хазе и самогон варится, и винишко бродит. После безответного звонка в дверь влез через балкон. Нашел что-то похожее на большущий комок ваты, раскурочил

его, когда подумал, что эдак хитро первач замаскирован. А внутри комка кожица с косточками, с чертами лица — все, что осталось от чаровницы. К тому же начисто смело ее запасы сахара, не говоря уже о многочисленных литрах драгоценной жидкости, навсегда пропавшей из перевернутых бутылей. Впрочем, когтистый гражданин доказывал справедливость кары. Дескать, правильно проучили, выжали ее, и поделом. А она чем занималась? Если спрос у него неплатежеспособный, заставляла, ба-рыня такая, нести сексуальную повинность. Трудился на ней, пока не скажет: «На тебе поллитра и тикай».

А вот женщина с цветочной синевой под глазами гнула и вела собственную линию. Из слов, перемежающихся иррациональным смехом, можно было узнать, что у нее есть сестра, большая язва, в смысле — правильный человек. Едва эта самая сестра увидела проползающего мимо гада, сразу увязалась за ним в кухню, а потом и в кладовку. Зверек, не зная, как уединиться, куснул зануду, отчего та провалилась в обморок. Отрыв от жизни продолжался неделю, сестра только жрала, причем хорошие продукты вроде меда. Одурела-то она в свою пользу. А когда у нее из носа и рта вылезли какие-то мелкие гаденыши, мигом очухалась, высморкалась и пошла на работу.

Еще там был некто с замотанной рукой и перевязанной головой — вначале бинтом, потом полотенцем и наконец шарфом. Судя по регулярному рычанию и грубым фразам, сыпавшимся из него, как из рога изобилия, он был грозовой тучей, основным стрессующим фактором района и наказывал любого, когда считал, что пора. Но однажды подошла и его очередь подвергнуться насилию. Как-то районный громовержец мылся, по обыкновению не включая свет, чтоб не смущать взор обычными полчищами тараканов. Вдруг этот Зевс местного значения почувствовал дерьмовые дела, затевающиеся за его спиной, и сделал шаг в сторону. После этого что-то свистнуло и порвало ему ухо, но все-таки основная часть

головы осталась целая. Он медленно свалился на пол и нащупал топор, который держал в ванной на случай, когда подлые дружки придут к нему с разборками. Решительный человек просек — какой-то хрен копошится в углу, и обрушил на это «не поймешь что» топор. Лезвие, наскочив на твердь, отлетело в сторону. Тут будто пилкой резануло поединщика по правой руке, оружие выпало из-за неприятных ощущений, но боец сумел подхватить его левой и рубануть снова, только уже не сверху вниз, а наоборот. Полетели брызги, человек порубил минуты две по необходимости и еще три ради удовольствия, а когда заметил, что никто, кроме него, уже не шевелится, зажег свет. Каково же было изумление атакованного — ведь на полу ванной в бурой луже обнаружилась издохшая гусеница, вымахавшая до размеров поросенка. Впрочем, название «гусеница» было условным, и это рассказчик четко создавал. Из ее пасти, страшной, как улыбка мертвеца, тянулся хобот, что въелся острым наконечником в стенку и застрял там. На брюхе панцирные кольца немного разошлись под воздействием сожранного и выпитого, оттуда лезвие топора и выпустило внутренний сок. Человек-победитель отрубил хобот, вытащил его кусачками из стены, потом все останки бросил в ведро, собираясь вызвать ученых. Вернее, ученого, того жмота, у которого он в первый и последний раз чинил унитаз. Перед вызовом израненный хотел привести себя в порядок, полить дезинфицирующей жидкостью на раны. Но ужас — несколько значенных бутылок водки было вскрыто и цинично опустошено. В огромной бутылки с перспективным бродилом осталась лишь пара капель на дне. Такого надругательства психика уже не выдержала и отключилась. Когда изображение в глазах сфокусировалось снова, рядом хлопотала подружка Зина, потерпевшие члены тела были промыты и замотаны чистой тряпкой, а несусветное животное выброшено на помойку. Мужчина покарал женщину за дерзкое самоуправство, но наука, увы, понесла

непоправимую утрату. Гражданин с трижды перевязанной головой не перекладывал ответственность на других и сочился скупой мужской слезой.

Вести с фронта стали помаленьку просачиваться в прессу, а от нее и к начальству. Репортеры обслоняли на последних страницах в разделах «сплетни-слухи» забойные истории, вроде тех, что давно стали достоянием гласности в «английском клубе». Простые менты уже видали виды, но скромно помалкивали, не желая себе на шею вешать еще каких-то зверей. Ментовские начальники пеняли на всем известную антисанитарию, наркоманию и алкоголизм. Санэпидемстанция отбивалась от попреков, объясняя, что грязь в норме и поголовье крыс с тараканами близко к мировым стандартам. Биологи-зоологи и прочие соплежуи с учеными степенями говорили, что никаких монстров нет на свете, какие-то графики и расчеты им существовать не позволяют, граждане же встречаются с крупными крысами. Потом от бабок пошло известие — просто частники завезли в город Петра партии южных рептилий и насекомых, но пожамотились на клетки. Раз так, гады сорвались и скрываются нынче по подвалам и прочим темным местам. Городской голова в еженедельной передаче «Я и Ты», по своему обыкновению, все растолковал. Мол, при встрече с неизвестными вам существами, во-первых, сохраняйте спокойствие, а еще лучше — улыбайтесь; во-вторых, пытайтесь отвлечь их внимание от себя и других ценных предметов; в-третьих, закрывайте на ночь унитаз трехпудовым камнем; в-четвертых, не откликайтесь на шипение за дверью. Городской попа, то есть начальник СЭС, дал хороший рецепт яда для вредных животных, отраву надо было рассыпать по кастрюлям и плошкам. В развитие мыслей о беглых тропических гадах представители прокуратуры заверили граждан, что с террариумом самовольно рассталась пара десятков крокодилов, три-четыре молодые анаконды, и кое-каким ротозеям-животноводам вскоре не поздоровится. Дешевый треп — у меня сосед

сторожем в террариуме. Судя по его широко раскинувшимся щекам и вечно одетым валенкам, от голода и холода крокодилы с анакондами не вылезают из анабиоза и спячки. А вот и факт, подтверждающий тезис. Сосед мне все цыпляет предлагал, надо полагать, отобранных у крупных рептилий.

Еще через моего шефа Пузырева добралась до меня засекреченная история об отряде ОМОНа, сгоряча связавшемся с неучтенными ни в какой Красной книге монстрами.

По спецсвязи полковничьим голосом потребовали от милиции взвод автоматчиков. Голос внезапно оборвался на междометии «ля», и встрепенувшийся зам. начальника ГУВД послал на помощь команду. Вот она подлетела к утопленному в почве сооружению, похожему на бомбоубежище. Четыре бойца встали, пожевывая резинку, у двух входов, остальные восемь на пружинящих тренированных ногах двинулись внутрь, сжимая в крепких руках короткоствольные автоматы. Неподалеку от входа в коридорчике нашелся обездвиженный и онемевший гражданин в хороших офицерских сапогах, по общему виду сторож из отставников. А когда бойцы двумя расходящимися крыльями стали углубляться в большую камеру, заставленную редкими ящиками, лампы подмигнули и забастовали. Бойцы насторожились, замахали фонариками, да вдруг с потолка, с самой неожиданной стороны, посыпались какие-то твари — о них были последние радированные слова. Четверо стерегущих входы-выходы рванулись внутрь и с порога складского помещения швырнули осветительные шашки. И тут у этих бедовых парней случились первые рвотные позывы. По уже распоротым, оставшимся без внутренностей телам их товарищей сновали гады, похожие на гусениц-верзил, одетых в кольцевидные щитки. Люди открыли огонь, но твари сжались в «шишки», пули калибра 5,45 отскакивали прочь от панциря, а если и дырявили его, то из дырки ненадолго брызгала бурая жидкость, на том дело и заканчивалось.

Даже от прободения башки чудовищам было хоть бы хны. А потом для обострения ситуации несколько хоботов решили зацепить омовцев, троим парням удалось увернуться, но четвертого метательное орудие достало. Человека утащило в самую кучу монстров, там немедленно произошло вскрытие. Все, что внутри, было залито пищеварительным соком, обработано разрядами и выхлебано, как суп. Когда дырок в шкурах гадского племени стало чересчур, пустило оно аэрозоль, от которого людей немедленно стошнило. Под прикрытием ядовитого тумана да блевотных дел вредные животные попрыгали на потолок и через его отверстия скрылись в подземных ходах, начинающихся над бомбоубежищем.

Зама по-быстрому попросили с места за халатность: не распорядился, такой-сякой, проверить, кто там трезвонит. Бомбоубежище-то армейцы уж месяц как сбагрили со всеми потрохами каким-то частникам под склад ценных вещей, а вот снимать спецсвязь еще только собирались. На следующий день сверхсекретная история стала достоянием мировой общественности от мала до велика. Может, благодаря мне, точно не помню. Да и без меня монстры стали все реже блюсти инкогнито, потихоньку включаясь в общественную жизнь. Особенно они любили выйти из-за кулис для приема пищи. Худшие предположения подтвердились — гады уважали водку и вино.

Есть-таки монстры на свете — через пару недель в этом не сомневался никто. Ясно было даже выпускнику школы для дураков, что подгадили технопаркам именно беспардонные твари. Правда, отдельные люди, скупающие по потусторонним силам, уверяли всех, что речь идет о демонах, бесах, полтергейстах, эриниях и эмпузах. Твердые же ленинцы внушали зевакам на площадях, что за маскарадными масками каких-то там животных скрываются хитрые буржуазные лица, которые уводят пролетариев от расправы над миром чистогана и вызывают слюнявые симпатии к якобы обиженным капиталистам. А стоящие неподалеку ленинцы-сталинцы эти скрытые

физиономии называли не хитрыми, а еврейскими. Зато сталинцы-почвенники и прочие корневики не возражали против животной природы монстров, но своими словами, летящими на крыльях консервных газет, успокаивали народ и вселяли надежду. Мол, страшные гады самые что ни на есть «наши», исконные обитатели Земли Русской, Ящеры-Яши, известные еще по совместной с богатырями борьбе против иноземцев и заморских чудищ — Жидовина и Соловья-разбойника. Древняя, значит, у нас духовная связь с Яшами. Правда, по истечении былинных времен Яши слегка засохли и лежали в виде спор по разным храмам. Однако, как шибануло им в нос чужим тяжелым духом, так они и ожили. Тяжелый дух пускают пока что хапуги, отхватывающие для иноземцев куски пирога-родины, да пронырливые оппенгеймеры, выжимающие из пьяного бормотания наших кулибиных великие формулы. Кичишься умом, денежками, аппаратурой, надменный чужак? Недолго тебе осталось. Будь готов, Яша тебя оприходуется. Ничего, что у монстров инстинкты, — и народ подсознанием силен. Зато как сложатся у них все мозговые ганглии, так и получится великий коллективный разум, с которым не воевать, а дружество водить надобно.

Даже у меня легли поближе к херцу эти отечественные ящеры, выходящие из храмов прямо на бой с продавцами родины. Хорошо, что они хоть в мозги не въелись. Очарование через пару дней прошло. «Яши», какие бы хорошие они ни были, все делают, чтоб слабые сильнее не стали. Их устраивает как есть. Вот что роднит больших «гусениц» с человеководами-начальниками, ридионами-дуевыми. Монстры ведь на технопарки набросились, а государственную оборонку и военные заведения их партизанские тропы обошли стороной. Иначе лампасники сразу бы вскинулись и запели тенорами: «На Дону и в Замостье тлеют вражьи кости». Впрочем, проявился один генерал-фельдмаршал по телеку, голова будто извание с острова Пасхи. Пообещал всех уродов распатро-

нить. На моей улице солдатики ядовитый газ в подвалы уже на следующий день накачивали и мины в канализацию бросали. Не знаю, как гады, но пол людского населения района в больницу загремело с интоксикациями, или, как бабули выражаются, тухликациями. Когда такая помощь всем надоела, житель острова Пасхи побыстрому объявил, что раз армию шельмуют, пусть не ждут от нее добра — солдаты больше с мокрицами воевать не будут. В чем-то он прав — не танковые же дивизии в этом деле нужны.

Так вот, гады в нашем технопарке перепортили все, что им может помешать в борьбе с человеком. Пошуровали в лабораториях, где занимаются дополнительными «глазами» и «ушами», всякими там тепловизорами, эхолокаторами, электрорецепторами. Расколошматили опытные образцы таких полезных приспособлений, как «пятая конечность» и «третье дыхание». Смешали с дерьмом аппаратуру, на которой делали прекрасные нервно-успокаивающие газы, превращающие наглецов в деликатные создания. Кстати, эти трое умников, ликвидированных в первую очередь, может, нас на такую высоту собирались поднять, с которой мы на гадов плевали б, как на мелкую шушеру.

5.

Я, бывает, приду с улицы, встану у своей двери и слушаю, как там. В этих случаях мне кажется, что в моей квартире сидят посторонние люди или вообще привидения, жрут и пьют. А последний раз мне другое показалось для разнообразия. Будто со мной в квартиру прошмыгнула тень. Причем не моя. Я все-таки отнесся серьезно, вытащил наган и проверил уголки и щелки. Но подозревать было некого. Тогда я проглотил свою вечернюю еду, не снимая кобуру со штанов; попиялся в телек, направился незарастающей тропой к «охоте». Не стал состязаться с тевтонами, янки и самураями, а

выбрал генеральский тип зверобойства — когда бьешь с кресла, а животные расслабленные, — пример Дуева заразителен оказался. Вроде все культурно, но чувствую какой-то напруг в спинном хребте. У меня такое ощущение в список занесено со следующим комментарием: «кто-то пялится сзади и желает тебе дурного». А потом и шебуршение обозначилось. Пока установка ухает и воеет, сомнительный звук мои уши посещает, только уберу громкость — тихо, как на виселице. Я даже стал подумывать, может, кого-то завел, котенка или там черепашку, а потом забыл про такое дело. Лежит какой-нибудь бедолага под диваном, обои доедает. И вдруг огорчаюсь — если кто и котенок, там это я сам. Файнберг тоже, наверное, себя уговаривал, а надо было голову спасать. А если затаился где-то гад и хобот на меня затачивает? Может, выйти мне вон и прописаться в песочнице перед домом, оставив жилплощадь невидимке? Я снова каждый квадратный и кубический сантиметр обшарил. Но к концу тотального шмона голова стала весить на два пуда больше, и думы окаменели, и мыслительный аппарат забуксовал, как автомобиль на пляже. Вдобавок в носу кран сопливый открылся, по ушам будто ладонями врезали, и я сделался горячий, как казанок в печи. Как это называется? Иначе, чем грипп, инфлуэнца, лихорадка не назовешь. Я утром промок, когда по дороге решил заскочить туда, где люди перед рабочим днем пивком разминаются. А потом целую смену мокрыми тапками шлепал. Но, с другой стороны, простуда с гриппом меня никогда не берут: Вот одного моего приятеля триппер не брал, даже, казалось, в самых безнадежных случаях. Зато стоит сквознячку полетать, и этот тип уже готов, лежит, хлюпает, сложив ручки. Такой вот разброс и плюрализм.

Я пошел на кухню угоститься чаем со спиртом, с таблеткой, с малиновым вареньем и встретил в коридоре лужицу. Но почему-то свирепеть и бросаться уже не

захотелось. Я стал, как мне тогда почудилось, вполне здраво рассуждать. Это, дескать, просто снизу протекает. Потолок чистый, значит — не сверху. Почему бы не быть жидкостям, которые снизу умеют течь? Наверняка и закон физики подходящий имеется, у меня же просто разрастающаяся прореха в образовании. Я ведь как учился — ночью под пивко сто законов выучу, утром сдам поскорее экзамен, потом коньяк из заначки — и привет всем знаниям, вымылись, считай, начисто. Успокоился я столь незатейливым способом, загрузил вовнутрь народные снадобья, растекся на диване. Есть оттяг, слегка «лечу», реминисцирую детство золотое. Мне тогда нравилось болеть: морсик, жрачку в постель подносят, уносят; горшок и то рядом расположился; никому от тебя ничего не надо, только выются вокруг со своими услугами; ты же Вальтера Скотта почитываешь. Принял я еще немного комплексного средства и разморился окончательно, даже задремал. В дреме я будто бы по-прежнему на своем диване, но откуда ни возмись доктор, хочет меня оперировать. Из-под шапочки и над повязкой только два глаза-буравчика виднеются и нос. Последняя деталька не просто сидит на лице, а еще и вытягивается в мою сторону, на конце становится твердой, металлической, как и полагается медицинскому инструменту. Кстати, в охватившем меня сне я отношусь к докторскому носу с пониманием. А может, товарищ — потомственный хирург? Куда больше беспокоит, что он там собирается ковырять? В качестве ответа металл ныряет в мой нос, потом опускается в глотку, добирается чуть ли не до желудка. Там из него что-то выдавливается. Сон заканчивается, возвращаюсь в явь: утро уже лезет в окно со двора, и в желудке нехорошо. Хотя чего там может быть хорошего? Однако есть и плюсы: за время лежки и спячки голова облегчилась, дым из нее ушел, остыл организм, и уши, как новые трубы. Я шлепанцы с дивана спустил, а рядом с лежащим местом есть повод для

огорчения — подозрительная лужица с каким-то утробным запахом. Я, спотыкаясь, будто богатырский конь, направился к «охоте». Вот единственное, что мне не изменит: когда успокоит, а когда и силенок подбросит. Но железная уверенность в аппарате рухнула, нанеся душевную травму, едва он зарычал. Кое-что двинулось во мне снизу вверх, так сказать, чтобы поздороваться, и я, метнувшись в ванную, как лев за антилопой, стравил там харчи. По завершении процедуры ноги как у плюшевого мишки стали, и я ударил туловищем пол. На кафеле вскоре замерз, как Маугли, и с натужным криком «даешь!» из ванной комнаты себя выпихнул. Только на теплом ковре в гостиной-кабинете-спальне очухался. Попил пивка для дезинфекции — и полный ажур в организме. Налопался сосисок, задабривая живот; наконец, мораль укрепил, чтоб в ванной комнатке прибраться. А там подарок, оказалось, меня поджидает, рассчитанный на особое чувство прекрасного.

В раковине червячки резвились, толстые, как те самые сосиски, только с усами. Некоторые активисты уже просыпались на пол и неторопливо расползались кто куда. Один червячок решил познакомиться поближе и стал смачно грызть носок моего ботинка. Я, конечно, пнул малолетку, мол, знай свое место, щенок, но тут же пришлось разочароваться в проявленной грубости. Ногу обожгло, как-то изнутри ошпарило и дернуло до колена. Током, что ли, шарахнуло? Если у такой внешне скромной зверушки столь яркие способности, значит, остается только снять шапку и освободить дорогу. Однако внимание приковалось к тому, что шкафчик мой сожрали, только щепочки остались (я ж на нем столько месяцев проверял свое плотницкое мастерство), еще и пасту зубную слопали, даже шампунь сметали. Вот этого уже простить нельзя! Милая компания тем временем десантировалась почти в полном составе из раковины и уже явно тяготилась тесноватой ванной. Смышленные малыши

стремились на просторы моей квартирки. Стало обидно, что кто-то сейчас будет комиссарить на такой скромной жилплощади. Я, между прочим, порядок люблю, никогда на паркет не сплевываю и хабарики к потолку не приклеиваю, хотя и умею. Да и лишних вещей, продуктов что-то у себя не замечал. Могу я намечающееся веселье позволить, не умаляя своего человеческого достоинства? Был бы я без достоинства, йог какой-нибудь, нолик, который умалить нельзя, то смотрел бы сейчас на живые сосиски ласковым взглядом. Но поскольку душа моя в нижнем астрале, то испробовал бесполезную швабру (присоски у них будь здоров) и никчемную табуретку (в момент битья они как заклепки), потом сгонял на кухню за особой заначкой для зимы — бутылку спирта. Вернулся в ванную, сияя, как Снегурочка, и расплескал зимнюю радость, зажав до обеззвучивания крик: «Подаетесь, падлы». Червячки мои, конечно, оживились, давай слизывать, думали, что угостились на очередную халяву. И тут я, неумолимый, как Молох, градусы им добавил, бросил спичку недрогнувшей рукой подпольщика. До безумия было еще далеко, я вроде осмысленно понадеялся на прочность гидроизоляции. Кое-кто из моих маленьких пытался покинуть мероприятие типа «ауто-да-фе», вундеркинды же, наоборот, сползли в прочный ком. Те мерзавчики, что по краям, спеклись в итоге в корочку. Однако, когда пожар закончился и корочка лопнула, показалась живая-здоровая начинка из их товарищей. А вот моя ванная комната, некогда гвоздь программы, пропала и сгинула, одна вонь и копыт в виде положительного сальдо. Я, наверное, только после этого завелся по-настоящему, по-берсеркерски. Напялил шерстяные перчатки, на них резиновые рукавицы, оставшиеся с тех времен, когда я служил говночистом, подхватил гирю-двухпудовку, ее тоже тряпкой обмотал. Получившейся булавой, вроде той, что была у любого уважающего себя былинного деятеля, стал крошить остатки

кафеля, сотрясая здание до самого фундамента. Правда, было одно «но»: малыши бодро, как мячики, отпрыгивали всегда в нужную сторону. Бросил в сердцах гирию, расколошматив раковину, но заводка еще не кончилась. Снова хотел вступить в спор, имея на этот раз в виде аргумента стальной прут, но, видимо, «сосискам» я уже надоел вместе со своими мероприятиями, вот они и скрылись через сток.

Первый раунд приятного не для меня знакомства завершился. Стою я перед ванной комнатой, уничтоженной совместными усилиями, и душевно ною, впервые недоволен судьбой. Почему звери в моей жизни, вначале в виде персонажей «охоты», а потом и наяву, играют такую роль? Достоевский и Толстой не взялись бы писать о моих взаимоотношениях с животными, для них это было бы низменно и мелко. «Где тут вопросы нравственности, где клубок человеческих взаимоотношений, где основа духовного возрождения, — спросили бы они и, не получив ответа, ушли бы, монотонно гудя: „Суди его Бог“». «Однако же, господа хорошие, — заметил бы я им вслед, — есть вещи, от которых побледнеют ваши Безуховы и Карамазовы».

Давайте сравним поведение гадов и некоторых наших товарищей. Если не станем зажмуриваться, найдем так много схожего. Просто биологическое у одних становится психическим у других. Вот сегодня я вроде столкнулся с законом природы, включили меня в биоценоз, где сплошные червяки, микробы, вирусы. Не спрашивая согласия, провели сеанс паразитизма. Какие-то животные воспользовались чужим многострадальным организмом, чтобы обстрипать свои делишки. А разве мало встречалось граждан, которые не прочь были проехаться у меня на закорках, предварительно задурманив мою голову. Разве не по-червячьи во время пожара любого типа поступает людская мафия: крайних отдает «огню», а в середине остается цела и невредима. Получается так: чуть

прижмут монструозность на человеческой половине мира, тут же по принципу сообщающихся сосудов (горшков, наверное) перетекает она на животную половину. Так что, не зная тварей, не суйся к людям. Экую штуку впечатляющую я открыл! Ай да Гвидонов, сукин сын. Подпрыгиваю, вздымая руки кверху, как вратарь, который взял мяч. Но, падая вниз, тут же сгибаюсь и хватаюсь за живот, прощупываю и пальпирую, не шевелится ли кто. Ведь там, чего доброго, поселилось кое-что похлеще, чем скромняга бычий цепень или семейство аскаридок. Подозреваю, что из каждого опарыша вырастает злодей вроде того, что поджидал меня в подвале. Съел я двести граммов лимонной, и хотя был уверен, что это не поможет, все-таки страх немного растворил. Даже надежда затеплилась, что у червячков царит заединщина и никто из всей шатии-братии не задержался, споров отсебятину, в моем нутре до лучших времен. Итак, стою я посреди комнаты, как ежик, которого вывернули наизнанку, и тут для оживления дохлой ситуации исполняется ария совсем из другой оперы.

Нина интересовалась мной по телефону оттого, что ее мамашу смыло в загородное садоводство кушать клубнику, а вместо родного человека завелась в квартире жуть. И грипп дамочка приплела, и охватившую ее после болезни слабость, и проблемы отстаивания девичьей чести, и ценности, честно заработанные дедушкой-мясником. Я, конечно, понимаю, что скрывают в себе эти тары-бары: кто-то у нее сорвался с крючка, вот она хочет в порядке компенсации немедленно зацепить другую рыбку. Ее «примитива» тоже помню, обиду взлелеял. Поэтому объясняю: не таков, чтоб бежать, придерживая подтяжки, по первому свистку. Не бутылка я портвейна, к которой можно приложиться в любой момент, когда она имеется. Плавное витийство оборвалось, в ухе гроыхнуло так, будто Нина растоптала телефонный аппарат, но через полчаса она уже маячила в моих дверях. Впустить впустил, но посоветовал не налегать на чистоту

и обходиться пока без ванной. Силенок, значит, на оборону девичьей чести ей не достает, а чтоб промчаться сюда ракетой — вполне. Вид у меня неоднозначный, однако она, не вникая в нюансы, идет в дом, устраивается на кушетке и начинает в стиле плохой передачи болтать про страшности. Едва, дескать, она погасит свет и захочет дрыхнуть, сразу кто-то начинает чавкать у нее над головой, скакать по одеялу и даже трогать ее тело белое в разных интимных местах короткопалой скользкой лапкой. После такого разъяснения я сразу разубедился в том, что у Нины завелись какие-нибудь животные. Вот балабонит она, лопочет невесть что, а я, особенно не обращая внимания, нарочито постреливаю со своего вертячего кресла в разные стороны. Повернувшись в сторону установки, там лазерный пулемет — и трах-трах-тах, крутануть в другую, выхватываю свой наган, поймаю на мушку какой-нибудь цветучек, украшающий обои, и скажу: «Шпок». Удовольствие комплексное, причин для напряженки вроде не видно, однако бродит по мне какой-то внутренний зуд, и словно пар клубится над мозгами. Вскоре от этого «пара» уже заколыхались очертания комнаты. Из-за него оттаивает мой верный гном, зуд закручивает человечка и выбрасывает из емкости тела. Стены и потолок встречают упавшего «за борт» тряпочным мельтешением. От порыва какого-то ветра материя задирается на манер набедренной повязки и оголяет вместо задницы закулисную тьму. Гнома сдувает сквознячком, и вот уже он во мгlistом мирке неясного объема. Продолжая от первого лица, отмечу, что обживание нового места началось с дыхалки. Вдох-выдох, сжатие бежит к голове и обратно, к заднице. Волна силы бросается вперед и откатывается назад. Вдох — и втяжка приносит биения окружающего мирка. Выдох — и от жаркого выброса заливается светом похожая на аквариум сцена. Там просматривались две рыбки: я сам, вернее карикатура на меня, и женщина Нина. Были мы некрасивые, расплющенные камбалы:

живот синеватый, трупный и багровая экзекуционная спина, бурое пятно затылка и съехавший на сторону пяточок незначительного лица.

Втяжка хватает и тащит ко мне шум разговора, объемный и рассыпчатый, кашу из телесных стуков и скрипов. А аквариум с каждым выдохом все ближе. Неслыханно, но мой собственный вид вызывает у меня аппетит! Текут слюни, вместе с внутренней волной по бокам шмыгают две струйки, горячая и холодная, но натыкаются на заглушку. Ослобоню я зажим, и они рванутся из меня, чтоб понаделать бед. Поперечными судорогами разогревается горло, готовясь выбросить проводник смерти и удовольствия.

Имею право знать, я тот или не тот, кто крадется во тьме? Если не тот, почему мне интересно, что дальше — вкусно будет или нет. Стыдоба, неужели я сомнения и страсти променял на хороший аппетит? Немедленно чесать и дыбать отсюда, дергаться и искать тропку назад. Ну вот, кажется, зацепился, вроде бы натянутая резиновая лента выдернула меня из тьмы и вернула в самое законное тело. Шар в лузе, гном в человеке. А Нина уже мажет криком воздух, подвижный рот отделен от каменеющего лица — впечатление, будто над ней кудесит ученица-двоечница Медузы Горгоны. Дамочке крупно не понравилось что-то, расположившееся за моей спиной. Мне, бывало, в школе тоже такое дело не нравилось: после урока снимешь пиджачок, а там сплошь красуются трехбуквенные слова. Но сейчас меня не проведешь, как-нибудь знаю, что затевается там: кто, куда и зачем прется, кому я мешаю и стою поперек, кому вкусненького, понимаешь, захотелось. Ну, ешь! Резко — разворот с падением — занимаю огневой рубеж и бабахаю из нагана прямо в глаз того, кто заслужил. Надо мной свистит копьё и долбает стекло, много звона. Метательное орудие, вернее, хобот принадлежит непрелестному созданию. Вон оно, из большого горшка с фикусом

выбралось уже до талии — хотя это понятие в данном случае растяжимое. Все у него шевелится, все ходит ходуном. Что такое, нашему гостю нехорошо? Соединяю куски обзора в целостную картину — хобот углубился во внутренности моей «охоты», вот и коротнуло. Чудик взвизгнул почище вопленницы Нины и прыгнул к установке, желая помочь своему отростку. Бреющий полет обдал меня ветерком. Спешка, конечно, и глаз не ахти, поэтому гость и вцепился прямо в мою игральную установку. Я еще кинул ему вслед «коктейль Молотова», то есть бутылку пепси. Аппарат, обжигая мне сердце, полыхнул, коротнул; чудище, плюхнувшееся в него, так заревело, что я даже стал сопереживать. (А может, добрый зверь на самом деле пожертвовал собственным благополучием, чтобы избавить меня от порочной склонности к игре? Был он, правда, непрощенный гость, ну а прощенного разве сейчас дождешься.) Однако не интересующийся мотивами электростул сделал свое дело. Сцена экзекуции увенчалась запахом жареной плоти. Приговор привелся в исполнение как минимум неэкономно. Если на каждое животное по установке тратить, значит, даже на две казни не настарчишь за десять лет. Когда я останки аппарата обесточил, стена по утраченной радости, монстр уже превратился в кучу дерьма. Кому эту кучу предъявлять? Одно, если явится приличный незнакомый мент, соскребет и айда; только на анализы мало что осталось. А вдруг Белорыбов или его братья по уму? Придется срок тянуть за то, что хотел дом, нашпигованный патриотами, подпалить. Как раз в резонанс страхам звонок в дверь — уже явились, не запылились? Но это был всего лишь старпер сосед. Крики ему слышались, козлику. Не слышались, успокоил я его, наверное, это ваши «задние уста» так постарались. Сосед отправился внимать дальше «задним устам», тут и Нина вышла из столбняка и стала крыть мою, как она выражалась, нору, сморкаясь бездушно на личную тра-

гедию. Самого ведь дорогого, в прямом и переносном смысле, у меня не стало. Я даме в отместку предложил хлебнуть валерианочки да ступать домой. Тут она не согласилась, уже стала норой и логовищем обзывать свою хавиру. В общем, задержалась беглянка у меня и, кажется, была права. Потому что и она, наверняка, удрала из биоценоза. Нина признала, слегка разругавшись, что перед тем как задать стрекача ко мне, харчи стравила — этот неаппетитный факт мне кое о чем говорит.

Итак, утро наступает, солнце из своего подземелья на небо тикает, я, как честный кавалер, обязан еще некоторое время танцевать вокруг Нины. Первое па — доставка беглянки домой. Дверь ее квартиры как будто и не запиралась. Еще нет повода для мандража, просто женщина торопилась вчера, чтобы опасность не успела схватить ее за убегающую попку. Вводим тела в Нинино жилище, и в комнате встречаем еще одно тело, уже лежащее. На полу расположился крутой мужчина, мало похожий на живого. У него недельная щетина, в одной руке черенок ножа, а лезвие, отколотое неведомой силой, валяется неподалеку. Вдобавок на полу и кое-что похожее на камушки, хотя я не побоялся бы это назвать осколками панцирных щитков. Нина тут же забилась в стенку, я ее вывел в коридор и, вернувшись, перекатил мужика на спину, после чего зажмурился. Как тут не зажмуриться. В груди дыра с обугленными краями — похоже, что поработал тысячевольтный электрический разряд. Кабы там была только дыра, а то ведь еще и ворота для давно опостылевших толстячков-червячков. Они потихоньку выползали оттуда, где, видимо, был у них и стол и дом. От такого сочетания я и сам припух, предупредил Нинку, чтоб замерла, как столб, несколько приседаний сделал — немного помогло. Ведь мог же и я повторить подвиг мужика. Несмотря на душевный раздрай, чувствую, что кое-каким знанием обогатился. Малыши-червяки и громилы-монстры — друзья, а может даже и родственники.

Рискну подумать, что отцы и дети. И теперь получается, что пресловутый «доктор» с супершнобелем — так сказать, дама, матка с яйцекладом. Со мной она обошлась снисходительнее, чем с лежащим тут товарищем, оттого, наверное, что заметила, какой я галантный джентльмен.

Кстати, судя по одежке и тому подобному, почил не Нинин ухажер, а квартирник невысокого пошиба или даже бомж. Сейчас придется вызывать ментов на себя, надеюсь, скромный внешний вид трупа зачтется, и мне не станут шить мокруху по ревности. И вот мой робкий голос звучит в криминальной милиции, но только я заикнулся про червяков, сразу произошло автоматическое переключение линии, и уже не ментовская сиплая барышня, а роботесса нежным сопрано стала выведывать у меня адрес. Через десять минут прибыла команда, люди, похожие на ментов, как Печорин на Грушницкого. У всех интересный прикид: толстые черные фартуки, резиновые сапоги и перчатки. Старший группы, с прохладцей глянув на труп, механическим голосом поспрашивал про обстоятельства и не предложил мне проехать вместе с ним для выяснения личности. Раз их личность не интересует, значит, это не криминалисты.

Фартучники попрыскали для начала ароматным аэрозолем, как будто пришли в уборную, потом запихнули домушника в прорезиненный, прометаллизированный мешок. Несколько вертявых червячков, улепетнувших от затаривания, они полили едкой жидкостью, затем подцепили совками-ловушками и отправили вслед за остальным. Последний костюм покойного был на молнии, которую спешно застегнули, и с клапаном. К этому приспособлению подсоединили баллон с красочным черепом и начали что-то перекачивать, после чего мешок раздулся и стал пузырем. Пузырь унесли, осколки панциря втянули пылесосом. Закончив дела, захотел попрощаться и старший группы. Не пускаясь в предупреждения и объяснения, посоветовал помыть пол хлоркой и, распахнув

окна, пойти прогуляться часа на три. Опомнившаяся под занавес Нина еще пыталась очаровать главного фартучника и выяснить, задержись она дома, упаковали бы ее сейчас или нет? Командир группы, очарованный не больше, чем каменная баба, выдавил сквозь стиснутые зубы, что «гнездо» чаще всего устраивают в живом, а не в трупном «материале», поэтому, кто не любит выяснять отношения и меряться силой, скорее всего останется таким же красивым. «Каменный гость» уже движется к выходу, а я еще посылаю вдогонку:

— А кто платит за ушиб, и кто напал? Мы же граждане цивилизованной страны. Каков класс, отряд, вид животного? Где можно про него прочитать? Или это не животные?

— Животные, животные, не хуже нас, — успокаивает «собеседник», не оборачивая кумпола. И хлопает дверью.

А потом я елозил тряпкой по полу, все лишнее отшкрябывал. Только ее квартирка заблестела, Нина сразу повеселела. В самом деле, чего печалиться, как спивали гарны хлопцы, уся жизнь упереди. Кто-то кого-то зачем-то угрохал, а ей приборочку сделали и даже трехоконный телек целехонек стоит. Нинка, наверное, прикидывала, что я поторчу у нее недельку, с пустотой в башке, с наганом в руке. Потом страх у нее улетучится, она мне под зад коленкой, как примитиву, а на мое место перспективный аспирант въедет. Распахнул я окна, из дома дамочку вывел, показал на ближайшую киношку, дескать, иди развлекайся.

— Искандер, ты чего задумал? — скрывая заинтересованность, прошупала она.

— Задумывать — это мне не свойственно, излишек мыслей в моей голове не задерживается. Я домой, отдыхать пора.

— Со мной отдохнешь, Шуренок.

— Теперь хочу сам с собой. Кстати, вспоминаешь ли ты иногда тех, кто уже бесполезен? Что у Файнберга

не все в порядке, тебе вполне известно, в отличие от его родных и близких. Могла и весточку дать или, например, «кадиш» поминальный заказать.

При слове «кадиш» она, не забыв, как держать фасон, фыркнула, словно лошадь, и я увидел спину. А также ножки, которые у нее ничего. С ними хочется дружить. Плюс надо учесть глаза-черносливы, рот-компот, попку-булочку, уши-оладушки, живот — для плохой еды поворот и так далее, как описал бы мой знакомый повар. Но все равно некоторые параметры подкачали, и вообще, до Нины ли сейчас.

В ночной дозор мне завтра; домой, на пепелище, возвращаться неохота — сегодня моя уборочная энергия иссякла. Раз так, явлюсь-ка я в свое охранное бюро, к шефу Пузыреву. Ведь, кажется, созрел, мнения меня распирают, еще немного и начну орать на улице.

— Ну, головная боль, какие неприятности на этот раз привез? — поприветствовал шеф.

— Кто станет возражать, что я ходячая проблема, товарищ кормилица. А теперь все сделаю, чтоб моя неприятность и вашей стала. Рад бы, но не могу помалкивать. Я ИХ знаю, насквозь вижу, и мальков и взрослых. Это они ученых убили...

Я говорил час, не умолкая; убедительный, как индеец, исполняющий боевой танец. Я описал все в живописных подробностях, смачно, как Рубенс, однако обобщая и выходя на ужасающие перспективы.

— Ладно, ты собрался в каждой заднице затычкой быть, а чего ты от меня-то хочешь? — наконец перебил Пузырев. Во время расцвета моего ораторского искусства он или звонил по телефону, или изучал газеты, или зевал. — Ты бы лучше сходил, подстригся, вон какая кутерьма на голове.

— Я ничего не хочу. Я просто озвучиваю своим ртом ваш внутренний голос. Для Моисея этим занимался Аарон. Я уверен, то, что было с нами, только разминка,

десерт, буфет. Пока попортили добро лишь там, где много щелей и двери хиленькие. Но у неприятеля способности день ото дня увеличиваются, в отличие от нас. Гады развиваются не как-то душевно и психически, а вполне физически. Нам ведь никто не поможет, государственные мужи и пальцем не шевельнут. Вернее, заботу они все-таки проявят, прикажут аккуратненько совать нас в мешки. Может, в виде поощрения за хорошее поведение, спрячут в холодильник. Легко будет с нами общаться, когда мы скопытимся.

— Это все бездоказательно, одни вопли. Если все наоборот, то тогда я еще поверю, — скучным голосом стал усмирять Пузырев. — Ну, закончил страстную речь номер один?

— Вещдоки сгребаются подчистую и сдаются в контрразведку людьми из СЭС. Можно сказать, органы идут в органы. Но чтобы СЭСовцы ничего не положили в карман, с ними ездит надзирающий. Я видел его физиономию, на ней все написано. Собирательство — вот чем нынче увлекаются спецслужбы и секретные лаборатории.

— Ну, допустим. Если так, значит, умные люди, столь непохожие на нас, накопят сведения, покумекают и выложат народу необходимую правду. А пока не торопятся, чтоб пресса не бесилась, не нагнетала, — вид у Пузырева был по-прежнему откровенно незаинтересованный.

— Но почему правда опаздывает, а с «трупным материалом», с разбоем все зашибись? Может, кое-кому слишком надоели приличные самостоятельные люди?

Пузырев по-прежнему реагировал вяло:

— Не расстраивайся, мы с тобой, братец, неприличные люди. Я — делец на час, но хоть завтра чепчик с кокардой натяну. А ты вообще сторож у крыльца. Ты мне предлагаешь вопить: «Пусть сильнее грянет буря!» — и выпускать страшный дым из порток. Зря, мы ведь не любимцы народа, не мозг и сила класса. Мы делаем, что велят, а потом становимся в очередь к кассе, где дают

деньги. Пока что велят не пускать в этот теремок преступный элемент; про мышку-норушку, лягушку-квакушку и прочих гадов в контракте ни слова. Понимаешь, мы контракт читаем, а не сказки.

— Понимаю. Разрешите пожелать вам хорошего контракта на охрану общественных уборных от преступного элемента.

— Ты меня не уязвил, Санька. Если хороший, то станем сторожить от осквернения и один отдельно взятый толчок. Вообще-то содержательный получился разговор. Кстати, о чем мы говорили?

Не дождавшись отклика, я закрыл дверь кабинета с другой стороны и сел на трамвай, везущий домой. Жалко, что приличные люди думают только о себе и никогда не сбиваются в кодлы и мафии. Несколько часов после такой беседы был даже не против, чтоб кто-нибудь меня скушал. Пусть хоть кому-то будет прок.

Мой ночной сон разрубил пополам бодрый, похожий на меч голос Пузырева. Уж такого наглого звонка долго не забуду. Я натянул рубаху на тридцать процентов, носки на пятьдесят, штаны на десять — это рефлексы сработали, лишь потом схватил трубку.

— Где ты был, я тебя искал все время? Сейчас, товарищ Саша, облегчи голову, поруководи. Давай указания по проведению комплекса защитных мероприятий. Я договорился с правлением технопарка и гениальным директором, то есть генеральным. Ну, смелее начинай: углубить и укрепить то-то и то-то...

— В темное время суток только блатные паханы указания дают, — не сумел избавиться от недоброжелательства я.

— Если будешь кривляться, уволю. Не когда-нибудь, а завтра пойдешь сторожить сортиры, — изуверским тоном предупредил Пузырев.

— О, это совсем другой разговор. Охотно поруководжу. Лет сто никем не командовал, вернее, меня давно

никто не слушается, кроме солнца на небе. Итак... самый лучший вариант защиты — это обмазаться ядом и дать себя скушать...

А потом я поведал то, что всплыло на поверхность разжиженного храпом ума-разума в моей разгромленной, похожей на Шевардинский редут квартирке. О бронированных дверях и замках на люках мусоропроводов. О мощных решетках на отверстиях вентиляционных шахт. О зацементированных трещинах в подвалах и вычерпанной там воде. О вышвырнутом шмотье и другой параше. О двух сплошных периметрах датчиков, по прилежащей территории и нижним помещениям. Ну и все такое.

— А ты знаешь, певец, — вызверился Пузырев, в котором, видимо, покой бился с волей, — какой золотой дождик всосет твое «все такое»?

— Во-первых, деньги не ваши, скупиться не стоит. Во-вторых, мне кажется, я-таки дрыхну и втюхиваю что-то персонажу сна. Утром обязательно буду искать толкование по соннику. Конечно, это сон, причем плохой. Наяву бы собеседник ухватил идею с полуслова и сказал бы: «Классно. Коррида. Кайф».

6.

Один я в целом доме, как мумия фараона в пирамиде. Уж две недели как с моей подачи сделали укрепрайон, а то и линию Маннергейма из технопарка. Двери утяжелили и кругом замков повешали. Погуляешь немного, и бывшая жизнь сахаром покажется. Положено теперь носить бронежилет и шлем — такого подлого результата я не ожидал. Всякая фигня, вроде жрачки или сортирных процессов, становится творческим делом, как у рыцаря в доспехе. А вот вооружение хилым осталось, подростковым. Тот же наган сбоку болтается. А раздобудь автомат — и считай, десятку схлопотал; лагерные-то беспределышки переплюнут любого зверя, живого или ска-

зочного. Однако есть и у нас хитринка в усах, способ перейти вброд Уголовный кодекс. Вот лежит под стулом машинка, похожая на магнитофон. Это газорезка из лаборатории металлообработки. Поди докажи, прокурор-медведь, что она не опытный агрегат, не сверхнаучный прибор, снесенный для пушей сохранности в рубку сторожевого бойца. А еще три гранаты от Самоделкина к жилету прицеплены. По внешности это банки пива, пролил из них жидкость — тут же она и испарилась. В мое лицо с пуза смотрит терминал от компьютера, который сигналы датчиков собирает и обсусоливает. Когда он понимает, в чем причина возмущений, то сообщает мне вежливым голосом и красными буквами.

Так вот, последние две недели ни одна тварь даже не дристанула нигде. Только непонятно: две недели сидели гады по норам, чувствуя на себя управу, или же издевательски слонялись где попало, а компьютеру было не ухватить суть. Я, впрочем, не ждал, разинув рот, компьютерных откровений, а наоборот, хватался за каждое отклонение сигнала от обычного вида. Шуровал рельсовыми видеокамерами, сновал между сомнительными участками и рубкой — физзарядка есть, а толку нет. Поскольку я, по большому счету, неуч, то подозревал даже, что основная часть возмущений — это радиопомехи, устраиваемые нашими гусеницами для сокрытия своих вылазок.

Сегодня датчики «разорались» по-страшному. Я посуетился, вспотел, нашел лишь в одном месте дребезжащую на ветру форточку, наконец успокоился, пил кофе и ковырял в носу. Делать нечего, на тысячу маленьких сторожат не разорвешься, поэтому если вдруг приползут каверзники со всех сторон, то ядом навряд ли обмазаться успею, но подпустить поближе и взорваться большой компанией — это пожалуйста. Итак, сижу я в полном раздрае, стал даже язвить в свой собственный адрес. Поменьше шали я головой, побольше повергайся в прах

перед профессорско-преподавательским составом, блестел бы сейчас образованием и воспитанием; и разве сошлись бы тогда тропки мои и каких-то уродов, у которых ничего на уме, кроме расползания, жрачки, размножения и прочих гадостей. От обиды личный гном раскачался, как на качелях, и улетел, будто перышко, кувыркнулся раз пятьсот и влип. Несколько секунд я (то есть он) во что-то погружался, растекался и вот освоился в чужом организме.

Выдох продавливает волну вдоль тела, ей сопутствуют два ручейка по бокам, жаркий и студеный. Пенисто смешавшись, они заполняют мир вокруг, заставляют все разбухать, разворачиваться и показывать нутро. Просматриваю потроха каких-то стен и шкафов, бумаги вообще похожи на хлебную плесень. Втяжка приносит биение «теплого-влажного», от какого-то предвкушения становится кисло во рту, вскоре пузырьки моего зрения выворачивают, как авоську, крысу. Резким сжатием в глотке сшибаю свои ручейки, вырывается на этот раз жгучая пена. И вот какой от нее толк — она впитывает крысу, и та меняется в лучшую сторону, становится горячей и рыхлой, в общем хорошей, как пожарская котлета. Я, кажется, узнаю местность — подвал с архивным хламом. Какова задача и сверхзадача? Найти «теплого-влажного», только большого, засевшего на перекрестье путей. Раскусить его, что тоже будет вкусно, и узелок развяжется. Откроется много ходов в кристалл владычества. К той прекрасной светлой грани, что придает могущество плоти, несокрушимость волне. К чудесной ярко-черной грани, несущей бессмертие, неистребимость во тьме потомства. К ароматной алой грани, в которой таится радость вкушения побежденного врага. К той благоухающей синей грани, что изливает счастье превосходства нашего единства над сборищами чужих.

Пора тикать, мой гном-Штирлиц вылезает из тела наглого уroda, как из липкого кала, и напряжение среды, постепенно уменьшаясь, вкручивает его по спирали об-

ратно. Все на месте, гном и я, мы снова в рубке, выделенной буфетными стойками площадочке посреди холла в стиле неоготика. Хочется в таком месте не отстреливаться, а продавать компот. Но друзья торопятся ко мне, прутся со стороны архивного подвала — мне ли не знать. Скорее всего, они придут по коридору левого крыла и попросят любить да жаловать. Как же любить? Железяка-дверь их только насмешит. Я бросил рубку и залег, выглядывая из-за стойки, как в артобстрел, сморщившимися от напряжения щеками. Жуя рукой такой маленький наган, готовлюсь к встрече морально-психологически, как боксер. Накручиваю себя, внушаю, что соперник — обычная вонючка, которую я скоро посажу в клетку и буду пускать дым от сигареты ей в нос. И вот подготовленный гном опять сигает с «качелей», технология этого дела вроде отработана.

И снова я — гад ползучий. Ползу, но вся обстановка не проплывает мимо тебя спереди назад, как принято у приличных животных. Вещи появляются слева, мелкие, слегка сплюснутые, размытые; в центре они уже четкие, всерьез расплющенные, среднего размера, а справа — большие, совсем размазанные. Потом очертания вообще теряются, тени тают. Вот дверь выскочила из точки и пошла в хороводе, недаром же она женского рода. Сталкиваются прибежавшие с боков потоки пронизывающей силы. От пенистого выдоха, почти что плевка, начинается крутое кино: дверь комкается и добирается до меня уже в виде развернутого жеваного журнала. Хорошо проглядываются жилки и раковинки металла — из какого дерьма нынче штампуют ответственные предметы. За ней, в дальнем круге, тот самый «теплый-влажный». Дверь расползается под действием моей головы, как размоченный хлеб, мелкие выдохи прочерчивают прицельную ниточку из пузырьков прямо в самую серединку «теплого-влажного». Следующий «плевок» приготовит мне из него блюдо. Хочу харчо.

А вот этого не надо. Я ведь точно против того, чтоб лакомиться самим собой, даже в крайнем случае отсутствия других продуктов. Пусть любой жрет, только не я. Сдергиваю с себя вражескую оболочку и подаюсь назад по пуповине, которая связывает меня с исконным местом обитания.

Вот увольнительная закончилась, сплюснутая мина вражеской башки превратила в цветочек заискрившую дверь. Маска, я вас знаю, как говорят в опереттах. Я был готов, поэтому сразу попросил помощи у дружка нагана. Килограмм металла прыгнул в руке два раза. Первый посетитель никнет, — кажется, зацепил я его. Но следом торопится отдать визит другой, которому не помешала бы паранджа. Свисают сопли — это от праведного гнева. Сияющая капля электрического пучка сожгла правый угол рубки. Я вовремя соскочил с оси удара, — наверное, оттого, что «качели гнома» опять скрипнули, принеся интересные сведения с вражеских позиций. Знавал я таких гостей, которых только пуля остановит, этот был из их числа. Три комочка свинца встряхнули настырного визитера, и он несколько обалдел. Как говорится, убить не убил, но избил до полусмерти. Тут же на пострадавшего стал напоздать следующий из очереди. Парочка не сошлась во мнениях, кому через кого ползти, — твари все-таки, — чем воспользовался я, опробовав свою газорезку. Она им понравилась примерно так же, как струя из поливочной машины прохажему. Пока они морщились, в разрядной сеточке стали «вариться» все другие двери, включая ту, что ведет во двор. За компанию и пол пытался встать на дыбы. Без всяких датчиков понятно, что еще десять секунд обождать, и останется только написать на столе: «Погибаю и сдаюсь». Я задал стрекача к лифту, а он под воздействием кнопки трещит, жужжит, поет, словно кенарь, но не больше. Я бы такую рекламу происходящему дал: «Смерть в зале обеспечивается удобной планировкой и

качественным оборудованием». Последний вариант исчезновения из фильма про животных таился в подъемнике технических грузов. Вариант заурчал, как верный пес, и показал огоньком, что «рад стараться»; я, хоть и навернул утром с тоски бадью каши, но втиснулся в люк. Устроился в турецкой позе, начинаю взлетать, кайфую, как владелец ковра-самолета, а в холле вечеринка в стиле Лысой горы, лопаются «разваренные» двери, обваливается пол. Страшные нервные звуки и вредное для работы место расстанутся со мной, жаль только, что слишком медленно. Зато разбухает сознание выполненного долга, как выражаются генералы при вручении медалей и значков: «Все, что могу». И мнилось мне, звякну-крикну с какого-нибудь этажа, и пришлют за мной карету, вернее вертолет или хотя бы заваливающий дирижабль. Почему-то этот дирижабль с салоном и баром прикипел к моему сердцу, а то и к другим органам. Если пришлют, я отныне никуда не суюсь, будто меня и нет вовсе. Буду ждать, когда начнется что-нибудь всенародное, поддержанное прессой и подходящее для начальства, вроде крестового похода или великих строек. Родионы-дудевы и прочие консервы убедятся, что монстры слопали всех мелких наглых соперников вместе с их мелкими наглыми достижениями. Подыщут тогда положительных героев, Минина и Кутузова, поднимающих на борьбу против зверского ига. Объявят призыв в канализационные части и мобилизацию подвальных войск. Наверное, когда-нибудь в процессе драки выкристаллизуется что-нибудь умное и сноровистое. Но такие, как я, были первыми камушками, о которые ломались клинья и крючья. Нам желательно памятник поставить, и лучше бы при жизни. Хотя бы один на всех, можно без коня и змеи, просто в виде фиги, но чтоб под монументом вместо музея — пивзал. И конечно же, пиво персонажам скульптурной группы без очереди, за символическую плату. Я так застил себе глаза видами величия, что не

заметил подкрадывающегося кондратия. Как раньше напевали: «И вновь продолжается вой». Сжимаясь и разжимаясь, будто гармошка, с легкой музыкой разрядов, напоминающей попукивания, шурудя мелкими брюшными лапками, увивался следом человекоед. Молнии становились все менее разминочными, оттого-то и запах поганый пошел от резиновых деталей моего подъемника. Я, подвывая, выбрался из турецкой позы и трахкабысдох из нагана. Ну и что, брызгануло пару струек, хлюпнули, как в желе, свинцовые пилюли. Газорезку не употребить, могу себя поджарить. Подъемник подпрыгнул, как нервная лошадь, это хобот воткнулся в площадку, и теперь уважаемому оппоненту оставалось только втягивать свое метательное приспособление, как макаронину, становясь все ближе ко мне. Электропроводный хобот добавил напряжения, площадка раскалилась, как противень, и даже мои слоеные подметки, даже чечетка на короточках не спасали. Дай-ка и я чего-нибудь позаимствую у животного мира. Раз хобот не вырос, буду подтягиваться по несущему тросу, удирая от своего ненадежного ковра-самолета. Вскарabкался метров на шесть, тут площадка стала дрыгаться и искрить, как пьяная женщина на танцах. Сдернул я с петельки гранату и уронил. Полыхнуло, подбросило, заволокло вонючим дымом, хорошо, что она не осколочная, — бронетрусы мне забыли выдать. Однако эпизод с получением пламенного привета был последним из жизни страшилы. Лифт подорвался у него на наглой ряхе и унес его в поля Счастливой Охоты.

Трос уже не наматывался на барабан, а спокойно висел над дырой шахты, и я вместе с ним. До выхода люка один метр. Этот метр, чтоб ему исчезнуть из палаты мер и весов, выдавил из меня последнюю силу. Я отжимаю ножом защелку замка, а мозги уже заволокло дымкой, руки стали, как крюки, впившиеся в мое мясо, а шахта кружится вокруг, будто вальсирующая Матильда. Потом я «плыл» с креном и дифферентом подбитого

эсминца по коридору. Если седьмой этаж, надо добраться до лаборатории химиков. Я там кучу телефонов высмотрел, когда приходил справляться насчет рецепта приготовления спирта из стула (не жидкого, а того, на котором думают). Два шага всего прохромать, а ведь чуть не влип. По дороге дверь с лестницы была, с кодированным замком, модно приодетая в броню. Так вот, я до нее чуть-чуть не добрался, как внутри меня словно часы затикали, что-то заекало и качнулось. Опа, мой старый испытатель гномик усвистал за дверь, которая перед ним свернулась, как листок бумаги. На «той стороне» — много позже узнал, что каббалистами так обозначается область темных сил, — маленький шпион свалился в ямку чужой хищной жизни. А она как раз готовит атаку на мою фигуру, проплывающую по кривой мимо свитка двери. Гномик, ухватив ситуацию, освобождается от вражеской оболочки, возвращается назад и начинает меня подзуживать. В голове звенит мысль, что война спишет убытки; я срываю гранату с жилета, под дверь ее и, пародируя темнокожего рекордсмена с курчавой головой, совершаю тройной прыжок имени барона Кубертена. Когда приземлялся на лоб в заключительной, третьей стадии, сзади хрустнула дверная броня, как кусок сахара, а следом фукнула взрывчатка. Мне поддало под зад, перевернуло и вlepило в стенку. Без каски голову потерял бы в прямом и переносном смысле. Впрочем, какое-то время я был уверен, что сохранил только шлем. Кстати, рядом упала и стала щелкать серпами-молотками еще какая-то голова, кажется не моя. Сочувствовать некогда, надо вспоминать, чем я тут занимаюсь. Методом выбрасывания третьего, четвертого и пятого лишнего из взлохмаченных мозгов, едва допер, что надо свернуть в лабораторию. Там стал проникать звонками в спящий мозг Пузырева. Наконец энцефалограмма шефа оживилась, и мой заплетающийся голос заставил его хрипеть: «Хамье... докатились...» Наоравшись, унялся несправедливо разбу-

женный, вошел в положение и пообещал похлопотать о винтокрылой помощи. Харя Харон уже подгребал к моему берегу, считая, что поздновато для всякой суеты. «А кто будет расслабляться и думать о вечности, Пушкин что ли?» — подпускал ушлый паромщик. Я был уже не против, но руки-ноги шуровали по инерции, а может, сам гномик жал на педали. Он велел не только дверь кабинета запереть, но еще и прислонить к ней шкаф с диваном, обязал для извлечения сил доесть беспризорный пирожок. Покомандовал мной, потом принялся раскачиваться на своих любимых качелях, разглядывая искателей счастья, марширующих по коридору с электрическими песнями. Все распластанные, низколобые, зато с яркими хватательно-жевательными способностями. Они были вместе и заодно, что не исключало подчинения и жертвования одних ради других. Они гордились своей страшностью, как генералы жирными звездами на погонах. Каждый знал свое место и то, что пирамида власти на нем не заканчивается. Она уходит в великую высь, требующую не поклонения, а только внимания и четкости на пути к сияющему кристаллу владычества. Марширующие были особенно чутки к глубинным пульсам «теплых-влажных», к этим трепетаниям, говорящим о слабости, упорстве, крепости, разладе... Тому «теплому-влажному», что ближе всего, лучше остаться здесь навсегда. Пульс его скрыт: тверд и груб, как комья земли, чуть уйдет вбок — и неотличим от шума тьмы. Скоро-скоро произойдет долгожданное расставание с такой помехой, такой затычкой для воли. Кто был плохой, тот станет совсем хороший. Нет ничего вкуснее сильного врага!

В револьвере два последних патрона, вот и весь боезапас. Больше нет гранат, как сообщается в одной подходящей песне. Вернее, одна завалилась в кармане. Газорезку я еще в коридоре обронил, когда кувыркался. Что пять минут грядущих мне сулят, кроме харакири, как пригодятся четыре миллиарда лет эволюции и рево-

люции? Почему крепкая броня, быстрые танки, реактивные космолеты и Х-бомбы ничем не лучше пушки из говна? Где красуется поганка цивилизация, оставляя Файнберга, Веселкина, меня наедине с новым венцом природы, который желает стать венцом на наших могилах? А может, цивилизация вовсе не для нас, мы только лепим кувшин, а хлебать из него будут другие?

В конце мрачного пассажа я замечаю два баллона, в застекленном шкафу стоят, с хлором в пузе первый, а второй инкогнито. Двумя последними пулями — какая романтика и героика звучат в этих словах — проколол обе емкости. Зашипел, поступая ко всем желающим и нежелающим бесплатный газ. Наган, выступив в роли простой болванки, раскурочил окно. Сдернул я пластиковую занавеску, одним узлом прицепил к батарее, другим — к себе. И шагнул «за борт» технопарка. Вот я уже сушусь на веревке, на метр ниже подоконника, могу нырнуть и в окно шестого этажа, если будет в этом смысл, могу стать птицей, правда ненадолго. Расстояния до земли разучился я бояться как следует еще в шахте лифта, но там высота была камерная, а тут, хоть и смазанная темнотой, но классическая. И все-таки высота мне больше нравилась, чем общество грубиянов-монстров. Правда, было обстоятельство, которое сминало настроение в ре-минор. Спасательница-занавеска потихоньку «текла», то есть растягивалась, собираясь когда-нибудь лопнуть. А в лаборатории уже принялось все падать, отлетать, отскакивать. Двери, шкафы, стулья. Отсчитав добросовестно до семи, я чуть приподнялся, подкинул туда взрывной гостинец и опять съехал вниз. Два толчка почти наложился друг на друга: шпокнул боеприпас, а потом ухнула сдетонировавшая смесь хлора, воздуха и того джинна, что вылеживался во втором баллоне. Над моей головой бросились на улицу всякие ошметки, я же поспешил в лабораторию, чтобы больше не мучить занавеску. Когда уже цеплялся за подоконник, там что-то

продолжало валиться с потолка. Вот уселся я в оконном проеме: комната завалена хламом, а тот в свою очередь засыпан белым порошком — то ли солью, то ли штукатуркой. Некоторые кучки даже продолжают ворочаться и проявлять недовольство. С этого подоконника мне лиять не стоит. Те, кто возражают против моей жизни, сейчас могут быть везде: на этаже, на лестнице, на крыше. Круто я их раззадорил своими оборонными мероприятиями. Где-то неподалеку, аккомпанируя моим соображениям, потрескивали разряды. Кто охотится — тот прав, он более прогрессивен. Нашелся огрызок карандаша, пора писать: «Обнаружившему мои кости, просьба в ведро не бросать». Электрическая песня льется все ближе и ближе, для меня исполняют, можно сказать, по заявке. И слова там, наверное, такие: «Люди, мы любим вас. За ум, доброту и мясо». И вдруг, заглушая треск марширующей дряни, загребли вертолетные лопасти. Я стащил с себя шлем и замахал им, как бешеный человек. Наверное, такой приступ заметили, потому что вертолетный гул сместился вверх и отклоненная козырьком крыши веревочная лесенка заболталась в полуметре от меня. То ли прыгнул, то ли рухнул, но шаткую тропу в небо ухватил. Вертолет сразу съехал в сторону, и совершенно правильно поступил, потому что в окошке с моего подоконника заулыбалась крюкастая морда. Пулеметные очереди — я кайфанул от этой музыки больше, чем от Баха-Бетховена, — помешали ей ссадить меня, так сказать, с подножки. Недовольная физиономия скрылась с видом, будто ей не дали подышать свежим воздухом, длинно сплюнув напоследок припасенной для меня слюной.

В кабине вертолета встретился огнедышащий Пузырев.

— Ну что, накудесил, негодяй, Рэмбо за чужой счет. Чихал я на барахло в технопарке, понял? — он для убедительности сморкнулся в иллюминатор, по деревенски, одной ноздрей. — А вот за вертолет будут вынимать

из моей зарплаты, а следовательно, и из твоей. Вылет-то коммерческий. Боролся бы за свободу поскромнее. Попросил бы, мы тебе и охотничий аппарат новый поставили б, и складную баррикаду.

— Вылет из вашего носа можете считать коммерческим. Я думал, все бесспорно... как я ошибся, как наказан. Прошу послать меня на конференцию по птичьим правам! — кричал бы до завтра, заряд недовольства я ого-го какой накопил. — Вы же видели Мону Лизу, улыбнувшуюся из окна? Неужели такие лица в вашем вкусе? Вас что, в детстве по Эрмитажу не водили?

— Ты только сегодня морду увидел, а я всю жизнь их наблюдаю. Даже когда в зеркало смотрюсь.

Возмущенный до глубины пуза босс Пузырев стих. Боюсь, по-своему он был прав. Кроме него и пилота, в кабине сидел еще стрелок, крутой мужчина в пятнистом комбинезоне и шлеме с зеркальным стеклом; похоже, он и стрекотал из пулемета. Такие могли бы повоевать, если бы начальство приказало. Сама машина была лопухово-салатного, то есть маскхалатного цвета, и с ее помощью явно носились по воздуху люди из спецподразделения МВД. Сейчас вертолет висел метрах в двадцати выше крыши. Там уже загорало под полной Луной пяткообразин. С легкой грустью и даже укоризною, слегка поигрывая слюнями, они поглядывали на винтокрылую технику со вкусами внутри.

— Подними, подними свой крылатый стул, а то сейчас восхищенные зрители пришлют хобот за филе, сам знаешь чьим, — предупредил я пилота, и тот решил быстренько увеличить промежуток между собой и любителями свежего мяса.

— Коммерческий, значит, для меня вылет, — обида, типичная для незаметных героев, обуяла меня. — Мое потрепанное боями тело перевернут вверх карманами и станут вытряхивать последнее, чтоб я потом на пиво просил на паперти. А те тварелюбы, что у казны-кор-

мушки, начнут искать решение проблемы монстров политическими средствами, находить точки взаимопонимания с товарищами из животного царства, говорить, что все мы дети одной планеты, такой маленькой в безбрежном океане космоса, станут крепить дружбу, испытывать чувство искренней симпатии и духовной близости. А для духовно далеких останутся меры воздействия и пресечения: блокирование, оцепление, фильтрация, карающие кулаки и справедливые дубинки.

— Сейчас как высажу обратно. Наверное, мало тебе, — отозвался Пузырев, которому я так надоел. Даже пилот, хоть слова ему не давали, назвал меня «говорящим горшком».

— Вопрос поставлен прямо. Может, даже ребром. А то и на попа. Придется отвечать: мне не мало.

— Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа, — отозвался зеркальный шлем и представился. — Майор Федянин. — Потом стал доступно объяснять. — Представь, в твоём охранном бюро не тридцать, а тридцать тысяч голов. Тогда приплюсуй командиров-старперов и сановников-кормильцев, которые желают без всякой обузы пройти к светлой министерской или дачно-пенсионной жизни. Да еще государственные интересы, которые с общечеловеческими не совпадают. Да соблюдение секретности, да экономия средств, да требования устава и почти разумные указания начальства о том, как все делать. Так что, милый мой, сколотись эдакая дивизия, ничего приятного от нее ты не дождешься, будь уверочки.

Спорить больше не хотелось: по всему видно, что майор, если надо, развалит доводы оппонента вместе с его головой. Пока рассуждал Федянин, пилот облетел здание и направился домой. И тут без спросу, проявив дурной вкус, пятерка зрителей с крыши вступила в игру и теперь составляла геликоптеру почетный и летучий эскорт. Подсвечиваемый нашими прожекторами нежурав-

линый клин тащился следом, слегка повизгивая, но не выдавая секрета движения.

— Кажется, борьба продолжилась и за помостом. Совсем рядом курлычут. Неужели антигравитация виновата? Нет тут поблизости хоть завалящего академика для консультации? — обратился я к компании спасателей.

— Виноват понос большой силы, — простодушно, как на масленице, проконсультировал «академик» Федянин.

— А вот и желанный плюрализм во мнениях. Я уж решил, что у нас одна мысль на всех. При этом находится она у меня. Кто еще хочет высказаться?

— Да, зря мы гуманизм проявляли, — тоскливо зачмокал губами Пузырев. — За тобой ведь летят, Александр. Отдать просят.

— Не волнуйтесь, господа. Со мной они уже пообщались, теперь их коллективный разум и индивидуальное брюхо новеньких собеседников просят. Мне ли их требований не понимать, — возразил я. — Может, кинуть им конфет, авось отстанут.

Настроение в основном было еще не грустное, пилот стал класть машину в разные известные ему виражи. Федянин просунул свой крупный пулемет в бойницу и деловито застрекотал вновь. Пузырев орудовал прожекторами, как опытный театральный осветитель, а вдобавок, свесившись за борт, бил без промаха из своего «Макарова». Один я ничего не делал, и правильно, между прочим. Тридцать секунд обстрела, и Федянин с Пузыревым зачертыхались, заматерились. Лучи подсветки уже не забирали у ночи своеобразные фигуры преследователей, а рассеивались в радужные облака, которые совершенно скрывали догоняющих.

— Это даже мне понятно. Соответствующим облаком воспользовался и Зевс, обстрепывая свои блудные дела, — пояснил я расстроенным людям. — Таковы отражательные свойства панциря, обычная линейная оптика.

— Я заставляю сволочь быть теплее воздуха, — взревел майор, пытающийся разглядеть что-нибудь в инфравизоре.

— Не воспитывайте их, майор, они слушаются только своих. Да наверное, и теплоизоляция у них тоже будь здоров. Всем, что напридумывали наши умники, «сво-лочь» успешно пользуется. Успеем ли мы понять, как так получилось?

А спутникам уже не до общих рассуждений. Пилот запаниковал и стал бросать машину в разные стороны, будто у него чеснок в заднице. Пузырев заерзал, и даже крутой майор вытащил из-за голенища сапога широкий нож с зазубринами, мол, живым не дам; по-моему, он собирался даже тельняшку порвать. И тут осеняет, меня, конечно. Может, гады попросту к нам приклеились? Когда вертолет над ними висел, харкнули они, слюнки прилепились, затвердели и стали, например, силикатными тросами.

— Да, это вам не с людьми работать, — говорю я приунывшим спутникам. — Мое дело, естественно, сторона, но я бы пролетел над домом или лесом почти впритык. Те, кого мы все не любим, — надеюсь, разночтений в этом нет — плюнули на нас.

Изъерзавшийся Пузырев замахал руками:

— А ну, засни.

Но майор Федянин ткнул пилота в спину, чтоб послушался меня. И авиатор, который, кажется, уже обделался от страха, спорить не стал. Рукой было подать до Шаглинского оборонного центра — высокого удобного здания. Пилот резко спикировал на него, монстры тут уж не могли никаких фортелей выкинуть и въехали в стенку. Приклеенный вертолет мгновение скрипел всеми своими костями, а потом его отпустило, вернее, швырнуло вперед — прямо на заводскую трубу, но радужные облака уже погасли. Пилот как на скрипке сыграл, положил машину на правый борт, так что полозья лишь шуршанули по трубе. Мы, конечно, бросились хором провозглашать традиционные мужские здравицы, начинающиеся на скромную букву «е». Я даже уточнил у пилота, почему нет на борту надписи: «Портить воздух

во время полета запрещено». Впрочем, рано пташечки запели. Искусили мы Фортуна, прелестница снова повернулась к нам задом. Машина вдруг задрогалась, пилот закостерил приборы, в кабине стало жарко, пахло озоном, смешанным с интенсивной гарью, Пузырева ужалило обычное прикосновение к металлической детали, он, обиженно сопя, стал дуть на свою руку. Я метнулся к подсветке, так и есть — одно облако померкло лишь на время, мы в приступе радости и не заметили, что его владелец остался с нами. Из сияния к машине протянулся электропроводный хобот. Всплыла откуда-то неуместная цитата: «Мы ответственны за тех, кого приручаем». Но способный пилот выручил всю честную компанию. Вначале чуть ли не упал вниз — я и с жизнью наполовину попрощался, думал, что парень взбесился, — а потом повел свою машину по кронам деревьев, напоминая тракториста на колхозном поле. Мы минуты три бились-метались в кабине, душа вместе с пылью вышла, но забортный товарищ, по несчастью, наконец споткнулся о какой-то дуб, под которым сам Илья Муромец нужду справлял.

— Замечательная смерть замечательных людей откладывается, — пытался схохмить я, успокаивая Федянина, который явно стеснялся минутной своей суеты, и залившегося лицевым потом Пузырева.

Прилетели на базу где-то в Горелово, оттуда меня с шефом постарались поскорее выпроводить. Только успели полюбоваться на печально знаменитые клинья, застрявшие в пятнистой шкуре машины, на жалкий и потрепанный вид некогда гордой железной птицы.

7.

Вертолетное сафари в копеечку обошлось. От меня, правда, вскоре отстали, разобрались, что я стеклотарный боец и «бабки» у меня долго не задерживаются. Это о личном. А теперь об общественном. Наутро тварей в

технопарке не было, правда, все, что получше, они погрызли или обгадили едким дерьмом. Напрасно я доказывал свою геройскую роль, охрана стала политическим трупом и, не собираясь вскоре возвращаться, покинула поле недавней битвы на катафалке. Вернее, на пузыревском микроавтобусе. Больше того, нашлись человекообразные твари, которые утверждали, что я своим сопротивлением спровоцировал разбой. Поэтому, если б не рассчитали пузыревскую команду, я все равно ушел бы в утро туманное, подняв воротник старенького плаща. Хорошо, что тонкость душевная мне не свойственна, а то бы испереживался до блевоты. Напротив, своим оскорбителям я кое-что рассказал про пидеров, готовых подставить очко любому встречному властителю-повелителю. Увы, как ни горько, без материальных потерь не обошлось, в ближайшей ментовке нарисовали мне штраф за «фулиганичанье».

Естественно, что и фирмы не собирались больше кучковаться в этом разгромленном бардаке. За неделю-другую, отъев друг дружке хвосты и бока, поделили бывшие товарищи останки общего имущества в судебных присутствиях да и разбежались по углам медвежьим, волчьим и кроличьим. Итак, нарыв прорвался. Родионы-дуевы торжествовали вполне, потому что их взяла, некогда приличные самостоятельные люди шли к ним с повинной яйцевидной головой корячиться за фотку на доске почета в оборонных «шарашках» или раскладывать пасьянсы из бумажек в НИИ. А бюро наше усохло раза в три, ребята без претензий занялись хранением тел кинозвезд, боксеров и прочих незамысловатых миллионеров; ловлей сбежавших от побоев жен; застукиванием прелюбодейных мужей — с организацией появления супруги в ответственный коитальный момент. А подлинным орлам, включая меня, пришлось отвалить из бюро, распрощаться с милейшим Пузыревым, не забыв выходного пособия, и застыть в своих гнездах в ожидании интерес-

ной добычи. Занятие я себе подыскал, народная моя мудрость подсказала: пить надо регулярно, чтобы доступный гадам мой глубинный пульс был скрытым и незаметным».

Вычислив стоимость своего движимого имущества, отсутствующей недвижимости, денежных активов с пассивами, я убедился, что общество обойдется без моих трудовых усилий в течение полугода, причем количество бутылок может равняться количеству дней отдыха. Наверное, проклюнувшийся вывод был несколько схоластичен. После трех вечеров, потраченных на Нину и харчо с цинандали в ресторане «Кавказский», вдруг до меня дошло, что больше двух месяцев не продержаться, даже если буду стоять насмерть. Другое дело, если увеличить количество светлого и разумного в жизни. Я стал активничать, как партия в 29-ом. Насобирав ягод по дачным участкам с отсутствующими хозяевами, поставил, что можно, бродить на вино, застрелил пару жирных птиц в лесу, взял в лабазе хмельных напитков попроще на три месяца вперед, сдал телевизор в барахолку. Вдобавок, для развития личности в духе плюрализма, выписал две газеты взаимогрызущих направлений и зажил, как Робинзон Крузо. Первую неделю я незатейливо клялся, украдкой икал, да и в мире ничего из-за этого примечательного не происходило. Хотя, может, и происходило, только я не замечал. На второй неделе я несколько сбавил темп, реже заливая в бак, зато пытался ухватить смысл написанного в газете. Оказалось, что перья, которые летели от общипанных несущек, наконец долетели до депутатов. Взятки уже не сыпались в раскрытые карманы, да и подати жидкие стали.

Один выступающий с высокой трибуны красиво сказал, что мы напоминаем ему позднюю Римскую империю, а монстры — невесть откуда вылезших гуннов и вандалов. Другой запараллелил происходящее на татаро-монгольское иго. Я бы тут добавил даже, что твари, как

истинные чингизиды, явно ярлыки на княжение выдают родионам-дугеим — уж больно все в жилу консервным начальничкам.

Раз стали давить в парламенте, тот по закону Бойля-Мариотта передал давление дальше — на людей с кабинетами больше тридцати ка-вэ-метров и портфелями крокодиловой кожи; жернова завертелись. Кого-то мелкого смололи, кого-то покрупнее затормошили, где-то вздернули сексуальный лозунг: «Наш минвнутдел должен стать подлинным органом родной страны». Наконец затопало по плацу специальное антимонострозное подразделение. Впрочем, «подлинный орган» родил его давно — на тот случай, если монстры полезут в святые места: генеральские квартиры и дачи, красные уголки, расстрельные камеры, архивы секретных протоколов, ядерные реакторы, фермы по выращиванию микробов, которые полезны для наших и вредны для иностранцев. Но только сейчас было решено этот спецназ урезать раза в два и пускать его в ход против гадов где попало.

На третьей неделе я от волнения пил мелкими глотками, но часто, опохмеляясь чтением материалов про грозную команду. Бойцы спецназа охотно позировали, играли мышцами, клинками и стволами, метали ножи на меткость и плевали на дальность. Потом кто-то, сидящий сверху, решил устроить показательное выступление в здании одного дворца культуры на Васильевском острове. Люди оттуда давно сбежали, а монстры постоянно там вертелись. Вообще-то, помимо технопарков, наши гады, как и полагается кочевникам-варварам-гуннам, уважали места, где можно выпить и закусить сладким на халяву. Винно-водочные и кондитерские предприятия, склады с сахаром и конфетами, даже свекольные поля. Причем, если насыщенные наукой лаборатории и производства разорялись, как птичьи гнезда, то в «закусочных» звери вели себя аккуратно. Ранним утром всегда уползали, давая возможность людям, после небольшой приборки,

спокойно заняться производством кайфовых вещей, которые, по южному выражению, «тают в рот». А администрация «закусочных» обжираловку еще больше цивилизовала. Были установлены особые кормушки и такие нормы отпуска в гадские руки, чтоб никто из гостей за столом не посчитал себя лишним. Дворец культуры казался более загадочным случаем. Мне такое объяснение понравилось: ДК оккупировали потому, что там пацаны обучались охоте на тварей с помощью подаренных какой-то фирмой аппаратов. А кроме того, оттуда было приятно устраивать набеги на расположенную поблизости стекляшку биржи «СПб».

Поехали поквитаться со злодеями три взвода спецназа. Репортеров не забыли захватить. Хвалились, едучи на рать, хотя предки, которые знали толк в мясорубке, завещали это делать лишь едучи срати. Еще на подходе к зданию со стороны Большого проспекта, два БТР ухнули в незапланированные пустоты под дорогой. Их там встретили подземные монстры, которые умелыми разрядами пробили борта машин, а в получившиеся дырки впрыснули гнусную нервно-паралитическую жидкость, родственную этиловому спирту. Тут же на врага были пущены землеройные машины с керамической защитой и экипажами в противохимических костюмах. Однако костюмы негодились. В конце недолгого пути машины-землеройки встретили грунт, спекшийся в сплошную твердь, похожую на карборунд, — никакие буры не могли ее взять. «Карборундовая» стена была неясного размера, во всяком случае, следовавшие одна за другой лихие атаки неизменно кончались на ней.

Но наверху одной юркой БРДМ удалось проскочить к самому зданию. Встретили ее достойно. Из окон третьего этажа слышались неприличные оскорбительные звуки, а следом полетели жидкие выделения, которые обмазали машину со всех сторон до днища. Командир обделанной БРДМ из чувства брезгливости дал задний

ход, потом передний, но ни туда ни сюда. Надрывался двигатель, выхлопные газы сочились в кабину, но движения не было. Также не было видимости, слышимости, не фурычила связь. Командир заглушил мотор и бросил рыдающую голову на руль. Он не мог знать, что выделения давно затвердели и заточили уже бесполезную машину, как скорлупа ореха ядрышко.

Впрочем, остальные ребята, крепкие стриженные парни не приуныли. Кровь бурлила и выделяла нужные для борьбы гормоны, когда с вертолетов на крышу ДК были спущены три десантно-штурмовые группы. Первая ушла не дальше кинозала, а другая — буфета. Командиры групп успели сообщить, что выходы из помещений враз оказались забиты массой, похожей на густую кашу, поэтому сейчас придется разносить преграду направленными взрывами. По рации еще донеслись слова «давай» и «даю», а дальше одно молчание. Зато до наблюдателей докатился толчок воздуха. Потом уже стало известно, что «каша» имела нитроглицериновую пропитку, которая, само собой, не забыла сдетонировать.

Зато третья группа под предводительством моего знакомого Федянина отличилась. Майор впервые опробовал мазеры, которые обеспечивали расстройство электрических систем монстров, и поглотители-отражатели разрядов. Вот оно! Дебильная публика из «почтовых ящиков» вдруг выдавила из себя что-то, пригодное для огорчения монстров. Вернее, подняла и оживила разработки, выпавшие из разжавшихся челюстей технопарков. Ладно, насчет дебилов беру обратно, эта кличка больше мне подходит. Все-таки ученые они не только когда бабу на улице клеют. Корпели, небось, где-нибудь в подпольном бункере (сто метров ниже киношек и кабаков), сотрясаясь и ходя ходуном от страха.

Итак, группа Федянина двигалась грамотно, удерживая под контролем все ходы-выходы. Не смогли твари ее подловить, поэтому добралась она, сметая все живое и

дохлое на своем пути, аж до самого первого этажа. Там порадовались сердца гадобойцев — встретился бывший фонтан, ныне обжитый младым племенем: чуть подростками, до размеров колбасы, но беспечными еще монстрами. Водоем, кипящий, как суп с лапшой, мигом заминировали, палец уже лежал на кнопке взрывателя, но гадская кодла еще раз напомнила, что держит лапы на наших глубинных пульсах, что в курсе самых светлых мечтаний. Хоть Федянин, он же Наполеон наших дней, умом ни в чем не уступал монстрам, они прочно посадили его с героями под электрический колпак, только поглотители и выручали. Связь накрылась, начальство было готово и третью группу вычеркнуть из Книги Жизни, то есть списков личного состава. А потом искать компромисс, но в душе навсегда прокатить игру. Впрочем, вычеркивающее перо пришлось отложить в сторону. Уже за периметром оцепления вспучилась и лопнула земля. Оцепляющие встrepенулись и приготовились к быстрому бегу. Однако из-под земли вылезли два федянинских человека, а вскоре все его бойцы повалили из щели, как горошины из стручка. Последним вступил на поверхность планеты сам майор, который не унывал с момента рождения. Он рассказал с неподдельной улыбочкой между щек, как внутри оборонительного кольца, составленного из его удалцов, вдруг провалилось несколько мраморных плиток и образовалась дыра, сулящая всяческие неприятности. Но из той дыры демонстративно, задом, выбрался противник количеством один и удалился по слюнке-ниточке в сторону потолка, как бы показывая, что путь наружу свободен. Майор Федянин догадался, что с ним пытаются совершить сделку и ударить по рукам. Суть сговора в том, что он сваливает с парнями из дворца по открывшемуся лазу, но в ответном жесте ему подобает выудить взрывчатку из монструозного детсада. Майор не стал упираться рогом, приказал первый «батон» забрать из водоема и парочке разведчиков прогуляться по пода-

ренному тоннелю. Те, обливаясь предсмертным потом, соскользнули в щель, но через десять минут загалдели по рации, что уже пьют чай с бубликами, и не в небесах, а у своих. Сигнал без всяких помех проскочил, хотя до того будто глушилка надрывалась. Майор послал еще трех человек, потом вынул второй «батон» и с оставшимися бойцами сколол из дворца.

Газетчик из лагеря калов, конечно, съязвил, что накануне операции вождь гадов, кажется, вместе с командиром спецназа любил сладкое и алкоголь. И уж, по крайней мере, изучал «искусство побеждать» в наших военных заведениях.

Кстати, подвернувшейся сваезабойкой успели расколоть орех с БРДМ внутри до того, как души бойцов самостоятельно бы полетели на волю. Кто неудачно съездил на БТР и нанюхался нервно-паралитического аэрозоля, тоже жить остался, правда, на первых порах, с белой горячкой. Таким образом, всерьез не повезло только тем, кого накрыло взрывами.

Из этого прыткие консервные журналисты выводили несомненное: «природные гады земли нашей» нрав крутой показали, гордый, но не чужие они нам, не любо им кровь народную проливать. Мирные люди, конечно, сразу стали смаковать дружелюбность и незлобивость тварей, подозревая в них родню бабочек и кузнечиков, и внутренне уже были не против, чтоб побыть какое-то сонное время пакетом для яиц.

Лишь один биолог разгуделся, как духовой оркестр, по каловым газетам пробежался и даже в телек влез. Мол, назови животное патриотом и гуманистом, а все равно, кроме инстинктов, от него ничего не дождешься. Тварь она и есть тварь, пусть по-своему и замечательная, и лишь в качестве подопытного объекта может вызывать восхищение. И молнии она мечет не как представитель Перуна-громовика, а будучи живой электрической машиной с подобием жидкостного МГД-генератора внутри. И

чутье у нее на наши настроения с состояниями — не от общих корней, а потому, что мы сверхдлинные субэлектронные волны, хотим не хотим, модулируем; получившийся сигнал монстры, как антенны, ловят. И вся недолга.

Я прочитал заметку ученого и стал сам не свой ходить, даже нехорошо от мыслей было. Еще бы, монстры овладели всем тем, что прорастало в головах Файнберга, Веселкина и субэлектронщика. Зверье угробило мудрецов и их знания себе заграбастало. Кочевые ребята из команды Чингисхана тоже перехватывали у оседлых умников достижения, которые могут в драке пригодиться. Я собирался было письмо такому содержательному биологу накатать, уже начал словами: «Глубокоуважаемый Никанор Павлович. Я давно вас ищу. У меня есть что сообщить серьезному человеку с маслом в голове...» И тут очередное разочарование. Не стало Никанора Павловича. Пришли к нему, почувствовав сигнал, подопытные объекты и вызвали вместо восхищения летальный исход. А случилось так, что автомобиль с ученым врезался в грузовик у Пяти Углов. Причем на теле потом нашли следы приличных, хотя и не убойных укусов. «Как хорошо, — подумалось мне, — в моей голове ничего такого, что может промодулировать эти самые субэлектронные волны».

В начале четвертой недели вынужденного, но любившегося простоя дозы стали редкими, как дождь в пустыне, и смехотворно мелкими. Удивительно, что я их еще как-то ощущал. Однако уже во вторник я вынужден был узнать, что потрепанное тварями спецподразделение за свои немеркнущие подвиги перекинуто из внутренних войск в городскую милицию. Теперь это воинство обнимет и примет любого, кому не жалко собственного трупа. До конца недели я вычислял, поступать ли туда, смогу ли я колбасить по-прежнему, как мне нравится. С одной стороны, объявление заманивало крепких ребят с хоро-

шей подготовкой — а я уж готовее других, настоящее путассу в маринаде. И оружие пока там существенное, что руки развяжет. А с другой стороны, начальство, находящееся в последней стадии умственного развития, лобные доли мне нагрузит, ну, в общем, те места, где шарики крутятся. Еще надо учесть обязательный форменный прикид от «Пьера Болвэна».

Пока на переднем плане я тщательно выбирал одно из двух, по заднику протекали ручейки сомнительных мыслишек. Они складывались в мороку, ее первую серию мне крутили еще на нарах СИЗО. Туман или бульон, я в нем бреду или плыву. Там и сям перевариваются маленькие человечки вроде моего верного гнома. Пиявки сосут, чмокая и давясь, из этой питательной среды. Они унавоживают своим дерьмом почву, на которой весело растут грибы-поганки. Грибочки вымахивают выше тумана, тянутся навстречу лучам, бегущим от «колпака», моего старого знакомого. От преданных растений к нему, в ответ на солнечную заботу, поднимается дымок. Вот вам круговорот дерьма в природе, я ж предупреждал! Есть тут и вампиры-колхозники вроде Дуева, те самые черви-сосуны; и гады, мои гады, которых я углядел в неблагородных грибах-поганках; и руководящее звено — верховный колпак. Все при деле, и дело за счет нас, людей, процветает — ведь гном есть лучшая часть гражданина. С нас начинаются эти переваривания, прихлебывания, унавоживания, разрастания, испарения, излучения. А я — немногий, если не единственный путешественник по адскому миру, ни во что не превращающийся и собой довольный.

Насмотришься такого фуфла и почему-то чувствуешь себя обогащенным. Даже обогащеннее, чем после заслушивания симфонии и блужданий по Эрмитажу.

Перед тем как броситься в омут необратимого решения, отправился к знакомому егерю в лес. Вернее, омут ни при чем, просто харчи с бухалом оказались у меня

на последней стадии истощения. И вот повстречал я в тех местах, где делил трапезу с кабаном, Дуева Родиона Михайловича.

— Кажется, я про вас что-то слышал, — сказал он и впервые пожал руку. Потом обрисовал мое положение. — Хочешь отличиться перед народом, да видно не знаешь как. Народу такие твои старания не нужны. Монстры, люблю я это слово, никак не колышат простых людей: аратов, дехкан, холопов; кручиниться тем нечего. Яйцекладка не считается как мелкое недоразумение. Гады вполне удовлетворяют простых людей, разоряя замки нынешних дворян и прочих заносчивых граждан. Монстры кого-то скушали? Допустим. Мы столько лет питались животными, вот и они повели себя в том же духе, употребили кого-то из нас, причем не лучшего. Есть повод для беспокойства только в иудео-христианской системе координат. У многих же самобытных этносов ритуал скормливания самых умных, красивых соплеменников тотемным животным органично входит в культуру.

— Из меня вылезает слеза, лишь только я подумаю о культурных монстрах, у которых болит живот за простых людей, — слегка оскаливаясь, парировал я.

— Ладно, перейдем к тебе. Понимаешь ли с кем связался?

— Расскажите, Родион Михайлович, — сказал я, напуская побольше глупости на рельефы лица, что, впрочем, было не слишком сложно.

— Расскажу, когда твой черед придет, — многообещающе выразился Дуев. — Давай на одну ступеньку вниз спустимся. Например, отчего недоступны сведения о монстрах?

— Перепасую к вам, Родион Михайлович. Не надоело придерживать информацию, прикармливать всю соответствующую дохлятину вплоть до дерьма? Наверняка у вас и живой материал имеется. Вон умник Никанор о

кое-чем простым напряжением катушек догадался, и тут же его не стало.

— Никанор не догадался, он знал. Тут две большие разницы, как говорят южане. Имел он кое-куда вход. А раскручивать и орать на разных уголках стал самостоятельно, потому что славы захотел. Ну и получил, только не прижизненную. Никакие спецслужбы его не убрали. Они даже не возражали бы против утечки, чтоб посмотреть, как это уладится. Вот и посмотрели. За что боролся Никанор, на то и напоролся. Утечка не понравилась нашим маленьким друзьям, они привыкли работать без лишнего шума, вернисаж не для них, в рекламе не нуждаются.

— По-моему, и вы уважаете беззвучность, даже во время такого нашествия.

— У нас был свой резон. В биологии нынче беспредел. Если бы население доперло, с какой прытью мощнеют монстры, стало бы помаленьку безумничать. В итоге толпы придурков носились бы по улицам, кусали друг друга за задницу и гадили в неположенных местах. А пока что есть у нас равновесие, может, даже гармония, в которой двуногим пришлось лишь немного потесниться. Твари вроде повсюду, но при этом они остаются на периферии, не лезут, так сказать, в первый ряд.

Мы перебрались с веранды охотничьего домика в гостиную, и Родион Михайлович сунул в щель видика кассету, которую простой чувак видеть не должен, чтоб не обезуметь. Ну, а мне почему-то было пора, черед настал.

Кассета крутилась три часа, а Дуев многозначительно отмалчивался, вдумчиво попыхивая «Кланом» и запивая его мягким ирландским пивом.

Что в фильме показывали и доказывали в основном отскакивало от меня, как от стенки. Особенно все попадающее наукой биохимией. Зато как не понять: в ролях те же опостылевшие монстры. Было очень приятно уз-

нать, что происходят они от вполне безобидных тварюшек по имени Онихофора, и в родне у них как насекомые, так и скромные кольчатые черви. Развились они каким-то макаром так, что по сложности самым серьезным млекопитающим не уступают. Однако шли своим путем, поэтому оригинальны и не похожи на «теплых-влажных» ни наружностью, ни содержанием. Вот у нашего брата, любителя молока, скелет внутренний, у них же внешний, ступенчатый, с подобиями шпангоутов и перетяжками. Вообще, в интересных гадах многое от машин: эти животные «косят» под железные изделия, так же, как и наши металлисты.

Внутри кожно-мышечного мешка продольные и поперечные перегородки с клапанами, по отсекам перегоняется полостная жидкость — не ради удовольствия, а чтоб получился еще один скелет, на сей раз — гидравлический. Благодаря ему чудовище прыгает, бегают, ползает, как олимпиец, еще мечет хобот и клейкие слюни. Такая полезная жидкость вдобавок является кровью-гемолимфой. Больше того, железистые соединения в ней не только разносят кислород, но и создают магнитные свойства. Когда она прокачивается мимо заряженных пластин, тех самых шпангоутов и перетяжек, то по принципу МГД-генератора выдает мощные электрические импульсы.

В теле у любого гада ветвится много всяких электропроводок, есть даже подобия диодов, конденсаторов и аккумуляторов. Грызет он всякие приборы не только из вредности, но чтобы занять в организме побольше металлов хороших и разных. Всерьез переваривать внутри себя еду считает делом недостойным и невыгодным, поэтому любит сахар и алкоголь, а также варенье, как быстрорасщепляющиеся высококалорийные продукты. Само собой, раз губа не дура, вряд ли откажется он от крошечки. Когда такой нежной провизии не хватает, впрыскивает пищеварительный сок в любого, кто пока-

жется вкусным, еще и помогает ему превратиться в блюдо электрическими импульсами.

Герой нашего времени сложен прекрасно, как полимер, в каждом отсеке тела у него есть нервные узлы вроде наших мозгов, клоака, дышало, клевало, сосало, жевало, е..., так сказать, копулятивные органы. В общем, смертельное ранение нанести ему трудно, все взаимозаменяемо. Даже на бескислородье он разлагает электро-током разные окислы, добывая необходимое для дыхания. Зоркость придают ему глаза, раскинувшиеся в разных частях тела, так что если задом посмотрит, все о'кей. Слух — в порядке, он сплошное ухо, кругом волоски с мембранами. Собственная разрядная система предлагает нашему герою разнообразные услуги. В низковольтном режиме она годится, в сочетании с электрорецепторами, для локации, то есть засечения любых вещей в любую погоду и темноту. В высоковольтном — для превращения безвкусного наглеца-беглеца в смирного вкусного покойника. «Полюса» имеются на теле, хоботке, еще и на вылетающем в подходящий момент электронном пучке. Особенно героя украшает способность видеть насквозь. Пустит он на того, кто ему приглянется, несколько магнитных импульсов, и тот в ответном порыве начнет излучать всеми ядрами своего водорода, который, как известно, в организме везде. Но когда пошла толковища про магнитные ловушки в защечных мешках твари, что какие-то еще фокусы нам готовят, Дуев вырубил «ящик».

— Остальное — задание на дом, — хреново улыбаясь, сказал он.

Уж лучше время спустить на забойный боевичок, где деликатный здоровяк гасит наглых уродов, чем паяться на всякую научную муру. В конце-то концов я не анатом, а охотник. Меня одно интересует, на какие неприятности я еще нарвусь. А вот про это дело Дуев как раз узнать не дал, я прямо чуть с говном его не съел (в мыслях, конечно). По злобе поперся в пятницу, которую заранее

назвал черной, в спецназ записываться. Тем более что все равно надо было куда-то подаваться, я по полкам уже щеткой прошелся в поисках харчишек, да и бузы последняя капля в рот упала.

Вначале на мою небритую, хамскую в чем-то морду посмотрели косо, я бы даже сказал, криво. Чуть не послали в баню. Но я затрубил, и на шум явился майор Федянин, составил протекцию, спроецировал на меня положительные черты. Уважительно назвал меня плевком, на котором все поскальзываются, и талантом, только неизвестно в какой области. Еще похвалил, что я очень глубоко проникаю во внутренний мир животного, наверное, оттого, что недалеко от него ушел. Я на волне успеха даже медкомиссию проскочил. Анализы мочи и кала отобрал у одного мальчика во дворе детской поликлиники. В общем, записали меня, только отправили от глистов полечиться (за них мальчику спасибо). Приступил я к учебе, от которой фигово в бою. Маялся от нее больше, чем в конце недельного заплыва в портвейне. Вот что, например, сочинили к моему приходу: «При обнаружении дымка (взвеси) зеленоватого оттенка, а также запаха средней интенсивности, напоминающего аромат нестиранных носков, немедленно сообщить на частоте 88 МГц непосредственному начальству. Загерметизировать помещение с помощью штатных и подручных средств (тряпки, части одежды, экскременты и т. д. согл. доп. списку). Повесить над входом (входами) предупреждающий знак (см. описание)». Ну и в том же духе на трех сотнях страниц убористого текста. А еще выходить на бой можно только в составе группы, чтоб были вместе командир, радист, правый сигнальщик, левый сигнальщик, химик, электрик, забойщик. Последний товарищ — это тот, кто должен «производить забой животного». Только политрука не хватает. Я в первую же прогулку с такой кодлой догадался, что все твари в округе наслаждаются нашим видом. Понемногу спущенная сверху дурь утряслась.

Например, сигнальщик стал совмещаться с химиком, а положенные по инструкции вещи происходить только на бумаге, в отчете о проделанной работе. Если в группе оказываются один-два гомо кретинус или стукача-недоброжелателя, то лучше просто шлаться по помойкам, пускать пузыри, играть консервной банкой в футбол и дохлой крысой в баскетбол, вести разговоры о страшном. А вот как подберутся осмысленно глядящие ребята, можно начинать. Забойщик отправляется попытать удачу, а остальные его подстраховывают: пьют пиво, изучают прессу, беседуют по рации с начальством. Удача, кстати, совсем рядышком прогуливается, когда у тебя гранатомет последней конструкции. А на главном экране шлема светится координатная сетка с размеченными целями и направлением прицела. Приятно, что в меню имеется острая приправа: изящный пистолет-пулемет, спокойно укладывающийся в карман. Плюс щит, поглощающий слабые и рассеивающий сильные электромагнитные импульсы. Еще висит фонарик на груди, который вовсе не фонарик, а мощный мазер. От него страдают электрические системы оппонента, и делается тот немного несграбным, подслеповатым и не таким вредным, как обычно. Даже хочется приручить его для совместных выступлений в цирке. Вдруг удастся товарища монстра убедить, что массовым производством гадостей он убивает в себе личность.

За месяц работы наш спецназ стал чуть более любопытным соперником для «чудес природы», как кликали гадов пышные консервные дамочки. Однако отличились мы в основном на уровне мелкого вредительства. Где кладку яиц выудим, где молодняк накроем, если вовремя гражданин обеспокоится помутнением мозгов и потихоньку звякнет нам. Впрочем, недолго нам оставалось подличать — покуда матка не отвыкнет «метать икру» на стороне. А вот «лежбища» и «охотничьи уголья» у гадов скромнее не стали. На этом фронте борьба велась

вничью. Только мы выьем гарнизон из какого-нибудь старинного их удела, сразу отряд монстров перебирается в место, где раньше они считались сказками и инсинуациями. Похоже было, что гады даже раздували сферу приложения своего коллективного разума. Принялись калечить предприятия и институты, которых раньше в упор не видели. Наверное, проводили профилактические работы там, где чудилась им опасность. Перестраховывались, что ли — во многих стенах мысль еще не ночевала. Впрочем, гадам можно доверять, они же обоняют эти самые предательские субэлектронные волны. А Федянин считал, что противник просто задирается, показывая, что он плюет, чихает и мочится на все наши усилия.

А наши усилия, что касается «спорных территорий», были примерно таковы. Есть, допустим, у нас на примете здание, где раскидываются курени нынешних гуннов, значит, выставляем там пост. Сидим в фургоне неподалеку, прислушиваемся. Контрольные наши системы уже потоньше стали — научились наконец очищать сигналы от всякого дерьма, в смысле от помех, напускаемых монстрами. И датчики-передатчики теперь не так-то просто засечь, потому что меняют они по спецкоду несущую частоту. Только монструшки как следует засветятся где-нибудь, забойщик с помощью пожарной лестницы вламывается в самое дикое место, то есть в окно нужного этажа и начинает зарабатывать очки.

В тот сентябрьский вечерок с киношными эффектами умирало лето. За забором наявливал казачий хор: «Черный ворон, что ты выешься...». Мы укрывались в фургоне на заболоченной территории третьего петербургского университета, что сбоку от Казанского собора, исполняли тему «козла», в полтона постукивая по столу костяшками. Нас было трое: правый сигнальщик-электрик-командир, левый сигнальщик-химик-радист и простой забойщик, то есть я. Еще и пожарная машина с лестницей. Студентами здесь давно не пахло, они съехали в заго-

родный кампус, вовремя унесли задницы. Вместо юнцов несколько лабораторий, складов, вычислительный центр и гады, нуждающиеся в радости человеческого общения. Мы им должны помочь. Вчера робот лазал в кое-какие щели и установил там подслушивающую-поднюхивающую аппаратуру. Теперь знаем, когда новоявленные самураи переходят границу.

В час ночи «забибикал» третий этаж главного корпуса. Затарахтела пожарная машина, я на лестнице въехал, как ангел, прямо в окно и мазер-глушак не забыл включить, для начала все вроде грамотно. Сразу за подоконником в коридоре приятная встреча — адская семейка, матка и ее три мужа с зажатými в ручках сперматофорами. Их попытки сделать мне больно были неудачны. Я перешпокал всех, как персонажей своего почившего охотничьего аппарата. Считайте, что за него тоже мстил. Конечно, я им испортил приятное времяпрепровождение, но сексом пробавляться здесь было так же неуместно, как и на партсобрании. Чуть правее от того лобного места, где случилась экзекуция (не люблю, честно говоря, побеждать), на план-карте центр компьютерной обработки. У кого-то компьютеры, а у меня на пеленг-экране там жирная клякса расположилась. Я красиво, как в фильме про бесчинства карателей, выбил дверь, ворвался — кому здесь выписать? Но вокруг ни тела, про душу уж я молчу. Впрочем, пыхтят несколько блоков вычислительной машины «Джониван», они же фонят и пачкают мне картинку. Я зачем-то распечатку с принтера снял, которая сразу не понравилась. Какой-то безымянный соратник Никанора дня три назад запустил задачу и исчез, — наверное, отправился по его стопам. Машина рассчитывала траектории мутационных изменений по методике Файнберга.

На дисплее по моей просьбе показался забавный пузатый монстрик-гид и вдруг начал рассказывать о домашнем задании Родиона Михайловича. Про те самые

магнитные ловушки в защечных мешках. Мол, мешки скоро пойдут на повышение, станут преобразователями и накопителями энергии субэлектронных волн. Я просил поподробнее про такие волны. Монстрик откликнулся проповедью, дескать, каждый живой и не совсем живой предмет — это стяжка (он сказал хуже — концентратор) замкнутых волн. Разомкни, так сказать, круг, и концентратор «потечет», передаст свое напряжение другим точкам интенсивности. Я тут врубился и заинтересовался у лектора, не его ли приятели-гады «утечку» устраивают. Он слегка возмутился, заявил, что Гады (с большой буквы) такими вещами не занимаются, это-де «работа для клерков». Я так понял, что он имел в виду двуногих сосальщиков, радионов-дугевых. Монстры, продолжил гид-гад с улыбочкой, давно научились подключаться к уже раскрывшимся системам, чтобы вывести чего-нибудь новенькое. Ага, про антенны еще Никанор заикнулся. Ну, и под конец бутафорный монстрик сделал шаг вперед, подкинул стоящие сведения. Скоро-де защечные ловушки гадов, согласно рассчитанной траектории эволюции, примутся превращать длину субэлектронной волны в частоту — хоть чушь, но за неимением лучшего приходится всему верить. Согласно пророчеству, любители острых ощущений вскоре смогут ознакомиться с бедовым явлением, которое назовется бегущий огонь, или, по-привычному, шаровая молния животного происхождения.

Очень хотелось бы побеседовать с автором программы, если он жив или хотя бы здоров, а пока расстроенная рука в кольчужной перчатке отключила надменно витийствующего монстра и потянулась к холодильнику. Правильно делает, что не отстаёт, вкалывает наряду с «Джониваном», лелея в себе заначенное истинным доброжелателем пиво. Раздавим банку, война и это спишет. Откупорил, задрал забрало, потянулся, а контрольная система вдруг долбанула мне по маковке: «Показания

датчиков: внимание, всплеск активности на участках 5-02, 5-03», и давай на экране размазывать кляксы, символизирующие электрическую опасность. Летят кляксы, как черти, сквозь стены и перекрытия. По старой привычке качнулся во мне лазутчик-гном, но только ткнулся в пространство над головой, как стало ему так больно и светло, что он, скуля, забился в угол. Я прикрылся щитом, погрозил пушкой потолку, из которого вынырнет хана.

Эх, тикать надо было, а не пополнять багаж знаний. И вот, в унисон с криком измерителя: «Взрывное изменение поля...» — вспышка над башкой. Светофильтры успели отозваться, но я слегка замандражировал — никто там случайно ядерную бомбу не швырнул ли? Мой верный товарищ гном раньше меня врубился, узнав новинку сезона — «бегущий огонь». И как серфингист, оседлав волну, должно быть ту самую, сверхдлинную, проскочил сквозь боль, ослепление и ворвался в темный погреб гадского сознания. Увидел оттуда меня ненавидящим взглядом монстра, с вывороченными наизнанку всеми клеточками — пеной на воде. Навстречу ей шуровала свора разъяренных горящих точек. Прежде чем вражеский погреб выкинул его вон, гном заставил гада сделать втяжку, прокачать волну сжатия назад.

Шаровая молния прилипает к потолку, но тут же другие злые огоньки делают заходы на меня. Я тикаю, участвую в настольном беге и скачках через стулья, направления эвакуации особенно не выбираю, оказываюсь в узком помещении типа кишка, какой-то замусоренной подсобке. Прессинг продолжается, кишка начинает светиться и исчезать в классическом синем пламени, причем с двух сторон. Ну, думаю, нет причин для грусти, просто жизнь не удалась, в следующий раз все наладится, а сейчас я с разбега сигаю в этот свет и дальше по этапу в райскую зону. Красиво скопытиться не запретишь! Но вижу, надо повременить, потому что

на глаза попадает скрепленный замком стальной люк мусоропровода. Всаживаю гранату в него, едва резанули осколки по щиту, бросаюсь на выход из надоевшей ситуации вниз головой. Только успеваю крюком тросового механизма уцепиться за края получившейся дыры.

Мусора на дне было столько, чтоб погрузиться по талию. Идеальное гнездо птеродактиля, где вы, учитель зоологии и дети с экскурсией? То, что отбросы сухие, несколько меня смутило, а потом обстановка прояснилась — трусливые люди давно зацементировали мусорную камеру снаружи. Стрелять в стенку не стоит, меня разнесет в первую очередь. А наверху вот-вот друзья примутся мутить своими пятаками огненную воду. Я стал рыть, я рыл дерьмо носом, добираясь до решетки, через которую стекает жидкая дрянь. Вот наконец я одолеваю мусор; железяка в моих руках-клешнях, выдергиваю секцию. Вверху становится чересчур солнечно, поскорее отбросив гордость и тому подобное фуфло, соскальзываю вниз, как рыбка в ведро рыбака.

Там проходило отнюдь не высохшее, а вполне полноводное русло канализации, я начал купаться в ливневых, фекальных стоках и прочих отходах от доходов. Где обязаны барахтаться и ловить полный кайф всякие Пентастоматида, Тардиграда, Леписматида и прочие гады с красивыми женскими именами, пресмыкаюсь и членистоножествую теперь я, вернее, бреду на сильно согнутых. Снизу хлюпает, сверху капает. Настроение такое, будто действительно в чем-то виноват. Вроде был подготовлен, хоть песню пой: «Если завтра война...», а получилось как всегда.

Делать нечего, полевые измерители предупредят в самый последний момент, что меня вот-вот должны поджарить и схватить, а пока можно побалдеть в полной прострации. Психика ведь, если ей не мешать, сама себя защитит. Я уже посторонним, не очень заинтересованным слушателем внимал чьим-то тяжко чавкающим но-

гам, что однажды и вовсе застряли в гуще отстойника. А когда стало совсем скучно, я провалился в уже знакомый пищеварительный туман, который на этот раз даже разнообразил впечатления. Тем более не стал я задерживаться подле таких малоприятных товарищей, как пиявки да поганки, идти их налево. Как стайка пузырьков, поднимался верх с той разноцветной трухой, что сочилась в небо из грибочков. Напряжения гуляли во всех направлениях, но я их осмысленно не использовал, потому что не чувствовал собственного тела, только понимал: посмотришь сейчас в зеркало — ахнешь. Стал вслушиваться для затравки в свое дыхание, как писатель Тургенев в песни пьяных мужиков. И вот уже разобрался, движется моя жизнь, кружит бурунами и водоворотами меж полюсов. Вместе с ее потоком окунулся в первый сгусток, он же вихрь, он же шар возможностей, закрученный полюсами строгости и милости. Как ни забавно, но это руки. Те, что хватают, и те, что отталкивают; которые несут и которые бросают; руки, передергивающие блатные аккорды и выколачивающие Шопена из пианино; жмущие гашетку пулемета и высекающие девушку с веслом; хватающие даму за мясное и выводящие на розовой бумажке про испытывание тонкого чувства. А потом я ухватился за комок ног: идущих вперед, вбок, вдаль, вблизи, интеллигентно плетущихся и по-солдатски бодро марширующих.

Наконец оценил я колыхания и трепетания среды; те, что несут образы неподвижного и образы бегущего; подобия целого и подобия частного; пульсы внешней жизни вещей и пульсы внутренней. Вот теперь я такой, что мне можно позавидовать, — пучок неиспользованных способностей, причем известно каких.

Находясь в обществе пестрой искрящейся трухи, выпущенной грибами, я пробовал ее на вкус. Я набрался то ли мыслей, то ли образов, которые значили для меня

вначале не больше, чем агентурные шифровки Центру. Но я их разоблачил.

Вся эта символика стала как голенькая. Можно, конечно, рассуждать о стяжках субэлектронных волн и строить уравнения вихревых полей, но таким заходам я не обучен. Мне лучше по рабоче-крестьянски.

Вампиры-колхозники вымачивают приличных людей в пищеварительном соке, чтобы те отдавали наступательную свою энергию. Кто не хочет отдавать, тому клином по башке. Тут уж второй эшелон паразитов подключается. Гадов, собственно, не энергия интересует, своей хватает, а ценные сведения. Из компота и компоста, оставшихся после бурной деятельности пиявок, грибы делают выжимки и передают своему начальству. Такой дорожкой прошли достижения Файнберга, Веселкина и прочих разумников, да попали к тому, кто с их помощью готовит траектории самых поганных изменений. Есть там один зловредный программист, который эволюционные расчеты выдает не в виде значков и буковок. Получаются у него матрицы, что штампуют все более жуткие, на сторонний взгляд, фигуры мутантов. Так он самовыражается, а может, подыскивает наиболее подходящую для себя внешность.

А вот и «программист» собственной персоной: колпак, яркий, как кабак в летнюю ночь. Сейчас центр, начальник тварей и стержень событий, много симпатичнее, чем при первом свидании, он как компания басовито жужжащих пятен, стерегущих вход в «черный ящик», то есть таинственное брюхо.

Проваливаюсь туда вместе с трухой. И наступает, само собой, тьма. Поди догадайся, что это такое — начало вечности, конец заботам или участие в чем-то пищеварении. Немного похоже на межпланетный перелет с помощью ракеты революционера Кибальчица. Я столько раз в детстве-юношестве представлял, что любитель народа удирает на своей штуке из-под царского ареста и начинает вверчиваться в тьму, не понимая, куда он летит,

каким способом и зачем. А вот сейчас реализую его смелый план. Протекло тысячу лет, а может, и десять секунд проскочило, когда я почуял источник притяжения и разглядел Матрицы, похожие на сгущенное северное сияние. Каков будет мой положительный ответ? Разумеется, в конце пути я поспешу к ним, будем сиять вместе.

Однако мое сознательное участие в игре света и тени закончилось очень быстро. Мысли стали бегать на пространстве не больше носового платка, а потом вовсе сжались в точку. Правда, был и такой момент, когда я брызнул из этой точки всеми своими способностями. Хлынула огненная вода из рук, ног, глаз, ушей, головы, сердца, хребта, всего тела. Только не забыть бы, что хотел. «Я становлюсь лучом, который возвращает поганных монстров», — мелькнуло напоследок, перед тем как сгорел я дотла и исчез.

Исчез я, слава богу, не окончательно. Спящий красавец очухался отнюдь не в хрустальном гробу, а возле параша. То есть, куда бы ни летал мой маленький гном, физтелом я прочно обосновался в камере отстойника. Оставалось загадкой, сколько проторчал здесь на маленьком сухом выступе стены — таймер-то давно накрылся. А потом послышался писк, немного смахивающий на тот, что у котят. Экраны приборов отказывались показывать кино, но окостеневшим пальцем я все-таки поймал спусковой крючок гранатомета. Гадать долго не пришлось. Показался сам он — малолетка, по мягким светлым покровам заметно, что недавно вылупился. При всех отталкивающих чертах было в нем что-то неуловимо симпатичное. А может, и вполне уловимое. Никаких свисающих соплей, брызжущих слюней. Тонкие жесткие крылышки цвета дымчатого стекла, тельце — как несколько выложенных в ряд коньячных бутылок, четкая маковка, или, прямо скажем, голова, похожая на шлем мотоциклиста. Правда, время от времени нижняя губа раскладывалась в длину, хватала что-нибудь, мяла-жевала, но вскоре отпускала. Мы с малолеткой настороженно,

однако без предубежденности паялись друг на друга, животное и человек. Рожденный ползать и рожденный летать, или наоборот. Его внимательная нижняя губа прикоснулась к моему башмаку и как бы через него послушала меня. Несмотря на то, что палец я держал, где положено, тревога так и не ощутилась. Хотя не исключено было, что мой некогда внимательный организм стал бесчувственной колодой. А потом «слушания» закончились, и мы разошлись. Детеныш прыгнул мимо меня и затерялся в сумерках этой огромной уборной. Экраны измерителей, локаторов и тепловизоров так и не откликнулись на нового знакомого, он не отражал, не излучал. И я снова задремал, может быть от радости, что не зря взорвался там, наверху, малыш-то все-таки похож на меня!

По скручивающейся спирали вдоль длиннющего тела к голове вязко тянется волна. Я в канализационной трубе, пейзаж знаком до боли. Но нынче изощренный взгляд мой подобен спиральке и даже пульсирующей воронке. Она забирается за один угол, другой, третий. Все, что должно встретиться, вертясь выплывает из ее глубины и, поровнявшись со мной, начинает разлетаться, как ракеты. Осуществилась наконец вековая мечта ночного прохожего: знать, что тебя ожидает за следующим поворотом и что осталось отдохнуть за предыдущим. Вот показался маленький, но вредный, который хочет выдуть солнышко; до него сто витков, не меньше. Пора, я делаю резкий вдох, жидкая сила несется от головы к хвосту, в такт с потоком воронка сокращается, и тот, кто мне пока не по душе, притягивается к моему носу в виде пузырька. Волна, тяжелея, катится ко рту, легкое сдавливание, и злыдень лопается, брызгая, как ягодка. Визг тоже разлетается, не успев расцвести. И вот я продолжаю делать «прыг-прыг», очень легко скачет, словно меня подхватывают вихрики, щеkotно носящиеся по животу.

Натыкаюсь на совершенно безобидный притопленный и вполне законный труп незнакомца, разинувшего на-

всегда ножи челюстей. Будем считать, что он сам себя убил, осознав, что так дальше жить нельзя.

И вот старая добрая мусорная камера, начало и конец начал. Видны следы пыток, тут не только веревочка моя стала атомарной, вместо параша лишь тень на оплавленной стене. Как выбираться пока не понятно, но впечатление обуревают, что многое могу, словно член победившей партии. Поймал такт трепыханий воронки. Выдох, тяжелая кровь отжимается по правилу винта от кожицы к середке, становится горячей, плывущие стены подаются вслед за ней и прилипают к пальцам. На вдохе жидкость продавливается от середки к животу и легчает, стена старается удалиться. Вот люк первого этажа. Волна бросается в голову, мыслительное орудие, помощнев, проламывает люк, как печенье. Я, не вполне уверенный в своих умственных способностях после такой процедуры, выбираюсь в коридорчик кишечного вида. Извивающийся взгляд приносит радостное известие, что за дверью большая полость, где можно спокойно гулять, никого не ловя на зуб. Так и есть, там спортзал, нынче похожий на мятую грушу. Но покой хочет только сниться, хобот взгляда ловит очередные происки. Интриган засел между перекрытий, такой забавный в своей активности. Он тихонько, вдумчиво готовит мне горячее блюдо, старательно катает его между щек, можно сказать, заботу проявляет. Вхожу в такт с тем витком воронки, где мой новый дружок, вдох — и вот поваренок уже сам съедобен, висит на расстоянии вытянутой губы. Одно смыкание отяжелевших челюстей, и он становится похожим на раздавленную сливу. Перед тем как превратиться в такую неаппетитную жижу — я, признаюсь, с мерой воздействия переборщил — дружок успел алаверды послать в мою физиономию порцию разваристой, пышущей жаром каши. Со следующим выдохом метнувшаяся к носу волна отдает свою тяжесть, которая расходится темным нимбом и шпокает огненные зернышки, как толстая газета мух. Все, танцев больше не будет.

И дреме конец. Приятно было поработать чудовищем. Я потягиваюсь, деятельно участвуя в газообмене с окружающей вонью. Пора домой, потому что терять мне уже нечего и при любом раскладе я выигрываю. Через час был уже в спортзале, сон в руку, и все путево. Тот малолетка, что родом из отстойника, размазывал всех встречных и поперечных. Детсадовец с силищей чемпиона по штанге. Малыш, плескающийся в гравитационных волнах. Знаток моей двоечной курсовой работы. Даже в мусоропроводе, где он карабкался, остались вмятины-продавлины от его лапок. Так что даже с моими куцыми познаниями в области скалолазания — пару раз перед девочками выпендривался — можно было по этим следам пройти. И вот бухнул гранатомет, визгнули гасители отдачи, что впервые показалось приятной музыкой. В дыру развороченного оконного щита проникло милое слюнявое утро.

Восхищенные зрители не встретили рукоплесканийми, очевидно, спектаклю с моим участием недоставало хорошей рекламы, эстетики, патетики, вечных ценностей, смысла жизни и всякого такого духовного жира. Правые и левые сигнальщики давно смылись. Наверное, из-за моего молчка решили, что от меня осталось не больше, чем пара подметок. Подогревающий заряд аккумулятора выдохся, было студено, как в заднице у эскимоса. Я приник к красивому решетчатому забору, разделяющему улицу и университетский двор. По Невскому шуровала незаинтересованная во мне пешая и автомобилизированная публика, сквозь туман и оконные стекла сочились мелким теплом лампадки Казанского собора. Какие-то яркие представители детско-юношеского кретинизма присвоили мне имя — Источник Постоянной Вони силой в сто Унитазов, а совсем маленькие называли «Дед Говняй и какашки». К противоположной стороне улицы причалил шикарный белый автомобиль, как его еще иногда кличут, лимузин. Из него элегантно вышли двое красивых по своему людей. Нина, которую подбросили сюда для от-

дачи последнего долга, и владелец машины со следами начальственной жизни на лице. Слышны были его страстные речи насчет того, что надо поскорее порвать с таким-сяким прошлым, стереть его родимое пятно и слишком тут не задерживаться. Одной окольцованной рукой при этом он поддерживал дамочку чуть ниже талии, наверное, чтоб в штопор не свалилась; другой, оперстневанной, подкручивал сладкую музычку на приемнике. «Она его за бабки полюбила, а он ее за...», — как выразился бы классик.

— Значит, сделаешь все-таки социалистический выбор в пользу товарища? — уточнил я у Нины, выстукивая заодно зубами тему Щелкунчика из одноименной оперы Чайковского.

— Ну ты, житель уборной, — автомобилист ударил о капот машины журналом «За рублем».

— Совсем не остроумно, — пришлось мне, за неимением других аргументов, просунуть сквозь прутья решетки свой гранатомет, кстати, с пустым рожком. — Скажи-ка, дядя, что тебе дороже, машина или Нина?

Проблема выбора не встала перед лимузинщиком, и, заурчав мощным движком, он гордо скрылся с места встречи, напевая арию из оперы: «...И закаленному судьбой бойцу с огромною елдой...»

— Я твоя Сьерра, а ты мой Леоне, — мигом переметнулась дама, скрыв смущение под густым слоем румян. Нравится мне, что она такая неприхотливая и понимает, что лица приходят и уходят, а какой-нибудь мужчина остается.

— Ты мои Права, а я твой Человека, — поддержал «перебежчицу», но предупредил, в гуманитарных целях, чтоб ближе, чем на десять шагов, она ко мне не приближалась.

— Это был деятель искусства, — тем не менее подначила Нина.

— А я деятель физиологии, анатомии плюс знатный

фекаловед. По-моему, гордо звучит. Кстати, чуть не забыл, я теперь производитель монстров.

Пока она вызывала по телефону «похоронную команду» из моего спецподразделения, я набросал очередной рекламный ролик. Про то, как Буденный занял с боями Ясную Поляну, нашел в куче жмыха Льва Николаевича Толстого да и женил его на Катюше Масловой. Для чего? А для того, чтобы жизнь была ближе к искусству. Ну и дальше агитация за приобретение портативного аппарата фирмы «Зеленые братья». За считанные секунды вашего знакомства он сделает у потенциальной невесты анализы на сифилис, гонорею, трихомоноз, СПИД, что позволит вам жениться сколько угодно раз в любом экологически чистом месте.

Вместо послесловия

1.

Животные приходили на водопой, вернее винцом побаловаться, нерегулярно, но часто. Когда-то из-за этой страсти на винно-водочном предприятии «Красный змий» производство замирало и на неделю, и на две. Ведь ставили посетители на попá все, что ставилось, и дырявили все пробиваемое, добираясь до сладкого крепленого винца. Теперь уже начальство умнее стало и предпочитало иметь полную цистерну приоритетного напитка на случай приема гостей. При появлении первой же заинтересованной морды кто-нибудь из впередсмотрящих рабочих поворачивал кран на полную и пускал живительную жидкость в систему поилок и корыт. Вот и сегодня опытный Алексеич, заметив высунувшегося из трещины в асфальте «передовика», сказал: «Нехай, гондоны, подавятся и лопнут», после чего излил запланированную струю портвейна. Рабочий, посещавший когда-то библиотеку, называл цистерну «Пенелопой», а хамское нашествие — визитом «женихов». Обычно «женихи», насо-

савшись, нахлебавшись, напускаясь соплей и напле-скавшись, ложились отдыхать в живописных позах где попало. С мордovorотов у них шел пар, рты пускали пузыри довольства, сшибаемые легкими разрядами, а тела блаженно сокращались и вытягивались. Потом, один за другим, они зарывались в землю, проводили остаток кайфа чуть пониже, и пар уже валил из трещин и расселин. Когда их присутствие заканчивалось, было такое ощущение у Алексеича, что любимая жидкость пролилась в бесплодную почву.

Однако то, что случилось на сей раз, Алексеич позднее смог описать лишь отрывочно, в общих чертах, путаясь в словах и заменяя их чаще необходимого на инвективные (как еще говорят, матерные) эквиваленты.

Некоторые «гондоны», особенно те, что не добрались до бадьи, вдруг возбудились и покрылись сеткой разрядов, а их панцирные кольца стали съезжаться. «Плохой признак, — догадался рабочий, — сейчас кто-то кого-то будет мочить». Побежали, поскакали и полетели мурашки вдоль Алексеича, он порыскал руками в поисках какого-нибудь оружия, а ногами попытался сбросить пудовые чоботы, непригодные для бегства. Руки не нашарили ничего лучшего, чем штопор, а чоботы наотрез отказались прощаться с ногами. Усилия были напрасны, однако для рабочего все обошлось.

Из-за крыш ближайших корпусов вдруг посыпались черти совсем другого сорта. Алексеичу показалось, что они с пропеллерами, потом уж сообразил, до чего быстро бились у них крылышки. От летунов в сторону алканавтов по воздуху будто черные трещины побежали. Как уткнется такая стрелка в ползучего гада, мигом от того остается одна дрисня. «Валтузят „женихов“», — потер руки радостный Алексеич. Многие члены проигрывающей команды успели пустить свои шаровые молнии, но те брызнули огненными соплями, разбившись о какие-то затемнения, окружившие летунов. «Стрекозки», как ласково назвал авиахищников Алексеич, смылись так же

быстро, как и возникли. От всей же пирующей братии осталась только грязь, которую иначе, как бульдозером, не сгрестишь. «Халява кончилась, и Вас спущу я нынче в унитаз», — выступил в жанре эпитафии вполне счастливый рабочий и подставил свою фамильную кружку под милую струю.

2.

Гражданин Воропаев, бомж, с неделю совсем не питал свое тело, которое, лежа на мокром темном чердаке, уже немного разложилось и слегка заплесневело. Последнее время Воропаев старался не шевелиться, чтобы не упустить из себя ни капельки силы, но вдруг, как наяву, увидел, что последние отмеренные ему песчинки жизни падают в дыру времени. Итак, орел или решка? Он подбросил монету своей судьбы и нырнул в водоворот событий, может быть, в последний раз. Почти на брюхе Воропаев сполз в подъезд, немного полежал там, изображая пьяного, потом выбрался через черный ход прямо во двор. Решил вначале навестить помойку, авось там найдется что-нибудь вкусненькое — таковым у него считалось все съедобное и не совсем тошнотворное на вид. Толкнулся он три раза локтями и заколдобился. Из окошка подвала, едва поднявшегося над асфальтом, дружелюбно глядело на него мурло зверя. «Ну, жри меня, откуси кусочек, а потом слопай без остатков», — решил сыграть ва-банк Воропаев. Злыдень будто бы не обращал внимания на странные предложения. И тогда бомж, у которого нервишки пошаливали с самого рождения под забором, бросился в атаку. Вернее, дотянулся до мурла и ткнул его консервной банкой. Было сделано все необходимое для самоубийства. Однако монстр стрекотнул и, срыгнув какую-то белую массу, скрылся в подвальном помещении. От массы пахло так же, как от сладкого творожка. И хоть слюни моментально наполнили воропаевский рот, распробовать странную «вкуснятину» страшным напряжением воли он себе запретил.

Однако увязаться следом он себе, как ни старался, запретить не мог. И вот люмпен свалился в темный подвал. Но на этом падение не закончилось, еще один нырок — и бетонного пола под животом не стало. Воропаев куда-то провалился, но потом будто резиновые ленты затормозили его и, совсем застопорив, даже подбросили вверх. В итоге он опустился на что-то мягкое, пружинистое, похожее этими качествами на диван. Воропаев отдыхал недолго, потому что заметил — рука его, точнее, рукав не лежит на месте, кто-то теребит и таскает его. Бомж мысленно обделался от страха несколько раз (физически уже было никак), но чуток успокоился, заметив, что заигрывания с его рукой отчего-то затягиваются. Глаза его привыкли к мраку, слабо разжиженному светом, он даже разобрал очертания монстра, который, видимо, забавлялся с конечностью, прежде чем ее оттяпать. Прослеживаемый в характере хищника садизм вызвал ответное остервенение человека. С воплем: «Жри всерьез или вали отсюда» — резанул он вражину острым краем неразлучной консервной банки крест-накрест. Несколько капель освежило ему лицо и губы, а животное фыркнуло и неожиданно затихло. Капли были вкусные, не в силах унять инстинкт съедания ближнего, бомж поддался бурлению в животе. Бурление это прошло волной по мышцам и расправило их. Воропаев, размышляя не больше, чем сомнамбула, навалился на тушку смертельного врага, содрал несколько панцирных щитков, которые на удивление легко поддались, и дикарски впился в мякоть. Она была похожа, даже при очень быстром сжирании, на смесь осетрины и индюшатины, причем вареной. Люмпен хавал (иными словами не назовешь) и откидывался, засыпая; отдремав, снова хавал. И так далее, в этой же незамысловатой последовательности. В один прекрасный момент он обнаружил, что от благородного по гастрономическим и моральным качествам животного осталось только несколько щитков, трубочек и усиков. К этому праздничному событию ост-

рота воропаевского зрения увеличилась настолько, что он ясно различал себя и обстановку вокруг. Бомж был сыт, доволен и больше похож на человека. Физиономия, ранее напоминавшая взъерошенную воблу, перестала шелушиться, там и сям не болело (как полжизни до того), затянулись нарывы в разных частях тела, ушли в темное прошлое чирьи.

Обиталищем Воропаева была яйцевидная полость с жесткими, но теплыми стенками. Пол скрывало что-то похожее на обрезки лент и веревок. Эластичные канаты пробегали помещение вдоль и поперек, уходили вверх, к круглой дыре в потолке — там, очевидно, был вход-выход. К большой полости примыкало и несколько пещерок помельче. Одна смахивала на камеру хранения. В ней на полочках подрагивали мягкие комочки. А вот в другой, более студеной, в ячейках вылеживалась густая золотистая масса. Воропаев, которому отступать было некуда, макнул в это добро грязный палец и тщательно его облизал. Тщательно, потому что «добро» услаждало и распрямляло скрюченную душу бомжа. Набрав полную консервную банку странной вкуснятины, Воропаев вернулся в главную полость, горделиво прозванную им «гостиной», уселся по-турецки на полу и стал, часто купая палец в еде, рассуждать о сытной будущности. Неожиданно поток мечты был прерван хрустом и треском. Воропаев вскочил — силы уже накопились, — решил, кто-то собирается заняться им, строго спросить за все. Бомж для начала чуть не задушил себя за то, что не стал рвать когти сразу после закусона. Он ухватился за первый попавшийся канат и попробовал ускользнуть из объятий зла, но тот не выдержал приращенного жратвой веса и лопнул. Воропаев рухнул вниз, как прыгун-неудачник, с проклятьем на устах. Тем временем, в духе наихудших предчувствий, кусок стены вылетел, пустив легкую пыль, и в проем один за другим вползли пятеро. Они обнюхали шелуху, оставшуюся на память от их товарища, и встали полукругом напротив вжавшегося в

угол Воропаева, как бы для зачитания приговора. Видавший виды человек упал на колени. Не для того, чтобы вымаливать прощение, а намереваясь самого «широкого в плечах» зверя угостить по затылку. Человек хотел, чтобы твари его не мучили, а кинулись бы скопом и превратили мигом в фарш. Однако «ударенный», казалось, был не от мира сего. Он и заодно его товарищи, испуганно поджав усы, ставили уже известную «творожную массу». С торжествующим смехом Воропаев набрал полные ладони «творога» и, давясь не от голода, а от ощущения победы, стал жрать. Твари с почтением сложили головы на пол и наблюдали. Воропаев, когда пихать было некуда — столбик жорева дошел до низу, — взревел, извергая изо рта потоки. Как же иначе, раз вокруг присутствующие провозглашают его вожаком, может, даже вождем, вроде Чингисхана.

Спустя три месяца мало кто мог нарывающего, гноящегося бомжа признать в элегантном господине Петре Эдуардовиче Воропаеве. Он теперь заводно смеялся двумя рядами сияющих золотых зубов, а из «кадиллака» ему отзывалось эхо девичьих звонких голосков.

Мясные стада, медовые, творожные — все его. Фермы в окрестностях города и за границей, фармацевтические фабрики, лаборатории, где узнается правда об эволюционных фокусах. И везде у Воропаева контрольный пакет акций. Селекция приносит какие угодно результаты. Выведены поводыри для слепых, сигнальщики для глухонемых и собутыльники для пьющих. Поголовье растет так, как нравится хозяину, ведь новые домашние животные харчат все подряд, от каши до угля, приноравливаясь или мутируя под любую кормежку, вдобавок сами занимаются своим жильем. Серьезные мужчины в английских костюмах: фермеры, биохимики, промышленники слетаются к штаб-квартире Воропаева, как стаи птиц. Они покупают рекордистов (причем, Петр Эдуардович частенько предпочитает чемоданы с наличными) и

начинают прибыльные дела везде, куда может ступить нога человека.

Личная скромность, нехитрый образ жизни, неприхотливость, а также целебность мяса, панциря, слюней, слизи, прочих выделений и отправлений составляют такую рекламу животным (в просторечьи — яшкам), что овцы, коровы и всякие свиньи перестают кого-либо интересоваться, за исключением чудаков-аристократов и извращенцев. Бедные страны, потрясенные воропаевским чудом, завязывают с душиловкой и беспортошной нищетой, теперь у тамошних людей на уме — только сочные твари. «Гадов, гадов», — требует народ у власти, угрожая в случае отказа превратиться в неуправляемое стадо. Богатые местности вообще начинают цвести и пахнуть, кое-где бесятся с жиру, ну а в основном готовятся к поездкам на Венеру и Марс. По всему миру легионы граждан решили связать свою судьбу с «дарами природы». Сановно-чиновное племя плачет — к этим легионам уже не присосешься. Доподлинно известно, что денег будет столько, что даже одичавшие куры не станут их клевать.

А осточертевшие порядочным людям хищные наглые монстры были сметены, как крошки со стола, вдруг разлетавшимися суперстрекозами, которые, однако, канули в воду также без предупреждения. В знак признания их заслуг благодарные законодатели навеки запретили басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей».

Судя по таким делам, приближался Золотой Век.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Балабуха. Свидетели и судьи	5
А. Тюрин, А. Щеголев. СЕТЬ (<i>Историческая драма</i>)	13
А. Щеголев. КТО ЗВАЛ МЕНЯ? (<i>Сон разума</i>)	119
А. Щеголев. ДРАМА ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА. (<i>Рассказ</i>)	159
А. Щеголев. СУМЕРКИ. (<i>Повесть</i>)	201
А. Тюрин. ХОЖЕНИЕ ВАДИМА СЕРЕГИНА. (<i>Повесть</i>).	289
А. Тюрин. В МИРЕ ЖИВОТНОГО. (<i>История одного нашествия</i>)	341

Тюрин А., Щеголев А.
Т98 **Сеть: Фантазии в прозе.** — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 447 с. ISBN 5-8352-0155-9.

Представленная в сборнике «Сеть» проза принадлежит молодым петербургским фантастам А. Тюрину и А. Щеголеву. Свойственный писателям взгляд на мир вряд ли можно назвать оптимистическим, но динамичность сюжетов, острая наблюдательность, а порою и трезвый цинизм делают чтение этой прозы по-настоящему увлекательным.

Литературно-художественное издание

**Александр Тюрин
Александр Щеголев**

СЕТЬ

Ответственный редактор *Андрей Ефремов*
Художник *Станислав Богдан*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Елена Капитонова*
Корректоры: *Татьяна Андрианова, Михаил Ростик*
Верстка *Инны Юзефович*

Подписано к печати с оригинала-макета 26.02.93.
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Тираж 100 000 экз. Усл. печ. л. 23,5.
Изд. № 155. Заказ № 17.

Издательство «Сенеро-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18.

Санкт-Петербургская типография № 6 Министерства печати
и информации Российской Федерации.
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

• •

•Серепо-Заног®•